

Волга

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

5-6 (510)

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Татьяна Щербина. «Я не могу в такой обстановке...» и др. стихи.....	3
Ева Лисина. Автор и переводчик.....	7
Дмитрий Смагин. Черный язык. Стихи.....	17
Тамерлан Гаджиев. Человек в сером костюме. Рассказ.....	23
Алексей Александров. «Рождаются не солдатами, а генералами...» и др. стихи.....	27
Ирма Гендернис. Как уйти от кругосветки... Стихи.....	31
Игорь Малышев. В пути. Мгновение. На льду, подо льдом, надо льдом. Рассказы.....	40
Дмитрий Замятин. Бог тоже одинок. Стихи.....	45
Елизавета Макаревич. Клац. Рассказ.....	50
Денис Бычихин. «Идея генезиса слишком темна в финале...» и др. стихи.....	72
Дмитрий Лагутин. На таком расстоянии. Рассказ.....	78
Андрей Торопов. «Лучше ездить в Турцию...» и др. стихи.....	109

АНАГРАММЫ

Валерий Силиванов. Мудрец Кузьма и его эпсилон-окрестности (сказки о поэте и умильно-грустном сердце).....	112
--	-----

ПЕРЕВОД

Франкофонные поэты Алжира в переводе Кирилла Корчагина	117
--	-----

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Александр Ожиганов (1944–2019). 60/65 Публикация Светланы Варкан-Ожигановой	127
--	-----

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Четыре тысячи булочек.....	139
--	-----

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Григорий Стариковский. Места молчания Аси Додиной и Славы Полищука.....	211
--	-----

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Запятая-25. В русском жанре – 85.....	215
--	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Александр Марков. Окликание далеко за сценой К выходу книги: Елена Игнатова. Нить судьбы.....	222
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Георгий Крючков. Ev bizim sirr bizim – дом наш, секрет наш О кн.: Егана Джаббарова. Руки женщин моей семьи были не для письма.....	227
Александр Марков. Философия аффекта и сибирский рок О кн.: Макс Батурун. Гений офигений.....	230
Сергей Финогин. От укола к осаде Александр Скидан. В самое вот самое сюда: Стихи 2020–2023.....	233

Татьяна ЩЕРБИНА

Я не могу в такой обстановке
продолжать повествование своей жизни,
окна задраены инеем,
сугробы скрипят зубами,
стул поседел от ужаса,
он не жил в тех советских морозах.
Мне снова 23, тогда тоже засел минус 30,
и я стала писать стихи, одно за другим,
поскольку повествование прервалось.
Тогда я владела гипнозом и лечила людей,
а сейчас хочу, чтоб гипнозом лечили меня,
и смотрю кино, это мое окно,
там вдали вращается жизни веретено,
я же сижу, к генералу морозу не выхожу, терплю.
Раньше печку топили пламенными дровами,
а я – электрическими деньгами.
За что я топлю? За новый сюжет,
этот совсем изнашивался, всех изнашивал,
и теплое сердце бьется как ледяное,
на миллион осколков.

2024

Зимний персик – хурма,
Зимний цветок – снежинка,
траурная кайма
зримее, чем картинка.
На картинке сугроб,
похоронивший разум,
а по краям – окоп,
морг и тюрьма, все разом.
А вокруг целый лес,
елки гасят тревоги
всем набором чудес

Татьяна Щербина родилась в Москве, окончила филологический факультет МГУ, до 1986 года публиковала в самиздате стихи и прозу, первая книга стихов издана в 1991 г. Писала стихи также на французском языке: книги французских стихов опубликованы в Париже и в Канаде. Переводила современных французских поэтов, составила авторскую антологию «Современная французская поэзия» (1995). Автор десяти поэтических книг, изданных в России; книги с её стихами переведены и изданы во Франции, Канаде, Великобритании, США, Новой Зеландии, Словении, Греции. Также изданы четыре книги эссеистики и пять книг прозы, одна из которых выходила в переводах на английский и болгарский. Живет в Москве.

избавленья, подмоги.
От надежды устав,
не родящей младенца,
е.б.ж., как наш граф,
на руках заусенцы.
Зимний воздух – удар
по лицу теплокровки,
ждун все ждет с неба кар,
мерзнет на остановке.

2023

Смерч

Дороги войны развезло
и небо пропахло горючим,
меж ними и нас развезло.

Слезам потакая горючим,
мы в смерче над миром кружим,
он дышит в лицо и в затылок
смертельным дыханьем своим,
ссылая как грудю посылок
живые тела в мертвый дом,
он должен уйти – не уходит
и пляшет козлом, злом ведом,
которое бродит в народе.

Вот крутится в вихре смартфон,
там фото, любимые лица,
счастливого времени фон,
где было легко веселиться.
Раскрытые книги летят,
и компас совсем обезумел,
и все прижимают котят
к груди – вот, еще кто-то умер.

Смерч стал нашей общей судьбой,
спиралью носясь по планете
как призрак, ведет на убой
гремучую смесь из столетий.

2023

Вот темницы рухнут, и свободы ухнут,
двойники протухнут и мозги припухнут,
и взойдет звезда, но вопрос, когда.

2023

Среди руин через много лет
будет экскурсии проводить для гномов
пожилой искусственный интеллект.
Бог мой умер, скажет, он звался Номо.

2023

После прощания

Всех политиков, вроде, убили,
все писатели, вроде, уехали.
И такое тут идет чахохбили...
А Леша выйдет? Ну конечно, в доспехах,

невидим глазу, но по свету нездешнему
экскалатор опознается, от шелеста
кольчуги там, где ни души, бьется бешено
от жути сердце, и таблетка не действует.

Оно живого боялось и мертвого,
но избавлялось от всего беспокойного,
а тут вдруг шелест, ах ты, деревце чертово,
не командора ли шаги, нет, конвойного.

Идет по мифам, по стопам историческим,
как терминатор из неведомой матрицы,
и как на птичку на его невеличество
взгляд ниоткуда, отовсюду – не спрятаться.

Вроде всех заткнули,
иным и клеймо в аусвайсы,
а тут такое напареули,
небесный хор ангелов: не сдавайся.

1 марта 2024

Истребители людей, этносов, наций,
домов, селений, цивилизаций,
садов, полей, цветущих акаций,
света, теплоэлектростанций,
театров, музеев, культурных локаций,
дорог, движений, коммуникаций,
мыслей и чувств мирных обитателей,
которые, потеряв детей и родителей,
теперь об одном – истребить истребителей.

2023

Три века

Скука, мерихлюндия, лень, тоска,
грезы, длинные письма, полдня собираться на бал,
фланировать с тросточкой, ладонь задумчиво у виска,
Цокот копыт, карета, и царь упал.

Ярость, безумие, страх, восстание масс,
дружба понятие круглосуточное,
кто не с нами, тот против нас,
простота во всем, и живут все скученно.

Вдруг выясняется: человек – тот же лось
или червяк, но не высший разум,
все уже износилось, стряслось, сбылось,
на репите боль, либо маразм.

Высший ждет полноты картины, пиксели лиц,
скан человечества и его приборчиков,
возведенных и взорванных вдруг теплиц,
и темниц, и огурчиков-помидорчиков.

И то, что вдохнули и выдохнули творящие,
он соберет, точки зрения и невозврата точки,
а теперь прощайте, товарищи ящеры,
собирайтесь по ядерные грибочки.

2023

Хороню свою маленькую страну посреди большой
один за одним ее покидают жители
слезы RIP заменили восторг enjoy,
а пиджак уступил торс кителю
в той большой стране,
чей язык читается как приговор
слову живому и телу, свободно дышащему,
маленькая страна скрывается в ней как вор,
здесь опасно выжившему.

2024

АВТОР И ПЕРЕВОДЧИК

У меня сказки «пишутся» странно: их начало никогда не выдумывается, оно возникает неожиданно, как бы само собой, без моего участия. Но появление их связано с реальными вещами: это может быть и дерево, и дождевая капля, и полет птицы, и порыв ветра, обрывок разговора, звук, слово и т.д. Но они непременно должны коснуться моего восприятия, «задеть» меня и обязательно запомниться. В данном случае они как зерно, брошенное в почву, которое «живет», таинственно прорастает и – раз! – пробивается росток. Когда появляется первая строка (может быть, и вторая), сначала даже не понимаешь, о чем это и что это. Но вступает «трезвый разум – голова», и быстро выясняется, к чему относится такое начало и куда оно ведёт.

У меня как-то была мысль описать переводчику с чувашского языка на японский Масанори Гото изменение своей фамилии по падежам. Но в ежедневной суете забылась эта хорошая мысль. Прошло некоторое время. И вот пишу странную фразу: «Иду я по городу Чебоксары...». Потом пришлось ее продолжить. В конце концов получилась такая быть-небыль.

**Веселая история на скучную тему «Склонение женских фамилий»
Из «Воспоминаний» переводчика Масанори Гото¹**

Иду я по городу Чебоксары. Прохожу мимо базара. Ба, кого я вижу – Еву ЛисинУ! (винительный падеж). Она шла от базара и вела на поводке козу. Надо сказать, я знаком с ней (т.е. с Евой ЛисинОЙ – творительный падеж.) с 2015 года. Мы переписываемся, с ней легко общаться: она открытый человек, в ней (т.е. в Еве ЛисинОЙ – предложный падеж.) нет лукавства: я пишу ей (т.е. Еве ЛисинОЙ – дательный падеж.), и тут же приходит ответное письмо от неё (т.е. от Евы ЛисинОЙ – родительный падеж.). Короче говоря, кроме винительного падежа везде следует окончание

¹ Масанори Гото родился в Кобэ в 1969 году. Учился в Осацком университете (факультет гуманитарных наук). Специальность – культурная антропология. В университете также изучал русский язык. После аспирантуры университета в городе Осака работал научным сотрудником в Центре славянских исследований Хоккайдского университета. В течение года стажировался в Чувашском государственном университете (с октября 2004 г.). Занимался этнографией чуваш, изучал особенности их мировоззрения и традиционные верования; учился чувашскому языку (с личным преподавателем). Долго жил в Саппоро. Сейчас живет в Токио. Работает научным координатором в Институте политических исследований Министерства сельского и лесного хозяйства и рыболовства Японии.

Ева Лисина родилась в 1939 году в д. Именеве (Именкасси) Батыревского района Чувашской Республики. Выпускница Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Работала в Ботаническом саду МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-м Московском медицинском институте им. И.М. Сеченова, затем – старшим редактором Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Преподавала чувашскую литературу в Театральном училище им. М.С. Щепкина. Автор сказок, рассказов, повестей и пьес на чувашском и русском языках. На чувашский язык перевела произведения А.Н. Островского, Э. де Филиппо, П. Гаринеи, С. Джованнини, Ю. О'Нила, Варлама Шаламова, Орхана Вели и др. В 1991–2009 гг. – переводчик Библии на чувашский язык (в полном объеме издана в 2009 г.). Повесть «Дети Синьяла» и «Собрание сочинений Евы Лисиной: сокровище чувашской литературы» вышли в Японии (перевод Масанори Гото). Удостоена различных литературных премий России и Германии.

Ой. И мы стали хорошими друзьями. Вот, подбегаю к ней: «Ева Николаевна, как я рад видеть Вас!» Она тоже обрадовалась: «О, Масанори, миленький! Где ты пропадал – на своих островах или был на необитаемом острове?» – «Я был дома». – «О славно, славно! Дом – это самое лучшее, что есть на земле!» Спрашиваю ее (т.е. Еву Лисину – винительный падеж): «Это Ваша коза?» А она с гордостью: «Моя. Только что купила. Познакомьтесь, Масанори, это – Козина, потомок древнего княжеского рода Козиных. Прошу любить и жаловать. Козина, это – известный японский переводчик Масанори Гото. Прошу любить и жаловать. Козина, когда я буду тебя знакомить со своими друзьями, приветствуй их одним красивым жестом. Давай прямо сейчас и потренируемся. Подними-ка правое копытце, да, да, вот так, теперь приложи его к груди, к тому месту, где бьется сердце, у вас сердце справа или слева? У нас, у людей, слева, вот так, умница! Теперь чуть-чуть опусти голову, сделай поклон. Умница! Теперь опусти ногу. Такой жест означает одно: «О, я счастлива познакомиться с Вами!»

Такое приветствие тронуло меня: худая, неухоженная коза (может и голодная была), и – такой благородный жест! Хочется ей помочь. Пока задаю вопросы хозяйке: «Ева Николаевна, а зачем Вам коза?» – А она с удивлением: «Как это “зачем”? Буду ее доить, буду пить козье молоко. Знаешь, какое оно полезное, вот буду пить каждый день, а то у меня животик болит. Будет оставаться излишек – буду продавать. Мне очень нужны деньги». – «А зачем Вам деньги?» – «Как это “зачем нужны деньги”? Деньги нужны-ы-ы. Я же собираюсь в Австралию. На дорогу туда и обратно, на проживание – так что потребуется приличная сумма. Но ничего, козье молоко ценится очень дорого – наберу». – «Ева Николаевна, я в первый раз слышу от Вас (т.е. от Евы ЛисинОЙ – родительный падеж), что собираетесь в Австралию. Зачем?» – «Как это зачем?» Посмотреть на кенгуру! Ведь у кенгуру на брюхе есть мешок. Это совершенно гениальное приспособление. Представляешь, кенгуриха скачет, – а скачет она высоко! – а из ее мешка выглядывает кенгурёнок, машет ноженькой. Мне так хочется взглянуть на это!»

Тут неожиданно заблелла коза: «Бэ-э-э! Иябóйсто!» (Надо понимать как «И я с тобой!») Ева Николаевна отозвалась с восторгом: «Она хочет поехать со мной! А что, вдвоём будет веселее».

Я же задаю очередной вопрос: «Ева Николаевна, а где Вы будете держать Козину?» – «Где? Пока нигде, – ответила Ева Николаевна. – Я вовсе не собиралась покупать козу, так что у меня нет ни коровника, ни овчарни, даже сарая нет. Я купила ее случайно, хотя считаю, что ничего случайного не бывает. Так вот: я пошла на базар, хотела купить себе ягоды. Прохожу мимо торговых рядов. Вижу козочку, она мне показалась сиротой... Она смотрит на меня, мы встретились с ней глазами... Такой взгляд невозможно выдержать... У меня возникло единственное желание как можно скорее увести ее отсюда. Подошла к ее хозяину (он мне не понравился, в нем не видно ни радости, ни горести – какой-то пустой человек). Я даже не стала с ним торговаться, пока я рассчитывалась, коза подошла ко мне и встала рядом. И я увела ее. Сейчас мы шли ко мне домой. Ты же был у меня: я живу на седьмом этаже в маленькой однокомнатной квартире. Коза не кошка, не может жить в городской квартире, ей нужно ходить по земле, щипать траву. Пока так. Масанори, давай сначала накормим ее, пойдем обратно на рынок – там такие сочные травы продаются».

Видя, что мы идем на рынок, коза остановилась и ни шагу вперед. Ева Николаевна погладила ее по голове и говорит: «Козина, знаю, чего ты боишься. Не бойся. Запомни: я никогда не брошу тебя. Это первое. Второе – я никогда не дам тебя в обиду. Сейчас мы с тобой должны сделать большое дело. Поэтому идем на рынок». И Козина послушно пошла с нами. Ева Николаевна подвела нас к торговке зеленью. Та, – круглолицая, румяная, – встретила ее с насмешкой: «Ага, хочешь вернуть товар? А хозяин уже ушел – сбыл свой товар и смылся. Я же подмигивала тебе, крутила пальцем у виска – подавала знаки: мол, товар плохой, не покупай». А Ева Николаевна ответила ей спокойно, ровным голосом отчеканивая каждое слово: «Милая зеленщица, запомните: эта коза – не товар, она – потомок знатного княжеского рода Козиных, а зовут ее Козина». Я заметил, как глаза и рот торговки расширились одновременно и ее круглое лицо стало длинным и узким. А Ева

Николаевна: «Милая зеленщица, над Вашей благоухающей зеленью летает оса, смотрите, как бы она не залетела Вам в рот». Торговка хотела было закрыть рот, но у нее, наверное, отвердели губы – рот не закрывался. Тогда она прикрыла его ладонью. Ева Николаевна продолжила: «О том о сем поговорим потом, а сейчас мы хотим сделать главное – накормить голодную. Мы купим у Вас много трав. Буду покупать и потом – через день буду приходить к Вам на базар». Когда разговор коснулся купли-продажи, лицо зеленщицы быстро приняло прежний вид.

А Ева Николаевна начала выбирать травы. Было видно, что это занятие доставляет ей огромную радость, она просто ворковала: «О, салат! Какие сочные листья! О, кольраби! Раньше ты у нас не росла. Из какой страны прибыла сюда? Вижу, тебе и у нас хорошо! Ох, какая важная особа – брюква! Один лист – ползавтрака нашей Козине! Милая зеленщица, у Вас есть турнепс? Как это без турнепса? Непременно посейте его хотя бы в следующем году! О, репа! Всеобщая любимица! Как-то заболела одна моя знакомая. Я пошла в больницу навестить ее, принесла ей вкусных-превкусных гостинцев. Она поблагодарила меня и говорит: «Мне бы лучше пареной репы». Понесла ей пареную репу. Больная поела ее и тут же выздоровела! О, капуста! Почитаемая всеми, любимая всеми! Ведь без тебя и огород пустой, и кухня наша пустая!» – говорила она, Козина же стояла рядом и слюнки глотала. Ева Николаевна ей: «Потерпи, потерпи немножко, вот найду для тебя лучшее в мире лакомство. Вот оно – сладенькая морковь, морковка-морковушка! Теперь пойдем!» Ева Николаевна взяла целый ворох овощей и повела Козину в пустой угол за прилавками. Там сняла с нее поводок, нашла кусок картонки, и разложила на него травы и, сказав Козине: «Подожди секунду», обратилась к торговке: «Милая зеленщица, нет ли у Вас воды, только не газированной, а простой? Да-а? Даже колодезная? Это же чудесно! Не дадите ли нам этой воды? Мне кажется, Козина хочет пить. Нет посуды? У меня есть посуда, я же пришла на базар за ягодами, взяла с собой ведерко, а сама так и не дошла до ягод. Пожалуйста, налейте сюда, и давайте поставим его рядом с травами». Они так и поступили. У Козины же действительно была жажда: она сразу подошла к воде и опустошила всё ведерко. После этого приступила к еде.

Ева Николаевна вернулась к прилавку к зеленщице и стала ее расспрашивать: «Милая зеленщица, Вы же знакомы с Козиной, скажите, пожалуйста, какой надой у нее, сколько литров?» Зеленщица в ответ: «Какие литры? Хозяин не усердный – скот голодный! Надой у твоей козочки – стакан, один стакан! И молоко у нее горькое, в рот не возьмешь!» Конечно, не такие слова ожидала Ева Николаевна – она будто даже растерялась. Вдруг в ее глазах блеснул огонек, она улыбнулась и сказала: «Какая же замечательная наша Козина – дает горькое молоко! Ведь горькое козье молоко – самое целебное! И как щедро одаривает нас – дает целый стакан! Подумать только – целый стакан! Ну что же, половину буду выпивать сама, а половину буду продавать!» – «Будешь продавать полстакана? – переспросила сбита с толку зеленщица. – Смотри, люди продают в двухлитровых бутылках, а ты как будешь продавать?» – «А я буду продавать каплями! Подожду, пока Козина пообедает, потом зайдем с ней в аптеку, купим там пипетку и склянку емкостью двадцать миллилитров, померим, сколько капель туда войдет. Сразу же установим твердую цену: одна капля – одна тысяча!» – «По такой цене никто у тебя не купит!» – сказала зеленщица и всунула руку в карман. А Ева Николаевна: «Не трогайте свой телефон, и никуда звонить не надо: я нормальный веселый человек. А насчет своего товара скажу: кому надо, тот и купит. Уже покупатель приехал. Правда, он хочет купить не капли, ему сама коза нужна». – Ева Николаевна кивнула в мою сторону. Я остолбенел. А зеленщица опять захотела было залезть в свой карман, но как-то удержалась и уставилась на меня: «Милок, ты откуда?» – «Из Японии», – ответил я. – «Да, иностранцы смысленные, знают, что у нас покупать: значит, наша Козина – не простая коза, а ценнейшая животина. Можно сказать, она – достояние республики. Мы не имеем права распродавать государственное богатство. Козина должна оставаться в своем, нашем отечестве». После этих слов Ева Николаевна объявила мне официально: «Извините, господин Гото, но эта коза не продается». А что мне оставалось делать? «Жаль, – ответил я, – очень жаль».

В это самое время заблелая Козина. «Схожу-ка к ней, может быть, что-то нужно», – сказала Ева Николаевна и поспешно ушла. А мы с зеленщицей продолжили наш разговор. В основном разговор касался Евы Николаевны. Зеленщица возмущалась: «Банкирша, а? Скупердяйка, а? Милок, не пускай ее в бизнес. В бизнесе она ноль. Знаешь, а мне не хочется, чтобы она была такая алчная!» – «Госпожа зеленщица, она не алчная. Она сама последнюю копейку отдаст». – «Не надо до последней копейки отдавать, пусть и себе оставляет». – «Знаете, кто она? Она – известная писательница. Пишет прекрасные сказки». – «Шутишь?» – «Какие шутки! Честное слово!» – «Тогда пусть напустит на себя важность. И одевайте ее по-писательски. Ведь никому в голову не придет, что она писательница. Подумают, что сбежала с улицы Пирогова (на улице Пирогова находится психиатрическая больница). Ведь и я собиралась позвонить». – «А как одевать ее по-писательски?» – «Как? Начинайте с обуви. Ходит в стоптанных башмаках – это не дело! Обувь должна быть из натуральной кожи. И обязательно на каблуках. Будет ли она ходить на шпильках, хотя ихние, даже старенькие, всю семянят на шпильках». – «Наша не будет семенить» – уточнил я. – «И правильно делает. Ладно, пусть ходит на средних каблуках! Та-ак... Нужна клетчатая юбка до пят... Та-ак... Блузки нужны – всё-всё из натуральной ткани, и обязательно белая атласная блузка – это же такая красота! Та-ак... Шарфы нужны – одноцветные, разноцветные, но главное, чтобы они были длинные, чтобы наматывать вокруг шеи несколько раз. Вроде бы всё. Да-а! Шляпа нужна! Шляпа с широкими полями! Ой, не надо! В последнее время бушуют страшные ураганы. Подхватит ее ураган, и будет она летать в такой шляпе как с парашютом. Будет парить над Чебоксарами, поди лови ее! Шляпу отменяем. Та-ак!.. Давай дадим ей две куртки: белую и черную. Может, ей очки дать? Будет представительней». – «Очков не надо, – уточнил я, – у нее хорошее зрение». – «Ну ладно, придели мы её. Значит, всё нормально. А как с Козиной? Где вы её держите?» – «Пока нигде. Думаем». – «А что тут думать? У меня и коровник, и овчарня, даже сарай есть. Что понравится, пусть то и выберет ваша козочка. А её хозяйке могу предложить на выбор две комнаты: одна с видом на Волгу, а другая – с видом на луга и дубраву. Она собиралась через день ходить на базар за зеленью для своей козочки. Такие хлопоты вовсе не нужны: у меня огромный огород, огромный сад! Всё перед глазами, что надо – то и бери! Прямо сейчас и можем ехать!»

Ева Николаевна с Козиной вернулись к концу нашего разговора. Зеленщица говорила громко и вдохновенно. Безусловно, Ева Николаевна слышала ее последние слова. Я заметил, что она прослезилась. Чтобы скрыть слезы, она отвернулась от нас. Я же подумал о том, в каком напряжении находилась она, думая о благоустройстве Козины. Конечно, она знала, что выход есть, что он обязательно найдется, но пока не знала, где и у кого искать его. А выход был здесь и дожидался ее. Ева Николаевна любит слово «спасибо» и частенько повторяет его. Сейчас же, когда это слово было бы очень и очень уместно, словно забыла его, стоит безмолвно. Но через несколько минут она повернулась к нам и обратилась к зеленщице: «Добрый человек, как имя твоё?» – «Маша», – ответила та. Сколько любви и благодарности выразилось в голосе Евы Николаевны: «Мария, мы сегодня же приедем к тебе». И мы услышали: «Добро пожаловать в любое время».

Мы ушли с базара абсолютно счастливые. Прошли всего-то 50-60 метров, видим: навстречу идет полицейский. «Вот идет дядя полицейский, поприветствуй его», – подсказала Ева Николаевна Козине. Жест у Козины получился широкий, свободный! Полицейский остановился в изумлении: «Вот это да!» И тут же стал звонить (мы поняли: докладывает своему начальнику). Звонил радостно: «Обхожу базар. Всё тихо, мирно. Пока не поймал ни одного мошенника, ни одного фальшивомонетчика. Так, обычная мелочь... Зато!.. Зато встретил бродячий цирк! Да, да, настоящий бродячий цирк! Труппа маленькая: старушенция одна, козочка одна и мужчина лет 35-40, высоченный такой, я про себя назвал его Верзилой, думаю, он у них главный. Славная труппа, они какие-то необыкновенно счастливые, всё время улыбаются! Может, у них и козочка

улыбается? Нет, не улыбается, но глаза-а-а! – сияют на всю округу! Посмотришь на них – жить захочется! О, понимаю, понимаю! Вы же театрал, настоящий театрал! Вы хотите поскорее с ними познакомиться! Слушаюсь! Сейчас же доставлю прямо к вам в отдел!»

Как такое возможно? Один и тот же человек (в данном случае полицейский), который только что назвал нас «славной труппой», через полчаса обзывает нас «жуликами» и другими непотребными словами. Если бы я не слышал это собственными ушами, не поверил бы. Сначала ему позвонили, безусловно, звонил его начальник. Он – театрал! – мечтал как можно скорее увидеть циркачей, а их нет и нет, у него уже лопнуло терпение, вот и звонит своему подчиненному: в чем дело, почему такая задержка? А тот оправдывался. Вот как он говорил: «Почему не доставил? Выявились новые сведения, проверяю их на месте. Почему говорю в нос? Потому, что он разбит. Нет, нет! Тут всё тихо и мирно. Никакой драки. Сам разбил. Но подстроила это старушенция. Говорит мне: “Привязалась к нам эта оса. Хотела ужалить нашу Марию. Теперь над Вами вьется, жужжит: «Какой нос! Шикарный нос! Спикирую на него!»» И зловердное насекомое спикировало прямо на мой нос. Я хлопнул его, да так, что из глаз посыпались искры. Нет, нет, не упал, только пошатнулся. А старушенция засуетилась, говорит: “Потерпи, потерпи, миленький, сейчас подою козу, сделаю примочку из козьего молочка и положу на ваш замечательный нос”. Подумать только, я – человек в погонах! – буду ходить со следами разбоя на лице. “Я придерживаюсь официальной медицины”, – сказал ей и потребовал, чтобы она предъявила свой паспорт. Она же: “Я его с собой не ношу”. Я сделал ей замечание: “Это непорядок, паспорт всегда должен быть с собой”. Она же: “Я боюсь его потерять, поэтому не ношу. Но паспорт у меня есть. Уважаемый полицейский, я Вам благодарна, что напомнили о паспорте, мне нужно его приготовить: мы собираемся в Австралию, необходимо оформить визу, значит, нужен паспорт”. Австралия?.. Я задумался. Попросил Верзилу показать свой паспорт. У того паспорт был. Но какой паспорт? Японский... Австралия, Япония... Я глубоко задумался... Осматриваю козу. Да это же беженка! Форменная беженка! Была рогатая, но сейчас на месте рогов одни развалины... Я крепко задумался. Возвращаюсь к старушенции: паспорта у нее нет, но хотя бы узнать фамилию. Спрашиваю: “Фамилию свою помните?” Смотрит на меня невинными глазами и еще улыбается: “Я Ева Лисина”. У меня дыхание перехватило. Я лично не знаком с Евой Лисиной, книг ее не читал. Но одно произведение читал. Для меня этого достаточно, мне больше ничего не надо, потому что в этом произведении есть всё: и прошлое, и настоящее, и будущее. Я эту книжку знаю наизусть, но все равно читаю каждый день. Там есть правильное предупреждение: если мы, люди, не будем жить разумно, если будем думать только о своем благополучии, кичиться своим богатством, природа отвернется от нас, ей станет противно жить с нами: луга, озера, леса покинут нас – улетят. И мы окажемся в пустоте. А человек не может жить в пустоте. Вот какая мудрость заключена в книжке «Летающее озеро». А эта старушенция хочет примазаться к известной фамилии. Мне хотелось сказать ей в глаза, кто она такая. Но я, как полицейский, всегда держу в памяти правило о презумпции невиновности: человека без предварительного доказательства его вины ни в чем нельзя обвинять, поэтому сдержался, чтоб не назвать ее шарлатанкой и самозванкой. Но она шарлатанка и есть: среди бела дня ходит по самым оживленным местам столицы и душит людей: водит с собой козу, время от времени выпускает осу (где ее держат, пока не знаю). Та жалит подряд (известно, что от ее жала спаслась только какая-то Мария), ужалит она кого-нибудь, старушенция тут же подоит козочку и сделает примочку из козьего молока. Потом этот мокрый лоскуток шлёп-шлёп на лоб, на нос, вообще на любое место. Думаете, она это делает бесplatно? Не-ет, один шлёп – и гони денежку! А наша писательница не ест, не пьет, трудится над созданием очередного шедевра, а самозванка (в данном случае та самая шарлатанка) дает интервью, получает цветы и гром аплодисментов (к этому надо добавить гонорар: десять минут – десять тысяч!). Да, да, товарищ майор! Я тоже так думаю – будем защищать Еву Лисину! Тем более мы сейчас готовим такой грандиозный спектакль... Молчу, молчу! Да, это пока тайна...»

Вот как говорил этот полицейский. Безусловно, он любил свое дело, поэтому так подробно и рассказывал. Может быть, он говорил бы и дальше, но заторопился (наверное, его вызвало начальство: возможно, майор жаждал приступить к Делу о бродячем цирке). И повел нас к полицейской машине.

Базар и прилегающие к нему улицы – бойкое место: чего только и кого только не увидишь. Так и случилось. Когда мы вместе с полицейским шли по улице, нас догнала машина, наверное, редакционная: весь борт ее занимала реклама «Подпишитесь на газету “Советская Чувашия”». Машина остановилась, оттуда выскочил человек с фотоаппаратом и с восторженными возгласами подбежал к нам: «Ева Николаевна, какое счастье видеть Вас! Стойте! Снимаю! Посмотрите на небо! Снимаю!» Наш полицейский уставился на него в полном недоумении: «Вы ее знаете?» Фоторепортер тоже удивился: «А вы не знаете ее?» Вот так и стояли они с перекрестными вопросами: «Знаете? Не знаете?» Наверное, потом разобрались – рассмеялись и хлопнули друг друга по плечу. Сразу же после этого наш полицейский стал звонить, звонил в полном упоении: «Приятнейший сюрприз! Встречайте! Едем!» А журналист хотел поговорить с писательницей о творчестве, задал ей классический вопрос: «Над чем Вы сейчас работаете?» И получил от нее неклассический ответ: «Я сейчас в Австралию собираюсь». – «О, на научную конференцию?» – «Нет, на встречу с кенгуру». – «Ох!..» Я в первый раз увидел, как журналист не может найти слов. Но тут он увидел меня, и поток слов вернулся к нему: «О, господин Гото! Читал, читал Ваши статьи: и про древние чувашские верования, и про Геннадия Айги – это замечательно! Вы и мастер перевода! Прямо с чувашского языка перевели и издали в Японии две книги Евы Лисиной. Поздравляю, поздравляю!»

Между тем вокруг начала собираться толпа. Журналист хотел сделать еще несколько снимков, просил: «Товарищи, посторонитесь, пожалуйста!» А народу становилось больше и больше. Но вот, расталкивая всех, к нам пробралась Мария и сказала: «Я не посторонница, а первая им помощница!» Мы же, трое, кивком головы подтвердили правоту ее слов, так что на последних фотографиях нас уже четверо. То, что она наша надежная помощница, подтвердилось и тогда, когда мы садились (наконец-то!) в полицейскую машину: она подошла к шоферу, к молодому лейтенанту, и попросила: «Милок, сделай доброе дело, подвези их к ужину. Тут недалеко, деревня Юманай». А тот (такой молоденький, такой веселый): «К ужину? Подвезу!»

В полицейском отделе нас встретили всем штатом. Козине и не надо было напоминать о приветствии. До этого я видел два ее приветствия. Но нынешнее было самым красивым. Строгие лица полицейских просияли. Мы рассказали нашу историю подробно. Слушающие были очень внимательны: и смеялись, и огорчались, но самое главное – все хотели нам помочь. Выслушав, майор сразу же приступил к действию: «Сделаем так, – сказал он, – я сейчас же свяжусь с австралийской полицией, узнаю, что и как. После этого будем оформлять ваши документы». Он очень внимательно (я бы даже сказал: придирчиво) осмотрел Козину и приказал: «Внешность неудовлетворительная, в таком виде нельзя ехать за границу. Искупать, расчесать, остатки рогов удалить». Вот тут между ним и Евой Николаевной возникло небольшое разногласие. Ева Николаевна сказала: «Удалить рога? Может быть, Козина не согласится? Надо узнать ее мнение. У нас, у людей, есть Права человека. У коз должны быть Права козы». Майор же: «Просто беда с этими правами. Как тут узнаешь?» Ева Николаевна: «Я сейчас спрошу. Козина, данетили? (Можно понять как «да» или «нет»). Козина: «Чтозани!» (Можно понять как «ни за что»). «Что она сказала? Что она сказала?» – переспрашивали полицейские. – «Она сказала “Ни за что!”» – ответила Ева Николаевна. Майор же: «Твердый характер у этой козы. Вызывает уважение. Сделаем как она хочет. Сержант Иванов, немедленно свяжитесь с Художественным музеем. Там есть реставрационная мастерская, где восстанавливают исторические ценности. Договоритесь и поезжайте туда с Козиной, пусть восстановят ее рога. После полного восстановления должно казаться, что она

ходит в короне. А пока гостям покажите наш луг. Надеюсь, что Козина найдет там прекрасное пастбище».

Иногда встречаются такие места, где в уединённой красоте скрыто тихое таинственное очарование. Именно таким и был этот луг. Обсаженный липами, он примыкал к зданию полиции. Он был не больше половины футбольного поля. Наверное, его недавно косили, сейчас там росла низкая, густая отава.

Театральная страница, или Аварская лягушка

Нежданно-негаданно в наши хлопоты по подготовке к путешествию вклинилась театральная страница. Она началась с вопроса сержанта Иванова к Еве Николаевне: «Ева Николаевна, можно Вам задать один вопрос?» – «Конечно», – ответила та радушно. – «Скажите, пожалуйста, сколько лет Вашему Бомжику?» Ева Николаевна была обескуражена: «Какому Бомжику?» – «Вашему». – «У меня нет никакого Бомжика, у меня есть коза». – «А-а, значит, Вы еще не знаете... Молчу, молчу! Товарищ майор сам скажет. Ева Николаевна, а можно задать Вам еще один вопрос?» – «Можно». – «Скажите, пожалуйста, если человек хочет стать хорошим артистом, с чего ему начинать?» – «Очень просто. Проснулся, почистил зубы и сразу же начинай повторять быстро, быстро: “Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет”». Сержант Иванов ответил категорически: «Не буду так говорить!» – «Почему?» – «Потому что эти слова у меня вызывают отрицательные эмоции, я сразу начинаю думать: “Ворюги! Поймали их или нет? По какой статье осудили?” Нет, не буду так говорить!» – «Жаль, это хорошая скороговорка». – «Скороговорка – это не скорододка и не пустая говорка, это серьезная вещь. Ну если Вам так нравится, могу читать с уточнением». – «Почитайте!» – «“Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет. Обоих посадили” – нормально?» – «Сойдет!» – «Сойдет – это так-сяк, мне так-сяк не нужно, мне нужно, чтобы было хорошо». – «Между прочим, я знаю одно слово: если усвоить его, то всю жизнь будет прекрасная дикция». – «Скажите, скажите это слово! Оно нам необходимо!» – «Я не могу его выговорить». – «Почему?» – «В этом слове много горловых звуков, мой язык не может его произносить. Это аварское слово, чтобы произносить его правильно, надо обратиться к самим аварцам». – «А где они живут?» – «В Дагестане, в аварском ауле». – «Найдем. Выговорить не можете, но знаете, что оно означает?» – «Означает лягушку». – «Лягушку?.. А хорошо бы узнать, как квакает эта самая лягушка, какие звуки она издает. Может пригодиться для скороговорки. Узнаем!» – ответил полицейский, мечтающий усвоить азы актерского мастерства.

Мы – Ева Николаевна, сержант Иванов и я – стояли у кромки луга и смотрели, как пасется там наша Козина. В это время к нам подошел майор. Козина – тонкая натура! – наверное, почувствовала, что на нее смотря четыре: подняла голову и выполнила приветственный жест, на сей раз она копытце держала над сердцем долгие прежнее, и приветствие ее получилось проникновенным, сердечным. «О, это прекрасно! – воскликнул майор. – Сержант Иванов, запомните эту сцену, мы потом непременно используем ее. И давайте назовем это место Козий луг. Вы согласны?» О, мы согласны!

Мы усадились на деревянных скамейках под раскидистой липой и наконец-то узнали про тот «грандиозный спектакль», которым восторгался наш полицейский (кстати, его нос пошел на поправку). Майор говорил просто, ясно, деловито: «Ева Николаевна, мы уже давно хотели встретиться с Вами. Нам нужна Ваша помощь. Мы задумали грандиозное дело – хотим поставить спектакль по вашей пьесе “Бомжик”. Пьеса рождественская, вот и хотим поставить ее к Рождеству. Разумеется, главное для нас – полиция. Спектакль это для души. У нас и тематика особая. Думаем, будем ставить в год один спектакль. В этом отношении “Бомжик” подходит идеально. Сразу же хочу сооб-

щить: в наших спектаклях роли будут исполнять не профессиональные артисты, а люди без театрального образования – мы сами (то есть полицейские), а при необходимости будем приглашать со стороны». Майор обратился ко мне: «Господин Гото, что Вы скажете о нашем начинании?» – «Я нахожу его очень интересным, – ответил я. – Благодаря тому, что эти люди не искушены в театральном искусстве, их действия будут естественными, они будут не играть, а жить в данных обстоятельствах. А это самое ценное для сцены. Я с великим удовольствием посмотрел бы ваш спектакль». – «Считайте, что Вы уже получили приглашение на нашу премьеру. Мы будем играть на чувашском и русском языках, а Вы знаете оба языка, Вам будет всё понятно».

Майор продолжил обсуждение пьесы: «Ева Николаевна, в Вашей пьесе есть персонаж Старый Кот. Мы решили, чтобы эту роль сыграл один злостный вор. Сержант Иванов, как долго мы ловили этого Хромого? Да, да, два года. Ну, поймали мы его. Сейчас сидит. Мужик неплохой. Интуиция подсказывает мне: он мог бы хорошо сыграть своего сотоварища. Ева Николаевна, как Вы относитесь к этому персонажу?» – «Да, он был отъявленный вор. Ожесточенный, всех ненавидит. Вовлекает в воровское ремесло детей. Полное падение. Но сейчас он старый, больной. Вызывает жалость. Мне очень нравится конец пьесы. Когда писала, я не знала, что в этой концовке есть что-то, главное, догадалась об этом гораздо позже. Случилось так: циркачу – веселому, находчивому – срочно нужен был Дед Мороз. Он быстренько надел на этого вора тулуп, шапку, дал ему палку, большой мешок с подарками и выпустил на сцену. А в том мешке был пакет с горячими пирожками. Этот пакет положила туда добрейшая бабушка Серафима. Она тогда как раз готовила праздничный обед. И она знала, что Старый Кот голодный. Пирожки предназначались голодно-му. Он об этом и не знал.

А как встречают Деда Мороза? С любовью, восторгом, восхищением, ждут от него чуда и подарков. Волна любви захлестнула Старого Кота. Несколько минут он стоял растерянный. Потом начал раздавать подарки. Вполне возможно, что рука его коснулась теплого пакета. Вполне возможно, он, голодный, почувствовал и аромат вкусной еды. Но он роздал всё – до единой крошки. Тогда он почувствовал – почувствовал реально! – что с него свалилась какая-то тяжесть, и ему стало легче. И на его лице появилась еле заметная улыбка». Голос Евы Николаевны дрогнул: «В эту минуту он стал для меня родным...»

Мы помолчали немного, просто смотрели на умиротворяющий луг, где росла молодая трава...

«Ева Николаевна, мы бы очень хотели, чтобы Вы присутствовали на наших репетициях», – сказал майор. – «Буду непременно, – ответила Ева Николаевна. – Скажите, пожалуйста, кто исполняет роль Бомжика?» – «Это целая история, – ответил майор. – Когда мы начали обсуждать роли, сразу же возник вопрос: а сколько лет этому Бомжику? Чтобы определить его возраст, мы, полицейские, выявили некоторые предполагаемые эпизоды его жизни: он – сирота, значит, мог попасть в детский дом, потом – в интернат, оттуда мог убежать, бродяжничал, точно не знаем, попрошайничал ли он, познакомился ли с ворами. Его счастье, что встретился с Бабушкой Серафимой. Ева Николаевна, кстати, сколько лет ему?» Автор пьесы задумалась (при этом закрыла глаза и, будто считая про себя, загибала пальцы) и сказала: «Ему не больше одиннадцати лет – это точно. И не меньше восьми лет – это точно». Майор же: «А точнее?» – «Точнее... Без двух месяцев девять». Полицейские, довольные, переглянулись. Майор же: «Между Вами и нами – маленькое расхождение. Ну, мы это согласуем. Ева Николаевна, скажите, пожалуйста, как Вы сами относитесь к нему?» – «К некоторым людям прилипает грязь, эти люди и сами привлекают её, а Бомжик, как бы он ни жил, в каких бы обстоятельствах ни был, – несмотря ни на что, – остался чистым, к нему грязь не липнет, потому что он благородный. Я очень переживала за него, когда он (еще ребенок!), стуча кулаками, кричал в отчаянии: “Не прощу! Никогда не прощу!” Я болела за него – лишь бы он выдержал, лишь бы он не сломался. Какой же мучительный момент испытал он, когда, пересилив свою злобу, говорил бабушке: “Только ради тебя, только ради тебя прощаю...” Ради тебя... Какая любовь, какая нежность... Это ведь была духовная борьба. И он победил. И понял (может быть, пока неосознанно), на чем держится жизнь человека. После этого можно было не

бояться за него. Кто будет исполнять его роль?» Майор же: «Мы заметили двух мальчиков из интерната. Из них надо выбрать одного». А Ева Николаевна: «Берите обоих! Обоих! Пусть играют по очереди! Какая же перспектива открывается для них: мальчики подружатся, вместе будут ходить на репетиции, будут часто общаться с вами – надежными, добрыми людьми. Для них это так необходимо! Товарищ майор, дайте слово, что вы возьмете обоих». – «Даю слово. Ева Николаевна, мы хотели бы, чтобы Вы присутствовали на этих репетициях». – «Непременно, непременно». – «А мы в Ваше отсутствие поставим двухэтажный бревенчатый дом, на первом этаже будут театральные подмости, зрительный зал, а на втором этаже – классы для репетиций и писательский кабинет для консультаций. Рядом с домом построим красивый сарай для Козины». – «А на крышу дома можно поставить флюгер», – предложил я. А майор с восторгом: «Флюгер! Это же необходимейшая вещь! Особенно для театра! Мимо флюгера никто равнодушно не проходит – всякий останавливается, любит. Безусловно, он будет привлекать зрителей!» Я продолжил: «Они у нас в Японии продаются разные-разные. Я вам с удовольствием подарю». Майор же: «Такой флюгер должен иметь имя, тогда назовем его японским именем».

А я благодарен этой пьесе: ведь в свое время именно она побудила меня заняться переводом произведений Евы Лисиной.

Было Рождество, 2015 год. Я познакомился с Евой Лисиной в Чувашском государственном театре юного зрителя имени М. Сеспеля. Там шла премьера спектакля «Бомжик» по её одноименной сказке.

Тогда меня поразило единство артистов и детей-зрителей. Создавалось впечатление, что действия исполняются артистами и детьми. Иногда артисты обращались к детям, а в некоторые моменты дети сами вовлекались в действия и активно защищали Бомжика. Мне хорошо запомнился один эпизод. С улицы доносились крики. Прислушиваясь к ним, Бабушка Серафима вслух недоумевала: «Неужели и мой мальчонка дерется?» Дети же откликнулись сразу: «Дерется! Дерется! Потому что его дразнят, издеваются над ним! Слышите, обзывают его бродягой и бомжиком! Поэтому и дерется!» А один зритель (я его не видел – он сидел далеко впереди, но по его голосу можно было догадаться, что это мальчик 5-6 лет) во всеуслышание обратился к Бабушке Серафиме: «Бабушка, ты его не ругай! Он хороший!» И все дети: «Он хороший! Он хороший! Он – не Бомжик, у него есть имя! Его зовут Маттуркка!» (в переводе на чувашский: Молодчина). И вдруг стало тихо-тихо – так напряженно ждали его появления: каким он явится? что скажет ему Бабушка?

А что сказать ему, озлобленному, отчаявшемуся? В такой острой, болезненной ситуации из-за одного фальшивого слова можно потерять доверчивость зрителя. Чуткость автора предлагает нам самую обыкновенную мирную картину. Бабушка встречает его спокойно, без упрека, без замечаний и нравоучений. Она говорит «странно», но эту «странность» зрители понимают и принимают с улыбкой. Последовал очень простой диалог: «Я сама не дерусь, поэтому не понимаю, почему обязательно надо драться». – «Бабушка, ты что, до сих пор ни разу не дралась?» – «Не дралась ни разу». – «Как же это так? Как же ты живешь без драки?» – «Вот так и живу, нормально живу». – «Не только нормально, ты живёшь очень богато, у тебя есть всё, что нужно: и молоко, и калач...» Простейший диалог, но он определил искренность и в большом, и в малом. В спектакле много «острых» моментов, но подобные испытания преодолеваются усилиями артистов и детей. И все они приходят к рождественскому чуду...

В те рождественские дни я встретился с Евой Николаевной: мне хотелось узнать, как отнесется она к моему намерению перевести ее повесть «Дети Синьяла». Узнав о моем желании, писательница воскликнула: «Ведь брат говорил мне, что эту повесть лучше всех поймут японцы и они непременно переведут ее! Значит, такой момент настал». И с грустью добавила: «А я сейчас

жалею о том, почему же не спросила у него, что же он имеет в виду, говоря о возможном японском переводе. Правда, он однажды сказал, что в этой повести есть японская тонкость». Ева Николаевна тогда рассказала удивительную историю о том, как её старший брат поэт Геннадий Айги сам для себя устраивал «чтение».

Его сестра вспоминала: «Именно так читал он фронтовые письма отца и мою повесть “Дети Синьяла”. В таких случаях его жена звонила мне: “Твой брат взял с собой четвертинку водки, хлеб и заперся в своем кабинете, просил его не беспокоить и не звать к телефону – он будет читать всю ночь, со слезами”». Заметим же: обе вещи связаны с детством брата и сестры – как дорого было для них это время!

Рассказ Евы Николаевны так поразил меня, что я воспринял его как обязанность перед выдающимся поэтом перевести дорожную для него книгу на японский язык. А обязанность эта стала для меня Рождественским подарком...

А «Театральную страницу» надо будет продолжить, потому что и потом были обсуждения и действия на театральную тему. Пока добавлю только одно: майор включил в репертуар своего театра спектакль по японской пьесе. Мне надо будет выбрать пьесу и перевести ее на чувашский язык.

И всё завертелось-закружилось. Уже через несколько дней мы получили из Австралии приглашение на открытие соревнования кенгуру по бегу. Мы полетим в столичный город Канберра, там нас встретит австралийская полиция и отвезёт в знаменитую долину, где ежегодно проводятся состязания кенгуру.

Ждите наши путевые заметки!

Январь 2023 г.

Дмитрий СМАГИН

ЧЕРНЫЙ ЯЗЫК

Кто-то
настойчиво
стучит
в дверь
и дёргает
за ручку,
а мы
мужественно
притворяемся,
что здесь
не живём,
а живём
в каком-то
другом
далёком
от этого
месте,
где не
слышно,
как стучат
в нашу
дверь.

Пока вас не было,
заходил огненный вихорь.

Выше человеческого роста
шёл через поле.

Съел по пути
прошлогодную траву,
причесался штакетником.

Дмитрий Смагин родился в 1974 году в городке Воздвиженка Уссурийского района Приморского края. Окончил филологический факультет Смолгу. Публиковался в журналах «Арион», «Крещатик», «Новая Юность», «Звезда», «Волга», TextOnly, «Формаслов», на сайте «Полутона». Автор книги стихов «Путаница» (2017). Живёт в Смоленске.

Дух перевёл –
вспыхнул сарай
на краю.

За ним – дом Артурчика,
брёвна чернели как спички.

Удивлялась печка,
видя пламя снаружи.

Пытались тушить,
но не дал подступить.

Когда сдались,
ушёл в сторону леса.

Подъехала с воем
пожарная машина.
Выскочила команда,
на спине ранцы с водой.
Двинулись гуськом по чёрному следу.

Вернулись ни с чем огнеборцы,
сели в машину и умчались.

Ночь спали поочерёдно,
караулили угольки,

хотя было ясно,
что приходил не к нам и не к вам.

Пляшут весёлые огоньки,
подмигивают, манят,
а что задумали они
или так играют.

Только их и видел наш дружок,
ловил огоньки во мраке,
пока не потянул за поводок
поводырь слепой собаки.

Поводырь слепой собаки
потянул за поводок
и какие-то бараки
охранять ведёт.

Там алюминиевую миску
наполняют до краёв,

эх, огоньков весёлых пляска,
чёрно-белых огоньков.

Не мышонок, не лягушка,
а неведома зверушка,

преклонив по-птичьи колена,
собирает в бидон градины клюквы.

Сосны наблюдают
с безопасного расстояния.

По дороге
домой
встретил
весёлую
старушеницу

В ответ
на моё
«здравствуйте»
она
заулыбалась
беззубо,
закивала
маленькой
головой
в платке.

А когда
спросил,
есть ли
ягода
на болоте,
вдруг
показала мне
иссиня-чёрный
язык.

Шершни надкушали виноград
и домой вернулись на чердак.

Не поднимешься, не возразишь.
По кастрюлям нагло шаритмышь.

За ночь вырастают на газоне
земляные холмики кротовин.

Лезет обниматься встречный гнус:
– Мы с тобой одной, товарищ, крови.

Ещё вчера казалось, что живу,
а вышло, снова грезил наяву.

Днём по лесам лунатиком бродил,
будильник перед сном не заводил.

Пока однажды на закате дня
сердитый шмель не укусил меня.

С тех пор живу я, не смыкая глаз,
его гуденье слышу и сейчас.

Кто он, откуда? Сам не знает.
На медленные облака
взирает мутными глазами
растерянного мертвяка.

За что ему железным клювом
пробили в темени дыру?
Он больше громких слов не любит
и молча воет на ветру.

На землю льётся темнота
густеющей струёй из раны,
а мог бы с чистого листа
побыть Петром или Иваном.

Вырыла яму,
Посадила куст,
вырыла яму,
посадила куст.

Вырасти ягода
сладкою на вкус,
вырасти ягода,
сладкою на вкус.

Из садовой лейки
дождик пролила,
из садовой лейки
дождик пролила,

чтобы моя ягодка
сладкою росла,
чтобы моя ягодка
сладкою росла.

Вырыла яму,
посадила куст,
вырыла яму,
посадила куст.

Выросла ягода
горькая на вкус,
выросла ягода
горькая на вкус.

Урожай склевали
жадные дрозды,
урожай склевали
жадные дрозды,

не сказав спасибо
за мои труды,
не сказав спасибо
за мои труды.

Посредине лета, в погожий день
меж стволов сосновых застыл как пенёк.

На все сто уверен – конец пути,
с места этого не сойти.

Ноги сами сделали шаг, другой,
глянь, уже я в доме на Дровяной.

День придёт, из дома на Дровяной
без следа исчезну, как дым печной.

Да и что с того, не жалею, не хнычь,
тут огонь потух и остыл кирпич.

Земля для меня тесна,
земля для меня тесна.

Я слышу призыв трубы,
а значит пришла весна.

Земля для меня тесна.

Под ручки ведут, без сил,
там ангелы заждались,
один из них Гавриил
трубит про вечную жизнь.

Земля для тебя тесна,
земля для тебя тесна.

Лети, говорит, скорей,
там ждёт в облаках Иисус,
а если вдруг упадёшь,
приземлишься на куст.

Земля для тебя тесна,
земля для тебя тесна.

Здравствуй, мама.
Привет, отец.
Вот и встретились наконец.

Я слышу призыв трубы,
полный прощения и любви.

Как ты была со мной мила,
когда с помойки привела.

Смахнула с морды скорлупу
и луковую шелуху.

В других отвергнутых мирах
я видел лишь брезгливый страх.

- Добро пожаловать к столу
поближе к свету и теплу.

ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ КОСТЮМЕ

Рассказ

Поднимаясь по эскалатору, Женя смотрел, как пляшет фондовый рынок. Накануне коуч рекомендовал присмотреться к трем неочевидным акциям. Шептались, что в этом году обязательно выплатят дивиденды. Коуч рассказал об этом по секрету только тем, кто оформил подписку на приватный телеграм-канал.

– Эй, чего такой кислый?

– Да блин, «Спартак» снова Абаскалься...

– Хе-хе, – послышалось из-за соседней перегородки.

– Ты же за ЦСКА топил!

– Да при чем тут... – Юра махнул ладонью, мол, тебе не понять. – Ну хоть «Факел» на своем они могли же обыграть! А я жёнку хочу в рестик сводить. Ну тот, что на Никитском. Новый. Придется заниматься...

Женя вернулся к таблице Excel. Юра, тяжело вздохнув, принялся чистить почту. Тишину в офисе нарушали гул принтера и бесконечные телефонные звонки, на которые сотрудники отвечали дежурным: «Перезвоните, а лучше напишите».

– Брехня твои ставки, – сказал Женя уже в столовой. – Лучше инвестициями займись. Вот где реальный бабос!

– Да они все мошенники! Это как казино, знаешь. Типа чуток заработал и всё – попал на удочку. Инвестируешь и инвестируешь, пока все бабки не похоронишь.

– Ты как будто про ставки рассказываешь, – возразил Женя.

– А вот и нет! В ставках важна стратегия. Надо разбираться: у кого какой тренер, какая тактика. Кто вышел на поле. Историю противостояния изучить...

За спорами прошел весь оставшийся рабочий день. Женя с Юрой понятия не имели, за что им платили. Деньги поступали регулярно, без задержек. И единственное, что их беспокоило, как бы потратиться, чтобы заработать больше.

Женя без конца листал приложение брокера. Торги шли вяло. Тишина на Ближнем Востоке. На заводах и складах по всей стране за сутки не случилось ни одного пожара. Даже обычно болтливые президент и пресс-секретарша МИД хранили молчание. Стоял информационный штиль; волны биржевых котировок не бушевали уже вторую неделю.

Каждый Женин разговор с окружающими сводился к деньгам, к тому, как их заработать или сэкономить. Другие видели в нем закомплексованного жмота. Сам Женя воспринимал скупость достойно. Он относился к ней как к мартовской слякоти, которая, может, и мешает жить комфортно, но вскоре обязательно пройдет.

После работы Женя отправлялся в Сити, как он говорил, «позалипать на башни». Он не понимал, откуда в нем такая страсть к небоскрегам. Но на вопрос, о чем он мечтает, Женя уверенно отвечал: «Квартирку бы в Сити. И в Дубае пожить было бы неплохо тоже».

Тамерлан Гаджиев родился в Москве. Изучал историю мировой литературы в МГУ им. Ломоносова. Рассказы появлялись в журналах «Новый мир», «Дарьял», ROAR и «Дискурс». В 2023 году в издательстве «Эксмо» вышел роман «Синефилия». Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Футбольный матч» (2021, № 11-12).

Он купил лапшу вок и отправился на последний этаж «Афимолла». Рабочие на стеклянной крыше чистили снег; от движения лопат возникали все новые и новые очертания стеклянных башен, в которых под конец рабочего дня продолжала кипеть жизнь. Женя вновь открыл приложение брокера – тишина.

Вдруг к нему подсел мужчина средних лет в сером костюме и ядовито-желтом галстуке. Мужчина держал в руках полиэтиленовый пакетик с виноградом. Он ловко подкидывал виноград вверх и ловил ртом. Мужчина предложил Жене угоститься. Женя отрицательно покачал головой и уткнулся обратно в свои котики.

– Вам помочь? – голос незнакомца был прилежным и аккуратным, тщательно выверенным, как партитура. Женя внимательней уставился на его внешний вид: галстук завязан небрежно, верхняя пуговица расстегнута, сальные волосы непричесаны. «Программист», – решил Женя.

– Когда к вам в следующий раз обратиться некто, кто вам неприятен, сразу отвечайте как можно грубее. И не нужно так паять, я не биржевой график.

Женя убрал телефон в карман куртки.

– Просто я не очень понимаю, чем вы собрались мне помочь.

– Ну так спрашивай!

– Спрашиваю – *отвечайте*.

– Отвечаю – деньгами. Вижу, ты в них нуждаешься. Прямо как я когда-то...

Он открыл приложение своего брокера и пригласил Женю полюбоваться.

– Да у вас тут миллионы!

– А должны быть миллиарды, – скромничал незнакомец. – Все дело в одном секретике, который я раскрою, если окажешь мне небольшую услугу. Просьба простая, но причудливая... Я пойму, если откажешься.

– Нет, что угодно, – запротестовал Женя. – Если схема рабочая, я готов. Вы же не об убийстве просите, верно?

Раздался истеричный смех, за которым последовало эхо. И только тогда Женя обнаружил, что рабочие прекратили уборку снега, а последний этаж торгового центра опустел.

– На улице Василисы Кожинной между новостроек ютятся оранжевая пятиэтажка. Точный адрес скажу позднее. Там в одной из квартир обитает женщина с ребенком. Весьма педантичная особа, между нами говоря. А ребенок учится в третьем классе. Но для нашего дела это не имеет почти никакого значения. По утрам она провожает ребенка до школы и едет на работу. С работы она возвращается поздно, мальчишка на продленке. Квартира пустует. Ни мужика, ни собаки. Вот, держи.

Женя принялся рассматривать ключи с брелоком в виде эмблемы советского флота.

Он с легкостью нашел пятиэтажку. В подъезде ему кивнула приветливая консьержка. Это была старушка с пучком на голове, от которой, как и от всего подъезда, разило голубцами. Она дождалась, пока Женя вызовет лифт, после чего вернулась к Донцовой.

Оказавшись в квартире, Женя тотчас совершил оплошность, наступил грязными ботинками на старательно отдраенный паркет. Квартира нуждалась в ремонте. Обои, изображавшие пухленьких ангелочков, местами расклеились. Кафель на кухне и ванной потрескался; на месте пустующих квадратиков были нарисованы контуры детских рук, звезды и кораблики.

Женя пробрался на цыпочках в ванную. На полочках, там, где большинство хранит бесконечные гели и шампуни, стояли модельки парусных судов. Женя подолгу рассматривал их, пытаясь припомнить слова из далекого детства: фрегат, бригантина, галеон...

Если бы Женя отправился в спальню, то обнаружил бы фотографию, на которой хозяйка дома и ее ребенок позировали с мужчиной в военно-морской форме на фоне крейсера. Но вместо этого Женя схватил бело-синие полотенца с вышитыми в нижнем углу золотыми якорями и бросил их на пол.

Через неделю он проделал то же самое. А потом еще. Это продолжалось до тех пор, пока незнакомец вновь не вышел на связь. Он предложил встретиться на том же месте. Женя уселся на скамейку и принял листать каталог акций в попытке угадать, что ему предложат купить.

Он был все в том же сером костюме с желтым галстуком. В руках он держал пакетик фастфуда и белый пластиковый стакан без каких-либо обозначений. Это нельзя было назвать встречей, скорее столкновением. Женя привстал, чтобы поприветствовать незнакомца, но тот как будто случайно толкнул его в плечо и уронил стакан. Не обратив на это никакого внимания, незнакомец ускорил шаг и направился к лифту.

Женя интуитивно поднял стакан. Он хотел помчаться за незнакомцем, сказать, что тот уронил свой напиток, но опешил. В конце концов, упавший стакан вызывал меньше вопросов, чем поведение незнакомца. На стакане синим маркером было написано: «Infinite Stroy». Женя тотчас открыл приложение брокера, продал сбережения и купил акции.

Юра рассказывал, что теща не примет никакой другой подарок на 8 марта, кроме Apple Watch. Придется вновь брать микрозайм. А еще соседи затеяли ремонт, поэтому после работы нельзя толком отдохнуть. Жена как раз скачала новые сериалы, но их невозможно смотреть из-за шума. И так до десяти вечера, даже пожаловаться некому.

Женя листал приложение, акции выросли незначительно.

Кто-то включил новости. Транслировали предвыборную речь нового мэра.

– Наконец, мы можем назвать компанию, выигравшую тендер по реновации пятиэтажек во-круг Филевского парка. Дорогие граждане, москвичи и гости столицы, позвольте представить Константина Никитина – генерального директора «Infinite Stroy».

Женино кресло оказалось прямо напротив экрана. Юра продолжал о чем-то говорить, не замечая, что коллега его давно не слушает.

– Наша компания, – начал Никитин, – имеет огромный опыт реновации ветхого жилья в регионах. Однако в столичных проектах мы участвуем впервые. Надеемся изменить облик столицы так, как почти сто лет назад то же самое проделали наши предки. Сталинская перестройка продемонстрировала экономическое преимущество нашей страны перед Германией и коллективным Западом, а также способность наших граждан осуществлять крупные проекты. Все это было предтечей победы в Великой отечественной войне. И я рад продолжить дело наших ветеранов. Вперед! К новым победам! – при эти словах оратор сжал руки в кулак и так замахнулся, словно собрался ударить слушателей молотком по голове.

Реновацию начали с улицы Василисы Кожиной, с той самой пятиэтажки. Ваза и Mash напомнили, что в одной из тамошних квартир женщина истязала своего сына из-за того, что тот вечно ронял на пол полотенца. Это была весьма *педантичная* женщина, писали издания. Соседи рассказывали, что свет в ее окнах гас ровно в девять вечера – ни минутой позже.

– Лариска была как швейцарский нож, – вспоминала консьержка. – С виду маленькая, но холодная и практичная.

Лариса единственная из жильцов судилась с мэрией за право жить в пятиэтажке. Квартира досталась ей от погибшего мужа, и она ни в какую не хотела съезжать. Поначалу жильцы ее под-держивали, приходили на слушания и подписывали поручительства. Она даже думала баллотиро-ваться в муниципальные депутаты. Местные бы за нее проголосовали.

Поддержка прекратилась, когда на лестничной площадке послышались детские стоны. Никто не верил, что Лариса бьет ребенка, раньше за ней такого не замечали. Но стоны и крики стано-вились громче. Обычно доброжелательные соседи при виде нее теперь отворачивались. Та, что жила напротив, не выдержала и набрала в полицию.

Только одинокий старичок Макар уверял окружающих, что от Ларисы таким образом хотели избавиться. Он даже ходил на судебные заседания и проводил собственное расследование. Од-

новременно с тем, как Ларису заключили под стражу, в подъезде перестал ошиваться подозрительный молодой человек, учуяв которого, овчарка Макара издавала хриплый лай. Но всерьез к подозрениям Макара никто не отнесся. Самые скептические вспоминали, как во время пандемии он пытался забраться на телекоммуникационный столб и сгрызть провода.

Женины акции резко подорожали и держались высоко в течение года. Выплачивались дивиденды. «Infinite Stroy» получала все новые и новые площади. Женя накопил достаточно, чтобы покрыть первый взнос ипотеки за крошечную студию в Сити. В квартире имелись только матрас, переносная плита и электрочайник. Он засыпал и просыпался с видом на небоскребы и Москву-реку, и, казалось, жизнь удалась.

Но нет. Мэра внезапно сняли с должности. На его место пришел человек, который возведению жилья предпочитал строительство метро. Акции полетели вниз.

Когда в дверь постучали коллекторы, Женя исчез. Испарился. Поговаривали, что его видели в «Афимолле». Что он бродит по последнему этажу, собирает пластиковые стаканы и расспрашивает прохожих о человеке в сером костюме.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

Рождаются не солдатами, а генералами,
И только потом через много лет
Становятся как фигуристы на лёд –

На другом берегу покинутые окопы,
Колючая проволока дикой малины,
Знакомая тень у калитки.

Надо бы мерцать, а не светить,
Глядя на звезды, думают,
Планируя неизбежное отступление.

Поедем, кибитка, скитаться,
Давно я тебя поджидал.
Но запросто можно скатиться –
Жизнь звёзд беспросветно желта.

Вот киборг в автобус садится,
Внутри его светит диод,
И каркает вещая птица,
Что больше никто не умрёт.

Тем временем всё зеленеет,
Как осам оставленный хлеб
С таблицами Карла Линнея
И песнями ночью взахлёб.

Опять переставлена мебель,
В остатке труха и зола –
Звезда догорела на небе,
Улитка твоя доползла.

Алексей Александров родился в 1968 году в г. Александров, Владимирской области. Окончил физико-математическую школу и физфак Саратовского университета. Публиковался в журналах «Волга», «Воздух», «Знамя», «Урал», «Новый Берег» и др. Редактор отдела поэзии журнала «Волга». Автор нескольких книг стихотворений, в том числе «Настоящее имя реки» («Стеклограф», 2024). Живёт в Саратове.

Одуванчиков жёлтые кляксы
На зелёной-зелёной траве.
Мимо ходят начальные классы,
И последний звонок в голове

У любого гремит, не стихая.
И натянута, словно струна,
Бельевая верёвка. Сухая
Простынь белая, точно спина.

Вот этиловый ангел бессилья,
Коронованный облаком стыд –
Ветер дунет, вздымаются крылья,
Но никто никуда не летит.

Ко лбу пылающему лёд
Приложишь и произнесёшь,
Что всё когда-нибудь пройдёт,
Как мимо жабы сытый ёж

Куда-то по своим делам.
Укроет ноги тёплый плед,
И закусила удила
Лошадка, чей простыл и след.

Попалась рыба на крючок.
Из клетки птица ни ногой.
То холодно, то горячо,
И лба не остудит огонь.

Гагарин говорит «поехали»,
Но сам не едет, а летит.
И тем, кто на его наехали,
Однажды тоже прилетит.

Их тоже позовут на стрелку,
Покажут четкое кино.
А что сказали Стрелка с Белкой,
Известно всем давным-давно.

Гагарин крутится над нами,
Смотрящий он планеты всей,

Ему ботинки со шнурками
Начистил ангельский музей.

Три раза прокричи «В Саратов!»,
Над головою гаснет свет.
Каких космических пиратов
Нам в гости ждать ещё сто лет?

Правда, что реки являются реками,
Как и гора уже стала горой?
Тут и не надо великим быть лекарем,
К почте достаточно вспомнить пароль.

Там, словно рыба, письмо трепыхается,
Где объяснение миру дано.
Это младенец ногою пихается,
Мирра и золото тянут на дно.

Правда, что будет гора выше тучи
И потечёт, разольётся река?
Это пришедший к учителю учит,
Чтоб превратиться потом в старика.

Ну, а сегодня с горой разговаривай
Или с рекой откровенно молчи,
В чашке глубокой лекарство заваривай
И наизусть их ответы учи.

Финиш, ясный сокол,
Длинная неделя.
Остаётся только
Снег в конце апреля.

Песенка поётся
Тяжело, как в гору.
Если и начнётся,
Кончится не скоро.

День пронумерован
Крестиком на карте.
Галки и вороны,
Все на низком старте.

Параллельные прямые –
Ломанные и кривые,
Им давно пора покаяться,
Ведь они пересекаются.

Может быть, увы и ах,
В параллельных тех мирах
Где-нибудь ещё остались
Те, что не пересекались.

Министерство трамвайных путей
Посылает всех в депо,
А оттуда выезжает самовар на колёсах
И объявляет конечную остановку.

Доктор бормотал, поддакивал профессору,
Собачка много пила водки
И теперь ругается, играет на балалайке
Увертюру к опере «Руслан и Людмила».

На этот номер лучше не звонить,
Кипяток уже скоро будет готов.
Ну-ка, заварим морковного чая
Вместе с революционными матросами.

Ирма ГЕНДЕРНИС

КАК УЙТИ ОТ КРУГОСВЕТКИ...

открылось личико кавычек –
и пелена распеленалась
снег голышом пошел из ручек
автоматических – на слалом
а был уже совсем на сломе
характера, на пластилине
и настелил соломы в доме
и ручки расписал по глине...

ещё трещат его дощечки
и неподставленные щёчки
в микроволнующейся печке
подогревают эти строчки...

но блюда холодны без мести

лунного ли пересветца
ин.агент – имажинист
тридевятого колена
лесенки то вверх то вниз,
о, лиса-минималисса,
рыцарь в латах милоты,
воробьянинова киса,
не синицкая ли ты?..

как уйти от кругосветки
в путешествие с шестом?

Ирма Гендернис родилась и живёт в Лиепае (Латвия). Стихи публиковались в журналах «Двоеточие», «Звезда», «Нева», «Волга», «Новый берег», «Тонкая среда» и др., в вестнике оппозиционной русскоязычной культуры ROAR, в сетевом альманахе «Артикуляция», в сетевом журнале «ДЕГУСТА.РУ», в проекте А. Петрушкина «Вещество» и др.

кто к подножью табуретки
возложил бурет крестом?

текст разбит при авторлоо
(армия любви, алло)
на границе тьмы и слова
не темно и не светло

как набрать из этих штучек
из воинственных частич
молока для авторучек –
вуйчиць войчиць чикатиць

хаос-махаон
в меховом махно
держит мегафон
говорит в окно

въедливый вьетнам
тянет хошимин
изнутри туман
а снаружи тмин

черный хлебосол
гвардии бело
– расстегни камзол
распоясай зло

– сделай не со зла
обозли Лилит
вон ее метла
не метёт – летит
по другому кру-

(у норы нора
там ведром к ведру
два ее бедра)

подметет вспылит...

коромыслосло

– кто размножит вид
от того и зло

ползет по следу от улитки
(улитка – лоджия, балкон)
слеза с глазами маргаритки
(не распечатывать флакон
не размножать печали копий
а только выкопать копной
наглядность из сухих пособий
по безработице цветной)

Стянет с себя эспандер
Натренированный свитер
Ленточный как скафандр
Вытянутый для вида
Шеей из зоожаккарда
Жирафостойкий холод
Крупная клетка кадра
Падает сну за ворот
Стойка его у бара
Делается собачьей
Жму лапу его сенбернара
Слепая хожу с незрячим...

фортепиано рукопашно
но побеждает терменвокс

без рук ему темно и страшно
давить на этот парадокс

у всех теперь такая стрижка
и мотивация одна

лишь вуйчич открывает книжку
а там война

облетает статистика
не осталось ни кустика
где бы тернии листика –
на подшипниках мультика

надо стойку шиповника
с лежаками пустырника
поменять после полдника
на бессмертник квартирника

рыжи и конопаты
сну моему под ключ
капельки-дубликаты...
войлочный воев вьюч
нет на него хворостины
короб его хвороб
ослик из Палестины
птичий Господен гроб

надо было из петли
вынуть время довоенное
чтоб не вешать головы

а теперь перед барьером
сна спортивная ходьба
трое всемером и в сером

как развесисты плакучие
стены...
сплющены плюсной
не плюща ли –
сны припущены
(траур-вечер выпускной)...

сквозь нарощенные рожицы
сквозь морщинистую шу-
волю – чью детальной сборщицы
еле-еле волочу?..

этот окунь – речной как сомов
и коряга его – кривая...
из бессолецевой хлебосолов
сделал чучело каравая

сделал чучело, коровея
и покрикивая: масакра! –
на рогатого ротозея
(помнишь этот подвиг геракла?)

куст инкрустированный хрустом
раздрызган брызгами, расхристан
как будто свет подвешен к люстрам
сочувствующий анархистам
как будто бледные эсеры
внесли особенные астры
с гербами Гебы и Герберы
а цветовая гамма паствы
уже разучивалась плакти
могла на скрепочке пиликти
в пустопорожном первом акте
в лесу, в животном прареликте...

греко-римля (не,
не видать Кремля),
раскричись во мне,
о, Земля: земля!

классика скунгфузь
и айда в иайдось...
жри меня, куськусь,
полевиардось...

рабочее название – район
фабричный, в космосе каньона –
о, Рио (сокр. от Орион) –
звезда раена
играет в таничковый мяч
(гарпастум или эпискирос?)...
и космос носит детский плач –
ещё не сношенный, на вырост...

посетили приют для рыжих
и себе присмотрели ужастик...

кто бежит на бесстыжих лыжах
по песку боевых фантастик?
по барханам их да по дюнам...

(кто грызет земляной арракис
если взвешен как фунт изюма
ты, чюрленис (и я, будрайтис)?...)

...вел и вывел буквы в счёте
ну а я не вывожу...

иноходец по природе,
я не лошадьё хожу...

в капюшоне от конюшни
в кенгурухе от огня
я скачу в своей подбрюшне
не гоните на меня...

обсуждаюсь предметами быта
на предмет не моих вздыхан...

(разбитно или цельнокорытно
по утрам убираюсь в диван?..)

к разложившейся за ночь на складни
и не сдавшей к скарбу на склад
относись проходнее, прохладней...

все за мной
если в сад

спит олень рогами в ножны
а жирафе все видней
как иконы неприложны
к отложениям солей...

не сугроб ли твой – сугубый
чтобы реагент зрачков
с болью слизывал безгубый
с высоты своих очков?..

кровопролитный бой – часовен.
погиб и ты за Минутань...
теперь макушкою, еловен,
машину времени достань...

игрушечный салон из кожи,
но чувствуешь – ледовый холл...
разгонишься перед Прохожим –
не тормози глазами в пол...

не ИИ ли главной ёлки
в Склифосовского НИИ ль
заменяли нам иголки
на уколы между гирь?

что подбрасывать Дикулю?
шар стеклянный или шарк,
имитирующий пулю –
не тягающей мой шаг?..

с завтраками на траве
сон с натуры
рисовал ли в голове
амбразуры
мизер, маузеру не кольт
на вайфаях, –
заболоченный николь
в Гумилаях...

ура, на нашем самурае
и власяница, и вериги...

как чудотворны николаи
когда снимают хомерики!

...

и декорации – кора
и дерево – аплодисменты...
и аплодировать пора
пока не просят документы...

пока от корочек очков
не отодрать квадратной зенки
диплом защитных светлячков
земле вдают как уроженке...

сумерки для примерки
ателье для обшива
ядерной баядерки
(девадаси, танцуй красиво:
храмовой проститутти
в пепельной гуттаперче –
в черном как смоль институте
благородной картечи...)

уготованные участи
вынимая из духанок
речь особенной певучести
режет слух моих буханок

слез соленые сухарики...

(как для смачиванья губок
целовальные кристаллики
смел выращивать желудок?)

после свистопляски
хочется утруски...

где вагон для тряски
армий трясогузки?..

курочка – в чернушку
а игра – в ромашку...

(разменял однушку
на войну-двойняшку?)

* * *

между нами, мы лопатки
(а меж ними – среди нас...)

вызвал джинна из палатки
букв магнитный резонанс

или вызволил из воли
(видеть иволгу изволь)
таволгу ответной боли

(или таволга – не боль?)

В пути

У человека случаются душевные кризисы. Человек так устроен. У меня случился душевный кризис. Я не знал, что происходит со мной, не знал, что будет дальше, не знал, что делать с этой забавной, но уже немного поднадоевшей игрушкой – жизнью. Поднадоела, да. Но проблема в том, что в магазин игрушек не сходишь, и новую не купишь и не украдёшь.

Ладно. В одной книге сказано, что тоску лечит дорога. Я дождался выходных и отправился по реке на своей надувной байдарке. Стояла осень, жёлто-коричневые листья, изображённые на ткани лодки, гармонировали с деревьями по берегам.

Взял с собой провизии на пару дней, оттолкнулся от берега и поручил остальное реке.

Осенняя река неспешна и немного грустна в предчувствии скорых холодов и ледяного плена. И, как осуждённый бывает добр к случайному воробью, севшему на решётку его тюрьмы, качала меня на волнах плавно, ласкаяще. Осенние колыбельные песни реки баюкали меня. От них разжимались стальные кольца внутри, щёлкали, открываясь, замки на дверях в некие комнаты, где ещё хранились запасы радости и спокойного оптимизма.

Я откинулся на спину, перед тем разобрав весло и кинув его на дно лодки, под одно из пустующих сидений.

– «Пусть река сама несёт меня», – повторил слова из «Ёжика в тумане».

Небо в октябре высокое и такое чистое, какого не увидишь ни в один из остальных месяцев года. Хрусталь воздуха вбирал в себя тонкий солнечный свет и, казалось, звенел. Синеву неба остро подчёркивало одинокое облако – клочок, сплетение белёсых нитей.

Я лёг на спину, стал смотреть на облако.

Река, увлекая, крутила лодку, мягко ударяла её о берега, бывало, останавливала, устроив в спокойной заводии, но неизменно, медленно, будто крадучись, снова выводила на стремнину и влекла дальше.

Тонкий месяц вышел на вечеряющий небосвод. Месяц – юный, мальчик, льдинка на синей воде, плыл по небесным водам и воздушные течения несли его.

Казалось, живущий высоко-высоко искусник слепил месяц из одинокого облачка, так были они схожи.

Деревья над рекой роняли листья, и те кружились, забывшись в танце, порхали над рекой и падали на тёмную воду, кое-где взбугрённую струями течения и водоворотами. Жёлтый кленовый лист, откружившись в первом и последнем своём полёте, упал мне на грудь. Я взял его за черешок, покрутил, полюбовался пламенеюще-остроугольным контуром на спокойном фоне небес и, зажав черешок меж зубами, принялся жевать.

Вкус черешка оказался под стать настроению – терпкий, осенний, неяркий, отчасти даже приятный.

Сверкнув чёрным, мелькнули две птички. Некоторое время закладывал надо мной круги некий хищник. Крылья его не шевелились. Фигура источала спокойствие и уверенность.

Меня прибивало к глинистым обрывистым берегам, и вечерняя белёсая трава, напитавшаяся красным цветом заката, качалась надо мной.

Игорь Малышев родился в 1972 году в Приморском крае. Получил высшее техническое образование, работает инженером на атомном предприятии. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Юность» и др. Автор десяти книг. Финалист премий «Ясная Поляна», «Большая книга», «Русский Букер». Живет в Ногинске Московской обл.

Трава своё отжила. Жизнь её ушла в корни и затаилась до следующей весны в темноте и тяжёлой земной влажности. Ветер шелестел безжизненными стеблями, издавая звук, похожий на шелест переворачиваемых страниц.

Течение мягко толкалось под тонкое лодочное днище, будто там внизу играли крупные водные существа, вроде дельфинов или касаток.

Я опустил руку за борт, кисть заломило от холода.

«Даже удивительно, что ещё не встал лёд...» – подумал я, поднося руку ко рту и дуя на неё живым теплом.

Рука казалась оледенелой и при этом отчего-то очень чистой.

Изредка донеслись звуки. Салюта? Охотничьих выстрелов? Взрывов вражеских беспилотников?..

Я натянул рукава свитера на кисти, укрылся покрывалом, защищающим гребца от брызг, и уснул.

Мне снилось... Должно быть, что-то хорошее, поскольку проснулся я с очень светлыми ощущениями. Разбудил меня отдалённый раскат грома. То, что это не салют, не охотники и не беспилотники, я понял сразу тем архаическим чутьём, что упрятано в костях, глубинах мозга и прочих инстинктивных территориях.

Вокруг стояла полная тьма. Не было видно ни берега, ни прибрежных деревьев, ни даже реки. Откинув покрывало, я резко сел. Прислушался к окружающему затаившемуся и набухшему неким предчувствием миру, и в одно мгновение понял, что сейчас произойдёт. Я едва успел накинуть непромокаемый плащ, как на лодку обрушились первые, тяжёлые, как мужские слёзы, капли дождя.

Я снова улёгся, укрылся накидкой, перевернулся на правый бок, чтобы не затекала вода, и поглубже ушёл в капюшон.

Струи воды били по бортам лодки, летели брызги. В тревожном гудении ливня сверкнула молния, будто попыталась расколоть мир. Прошло несколько секунд, прежде чем всё взорвалось от звуков грома. Он прозвучал с такими трескучими обертонами, что я испугался, не сломалось ли рядом дерево и не упадёт ли оно на меня и лодку.

Я подумал, что если записать звук рвущейся бумаги и оставить от него только низкие частоты, то получится нечто очень похожее на гром.

Дождь усилился так, что стало почти больно левому боку. На меня словно сыпали и сыпали свинцовую дробь. Туго надутые лодочные баллоны непрерывно гудели под её напором.

Снова сверкнула молния. Потом ещё раз, ещё. Разряды следовали один за другим. Небо стало похожим на взбесившийся фонарь дневного света, вспыхивало не переставая. Гром грохотал, не умолкая ни на миг.

«Интересно, если молния ударит в реку, я умру?»

Река была освещена почти непрерывно.

Струи воды текли с края капюшона.

«Не затону ли я от прибывающей в лодке воды?»

Потом вспомнил, что совсем недавно лодка спокойно держала помимо меня моего стокилограммового друга Диму, и успокоился. Даже это разгневанное небо не смогло бы налить сюда центнер.

Взрывы следовали один за другим. Молнии высвечивали страшные чёрные, похожие на застывших в бесовской пляске деревья.

Река ворочалась подо мной, словно норовя перевернуть лодку, но я знал, что это невозможно.

И всё вместе, разряды над руслом, шевеление принимающей струи дождя реки, будоражили самые тёмные уголки в моей голове, и оттуда выползал страх.

Внезапно лодку мою сильно, словно бы даже с ожесточением ударило о берег, новая молния осветила небосвод, и я увидел устремлённые на меня из сухой травы мёртвые птичьи глаза. Кто это был? Сокол? Пустельга? Ястреб? Мне запомнился взгляд, приоткрытый жёлтый клюв и несомерно длинные, похожие на хирургические инструменты, полупрозрачные когти.

Река снова ударила лодку о берег и понесла дальше. Ещё одна молния напоследок высветила устремлённый на меня из седой травы взгляд мёртвой птицы.

Ливень долго засыпал холодной дробью мою лодку, но ближе к рассвету запасы его иссякли. Ветер стих. Потянуло зябкостью, которой я не чувствовал во время дождя.

Плыть на рассвете среди сбитых за ночь красных и жёлтых листьев – зрелище для фильма о счастливой судьбе.

Я сидел, скинув с головы капюшон плаща, смотрел, как свет скользит, растворяясь в каплях на белёсой траве, как плывут по течению, кто на поверхности, кто утонув и проглядывая сквозь воду, листья дубов, осин, клёнов.

Холодило влажное плечо. Должно быть, там в плаще была дырочка. Зябло лицо, голова, шея.

Проплыл под одним мостом – бревенчатым, до умильности стареньким и домашним, потом под другим – бетонным, основательным.

Солнце, разгораясь, вставало над горизонтом, заливая мир всеми оттенками красного. Вот розоватый, серо-жемчужный мелькнул в тельце мелкой речной волны. Вот бордовая искра зажглась на истоптанном людьми и коровами берегу. Вот, будто укрытые красными полотнищами, вспыхнули крыши домов села Заречье, мимо которого плыву.

Мир тих. Ни намёка на ветер. Река податлива и безмятежна, как сон ребёнка.

Я выхватил из воды сбитый непогодой лист клёна, вставил черешок меж зубами. Мне ещё довольно далеко плыть.

Мгновение

Чёрный, как смоляное чучелко, кот сидит на дереве. Он притаился в гуще ветвей черёмухи и замер. Он охотник. Он тощ, поджар, когти его острее рыболовных крючков, мышцы твёрже дерева, шерсть гладка и бархатисто ласкова, глаза его – две луны. Кот замер, слился с корой, с неподвижностью ствола, с безветрием, которое вечно царит внутри черёмухового огромного куста.

Но вот шевеление, порх, и рядом с кустом пролетает воробей. Тело кота распрямляется мгновенно, будто выстрелившая пружина, пробивает в прыжке листву и стремительно несётся к взбивающей крыльями воздух птице.

Когти на передних лапах кота выпущены, солнце вцепилось в каждое остриё и хищно играет на них. Кот летит, прыжок его красив, стремителен. На шерсти его, на каждой шерстинке, иссиня-чёрной, тоже играет летнее предвечернее солнце.

Детей «запрягли» окучивать картошку. Они городские, но сейчас они в деревне, и помогать бабушке их священный долг. Дети расстроены. Однако, покорно положив тяпки на плечи, идут мимо большого, как колхозная скирда, куста черёмухи в сторону огорода.

Мальчик спотыкается. Тяпка его, остро наточенная приехавшим сегодня дядькой, сверкая на солнце острой кромкой, летит сестре прямо туда, где встречается шея с плечом и проходит яремная вена. Плечо сестры худое, вены лежат так близко к поверхности кожи, что она могла бы служить живым экспонатом для студентов-медиков.

Сын бабушки, дядя Коля, сидит на крыше и пытается придумать, как подтянуть чуть съехавший лист шифера. Он тянется, тянется. Держаться ему всё менее и менее удобно. Ещё мгновение, полу-, нет, четвертьмгновение, нога его заскользит, сорвётся. Он в тапках. Тапки – не самая лучшая обувь, чтобы лазать по крышам.

На земле у стены дома, прямо под тем листом, который пытается подтянуть сейчас дядька, лежит борона – шипастая конструкция, брошенная здесь с весны местным трактористом. Брошенная шипами вверх. Борона густо заросла бурьяном и совсем не видна.

На детей с тяпками смотрит старик Крысанов. Он стоит рядом с бабушкой Марь Ивановой, и они ведут разговор о видах на урожай.

– Ничего не будя, – говорит уверенно Марь Иванна. – Всё посохня.

В голосе её слышна вековая крестьянская хитрость. Убеждая себя и остальных, что урожай погибнет на корню, она думает так обмануть судьбу. Это повторяется каждый год. О том знает старик Крысанов, знает сама бабушка.

Старик не знает о том, что в его ярёмной вене оторвался тромб и сейчас несётся к сердцу, к тонким лепесткам сердечных клапанов.

Тишину мягкого летнего предзакатного часа пререзает резкое истошное воробьиное чирикание. Когти чёрного кота трогают перья на хвосте птицы и, разминувшись, уносятся дальше. Недовольный истошный мыв оглашает округу.

Девочка, в чьё плечо летит острым углом наточенная, светящая стерильной кромкой тятка, вздрагивает, оборачивается всем телом. Рассекая воздух, сталь, поймав и тут же выпустив луч солнца, пронесится мимо.

– Дурак, что ли? – кричит девочка на брата.

Дядька, услышав чирикание и мыв кота, вздрагивает, вцепляется в изгибы шифера. Из кармана его растянутых треников выпадают пассатижи, едут вниз и, исчезнув за краем крыши, звонко обозначают свою встречу с лежащей внизу бороной.

Старик Крысанов охает от громкого, раздавшегося прямо над ухом цвирка воробья, едва не ставшего жертвой кошачьего сафари. В старости Крысанов стал пуглив, вздрагивал от любого резкого звука или движения.

– Дурак, что ли? – слышит он крик девочки, чудом увернувшейся от наточенной тятки.

Сердце старика сжимается и рвёт галопом, будто иноходец через поля.

Тромб, подгоняемый усилившимся током крови, влетает в клапан сердца, задерживается, застревает, но, подхваченный напором, бьётся вверх, вниз, шевелится, поворачивается.

В глазах у старика темнеет.

Звук ударившихся о зуб бороны пассатией звенит вдруг очень чистой и пронзительной нотой, заставляя старика вздрогнуть ещё раз. Он вздыхает глубоко раз, другой. Тромб поворачивается и створки клапана пропускают его. Сгусток крови – несостоявшийся убийца, несётся, чтобы раствориться и уж более никогда не потревожить старика Крысанова.

Кот приземляется на лапы и начинает вылизываться. Морда его выражает равно и досаду, и презрение ко всем свидетелям его позора.

Воробей взмахивает крыльями и растворяется в мешанине солнечных лучей и листвы.

Мальчик, вздыхая, идёт за девочкой к картофельному полю.

– Нет, Марь Иванна, – говорит старик Крысанов, чуть отдышавшись. – Гидрометцентр сказал, погода будет хорошая. Дождь в меру и солнца в меру. С урожаем будем, вот увидишь.

На льду, подо льдом, надо льдом

Смотрел стрим. Один рыбак рассказывал в прямом эфире, как они только что упустили под лёд зимнюю удочку. Рыбак был изрядно пьян. Он радостно кричал в камеру, что какая-то дрянь, на самом деле он употребил другое слово, увела под лёд удочку.

Время тёмное. Декабрь. Лёд встал крепкий. Рыбак вёл стрим из утеплённой, судя по металлически блестящим «пенкам», палатки. Посередине палатки меж выстланных смято-зеркальными поверхностями «пенок» выделялась чёрная дыра лунки.

Рыбак, легко одетый, похоже, в палатке было тепло, размахивал руками над чёрным зрачком во льду и пенял напарнику.

– Ну, как ты упустил? Не, ну как так-то, а?

Напарник что-то невнятно мычал из неосвещённого угла.

На портативной газовой горелке стояла небольшая сковородка и на ней что-то шипело.

– Вот они! Окушки! В сметанке! Шкворчат, дымят. Ах! – восторженно вещал над сковородкой рыбак.

В палатке играл то ли doom, то ли death. Видимо, рыбак был убеждённым металлистом.

Шкворчало рыбье мясо на сковороде, играл doom или death, чернела лунка, в которой вздыхала живыми огромными лёгкими река. Я смотрел стрим и вдруг словно бы провалился в это чёрное пятно посреди человеческого уюта, переполненного человеческими звуками, запахами, светом.

Там, подо льдом, метался окунь, небольшой, с ладонь, который волочил за собой короткую пластиковую удочку.

Боль в верхней губе и непривычная, но как-то жёстко связанная с ней несвобода передвижений пугает и мучает рыбу. Окунь делает движения хвостом, плавниками, но тело не слушается. Он поворачивает в одну сторону, в другую, однако боль в верхней губе, распространившаяся на всю голову, не даёт повернуть. Тело стало чужим, непослушным. Картина мироздания рыбы рушится. Окушок мечется, задевая спинным плавником лёд, волочащаяся за ним удочка диктует свои правила. Он пытается нырнуть, но чужая сила снова выволакивает его наверх.

По льду распространяются вибрации, от которых он хотел бы держаться подальше. Эти вибрации, колебания и биения – музыка, что играет в палатке. Doom, death. Могучие, как боги, существа, поймавшие окуня на удочку и упустившие его, слушают doom и death.

У рыб нет ушей. Они слушают музыку телом, средней линией. Теперь окунь знает, как звучит музыка богов.

Каждый из нас хоть однажды чувствовал себя рыбой подо льдом, подцепленной на крючок пьяными хохочущими богами.

Счастье, что мы не понимаем речи богов, а то бы услышали:

– У этого брюхо плохо вычистил...

– Окуня надо есть прямо со сковородки...

– Этот готов уже, снимай...

Боги вершат дела.

– Мелкий совсем. Может, отпустим? На кой он?

– Пусть полежит, потом в уху заправим.

Боги смешливы и веселы.

...Твоё тельце на сковородке.

– Это просто температура, – убеждаешь ты себя и пьёшь жаропонижающее, принесённое женой.

Нет, друг мой, это не температура. Твоя беда в том, что ты лежишь на сковородке и тебя поджаривают.

– Этих снимай, – слышится голос, – а этот пусть ещё поджарится.

У тебя всего лишь 39,7, не повод умирать. Да и врач успокаивает, говорит, если не помогут эти антибиотики, попробуем другие.

Возможно, антибиотики и помогут против сковородки, на которой ты лежишь, но не факт.

В обиталище богов играет doom. Голос судьбы. Ты слышишь его и хотел бы держаться от него подальше.

Окуню, ушедшему вместе с удочкой, ещё повезло. По большому счёту, в палатке ад. Здесь вырывают внутренности, гудит огонь и пышет жаром раскалённая сковорода. Кричать бесполезно, рыбаки не слышат голосов рыб.

...Рыбак – алкоголик, и печень отправит его на тот свет через... Нескоро, но неизбежно.

Другой ходит время от времени с миноискателем по окрестным полям и лесам и однажды наткнётся на незарывавшуюся мину.

Сработают поставленные жерлицы. Хищник станет добычей.

Потом однажды попадётся на крючок и охотник на наших рыбаков. Пусть он и обитает где-то высоко-высоко.

И тот, кто охотился на него, тоже. Через пару миллиардов лет.

И тот... Через период, для которого нет слова в человеческом лексиконе.

...Рыбак – неплохой человек. Сказал, что жена его продаёт в местном торговом центре оружием – арбалет, ножи, баллончики с отравляющим газом.

Дмитрий ЗАМЯТИН

БОГ ТОЖЕ ОДИНОК

заполнение одиноким голосом позади	без помощи памяти опыта
определить эту улицу как свою	за ветхой марлей
в каплях дождя на подоконнике	аффектов
время медленно растворялось	лето стало бесшумной
	комнатой
архипелагом	
старинной голубой бумагой	

взрывом перезревших слив	белесый скелет неба
прикладывать к уху	ошибочность пробела
горящий торф	подобно гарнизону в захваченном
	городе
возрастающей истерией барабанов	никакой тяжести
чужеземно тепло	вокзала

весеннее порно сырой земли	как рассматривает место себя
я пробовал шекспира читать	горстью талого льда
сквозь смятое время	настоящий детский потлач
уничтожать междометья	над балтикой слёз
придвинув мгновенно вечер	

в ржавчину белых ночей	нетрудно поверить в то что
когда-то	
нуждается тело в легенде	из раковины сроков выпадая
	наполняя воздуха мякоть
яблоко заполняет комнату неба	

Дмитрий Замятин родился в 1962 году в г. Свердловск-45. Окончил географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, докторантуру Института географии РАН. Кандидат географических наук, доктор культурологии. Публиковался в журналах «Новое литературное обозрение», «Новая Юность», «Воздух», «Волга», «Урал», TextOnly, «Зеркало» и др. Автор пяти поэтических книг. Лауреат Премии Андрея Белого (2011) в номинации «Гуманитарные исследования», а также Международной отметины имени Давида Бурлюка (2018). Живёт в Москве.

достигнуть простоты животного	как в старых операх
сквозь ленивые точки тусклости	очищенный от аритмии предположений
точно выбирая себя в персонажи	никогда не теряя листвы
лоском случайностей	
в нестройное время кайросов	строить прерывистую совместность
грудами кирпича под снегом	

перебираясь из сумерек в вечер	
в крахмальной полутьме постколониализма	
	наслаивать чувство слабости
речевым чревом пустот	на потных кленовых листьях

когда мгновенье замедлено светом	совпасть с тишиной мира
бессознательно отступая	мне не хватило ночи
валетом дотлевало лето	поёживаясь бесконечностью
общественные сады википедии	изменения климата
	волонтерские ассоциации
пережёвывать жижу и жить	даже в лапласовской вселенной

с податливым ветшаньем комнатных вещей	мягкое полыханье в груди
самонапряжённые конструкции дней	
под стук трамвайных колёс	нельзя требовать геометрической
	очевидности
голым огнём холода	серебристым фальшивым чмоканьем
мы можем дать имя отсутствию	

такие долговязые мозолистые звуки	и внутри длится яркость
ветреностью андрогинной весны	перевёрнутым
	падением горошин
пахоты пах запах	единым взаимно-пронизанным
	образом-взмахом
не сдерживать себя и повторять ничего	коренастой сипящей
	дикостью

приоткрытый дыханьем набухших холмов	старинным воздушным
фиолетовой флегмой глаголов движения	з(а)даньем
тащиться таращиться тщиться	нездешним животным
запрокинувшись на острие	чужести
чьей-то балконной эклоги	

мы продолжаем ставить на эту вселенную	чтобы течь плотной тёплой
	толпой
хакеры в лесах метамодерной	схоластики
они ложились подолгу в облака	отдалённым речным клипом
звено между яблоком и луной	тёмная неумеренность их
	немоты
надкушенный полый город	в чётком тигле июньского неба
шуршащей рифлёной сухью	вечное отрочество
	будущего

в трупных умах трубопроводов	отблеск закатного бальзамина
сентиментальничать одноэтажным и	
деревянными	несмотря на дождь
это факт что он нелокален	лезвием жёлтых сумерек
разрезающей бронзой листвы	печь стихийное тихое время
запах прошлых приездов	[на берегу безымянности]

это легко принять за провинцию	для отладки собственной стёртости
господствует гипервремя	линзы размороженных лопнувших рек
вода в душе была тёплая	задержав навсегда вязкий вздох
	континуальное оперирование смыслом
два слова на вокзале	устав переходить на внутренний
	свет
как кусок сахара в кипятке	

* * *

* * *

* * *

* * *

мешковиною вечера ветер ретвит либо встречный вопрос

* * *

в щемящем растворяющемся настоящем субъект неустовленного
становления
в щебечущих отсветах раннего лета
раскавычивая каждое вечное предложение
я хочу забежать вперёд ветхим воздухом полдня
[булыжник вложен в голубое]
в чёрный лак фортепьян говоренье о тающем детстве

бог тоже одинок
на хрупких устоях пустоты
сквозящая точка движет письмом
пейзажа

1

Пока на нее не смотрели, Ульяна провела пальцем по холодному голубому кошачьему носу. Их тут, на комод и полках, сотня, не меньше, – фарфоровых сувениров под гжель. И столько же фигурок из керамики, из натурального меха, из искусственного меха. И все кошки.

В то время как Ульяна рассматривала статуэтки, Алексей разговаривал с хозяевами квартиры.

– Большинство книг мы, конечно, не заберем. Но вот этот экземпляр... за него мы готовы дать тысячу. Вас такая цена устраивает?

Молодые хозяева – явно просто собственники, не жильцы – сиротливо стояли в дверях гостиной и жались друг к другу, как неразлучники. Услышав слова Алексея, они заулыбались с не прикрытым удивлением.

– Да, конечно, мы даже не...

Мы даже не догадывались, что он столько стоит. Ульяна отвернулась от кошек и продолжила складывать книги в коробки. Алексей рассказывал собственникам, сколько стоит тот или иной экземпляр (если стоит вообще), он называл смешные цифры, но счастливые хозяева только улыбались и кивали. Алексей отсчитал деньги прямо из своего кошелька.

Затем остановился рядом с Ульяной, оглядел кошек и привычным движением утянул в карман одну из статуэток.

– Все упаковано, – отчиталась Ульяна.

– Отлично, понесли.

Ульяна обернулась напоследок. У стены стояла ручная машинка «Зингер», к корпусу скотчем приклеена визитка «Ремонт», в мобильном номере – число 333. Рядом с машинкой высилась стопка металлических коробок из-под печенья, поверх стопки лежала игольница в виде красного сердца. Булавки и иглы торчали из нее, как на «Тройке мечей».

Стоило Ульяне подумать о таро, как она заметила карточку за стеклом советского серванта. Алокрылый ангел трубит благую весть, с земли к нему тянут руки обнаженные радостные люди – аркан «Суд». Воровски оглянувшись и убедившись, что на нее не смотрят, Ульяна подошла ближе. Хорошая печать, плотный картон. Самой колоды поблизости не видно, будто кто-то нашел карту по случайности и, не зная ее значения, принял ее за открытку.

И Ульяне захотелось прикоснуться к карте, забрать ее с собой, но она помнила, что брать чужие таро – плохая примета: колода впитывает энергетику хозяина. И пусть Ульяна не верила в приметы, пусть всем говорила, что ратует за научный подход и доказательную медицину, все же – на всякий случай, не более – она отдернула руку.

И в этот момент, подняв глаза, она увидела, что из тусклого отражения в буфетном стекле на нее смотрят черные-черные глаза. Из серванта клацнуло. Ульяна сглотнула, схватила коробку с книгами и понесла ее прочь из квартиры.

Ульяна работала в букинистическом на цокольном этаже жилого дома. Там продавались книги по сорок пять рублей и раритетные мелочи: советские неваляшки, нитки жемчуга из шкатулок давно почивших женщин, неработающие пленочные фотоаппараты в роскошных кожаных футлярах, значки с Лениным.

Елизавета Макаревич родилась в Одинцово Московской области в 1999 году. Окончила Литинститут им. А.М. Горького. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Москва», «Этажи», «Дружба народов». Живет в Москве.

Низкий худощавый Алексей был для Ульяны и шефом, и напарником. Бородкой он напоминал Троцкого, а желтой кожей курильщика – страницы книг, которые они с Ульяной разбирали часами. Он ходил в одной и той же, но всегда выглаженной и чистой одежде. В свободные минуты мял в руках маленький резиновый мячик: тот непременно лежал в нагрудном кармане Алексеевой куртки. Ульяне все хотелось спросить, для чего нужен этот мяч, но она тактично молчала. Ульяна подозревала, что Алексей – «на спектре». Как бы то ни было, ей нравилось с ним работать: он обращался к ней на ты, разрешал переставлять смены в последний момент и не задавал лишних вопросов, заметив хаотичные белые линии на Ульяниных предплечьях (и все же Ульяна перестала носить короткие рукава).

Помимо кассы, в Ульянины обязанности входил поиск клиентов. Раз в пару часов она проверяла объявления на «Авито», искала редкие издания, ненужные библиотеки, списывалась с владельцами, договаривалась о встрече. Но больше всего, кажется, Алексей ценил Ульяну за ее шкоду-октавия-универсал. Вместительного багажника хватало, чтобы сложить коробки с книгами.

В тот кошачий день, когда они поехали обратно в магазин, Алексей как всегда сидел рядом с Ульяной и пересматривал отложенные в рюкзак книги. Эти книги отправятся не в букинистический, а к Алексею домой. А там уже как повезет.

– Гляди, дореволюционный экземпляр, – говорил Алексей, пока Ульяна неотрывно следила за дорогой, – с автографом автора. Ты представляешь? Тысяча рублей... я продам ее за пятнадцать.

Он достал из рюкзака мультифору и бережно завернул в нее книгу. Когда речь заходила о книгах, Алексей превращался в фанатика. Он видел ценные экземпляры издаека, распознавал их там, где Ульяна видела только потрепанные корешки, читал, кажется, все на свете и прочитанное скидывал Ульяне на стол – то ли по инерции, то ли в надежде воспитать молодежь. В такие моменты Ульяна вспоминала, что между ними разница в тридцать лет.

– Видела кошек?

– Сложно было не заметить.

– Ты подумай только, это ж годами надо было собирать. Потом все – смерть, и коллекцию раздали, вынесли на свалку. А ведь в ней – весь человек.

– Ну, не всю же жизнь таскать ее с собой?

– Ты же знаешь, я человек не сентиментальный, – с напускным равнодушием произнес Алексей. – Но кое-что понимаешь, только когда по-настоящему теряешь человека. Когда от него не остается ничего, кроме вещей.

Ульяна неслышно цокнула. Свернула на парковку.

– Ладно, – нарочито громко произнес Алексей, – раз приехали, пора снова за работу.

...Ульяна остановила машину у торгового центра. Краем глаза заметила номер автомобиля, припаркованного рядом, – 313. Отвела взгляд, выключила радио, настроенное на новостной канал. В этот момент двери ТЦ расплзлись, и на улицу выпорхнула Вика.

Сначала рывком открылась задняя дверца. На сиденье упала спортивная сумка. Дверца захлопнулась. Затем Ульяну обдало холодным воздухом, и рядом с ней приземлился ветерок.

– Здравствуйте, Анна Павлова, – ухмыльнулась Ульяна.

Вика улыбнулась в ответ, не отрывая взгляда от своего отражения в зеркале заднего вида. Пригладила пушистые тонкие волосы на висках, выбившиеся из тугого пучка.

– Как прошла тренировка?

– Слушай, чудесно. – Вика наконец обернулась к Ульяне. – Я не знаю, меня эти девчонки прям заряжают. Я иногда думаю: вот что ты ходишь, ни выворотности, ни пластики. А потом они так благодарят за занятие, что, блин, даже стыдно за такие мысли становится.

– Ого, ты сегодня чувствительная.

– Сама в ужасе! – рассмеялась она и откинулась на спинку сидения. – Сходи уже ко мне на танцы, хотя бы на пробное. Я прям чувствую, как внутри тебя бурлит энергия.

– Какая энергия, Вик? Я с кровати еле встаю.

– Вот потому и еле встаешь, что твоя энергия выхода не находит.

Опустив голову, Ульяна принялась ковырять заусенец на большом пальце. Затем заговорила:

– Слушай... У тебя же выходной завтра? Как тебе идея: заезжаем к тебе, ты кормишь Дею и берешь вещи, и мы едем ко мне домой, посмотрим что-нибудь ненапряжное. У меня есть сливы, можем приготовить варенье.

– Ты же знаешь, меня дважды просить не нужно. Только варенье сама мешать будешь.

И вскоре они сидели на Ульяниной маленькой кухне – желтой от советских обоев в цветочек. (Мама все повторяла: «Вот зачем тебе эта машина? Лучше бы ремонт сделала, смотреть страшно!») Но Ульяне страшно не было: она никогда не отличалась привередливостью. Разве что хотелось чуть-чуть больше места. Как и Алексей, Ульяна забирала с работы понравившиеся книги, понравившиеся вещи. В прихожей висели часы без птички. На туалетном столике лежал деревянный резной гребень (перед тем как помыть его, Ульяна щедро посыпала зубчики солью: прочитала, что так можно очистить энергетику расчески и – на всякий случай – очистила). На холодильнике висели поблекшие открытки с картинами из Третьяковской галереи.

Но это все по мелочам; вот в гостиной – она же Ульянина спальня – было действительно не развернуться. Там вдоль стен (повесить полки не дошли руки) выстроились книжные башни разной высоты: Элиаде, Грейвс и еще пара экземпляров из «Личной библиотеки Борхеса», Еврипид, иллюстрированные издания сказок, Юнг, Вудман, Сергеева, Татар, над ними Сапольски – многочисленные свидетельства Ульяниных попыток систематизировать реальность. Иногда, засыпая, Ульяна смотрела сквозь ресницы на черные силуэты книжных башен, и ей казалось, что это нижняя челюсть какого-то зверя с кривыми зубами.

Раз в год, в разгар зимы, Ульяна сбрасывала часть вещей в мусорный мешок и выносила на помойку. Это случалось в те моменты, когда чудище принималась особенно громко клацать зубами, а мир вдруг становился пыльным, как ковер на стене. Ульяна долго намывала линолеум (в одном месте он даже взбух пузырем), аккуратно раскладывала книги, убирала в коробки спицы, мотки пряжи, изделия. Она рассчитывала оставить после себя чистоту.

Для создания чистоты нужны были силы. Так что Ульяна записывалась к врачу, получала рецепты на антидепрессанты и транквилизаторы и никогда не приходила на повторный прием. Когда квартира оказывалась убрана, а ковер мира – выбит, жизнь вдруг становилась посильной. И Ульяна слезала с таблеток, постепенно сокращая дозу.

Во время одной из таких чисток Ульяна выбросила дневники, которые вела с начальной школы вплоть до выпуска с филфака. Потом она их долго оплакивала: в этих дневниках можно было прочитать про папу...

Вика и Ульяна нарезали сливы, сковыривали косточки в миску.

– А потом он говорит, мол, за пятнадцать тысяч продам. В общем, все как обычно.

– Да уж, этот Алексей – ого-го, – жуя, отозвалась Вика.

Она зажмурилась и потянулась. Потом подперла голову руками и с нежностью посмотрела на Ульяну:

– Блин, как же хорошо просто так сидеть с тобой... Все-таки подруга – лучшее, что может случиться с женщиной.

Ульяна с сомнением улыбнулась:

– А почему не пассия?

– Потому что. Я тебе как разведенка говорю.

– Ладно, ты у нас эксперт, не я.

Ульяна состояла в отношениях лишь однажды. Ей было шестнадцать, ему – двадцать пять. Они общались три месяца, все закончилось само собой и оставило фантомные прикосновения сухих пальцев.

– А мама? – предложила Ульяна.

– Тут как повезет.

– Хорошо, а дочь?

– Тут кто как захочет. Кстати, я что-то такая сентиментальная стала: начала умиляться детям.

– Не поверишь: я тоже. В зимних комбинезончиках они на мишек похожи.

Вика откинулась на спинку стула, прожевала очередную сливу.

– Дети классные. Помню, в ДК вела хореографический кружок. Как они еле-еле в плие сядились, гусята. С детьми было весело, а вот с их родителями – треш.

Викин голос, похожий на зверька, ходил кругом Ульяны, терся мягкой спинкой. Ульяна чувствовала его мокрый нос, когда Вика вдруг передразнивала кого-то, тонкий хвост, когда она переходила на шепот. К ее голосу примешивался стук косточек о стенки миски. Ульяна считала про себя до десяти и по новой.

– Все-таки хочу родить в будущем, – продолжала Вика. – Но только в будущем, не сейчас. Не знаю, как люди понимают, что готовы. Может, я проснусь в один день, и мне в голову ударит мол, все, пора? А ты, кстати, – (Ульяна вздрогнула, будто зверек запрыгнул ей на колени), – что думаешь, хотела бы ребенка?

– Нет. У меня наследственность так себе, это будет... негуманно.

– Ну, слушай... – Вика взглянула на Ульяну исподлобья, явно борясь с желанием спросить. – Резонно.

Наследственность давила на Ульяну со всех сторон, тянулась папиной, маминой линиями, разрасталась раковыми клетками, ставила капканы структурных изменений мозга. Впрочем, все эти комбинезончики, пюре, каталочки-пудели были так далеко, что Ульяна даже не расстраивалась.

– Ты же в курсе, я не создана для отношений, – добавила Ульяна.

– Ну, как знать, как знать. А вообще это же не плохо. Мне вот тоже в одиночестве, как оказалось, вполне даже. Главное – чтобы было хорошо с самой собой.

Ульяна улыбнулась.

...Засыпанные сахаром порезанные сливы стояли в холодильнике под крышкой. Часы без птички мерно отсчитывали «раз-раз-раз». Ульяна и Вика лежали на раскладном диване, на том самом, где долгие годы в одиночестве засыпала Ульянина бабушка.

Ульяна часто думала, что надо бы диван поменять: уж больно часто бабушка приходит во сне. Снится, как она стоит неподвижно посреди комнаты, как прикладывает к губам негнущийся палец и шепчет, что немислимые «они» уже выехали. Но ни «они» не приехали, ни диван Ульяна не выбросила. Она повторяла себе, что не верит в энергетику вещей, как не верит в приметы и знаки. Но все равно – на всякий случай, когда не видят – сплевывала за плечо, стучала по дереву, да еще с гребнем этим...

– И я ей говорю, мол, есть травмы? Ну, как обычно, – вполголоса рассказывала Вика. – И ты не поверишь. Она смотрит мне в глаза и серьезно так: «Развод родителей». Я чуть не заржала, реально.

Ульяна уплывала в сон. Смыслы слов отделялись от звуков.

– Блин, я не хочу обесценивать и все такое, но слово «травма» стало таким попсовым. С каких пор всем хочется быть травмированными? Будто травма – это... пропуск в клуб классных ребят.

Она перевернулась на бок, заелозила по простыне, пытаясь улечься поудобнее. Ульяна зажмурилась, чтобы не упустить сон.

– Вот ты мне скажи, – продолжила Вика, – тебя травмировал развод родителей?

– Не.

– Вот и меня нет. А вообще есть у тебя травмы?

– Нет. – Сон объял, как вода. – Только горечь.

Ульяна не знала, родилось ли чудище в год ее шестнадцатилетия или всегда жило в тени. Она лишь осознавала, что теперь чудище будет приходить снова и снова, каждую зиму. Оно будет отделиться от темноты, ходить кругами, подбираясь ближе, загораживая входную дверь, оставляя в комнате следы грязных лап, нестиранную одежду, пакеты с вещами на выброс.

Ульяна знала, что чудище любит острые предметы. Ему нравятся канцелярские ножи, сменные лезвия, разобранные бритвы. Чудище любит вяжущий голод и всегда просит есть, чудище

любит сахар и жир. Но главное – чудовище постоянно класает челюстями. И его класанье настолько громкое, что заглушает весь мир.

2

«Тебе поесть прихватить?», «В магазине что-нибудь нужно?», «Если тебе что-то надо, сразу пиши, хорошо?»

Ульяна переписывалась с матерью через день, раз в неделю заезжала проведать. Все предлагала привезти продукты, помочь деньгами. Мама отнекивалась, махала руками: «Ульяш, ну я что, немощная, по-твоему? Мне до пенсии еще пять лет!»

Но Ульяна-то знала, что да, немощная. Ульяна помнила, как тяжело мама переживала развод, как плакала по ночам. Все сетовала, что «потратила жизнь не на того человека», и учила Ульяну, что именно мужчина нужен женщине, когда той страшно и больно, только с мужчиной можно почувствовать себя в безопасности. Потом она обнимала Ульяну и целовала в висок: «Ну, что ты сидишь со мной? Уже три часа, иди спать, тебе утром в школу». Но Ульяна чувствовала: мама хочет, чтобы она осталась, – и оставалась.

В одну из таких ночей мама, плача, начала бить себя кулаками по бедрам. И от накатившего ужаса Ульяна почувствовала себя маленькой. С тех пор она только и думала, как бы стать большой и сильной, – чтобы маме всегда было к кому прибежать.

...Хоть у Ульяны и имелись свои ключи, она предварительно постучала в дверь. Затем вошла в прихожую, потопталась на половичке, чтобы сбить снег с ботинок. Поставила к стене пакеты с продуктами – по дороге заехала в магазин, набрала маме еды на свой вкус. На кассе озвучили стоимость: 777 рублей.

– Мам! – окликнула она.

Мама высунулась из кухни, заулыбалась.

– Ой, а я даже не услышала, как ты пришла. Здравствуй, дорогая.

Она обняла Ульяну и поцеловала в щеку. Ульяна удержала ее за плечи, уткнулась носом в висок (когда мама стала такой низкой?), вдохнула нежный запах. Мама со смешком вывернулась из объятий и подняла принесенные Ульяной пакеты.

– Это что, опять все мне? Я же просила, Ульяш...

– Подожди, не уходи. – Ульяна принялась рыться в рюкзаке. Вытащила контейнер, завернутый в фольгу. – Вот еще, держи. Это банановый пирог.

– Ну ты даешь, чудо-юдо! С каких пор ты умеешь печь?

– Недавно проснулась любовь к готовке.

– Жаль, что она спала, пока мы жили вместе.

Они рассмеялись.

Позже, сидя за столом, Ульяна слушала мамины рассказы о районной поликлинике. «Вот на вернулась на льду, так ни в травмпункт, ни к ревматологу не пробиться!» Ульяна улыбалась, а сама думала о переломах шейки бедра и гиподинамии. Старалась отвлечься от страхов, хотела постучать по дереву, но кругом было только ДСП. Ульяна давно поняла, что любить – значит бояться.

– Ты смотри осторожнее. – Ульяна старалась звучать спокойно. – Не дай бог что...

– Да что ты сразу, – с улыбкой отмахнулась та, – драматизируешь. Ты-то сама как? Ешь нормально?

– Да, все в порядке.

– А чего тогда выглядишь неважно?

– Вообще... – Ульяна подняла голову. – Знаешь, мама, мне цифры режут глаза.

Они молча смотрели друг на друга: мама – растеряннo, Ульяна – выжидающе. Наконец мама, не выдержав, отвела взгляд. Засуетилась над Ульяниной тарелкой, стала накладывать непрошенную добавку.

– Ты всегда так образно выражаешься, – мама неестественно хихикнула. – А глаза надо беречь. Я тебе всегда говорила: слишком много читать вредно.

– Да я не об этом.

– А о чем?

И, помедлив, Ульяна улыбнулась, мол, забудь. Не надо было тревожить маму, ей и так плохоет без причины. Маму нужно беречь – посадить на детский стульчик, чтобы та всегда была накормлена и не навернулась ненароком.

Ульяна опустила глаза и поняла, что все это время расковыривала заусенец.

За Ульяниным маленьким столом почти не было места. Прямо под носом лежали калькулятор и тетрадка для записок, блок товарных чеков, стаканчик с канцеляркой; по правую руку – свежепривезенные приличные издания (будут на глазах – скорее продадутся); по левую – ящик с репродукциями, пленочными черно-белыми снимками, советскими открытками.

Иногда в магазин попадала симпатичная мелочевка (бусы из бисера, елочные игрушки, пожелтевшие голографические календарики), и ее Ульяна также складывала на столе. Более крупные находки: кувшины из толстого хрусталя, фарфоровые фигурки, подсвечники, складные ножи, шкатулки – хранились на витрине за стеклом.

Ульянина пряжа по обыкновению лежала под столом. Там же, в пакете, всегда имелись спицы, журнал со схемами и начатое вязание.

Когда Алексей вернулся с коробкой новых книг, Ульяна считала петли.

– Что плетешь, паучиха? – окликнул он. – Историю мира?

– Сегодня просто палантин для мамы, – не поднимая глаз, отозвалась Ульяна.

Звякнул дверной колокольчик. В магазин вошли две девочки. Ульяна отметила в тетради количество сделанных петель и принялась наблюдать за посетительницами. Им было лет по четырнадцать, явно после школы: обе с заплетенными волосами, в юбках по колено, в руках пакеты со сменкой. У одной из девочек на шопере значок с надписью «Школа № 555».

– У моих бабушки и дедушки такие были.

Девочки разглядывали кораллы и ракушки на витрине. Ульяна и Алексей забрали их у флегматичного мужчины, недавно похоронившего родителей. Тот сказал, мол, это все сувениры из путешествий, они не стоят ничего.

Когда девочки ушли, Ульяна продолжила вязать.

Иногда ей казалось, что ее руки живут сами по себе. Широкие ладони, тонкие длинные пальцы с выдающимися суставами, короткие ногти с обкусанными заусенцами – руки напоминали муравьев. Сколько Ульяна себя помнила, им всегда нужно было что-то делать. Поэтому с малолетства она рисовала, клеила аппликации, но чаще всего орудовала иголкой.

К десяти годам Ульяна сшила пару десятков тряпичных кукол. Они изображали Ульяниных любимых поп-певиц, персонажей книг, мультиков и компьютерных игр, героев, которых Ульяна сама придумывала перед сном. В ход шли срезанные с блузок пуговицы, старые футболки, синтепух из подушки. Однажды мама принесла Ульяне большой сверток белой в красное яблочко ткани. И тогда Ульяна сшила по новому костюму для каждой куклы, а потом устроила показ мод.

Мама сидела на диване, облокотившись на спинку, и с улыбкой наблюдала за тем, как Ульяна переставляет кукольные ножки. Куклы шествовали по подиуму, оглядывали публику, посылали воздушные поцелуи. Мама тихонько хлопала в ладоши, Ульяне казалось, что она разглядывает наряды с неподдельным интересом. И куклы шли быстрее, задорнее посылали поцелуйчики.

В коридоре прошаркал отец. Мама окликнула его:

– Эй, иди посмотри, у нас тут фэшн-шоу.

Он пробормотал что-то невразумительное, мама закатила глаза и кивнула Ульяне: «Продолжай».

Прошло более десяти лет, когда Ульяна вдруг поняла, что маме было неинтересно, но – не все равно. И от нахлынувшей горькой нежности хотелось кого-нибудь сильно-сильно укусить.

В средней школе Ульяна переросла кукол. Но руки все так же зудели от желания двигаться. И они плели фенечки и кольца из бисера, вышивали эмблемы рок-групп на рюкзаке и джинсовых куртках. Руки клеили коллажи, ради которых Ульяна изрезала мамину коллекцию журналов о

доме и быте. Руки соединяли бусины, картинки, смыслы. Руки привели Ульяну в букинистический.

Руки познакомили Ульяну с Викой. Пытаясь унять зуд в пальцах, Ульяна записалась на мастер-класс по икебанае. Подрезая сухую гортензию, она почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла голову. Напротив стояла русая девушка с высоким растрепанным пучком и светлыми, почти прозрачными бровями. «У вас такие кисти, – вдруг сказала она, – прямо-таки балетные».

После работы, припарковавшись у дома, Ульяна подолгу оставалась в машине. Часто она заезжала в магазин или ресторан быстрого питания, набирала побольше еды. Затем, сняв ботинки и поджав ноги, ела в машине, а обертки и фантики скидывала на заднее сиденье. На следующее утро устраивала уборку. Ульяна очень любила свою машину.

Мама, конечно, была против, хваталась за сердце: «А вдруг ты не справишься с управлением? Я же тебя знаю!» Но Ульяна знала себя лучше, а потому давно поняла, что без машины уже никак. Вступив в наследство, продала бабушкину дачу, оплатила автошколу, купила поддержанную школу. И мир стал тише.

Ульяна перестала носить наушники еще в студенчестве. Из-за вакуумных колпачков что-то в сознании закупоривалось, и Ульяне казалось, будто она смотрит на мир из-за стенки бутылки. Ульяна спускалась в метро, сталкивалась с картонными людьми, думала вслух и останавливалась посреди перехода. Поняв (или решив), что дело в наушниках, Ульяна убрала их во внутренний карман сумки и больше не доставала.

Стеклобрусный барьер рассыпался, и на Ульяну обрушились звуки. Вибрирующее воркование голубей, смех подростков с искаженными лицами, прищипывание и причмокивание мужчин, вздохи старух, обрывки телефонных разговоров.

– Я не понимаю, да почему у вас в больнице ничего нет? Я уже все привез: нутризон, памперсы...

– И она идет такая, качая своей... И как я должен на это реагировать?

– Нет, я-то готова внести предоплату. Но перед этим приведите квартиру в порядок, чтобы туда можно было въехать с детьми!

Ульяна слышала торможение колес и вопль клаксона, слышала хохот, харканье, сирену на заводе, собачий лай и последующий хлест поводком по мохнатой спине.

Она сбегала в метро, надеясь поскорее добраться до работы, и при виде людей, стоящих на краю платформы, у нее кружилась голова. Каждый день Ульяна представляла, как падает на рельсы. Но она знала, что это хорошо: такая мысль – барьер между идеей и действием, она означает, что Ульяна не упадет, не упадет. Затем были выход из метро, улица и новые звуки.

В конце измученная, Ульяна добиралась до нужного дома и, перепрыгивая через ступеньку, сбегала на цокольный этаж. Она проскальзывала в букинистический, где всегда было тихо, где покупатели из почтения разговаривали шепотом, разувалась в подсобке, выпивала воды и шла за кассу.

Машина была не капризом, а необходимостью. Машина стала для Ульяны доспехами. Поднятые стекла, как забрала, позволяли ей, оставаясь здесь, держаться подальше.

3

Брякнуло уведомление из новостного канала. Ульяна пробежалась глазами по тексту: «Осужденный за убийство 23-летней девушки помилован...» Она переключилась на чат с мамой, быстро набрала: «Привет, как ты там», – затем опустила боковое стекло. Вместе с воздухом в салон задудло мелкие мокрые снежинки.

В это же время – как раз вовремя – из дверей ветеринарной клиники вышла Вика. Задняя дверь машины тихонько открылась, на сиденье мягко опустилась переноска с кошкой внутри. Ульяна выглянула в окно.

– Ну что, как Дея?

– Даже задремала, прикинь. – Вика тяжело дышала, будто запыхалась. – Жесть, мне кажется, я переволновалась сильнее, чем она.

– Это уж точно.

– В итоге ничего серьезного. Я покурю, хорошо?

Викин силуэт казался совсем тоненьким против света. И даже распушенные пушистые волосы будто отяжелели и тянули вниз. Вика обняла себя за локти, чиркнула зажигалкой.

Ульяна вышла из машины.

– Постою с тобой.

В середине зимы неожиданно пришла оттепель. Пока Вика молча затягивалась, Ульяна рассматривала влажные деревья. Они блестели черным глянцем против оранжевых фонарей. Ульяне хотелось спросить, отчего кажется, будто ветви спиралью заворачиваются вокруг лампочек. На этот вопрос наверняка уже ответили, просто непонятно, к кому обращаться. Как хорошо, думала она, что у меня нет детей. Я бы ничего не смогла им объяснить.

– Спасибо большое, что заехала.

Прозвенело уведомление. Ульяна тут же разблокировала смартфон: пришло сообщение, мол, все хорошо, – и выдохнула с облегчением. Мама не отвечала достаточно долго, чтобы Ульяна начала волноваться.

Вика потушила сигарету о стенку мусорной урны, и уголек рассыпался искрами.

– Заходи в гости, угощу вкусным чаем.

...Вообще-то Вики не должно было здесь быть. Ульяна ни с кем не дружила дольше пары лет. Не специально, напротив, ей всегда хотелось иметь много друзей. Но оно само так получалось: подруги отваливались одна за другой. Переходя из младшей школы в среднюю, из средней – в старшую, Ульяна встречала девочку, которая неожиданно оказывалась ей очень близка. Пары разговоров по душам хватало, чтобы разжечь в Ульяне почти сестринскую привязанность. А потом что-то случалось, и всеобъемлющая любовь сменялась пренебрежением. Ульяна выбрасывала подарки, в остервенении рвала открытки. Может, это чудовище – тогда еще совсем маленькое – давало о себе знать.

Когда умер папа, Ульяна перестала отвечать на Викины сообщения. А Вика из деликатности перестала писать. На этом история и должна была закончиться. Но спустя полтора года – в четыре утра – вдруг пришло сообщение: «Привет, ты там как?» Разбуженная уведомлением, Ульяна больше не смогла уснуть.

А теперь они сидели вдвоем на Викиной светлой кухне с оливковыми стенами, ждали, когда приготовится в четыре руки сварганенный слоеный пирог. Пахло печеным яблоком. Ульяна наблюдала, как в прозрачном заварочном чайнике раскрываются листья, набухают кусочки сушеного манго. Вика, переодевшаяся в домашнее, то и дело закатывала рукава большого, с чужого плеча свитера.

– Это Вадимов? – спросила Ульяна.

– Ага. – Вика расправила и оглядела свитер, будто успела забыть, как он выглядит. – Так и не вернула.

– Тебе нормально носить вещи бывшего мужа? Я бы не смогла.

– Ну, так вещи ни в чем не виноваты.

Вика вышла замуж за Вадима в двадцать, развелась в преддверии двадцати одного. Разошлись мирно: оба поняли, что расписались импульсивно, немного на слабо. После Вадима у Вики был еще один мужчина. С ним также расстались на хорошей ноте. У Вики был дар без усилий увлекать за собой, так же легко отпускать. Рядом с ней Ульяна чувствовала себя тяжеловесной, словно полной застоялой воды.

– Нет, как человек Вадим прекрасный.

Опустившись на колени, Вика сквозь дверцу духовки наблюдала за пирогом.

– Но какой же тугодум! Ты прикинь, взрослый человек не знает, что тарелку после гречки надо мыть сразу. Или что секс – это не только про оргазм.

Ульяна сдержанно улыбнулась. В двадцать четыре года все, связанное с физиологией, вызывало у нее если не отвращение, то как минимум детское смущение. Ульяна мечтала избавиться от любых проявлений телесности, мечтала об асексуальности, аменорее, анорексии, анабиозе.

Со времен своего несчастного шестнадцатилетия она целовалась всего один раз. Ей было двадцать три, на улице капелью стучала весна, а она, сидевшая за барной стойкой, стала мягкой, невесомой и отчего-то тактильной. В полутьме тот паренек казался симпатичным, и Ульяна была даже не против, когда он ее поцеловал.

Во время поцелуя Ульяна от скуки открыла глаза. Пока паренек удерживал ее за подбородок, она думала о том, что чужие мокрые мясистые губы вызывают неприязнь. Чужие слюни, чужое дыхание, в перспективе – чужой пот и сперма. Идея близости. Паренек оставил Ульяне свой телеграмм. Она так ни разу ему и не написала.

Ульяна взглянула на часы – 21:21. Пора отправляться домой: завтра утром им с Алексеем предстоит осмотреть еще одну печальную библиотеку.

Мама сидела за кухонным столом, ссутулившись, как понурый полумесяц. Девятнадцатилетняя Ульяна, не глядя скинув ботинки, попыталась по маминой спине прочесть, что же случилось. Где-то в области солнечного сплетения зародилось ощущение, будто случилось что-то очень плохое. И это плохое теперь никуда не уйдет.

– Папка твой звонил, – не оборачиваясь, бросила мать. – Тебе стоит набрать ему.

Мама редко заговаривала об отце. Родители разошлись четыре года назад. Все случилось как-то само, Ульяне перепало скромное «папа с нами больше не живет». Она только кивнула, ее мнения все равно никто не спрашивал.

– А что произошло?

– Говорит, рак у него нашли. – Мама все так же смотрела мимо. – Желудка. – И, помолчав, добавила: – Ты только не плачь, хорошо? А то я тоже буду плакать.

Ульяна молча подхватила сброшенный на пол рюкзак и ушла к себе в комнату. Там, долго не переодеваясь, сидела за столом. Наконец убедилась, что глаза сухие, а голос не дрожит, и набрала отцовский номер.

– Пап, привет. – И тут же дала трещину.

– Привет, привет. Тебе мать уже рассказала, я так понимаю?

– Угу. – Ульяна плотно сжала губы.

– Ты там что, реवेशь, что ли? Да ладно тебе, я же не реву.

– Если тебе нужно как-то помочь...

– Ульяш, – перебил он, – ну чем ты мне поможешь? Ничего не нужно, все в порядке. Буду доживать так.

Ульяна громко всхлипнула, попыталась вдохнуть, но горло будто слиплось. Она не стала спорить. Только стиснула зубы сильно-сильно. Клац-клац.

Вместо Ольги Николаевны, Ульяниного репетитора, дверь открыл ее сын. Ульяна пару раз видела его мельком во время занятий. Он проходил через гостиную на кухню и возвращался к себе в комнату с кружкой кофе или чая.

– Привет. Мама скоро вернется, проходи пока.

Он пропустил Ульяну в прихожую. Неловко поздоровавшись – на вы, – она скользнула на половичок и начала разуваться.

– Как доехала, нормально? А то там погода треш.

Ульяне не хотелось разговаривать. Под предлогом мытья рук она спряталась в ванной. А когда вышла в гостиную, он уже сидел за низким столом посреди комнаты – тем самым, где они с Ольгой Николаевной занимались английским каждый четверг.

– Тебе чай, может, пока сделать?

– Нет, спасибо.

Она открыла сумку и принялась вытаскивать тетрадь, ручку и распечатки с заданиями. Мелькнул толстый зеленый корешок.

– О, «Идиот»! Обожаю. Все пятикнижие прочитала?

– «Карамазовы» остались.

– Респект. Меня, кстати, Антон зовут. А ты?..

В прихожей хлопнула дверь. Он быстро встал из-за стола и пошел встречать мать. Ульяна сидела, потупив голову. Было неловко и приятно.

4

Наследственность давила на Ульяну со всех сторон, ставила капканы структурных изменений мозга. Наследственность смотрела на Ульяну бабушкиными глазами, вроде как серыми, а казалось – черными-черными.

Бабушка переехала к ним, когда Ульяне исполнилось двадцать. Мама предупредила Ульяну накануне, не дав времени ни возразить, ни свыкнуться с этой мыслью. Ульяна и не стала бы возражать. В маминой интонации, в поджатых губах и так читались раздражение и сильная-сильная усталость. Ульяна задушила под крышкой собственную досаду. Она знала, что с бабушкой будет тяжело. Вообще-то с бабушкой всегда было тяжело.

В Ульянино малолетство бабушка время от времени приезжала «посидеть с внучкой». Во время этих встреч она либо апатично слушала телевизор, либо убиралась и готовила – всегда с ворчанием, ругаясь достаточно громко, чтобы Ульяне было слышно и стыдно. Вечером родители возвращались с работы, вся семья собиралась за столом, и бабушка непременно капризничала из-за недосоленного, переперченного...

Мама вытряхивала в полиэтиленовый пакет бабушкин недоеденный, щедро перемешанный с кетчупом рис. И пусть внешне она казалась невозмутимой, Ульяна чувствовала сочившееся из нее напряжение – и впитывала.

– Раньше еще нормально было. А вот как папа умер...

Когда Ульяна стала подростком, мама перестала приглашать бабушку к ним домой. И тогда Ульяна начала ездить к ней сама. Зачастую их встречи проходили хорошо. Ульяна смешила бабушку историями из школьной жизни, та в ответ рассказывала про сельский клуб и танцы с «соколиками», про речку, корову, работу на заводе.

Бабушкины истории повторялись из раза в раз, так что Ульяна окончательно запуталась в именах и датах. Но она делала вид, что слушает, потому что в эти минуты на маленькой кухоньке становилось по-семейному тепло. (Пару лет спустя Ульяна сидела на этой кухне уже в одиночестве. Теперь это была ее кухня.)

И так лился день, а потом что-то случалось, и разговор рассыпался, как картинка из пазлов.

– Я ему говорю, мол, а ты чего ожидал? – со смехом рассказывала Ульяна. – А он мне, – и она театрально скривила лицо: – Тебя вообще это не касается!..

– Ну, ну, не гримасничай! – вдруг окрикнула бабушка.

Опешив, Ульяна тут же замолчала. Бабушка хмуро смотрела в ей в глаза. Затем повторила, чуть тише, но не менее ожесточенно:

– Не гримасничай. И вообще – чего раскричалась так?

Ульяна не стала спорить. Раньше пыталась, и тогда бабушка, повысив голос, перебивала, сама останавливалась на полуслове, театрально отмахивалась. В такие моменты становилось особенно заметно, что бабушкины волосы поредели, а лицо осунулось и пожелтело.

И вот неожиданно постаревшая бабушка оказалась в их квартире. Двадцатилетняя Ульяна лежала в темноте своей комнаты и слушала, как бабушка вздыхает за стенкой, шаркает по коридору, кого-то ругает полупшепотом. Вообще-то с бабушкой всегда было тяжело, но этот новый человек как будто и не был бабушкой.

Ковыряя ложкой творог, заспанная Ульяна наблюдала за тем, как бабушка подолгу стоит у входной двери, прикинув к глазку.

– Кого караулишь? – окликнула Ульяна.

Бабушка ломаным, кукольным движением приложила палец к губам:

– Тихо, они уже вызвали полицию.

– Никто никого не вызвал.

– Говори! Шепотом! – прошипела она.

В такие моменты бабушкины глаза становились черными. Ульяна старалась не смотреть.

Иногда бабушка выходила из квартиры и спускалась на этаж ниже, подслушивала у соседской двери. Иногда она часами стояла на балконе в ожидании пожарной машины. Часто останавливалась посреди комнаты и смотрела куда-то сквозь. Бабушка умирала долго; казалось, все, что она делает, – это бесконечное умирание.

– Ты куда?

Бабушка сидела за кухонным столом, откуда открывался обзор на прихожую. Ульяна натягивала зимние сапоги.

– Куда-куда... В институт, куда же еще?

– Нет, погоди!

– Что на этот раз, бабуль?

Врач, осматривавший бабушку, предупредил, что улучшений можно не ждать. И на Ульянин вопрос, что же тогда делать, пожал плечами: «Любить, жалеть, заботиться». Ульяна повторяла его слова как мантру, как заповедь. Но сама ничего не могла с собой поделать и злилась, злилась, злилась.

Бабушка зашаркала к Ульяне, тревожно сведя брови:

– Не надо! Не ходи!

– Да как я не пойду-то?

– Не ходи!

И она схватила Ульяну за запястье. Пальцы ее к тому времени стали холодными, негнущимися. Разжать их можно было только с усилием – как черепашью челюсть, как хватку окоченевшего трупа. От бабушкиного прикосновения оставались синие пятна.

– Да не надо меня трогать! – взвизгнула Ульяна. – Когда же это закончится? Сколько еще ты будешь нас мучить?!

И хватка ослабла. Впервые за долгое время в бабушкином взгляде появилось что-то осмысленное, что-то бесконечно печальное. Ульяна приоткрыла было рот, чтобы извиниться. Но тут бабушка прошептала:

– Не ходи.

– Боже! – вскрикнула Ульяна и выскочила на лестничную клетку.

В последние месяцы бабушка питалась одним молоком, от всего остального она брезгливо откашывалась. Ее вздутый живот выпирал шаром, от нее кисло пахло. Бабушка казалась маленькой и костлявой, но тело ее оставалось тяжелым и неповоротливым: оттащить ее от дверного глазка стоило Ульяне немалых усилий. Несмотря на скудную диету, бабушка продолжала жить, жить, жить...

И когда Ульяна решила, что это никогда не закончится, бабушка умерла. Вроде бы стало легче. И оттого, что легче, – мучительно стыдно и жалко. Жалко, что так получилось. Жалко, что так и не поговорили нормально. Как жалко... Ульяна ковыряла заусенцы до крови. Клац-клац.

«Привет, узнала, кто это?»

Шестнадцатилетняя Ульяна разглядывала фотографию Антона на аватарке. У него были русые волосы и светло-зеленые, какие-то бесцветные глаза. На снимке он чуть улыбался, так что на щеках проступили ямочки.

«Может, зря я это пишу, но ты не хотела бы выпить кофе вдвоем? Я все под впечатлением от Достоевского у тебя в сумке».

Из-за стены доносился мамин голос. Она говорила по телефону, кажется, с подружкой, и до Ульяны долетали обрывки фраз: «Ты бы знала... Да сплошная беда... Так я устала с ними».

«Например, в эту субботу?»

Ульяна открыла календарь в телефоне. На эту субботу у нее была намечена встреча с отцом. После того как родители разъехались, Ульяна виделась с ним пару раз в месяц. В основном по субботам, так что мама сердито прозвала его «папой выходного дня». Ульяна скрывала от нее, как ждет этих встреч. С тех пор как родители разъехались, Ульяна с отцом будто стали дружнее: начали вместе посещать выставки, обсуждали искусство, учебу, обсуждали за спиной маму.

«Прости, – набрала Ульяна, – в эту субботу никак не могу».

Накануне выходных она получила новое сообщение. «Ульяш, извини, неотложные дела. Не обижайся. Обнимаю».

Тогда Ульяна, стыдясь самой себя, снова открыла фотографию, принялась рассматривать ямочки. Набрала: «Привет. Предложение встретиться еще в силе?»

Антон поставил перед Ульяной чашку капучино. Бариста нарисовала на пенке котенка; увидев его, Ульяна не сдержала детский восторженный смешок. Тут же смутилась и подняла глаза на Антона.

– Спасибо. Сколько я должна?

Он снисходительно улыбнулся:

– Ты что, нисколько: я позвал – я угощаю. Тем более грех брать деньги с бедных студентов.

– Я не студентка, – поправила Ульяна, – я только школу заканчиваю.

И он, как ей показалось, замер на мгновение, внимательно на нее глядя. Затем медленно опустился на стул напротив.

– Серьезно? А по тебе и не скажешь. – И добавил: – У мамы есть пару учеников из вышки, я подумал, что ты из их числа.

– А тебе сколько? – спросила она, скорее чтобы поддержать разговор, нежели из интереса.

Антон сдержанно улыбнулся, не переставая разглядывать Ульяну.

– Побольше, чем тебе. – И тут на щеках проступили ямочки. – А что, в школе стали проходить «Идиота»?

– Нет, я для себя читаю.

Он подпер подбородок рукой. Под его взглядом Ульяне сделалось неловко, так что она вцепилась в чашку кофе. После пары глотков котенок на пенке расплылся.

– Круто. Любишь Достоевского? А Толстого читала?

– Недавно прочитала «Воскресение». Не знаю, какой-то он... слишком дидактичный для меня.

Антон рассмеялся:

– А Достоевский, по-твоему, не дидактичный?

Ульяна, не найдя, что ответить, неловко хихикнула. Антон заметил ее смущение и примирительно добавил:

– Да не, я понимаю, о чем ты. Толстой прям жестко напирает, я, честно говоря, когда его прочитал, вообще думал в православие удариться.

Ульяна обрадовалась:

– Вот и у меня такое было!

Она не стала добавлять, что после «Воскресения» перечитала Новый Завет и даже пробовала молиться. Но произносимые слова звучали фальшиво, Ульяна никак не могла их выговорить, никак не могла перестать видеть себя со стороны, а значит, быть неискренней. Один раз по дороге от репетитора Ульяна, завернув голову в шарф, зашла в храм и попала на вечерню. Она отстояла службу до конца, крестясь, когда другие прихожане крестились, чувствуя себя лишней, чувствуя себя неуместной деталью на слаженном коллаже. Ульяна очень хотела верить, но у нее не получалось.

– О чем задумалась? – окликнул Антон. И улыбнулся: – Нет, все-таки ты совсем не похожа своих ровесниц. Да и на моих тоже... в хорошем смысле. Расскажи о себе побольше.

...Тем вечером, вернувшись домой, Ульяна получила сообщение: «Ну ты же понимаешь, что я рассчитываю встретиться снова? :)» Она долго вглядывалась в экран телефона, будто надеясь, что подсказка проступит меж пикселей. Затем медленно набрала: «Да, можно», – и отправила.

– Вот, пожалуйста.

От неожиданности Ульяна вскинула голову. Перед ней стояла молоденькая девушка – тоненькая платиновая блондинка, белая-белая, почти светящаяся, словно из сказки или из книги Грей-вса. Она протягивала Ульяне книгу в твердом синем переплете; на лицевой стороне – алконост золотым тиснением.

Ульяна хихикнула:

– Меня преследуют юнгианцы.

Девушка не обратила внимания на ее слова. Вдруг сказала:

– У вас красивый кардиган.

– Спасибо, сама связала.

Этот кардиган – со звездами на рукавах и месяцем на спине – Ульяна вязала в перерывах между чтением новостей. Вязала после работы, приготовив мисочку с печеньем. И пока она вязала, все ее существо фокусировалось на подсчете петель, на сложенной схеме, структуре. Никакие кисельные реки, молочные берега в такие моменты становились не нужны. Вплетая себя в изделие, Ульяна чувствовала спокойствие, чувствовала, что жизнь может приносить удовольствие.

– Очень красиво, – повторила девушка.

К собственному удивлению Ульяна произнесла:

– Хотите – подарю?

– Ой, да что вы... – Обеим стало неловко. – Он вам так идет.

Ульяна вернула девушке завернутую в пакет книгу и сдачу. Та, улыбнувшись, попрощалась и вышла из магазина. Чувствуя себя глупой и неуместной, Ульяна откинулась на спинку стула. Затем обернулась к Алексею, бродящему меж стеллажей. Одной рукой он мял мячик, а второй пролистывал что-то в телефоне.

– Подмените? – спросила она. – Сейчас приду, – и вынырнула из-за кассы.

В уборной она долго рассматривала свое отражение в зеркале. Черты лица будто исказились, оплыли, и зеленые глаза в полутьме казались черными. Ульяна проморгалась, и лицо стало прежним. А на Ближнем Востоке началась война.

Когда Ульяна вернулась за кассу, в новостных телеграм-каналах уже висело с десятков непрочитанных постов. Ульяна пролистнула их, словно крутанула рулетку, и в глазах зарябило от боевиков и заложников.

Алексей к тому времени начал методично расставлять книги.

– Новости не проверяли? – спросила Ульяна.

– Ты про этих, что ли? – не глядя, отозвался он. – Да они уже семьдесят лет воюют.

– Скорее бы все это закончилось...

Ульяна, собственно, сама не знала, что именно «это».

Алексей распрямил затекшие плечи, пару раз лениво повернул корпус сначала вправо, потом влево. Подпер руками поясницу.

– Уже не закончится, – как будто с удовлетворением произнес он. – Мы вступили в эпоху новой столетней войны.

Не успела Ульяна ответить, как звякнул дверной колокольчик, и в магазин вплыла женщина в шубе и меховой шапке. Ульяна не сразу заметила, что с ней что-то не так.

На ее одежде блестели капли растаявших снежинок. Мокрые носки замшевых сапог потемнели. Женщина глядела на Ульяну, широко раскрыв глаза, будто надеясь что-то прочитать в ее лице. В ее собственном взгляде не читалось ничего. И Ульяне стало жутко.

– Вам подсказать что-нибудь? – вкрадчиво произнесла она.

– Знаете... – Голос женщины, казавшейся такой далекой, прозвучал неожиданно близко. – А у меня ночью собака умерла. – Она сделала паузу, чтобы сглотнуть. – Видимо, отравилась. Я снача-

ла думала в ветеринарку ехать, но потом поняла, что не успею. Жалко так... Молоденькая собачка была, со мной на диване спала.

Женщина сморгнула слезы и вместе с этим будто очнулась.

– Извините, – бросила она и быстро вышла из магазина.

Дверной колокольчик все еще бряцал по инерции. Ульяна не могла пошевелиться.

– Господи, какие мы все... – пробормотал Алексей.

– Может, зайдешь на чай? Тут ехать всего одну остановку. – Антон кивнул в сторону автобуса.

Ульяна выдохнула облачко пара. Она переминалась с ноги на ногу, пытаясь согреться: по глупости надела юбку в минусовую погоду, надеясь, что теплые колготки спасут.

– Можно. – Она дыхла на замерзшие пальцы. – А Ольга Николаевна дома?

Антон не услышал вопрос.

Ольга Николаевна дома не было. Ульяна сидела на полу за столом в гостиной. Она разглядывала корешки книг на полках, улыбалась знакомым названиям.

– Непривычно сидеть тут просто так, – хихикнула она. – Так и хочется начать говорить по-английски. Спасибо.

Антон поставил перед ней чашку чая и блюдо с печеньем. Вопреки Ульяниным ожиданиям, он сел не напротив, а рядом. Ульяна заерзала, надеясь незаметно отодвинуться.

– Да? И что бы ты сказала?

Она смущенно улыбнулась:

– Не знаю, я пока не придумала.

Антон облокотился на диван и подпер голову рукой. Так он оказался боком к Ульяне и мог хорошо ее рассмотреть. Ульяна старательно не поднимала взгляд.

– Ты славная девочка, – вдруг сказал он. – Но зажатая.

К тому времени они виделись – Антон говорил «встречались» – уже три месяца. Вместе ходили в музеи и галереи (Ульяна сбивчиво объясняла Антону, почему ей нравится голубой период Пикассо, он только улыбался, а потом учил ее различать Моне и Мане). Вечера они проводили в кафе, Антон водил Ульяну пробовать кофе на песке, ей больше всего понравился с фундуком. Она рассказывала ему про подготовку к экзаменам, он ей – про работу. Один раз – по Ульяниной просьбе – заглянули на выставку бездомных животных, и расстроенная Ульяна, переходя от одного стола к другому, взяла Антона за руку. Иногда ей хотелось поцеловать его.

– О чем ты постоянно думаешь? – позвал Антон.

Ульяна опомнилась:

– Да ни о чем. Просто туплю в пустоту.

– Ну, конечно. – Он погладил ее по голове. – Смешная ты.

Ульяна обернулась, и тогда он взял ее за подбородок и поцеловал. Шепнул: «Расслабься», – и поцеловал еще раз. Ульяна зажмурилась. Ей захотелось провести руками по его волосам, по плечам и спине. Антон положил ладонь ей на затылок.

И тогда она распахнула глаза. Его вторая рука скользнула ей под юбку. Вдруг Ульяне показалось, что она видит себя со стороны – видит глупую девчонку, замершую, как заяц, смотрящую в пустоту. Видит руку, пытающуюся стянуть с нее колготки и белье, видит сухие пальцы, от которых чувствительная кожа покрывается мурашками. И чем дольше Ульяна смотрит на эту окоченевшую девчонку, тем сильнее становится рвотный позыв. И ей хочется схватить ее за волосы и...

– Не трогай! – выкрикнула Ульяна и ударила Антона в плечо.

Он отстранился, нахмурившись. Ульяна вскочила на ноги, на ходу неуклюже поправляя колготки и юбку. Сердце стучало в горле, мысли стучали в висках. И вдруг девчонка, на которую смотрела Ульяна, куда-то пропала. Осталась только она сама и Антон. Глядя ему в глаза, она промолчала:

– Не злись.

И выскользнула в прихожую.

Пока Ульяна в спешке одевалась, Антон стоял у входа в гостиную, прислонившись к дверному косяку и скрестив руки на груди. Он молчал, а у Ульяны слова застряли поперек горла. Пальцы дрожали, она никак не могла завязать шнурки и от этого волновалась только сильнее.

Наконец, подхватив сумку, не оборачиваясь, Ульяна потянула за ручку входной двери. Из-за спины окликнули:

– Ульян.

Она замерла.

– Забей.

Дверь захлопнулась.

Дорога домой проскользнула мимо, как пленка на перемотке. Добравшись до квартиры, Ульяна начала разуваться с порога, сбросила, не глядя, сапоги, откинула в сторону куртку. Голова кружилась, как от нехватки воздуха. Ульяна сделала глубокий вдох, и вдруг он вырвался наружу вместе с плачем:

– Мама!

В гостиной послышалось шарканье надеваемых тапочек, быстрые шаги. Мать почти выбежала в коридор, лицо искажено беспокойством.

– Господи, Ульяна, ты чего так пугаешь? У меня душа в пятки ушла.

Ульяну затрясло. Слезы, кипевшие глубоко внутри, наконец подступили к глазам. Мать свела брови, и ее лоб прорезали морщины.

– Ну чего стоишь? Что у тебя случилось?

И Ульяне так хотелось заплакать в голос, во всеуслышание выплакать всю обиду, чтобы потом уткнуться носом в теплую темноту, уснуть и, проснувшись, почувствовать себя легкой, почти невесомой.

– Мама, я чувствую себя такой грязной!

– Боже ж ты мой! – Мать прижала руку к груди. – Ты можешь нормально сказать, что случилось?

То ли в коридоре было такое освещение, то ли Ульяну подводило зрение, но мама вдруг показалась ей очень бледной, а еще очень маленькой. И Ульяна проглотила комок слез.

– Я упала.

– Ульяна! Ты меня довести решила? Иди переодевайся, хватит на пороге стоять!

...Ульяна сидела на дне ванны и терла, терла, терла щеткой распаренную кожу на бедрах. Терла до красных пятен, до красных бусин. Потом сидела неподвижно и долго наблюдала за тем, как бусины собираются в крупные капли.

С Антоном они больше не гуляли. Клац.

5

Под его строгим взглядом Ульяне стало некомфортно и стыдно. Алексей как обычно не обращал внимания ни на что, кроме книг. Поэтому Ульяне было некого спросить, действительно ли хозяин квартиры глядит на них с презрением или ей только кажется. Ульяна чувствовала себя воровкой, хотя всего-то выполняла свою работу.

Хозяином квартиры оказался высокий худощавый старик. Он был одет в брюки и фиолетовую рубашку поло, потускневшую от времени, но все еще опрятную. Редкие прозрачные волосы были аккуратно подстрижены и зачесаны. А долговязое тощее тело напоминало жгут: оно словно было сплетено из проступающих синюшных жил.

Квартира напоминала владельца: высокие потолки, старая, но крепкая мебель, тонкий серебристый слой пыли. Пестрая библиотека: от Платона до Ленина, – насчитывала не так много книг (будто часть уже продали или вынесли на лестничную клетку). Ульяна нарочно не разгибалась, складывая тома в коробки, чтобы лишний раз не встречаться глазами со стариком.

– Забирайте, забирайте, – подгонял хозяин квартиры. – Зачем мне это теперь?

Ульяна подошла к высокому комоду с резьбой в стиле модерн. На комод выстроился ряд фотоальбомов. Их было больше пятнадцати, все пухлые. Должно быть, подумала Ульяна, там лежит хорошая жизнь.

На дальнем краю комода, придвинутый к стене, стоял ящик из темной искусственной кожи. Небольшой, сантиметров тридцать в высоту. Сначала Ульяне стало интересно. Затем она заметила почти выцветшее золотое тиснение: ФИО и даты через прочерк.

Точно такой же ящик два года назад, в свой темный, почти вытесненный из памяти дипломный год, Ульяна забирала из крематория. На ящике было полное имя отца, даты его рождения и смерти, а внутри как будто бы его тело, но в последнее верилось с трудом. Проходя мимо стен с замурованными ячейками, Ульяна вдруг вспомнила, что слово «колумбарий» переводится как «голубятня». Подобные мысли были не уместны. Но вот понять, о чем стоит думать, Ульяна никак не могла. Мир казался далеким, дорога от точки выдачи праха до крематорских ворот – бесконечной. Ульяна будто видела себя со стороны. И вспоминала отцовские похороны.

Он лежал в гробу посреди зала, не похожий сам на себя. Ульяна знала, что лица мертвецов всегда искажаются: нос становится острее, кожа стягивается к затылку. Но в отцовском лице она видела перемены совсем другого толка. Впервые в жизни Ульяна осознала, что совсем на него не похожа. И что всю жизнь он был так далеко, а теперь станет еще дальше.

Будто в полудреме, она положила цветы не на саван, а у отцовой головы. И те неуклюже провалились в гроб, выпятив кверху стебли. Всем присутствовавшим в зале от этой глупой ошибки стало неловко.

– Что ж, само прощание будет в крематории, – вкрадчиво произнесла работница морга. – Сейчас вы можете сесть в машины, они ждут у входа.

– Ты что, пап? – прошептала Ульяна. – Разве можно так с собой?

И вместе со всеми вышла на улицу.

Ульяна проживала эти воспоминания изо дня в день. Прошлое и настоящее протекали одновременно.

Придя в себя, Ульяна поспешно обернулась и встретила взглядом с владельцем квартиры. Все это время он наблюдал за ней и теперь, казалось, глядел с неприкрытым раздражением.

Позже, в машине, до того как они выехали с парковки, Алексей обернулся к Ульяне.

– Ты как себя чувствуешь? – вдруг спросил он. – Ты зеленая. Все нормально?

– Порядок...

– Ну ты смотри, – бросил Алексей. – Просто если непорядок, я лучше на метро поеду.

И Ульяне как будто стало легче. Улыбнувшись, она завела машину, затем включила радио. Передавали о девочке, пришедшей в школу с дробовиком.

...Тем вечером на подъезде к дому Ульяна свернула к ресторану быстрого питания. Она заказала два чизбургера, нагетсы, деревенскую картошку и молочный коктейль, густой и холодный, как мороженое. Затем припарковалась и начала есть. Захотелось позвонить маме.

«Привет. Не отвлекаю? Да я просто так. Как у тебя дела, как самочувствие?» Мамин монотонный, полный ненужных деталей рассказ утешал. Ульяна слушала и жевала котлету, которую выпила из чизбургера.

Она вспоминала, как вместе с мамой сидела на кухне после поминок по отцу. На столе еще стояли блины, икра, миска с кутьей, которую никто не ел.

– Ты смотри, береги себя, – не глядя на мать, говорила Ульяна. – У меня, кроме тебя, больше никого не осталось.

Наверное, думала она, тогда и пришел этот страх: стоило матери чуть дольше обычного не отвечать на звонок, в Ульяниной голове уже раскручивались тревожные сценарии. Все сценарии вели к смерти, похоронам и полной тьме. А во тьме ждало то, что не выковырять лезвиями, не вырвать наружу вместе с завтраком. Во тьме ждало все то же самое.

Тогда же, после отцовской смерти, Ульяна начала видеть числа. Она даже запомнила, как это случилось в первый раз – в метро, по дороге домой после поминок. Ульяна приложила карту к

валидатору, и на экране отобразился баланс – 222 рубля. Тогда она улыбнулась. Она знала, что подобные трехзначные числа: 444, 777 – называются ангельскими. Должно быть, это хороший знак.

Позже она стала видеть ангельские числа повсюду: на автомобильных номерах; на объявлениях о продаже, аренде, помощи попавшим в трудную жизненную ситуацию; на часах; на ценниках и кассах в магазинах. Каждое такое число казалось улыбкой мира. Каждое такое число что-то значило.

Вслед за ангельскими числами пришли зеркальные: 393, 252, 909. В них тоже был смысл. А вскоре стало ясно, что смысл есть вообще в любой цифре. И от этого осознания Ульяне стало не по себе.

Цифры структурировали мир. Каждая цифра была сигналом, намеком, а может быть, криком. Но Ульяна не могла их разгадать, только догадывалась о значении. Так турист, выучивший алфавит, в чужой стране узнает иероглифы, но не может собрать их в слова. Цифры резали глаза.

Иногда Ульяне все же удавалось расшифровать их. Например, номер ее машины: 149, – оказался предопределением. Единица и девятка символизировали начало и конец, прямой маршрут, а четверка, Ульянино счастливое число, – ее саму. Четверка застряла в кольце смертей и рождений. Это она-то, в один год схоронившая бабушку и отца, оставшаяся с матерью. И раз в конце четверку поджидает девятка, значит, когда-нибудь мама не возьмет трубку. И четверка ничего, ничего не сможет с этим поделать.

– В этом возрасте со всеми девочками что-то случается.

Мама мыла тарелки и говорила одновременно. Ульяна молча вытирала стаканы. Посреди стола стоял торт со свечами в форме цифр 1 и 7. Рядом лежали праздничные салфетки: разноцветные воздушные шарики на фиолетовом фоне. На плите закипал чайник.

– Все кажется концом света. Но поверь мне, – она обернулась, – в семнадцать все только начинается.

Мамина улыбка показалась Ульяне вымученной. В ней читалось: давай не будем портить друг другу праздник. Ульяна улыбнулась в ответ и собралась было садиться за стол, но мама остановила ее, взяв под локоть.

– Ты в этом и останешься, в этой страшной кофте?

Ульяна натянула рукава до самых пальцев.

– Какая разница, в чем ходить дома? – отмахнулась она.

– У тебя много нормальных футболок, иди переоденься.

– В футболках холодно. Я стала мерзлявая.

Ульяна примирительно улыбнулась. Мать сначала было нахмурилась, но потом лишь покачала головой.

– Есть надо нормально, и не будешь мерзнуть.

За последние несколько месяцев Ульяна скинула 7 килограммов. Не специально. Просто тело вдруг показалось грязным и тяжелым, как намочший под дождем свитер. Ульяна мечтала снова стать маленькой и чистой.

Чтобы почувствовать себя чистой, она надолго задерживалась в душе и все терла, терла, терла кожу, пока та не покрывалась красными пятнышками лопнувших капилляров. Так было на первых порах, так было после Антона. А потом Ульяна разломала бритвенный станок и достала из него тонкие, почти невесомые полосочки лезвий... Из душа вышла завернутая в полотенце, долго искала в шкафу ненужную кофту с длинными рукавами.

Сначала Ульяна винила Антона, но вскоре поняла, что он был только триггером. Проблема была не в нем, а в обертке, в которую завернули Ульяну. Ульяну – елочную игрушку в газетке, Ульяну – запечатанное на зиму окно. Она брала бритву и делала прорезь в бумаге, делала прорезь в скотче, выковыривала вату. Она дергала за ручку и открывала окно, но снаружи ничего не было видно.

В свою восемнадцатую зиму Ульяна решила перезапустить Вселенную. Сбить себя до заводских настроек, так, чтобы проснуться с мытой головой на чистой наволочке в дачном домике, где тюлевая штора светится против солнца.

Хрустели блистеры, Вселенная готовилась к перезагрузке. Ульяна сделала большой глоток, опустила голову на подушку, зажмурилась. Первым делом она почувствовала жар в висках, затем – как раскаляются лоб и уши. Потом Ульяна уснула.

А утром она все так же проснулась Ульяной. С трудом поднялась с кровати, шатаясь, добралась до ванной, где ее вырвало. Мир не стал ближе, тише или ласковей. Клацанье помолчало немного, а затем вернулось.

Подперев голову руками, Ульяна наблюдала за высоким мужчиной в синтепоновой куртке. Он неторопливо обходил магазин, шурился, изящным движением подцеплял корешки так, что книги падали ему прямо в ладонь. Открыв выбранный том на середине, он застыл посреди прохода, оставляя книгу на расстояние вытянутой руки и, дальнозорко шураясь, читал.

– Извините, – осторожно окликнула Ульяна, – мы закрываемся через десять минут.

Он оглянулся, с удивлением подняв брови, будто забыл, что Ульяна была тут с самого начала.

– Вот как... Ну, десять минут – это еще много.

Ульяна натянуто улыбнулась. Однако, вопреки ее ожиданиям, мужчина все же прошел к кассе. Протянул Ульяне книгу и смятую сторублевую купюру.

– Читали? – спросил он.

– Нет, – честно призналась она.

Открыла кассу, стала набирать сдачу из оставшейся к вечеру мелочи. Она старалась не поднимать глаза. Под ее взглядом лицо мужчины едва уловимо менялось: оплывали брыли, углублялись носогубные складки, филиновские брови клином сходились на мясистой переносице. Такое случалось и раньше, особенно когда Ульяна ездила в метро: в какой-то момент черты лиц окружающих расплывались, менялись прямо на глазах: зрачки становились рыбье-синими, губы асимметрично вспухали и трескались, раздувались носы. Взгляды делались озлобленными, взгляды были прикованы к Ульяне. Она зажмурилась и списывала происходящее на усталость.

– Как же так? – равнодушно произнес мужчина. – Лучший прозаик современности.

Его интонация ничуть не менялась, и Ульяна не могла разобрать: шутит он или говорит серьезно. Она привычно улыбнулась:

– Думаю, это слишком громко сказано.

– Правда? А кого тогда посоветуете?

– Я принципиально не советую книги.

Выпустившись с филфака, Ульяна зареклась обсуждать литературу. Она читала постоянно, с перерывами на вязание, вождение, новости и сон. И каждая прочитанная книга сворачивалась в памяти теплым котенком. Но стоило Ульяну начать говорить о нем, как котенок превращался в нелепое чучело, слова не соответствовали мыслям, никак не хотели становиться на свои места. «Надо учиться говорить», – заметил однажды Алексей. Но Ульяна не хотела тревожить котят.

Она протянула мужчине сдачу. Он сбросил монеты в карман, но уходить не торопился.

– Как же так, девушка? – вдруг, глядя Ульяне прямо в глаза, спросил он. – Книги не читаете, не советуете. А зачем вы тогда здесь нужны? Сидеть за кассой можно где угодно.

...Ульяна затормозила у перекрестка.

– Нет, ты прикинь, а? Мало того, что пришел под закрытие...

Из динамика телефона донесся Викин голос:

– Да уж, это жуть...

– И еще таким тоном, ты бы слышала! Ненавижу снобов, чертовы...

– Слушай, – перебила Вика, – ты за рулем сейчас?

– На светофоре стою.

– Давай лучше ты до дома доедешь и дорасскажешь, хорошо? А то я переживаю.

- Да нечего там рассказывать, – устало выдохнула Ульяна.
- Тогда ладно. Осторожно в дороге.

Вика повесила трубку.

Ульяна смотрела на свои руки, сжимающие руль. В свете оранжевых фонарей кожа почему-то казалась синюшной, костяшки просвечивали, как маленькие луны. Если бы у Ульяны были крепкие-крепкие зубы, она бы в ту же секунду вцепилась бы себе в запястья, выгрызла бы сухожилия и чавкала бы, чавкала, чавкала, пока не уймется мандраж.

Сзади раздраженно засигналили. Ульяна вскинула голову и увидела зеленый. Она ударила в педаль газа, машина дернулась с места и поехала. Клац.

Она начала танцевать еще в лифте. Затем вплыла в квартиру, позволяя телу двигаться самому по себе: оно лучше знало правила. Скинув ботинки и сбросив куртку на пол, Ульяна вытащила из кармана джинсов телефон и включила первую попавшуюся в плейлисте песню. Ее темп чудом совпал с внутренним ритмом. И, закрывшая глаза, танцующая в темноте, Ульяна оказалась в комнате, полной людей.

Среди них Ульяне было спокойно и радостно, она знала их, как никто другой, она продумала их жизни во всех деталях, на это ушел не один час на границе сна. Ульяна обернулась и упала в объятия к самому нежному мальчику в мире. Его она знала лучше всех, в ее душе он казался таким живым, что не мог не существовать.

Ульяна всю жизнь мечтала быть частью большой компании, быть частью смеха и блеска. Это значило не чураться шума, не бояться проявляться и отражаться в чужих глазах. Это значило быть совсем другой Ульяной. И когда Ульяна реальная становилась бесстрашной версией себя, она чувствовала спокойствие и радость, и забрала больше не были нужны.

Когда песня закончилась, Ульяна открыла глаза и снова оказалась в одиночестве. Она достала из холодильника сыр и имитированные крабовые палочки, нарезала их, разложила на ломтях хлеба и сбобрила майонезом. Она ела, не переодевшись с улицы, не боясь испачкаться, глотала, не жуя.

Потом вильнула в ванную комнату и принялась канцелярскими ножницами отрезать короткую челку. А мир тем временем горел и взрывался, мир был беженцами, заложниками и террористами, изнасилованными детьми, стариками в вымирающих деревнях, мир гремел землетрясениями и цунами, взрывами газа, выбитыми стеклами, разрушенными домами. Мир был Ульяне прямо в ухо, и от его голоса рушился хрупкий скелет, выстроенный из чисел. Чирканье ножниц чуть заглушало осатанелый вопль. Поэтому Ульяна резала.

6

Ульяна думала, что этот день будет особенным, что с самого утра ей явится предзнаменование, например, остановятся часы или птица залетит в дом. Но все началось совсем буднично. За завтраком Ульяна читала о прошедших ночью массированных ракетных обстрелах. С каждым новым постом числа в графе «погибшие и пострадавшие» возрастали. И, долистав ленту до конца, Ульяна почувствовала, как рот наполняется горечью. Она соскочила со стула и успела склониться над раковиной. Ее вырвало кофе, йогуртом и желчью.

...В магазине было тихо: ни новых книг, ни посетителей. Алексей изредка прохаживался между стеллажами, по привычке сжимая в руке резиновый мячик. Большую часть времени он проводил у себя в каморке. Ульяна сидела за кассой и смотрела перед собой. Отдаленный шум вентилятора, доносившийся из коридора, вводил ее в состояние оцепенения.

Чтобы прийти в себя, Ульяна полезла читать новости. С самого утра ее не переставало мутить, так что теперь она просматривала посты по диагонали. Перед ее глазами тянулась черно-белая лента из ДТП, уголовных дел и невенчаемых приговоров. Моргнул и пропал было теракт; тут же, вздрогнув, Ульяна проскроллила вверх. Несколько раз, чтобы уж наверняка, перечитала название маминого города. Взрыв в метро, развороченные вагоны, погибшие.

Ульяна поспешно переключилась на журнал вызовов, набрала маму. Из трубки долго монотонно гудело. Тогда Ульяна сбросила и перенабрала номер. Снова гудки – и только совсем далеко как будто скрежетало. Проверила связь: три полоски, все в норме. Быстро напечатала в мессенджере: «Ты в порядке???» Недолго думая, отправила еще и смс. Снова позвонила.

Ульяне не ответили.

И тогда она вскочила из-за стола, потому что в эту самую минуту, вот, получается, прямо сейчас...

– Ты чего? – окликнул Алексей.

И Ульяна почувствовала себя такой маленькой, какой, наверное, никогда не была.

– У меня, кажется, мама умерла.

...Ульяне хотелось превзойти скорость, хотелось выехать на встречу, чтобы обогнать всех, кто будто нарочно тормозил перед ней. Алексей отпустил ее со смены мгновенно, лишь вздохнув: «Боже мой». Напоследок окликнул: «Аккуратнее на дороге». И Ульяна, ничего не отвечая, выскочила за дверь.

Если без пробок, то до маминого дома ехать чуть меньше часа. Перестраиваясь с одной полосы на другую и обратно, Ульяна то и дело поглядывала на навигатор, пытаясь сообразить, где можно срезать. Из-за спины раздался гудок: во время очередного маневра Ульяна чуть не зацепила нос ехавшей позади машины. Пытаясь заземлиться, она глубоко дышала через нос: встрянешь в аварию – потеряешь еще больше времени. Вдохи получались судорожные, рваные. Будто в аффикте Ульяна разучилась существовать.

Она в очередной раз свернула навигатор, набрала мамин номер. Ответа не последовало. Будний день, думала Ульяна, значит, мама точно отправилась на работу. Давно надо было спросить, по какой ветке она ездит. Хотелось в очередной раз пролистать новостной канал, чтобы непонятно что там найти. Не хотелось въехать вопереди движущуюся машину.

Наконец Ульяна свернула с шоссе на пролегающую через лес двухполосную дорогу. Почти половина пути позади. Теперь можно поднабрать скорость.

Она часто представляла себе этот день, может, слишком часто, потому и накаркала. Она представляла его каждый раз, когда мама пропускала звонок или долго не отвечала на сообщения. Она представляла его, вдруг вспомнив отца в гробу. И когда Вика рассказывала о своей матери, Ульяна черно завидовала, потому что чужие родители казались бессмертными.

Вдруг поверх навигатора развернулся экран вызова. Мама!

Ульяна крутанула руль в сторону, машина дернулась на обочину, выкатилась на траву, качнулась, ввехав в неглубокую яму. А в Ульяниной голове уже прокручивались сценарии: если не умерла, значит, в больнице. Негнувшимся пальцем нажала на кнопку с поднятой трубкой.

– Ульяш, привет, – раздалось из динамика.

Ульяне показалось, будто мамин голос звучит слабо.

– Ты чего столько раз звонила?..

– Что случилось? – перебила Ульяна. – Ты как, в порядке? Что у тебя происходит?

– Да ничего. Я только проснулась.

Ульяна откинулась на спинку сидения. Облегчение не пришло. В ушах шумело.

– В смысле проснулась? Ты разве не должна быть на работе?

– Я больничный взяла: простудилась. Надеюсь, не ковид, еще чего не хватало. А почему ты...

– Чего тогда трубку не брала?! – почти прокричала Ульяна.

– Я же сказала, что спала. А телефон на тихий режим поставила.

Если дышать через нос, если сосчитать до десяти, если назвать все предметы синего цвета...

– Никогда так больше не делай! – завизжала Ульяна.

Мама не ответила. Ульяна неосознанно задержала дыхание, надеясь услышать, что происходит по ту сторону трубки. Она хотела было извиниться. Она хотела было высказать матери все, что думает. Но слова слиплись в горле.

Ульяна подняла голову и увидела перед собой лес. Его зелень в разгар зимы, смолянистая зелень душистых игл вдруг показалась ей неожиданной и потому завораживающей. Темные стволы, местами очищенные от коры, краснели обнаженным мясом.

Наконец из динамика раздалось:

– Ульяночка, что с тобой?

И с ранки содрало корочку. Ульяна разрыдалась:

– Мамочка, я так хочу тебя увидеть. Как-то... столько всего накопилось.

Мамины невразумительные утешения заглушило хищное, всегда возвращающееся клаянье. Обняв себя за локти, Ульяна стучала зубами.

Она написала Алексею, что мать в порядке, и попросила неделю выходных. Точнее, просто сказала, что не придет, и он дал согласие. Развернув машину на полпути, она медленно добралась до дома. Зайдя в квартиру, не переодеваясь, принялась готовить обед. После еды ее вырвало так же, как утром. Голод стал сильнее.

А ночью Ульяна поняла, что разучилась спать. Сначала она провалилась в тревожную дрему, в которой видела машины, бомбы и аркан «Суд», затем вдруг распахнула глаза. Разблокировала телефон: с момента ее засыпания прошел всего час. Еще час ушел на то, чтобы заснуть снова. Снова посмотрела короткий кошмар, снова открыла глаза.

В пять утра, отчаявшись, Ульяна встала с дивана и пошла чистить зубы. Она заставила себя сделать зарядку, чтобы вернуть чувства в заостреннее тело. Затем сварила кофе, открыла холодильник. Рот наполнился привкусом желчи, а желудок скрутило от голода. Ульяна позавтракала и еще долго ощущала спазмы в животе.

День прошел бестолково. Ночью Ульяна просыпалась каждый час.

Так же бестолково прошла неделя. Ульяна написала Алексею, что заразилась ковидом. Отправив сообщение, она расплакалась: в последние дни она то и дело плакала по пустякам. Из-за постоянных приступов рвоты с лица не сходили отеки, на веках выступили бурые пятнышки опавшихся капилляров. Зрачки расширились, глаза казались черными. Глядя на свое отражение, Ульяна думала, что вдруг стала похожа на папу. Думала, что стала похожа на всех членов семьи одновременно. Полосатые руки зудели. Очень хотелось спать. Вязание лежало нетронутое.

Вика написала ближе к полуночи. Ульяна долго разглядывала непринужденное «Привет, как ты?» Затем, досадуя на саму себя, наконец напечатала: «Я не могу нормально есть я не могу спать».

«Приехать?»

Ульяна посмотрела на часы. 0:00. Это замкнутый круг, подумала она, или обнуление?

...Вика и Ульяна сидели за кухонным столом. Ульяна прислонилась к стене и разглядывала ковыряемый заусенец. Ей было невозможно видеть Вику, которой пришлось сорваться с места посреди ночи, которая теперь обеспокоенно ерзала на табуретке, сцепляла пальцы и так внимательно, внимательно слушала. Ей было невозможно слушать собственный тусклый голос, но и замолчать она как будто не могла.

– ...Алексей говорит, что так нельзя, что в коллекции – весь человек. Но рехнешься же все это тащить за собой. Я раньше думала, что проблема снаружи, но теперь понимаю, что проблема во мне. Остальные же как-то справляются... с этими проклятыми кошечками. Поэтому до меня дошло наконец... что нет никакого чудовища. Все это время только я зубами клаяла. Но знаешь, – она заставила себя поднять глаза, – проблема в том, что это ничего не меняет.

Вика молчала. Затем сложила руки на столе, как на парте, и заглянула Ульяне в лицо.

– Уль, послушай. Моя подруга ходила к хорошему врачу. Могу попросить его контакты, хочешь?

Ульяна ухмыльнулась:

– Думаешь, щелкать челюстями перестану?

Вика вдруг улынулась:

– Ну, выспаться тебе точно не помешает.

И к своему удивлению Ульяна услышала, что смеется.

Врач пробежалась глазами по сделанным записям, затем обернулась к Ульяне.

– Что ж, с нашей первой встречи прошло уже полгода, и, как мне кажется, динамика положительная. Вы со мной согласны? О полной ремиссии говорить еще рано. Но в теории месяцев через шесть можно будет отменять антидепрессанты. А вот нормотимики пока оставим, они с нами надолго.

Через окно кабинета Ульяна могла видеть солнце. Его свет отражался от светло-бежевых стен комнаты, и та казалась больше, чем была на самом деле.

– У нас есть еще немного времени. Может, у вас остались вопросы?

– Да. – Ульяна помедлила. Выдохнула и выговорила: – Как вы думаете, что это вообще такое?

Врач откинулась на спинку кресла, сцепила ладони на животе. Чуть помолчав, сказала:

– Что ж, это только мои выводы, другой врач может со мной не согласиться. Но, с учетом отягощенной наследственности, я считаю, что это шизотипическое... – Заметив, что Ульяна вздрогнула, она поспешно добавила: – Не подумайте, шизотипическое расстройство – это не шизофрения. Это...

Ульяна перебила:

– Я знаю. Проблема в другом.

– А в чем тогда?

– Разве можно...

Ульяна закрыла глаза, теперь солнце казалось ей алым.

– Разве можно всего этого не замечать?

Они сидели на открытой веранде, прячась от летнего солнца под широким зонтом. К собственному удивлению Ульяна согласилась встретиться в кафе, вместо того чтобы опять отсиживаться в гостях. Теперь она, одетая в вязаный хлопковый топ, подставляя запястья теплу, с удовольствием уплетала роллы. Вика, закинув ногу на ногу и вальяжно помешивая капучино, рассказывала:

– ...И я спрашиваю у нее, мол, травмы есть? И она мне... Нет, ты послушай, реально! Она мне говорит: «Да, палец на ноге сломан. Но я ведь и с ним могу танцевать!» Ты прикинь!

– Атас!

Ульяна чувствует себя бодрой и сытой. Уже несколько месяцев она не ощущает тошноты после еды. Пару недель как выбросила все лезвия. Врач делает хороший прогноз.

Ульяна чувствует себя чистой. Ульяна – самая настоящая Ульяна.

Но порой она просыпается среди ночи, обьятая жгучей нежностью к миру. И в такие моменты ей хочется обратиться в челюсти, вцепиться в саму себя зубами и разорвать на клочки, чтобы выплеснуть наконец эту горькую невыразимую любовь.

Денис БЫЧИХИН

Идея генезиса слишком темна в финале.
Надежда
куда светлей.
Мы делаем снеговика веселья
из нашей печали.
И слышим, как он смеётся над нами
во всякой мгле.

Три девушки танцуют
в июне в пляжном баре.
Мы всё ещё репетируем счастье,
всё ещё что-то знаем.

Сократ прикрыл Алкивиада в бою щитом
картину сделали об этом потом
теперь они при Потидее иных живей
над ними в трещинах идеи
синклит лучей
земля под ними пьедесталом
дыр лер бер щей
различные на них металлы
аргентум аурум палладий и мгла плащей

Герой садится за стол,
тускнеют в углу доспехи:
мемуары и всё такое...
Вдали воскресает Троя.
Но полем бегут морпехи,

Денис Бычихин родился в 1975 году в Хабаровске. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук. С 2006 года живёт в Туле, сотрудник Тульского историко-архитектурного музея. Публиковался в журналах TextOnly, «Флаги», «Этажи», на сайте «Полутона», в альманахе «СредА» и др. Автор книги стихотворений «Слова и знаки препинания» (2020).

несут в рукавах глаголы
прошедшего времени,
смеётся герой, в-р-е-м-е-н-и,
которое он, наживая ахейский, прошёл.

Кустарник из стрел и прочее, что пора бы выдумать,
герой представляет
и вдруг замолкает, видимый.
Настолько, что страшно.
Башни кивают пашням.

говорите а жаль
тишины псс
спираль над полосой
корытвин и сёл
мегаполисы словно портики
кредиты юриц в наколенниках
боб нафабранных сой

Философ, равный самому себе,
сидит в кровати,
прибывшей в Тибет,
идёт меж лакированных машин
в ночи доли долин,
куст повторяет корни ветками,
роса
цивилизует
лепестки,
босые говорят с беседками
по мановению читающей руки.

Представитель меловых структур
выкинул на рынок гарнитур,
рынок между скалами чадил,
правил там гвинеец Боабдил.

Боабдил садится на тахту
с каменной повесткою во рту,
водоросли сохнут, все галдят.
Представитель движется в закат.

Дым вокруг фигуры представителя,
свет, что Боабдиду удивительно.
Свет царит, и прибывает прибыль.
Глыбам мела приоткрыли небо.

В щетине, как предложено мужчине
природой
и рекламой барбершопов,
идёшь домой и видишь свет в долине
над порослью завода.
Вот: Европа.

Чуть погода:
и Азия, возможно,
собачники, собравшись в круг,
смеются.

Соседний мир ведёт по бездорожью
верблюдов тишины,
контрреволюции.

амбиции и ситуации
темны
островов стагнации
клетчатые штаны
причалаила лодка
ноготь кого-то из наших кураторов
вот как
шучу

Читал о материальной культуре
Древнего Рима.
Думал, как будем смешны
мы
всего через пару столетий.
Пот гладиаторов в косметике,
то, как его соскребали
в зарешеченных,
перепропахших помещениях
после боя,
соус с гельминтами, из перегнившей рыбы.

Ксилоспонгий в общественной уборной.
И наши лидеры сборной
в рекламе жиллетта.
Меню, пугающее индуиста.
Кабины миазмов на праздниках.
Говоря короче, культура туристов
уверенных, здесь all inclusive,
адреналиновый берег в отельной застройке,
и нужно, белея от страха, спешить.
Древнийримповторимтретийрим.
Пылесосы, турусы, вожди.

алхимики

мы остановились в таверне
многие из нас
были портретами инерции
пил из глины заставленной чашей
йотсан настой
соединяли бумагу с чернилами
это казалось этим
перед таким войском звёзд
цилиндры двигались соломы
ученый допрашивал каплю в капле других учёных
хозяйки стелили слова
и выходя из комнат пахли собой
в метели
крупницы сложились

Посткосмонавт
сидит на диване
с покрывалом в персидских огурцах,
сцепленных крепче созвездий.
Теперь они вместе, и ему тепло.
Через стекло
шлема видна седина.
Теперь это всюду,
и рядом какие-то времена.

Снег – новости,
рябящие и монотонные,
нагрузка.
Или гештальт, способный держать в тоннеле

внимания,
словно Уилсона Бентли, Мистера Снежинку,
решившего первым
фотографировать их,
доказавшего единичность формы
каждой снежинки.
Бентли сделал пять тысяч таких фотографий.
На заре информационной эры.
Зачем-то. Пять тысяч раз зачем-то.
Пять тысяч предсказуемых новостей.

читаю читаю читаю
хожу и сажусь
читаю
бицепсы чтений блестят
словно стразы на туфлях
бодибилдерки
замечаю замечаю замечаю
что морщины
имеют голос
допиктограмм дофиникии достраз
здесь все имена
Создателя

пейзаж сильней ландшафта
тесней тесней
пейзаж похож на завтра
юдольных дней

ландшафт на всю историю
во тще и монографии
развернутый темнеть

пейзаж похож на праздник
на скатерти листву
какая скажут разница
пейзаж переживут

бумажная география
бумажное сакральное

слышен
только шелест
печатали
плели

этого ли хотели

Росомаха зарос власьми
и трясет когтьми
над идущими в хлебный людьми,
этот постер сырой
полон каплями, словно ментальной икрой,
центр города в феврале,
если мимо пойду, прошепчу: Пиру – пир.
Киру – Кир.
Росомахе – шале.

Территория, где собирався править,
заросла травой,
кустами, деревьями,
сюда выпускают коз.
И полотенце на чьей-то рабице.
«Победа будет за нами», –
говорил мне маршал.
И вот за спиной победа.
И передо мной вопрос.

НА ТАКОМ РАССТОЯНИИ

Рассказ

1

Игорь первый ее увидел – издалека – и увидел, что она стоит у парапета одна, без подруги, и ждет, по-видимому, их, а платьице ее и волосы развеваются, но она не отворачивается, а наоборот подставляет ветру белое лицо. Увидел и толкнул кореша в бок:

– Вон она, одна пришла.

Кореш тут же остановился как вкопанный и заныл, потянул Игоря обратно.

– Нахрена тебе эта селедка, Игорек, пошли отсюда... Я только ради ее подруги и выбирался, вон, последний одеколон перевел.

От кореша на всю округу разило одеколоном.

– Да неудобно как-то... – засомневался Игорь. – Пришла же, ждет стоит.

– Постоит и уйдет, – гнул свое кореш. – Последняя ночь, буду я со всякими селедками таскаться. Смотри, она малахольная какая-то – стоит и лыбится.

Она и вправду как будто улыбалась – ветру, закрыв глаза. За ней, за парапетом, угадывалось по огням и бликам ночное море, но где оно вливалось в небо, разглядеть было нельзя. На набережной играла музыка, заглушала отсюда рокот волн.

– И что делать будем? – спросил Игорь.

– Да мало ли что! Пройдемся туда-сюда, в кафешке посидим, в клуб заглянем. Так и так ко-го-нибудь зацепим, я тебе зуб даю. Пошли, пока не заметила.

– Мы в тени стоим, ей не видно.

Игорь с корешем стояли на спускающейся к набережной, врезающейся в нее улочке – тускло освещенной и накрытой густой тенью крон.

Кроны колыхались и шумели, подражая морю.

Мимо спешили отдыхающие – пьяные и трезвые, шумные и тихие, одинокие и сбитые в компании, бегом почти бежали на набережную и с усилием поднимались от нее в тень.

– Нет, – твердо сказал Игорь. – Я так не могу. Договаривались же. Поболтаем немного и рас-прощаемся, в чем проблема?

Кореш скривился.

– Жалко, – проскрипел он. – Жалко, Игорек, в последнюю ночь время терять. Ты вот вроде здоровый пацан, а мнешься как баба.

Игорь посмотрел на кореша сверху вниз, вскинул бровь.

– Не кипятись, – поднял руки кореш, поиграл шутливо бицепсами.

– Если хочешь, иди, – кивнул Игорь. – А я наберу тебя потом, подскочу, если что.

– Ой, смотри, Игорек, если буду сильно занят, – кореш покачал головой манерно, – не отвечу, ой не отвечу.

– Не ответишь – да и хрен с тобой, – разозлился Игорь и зашагал вниз.

Дмитрий Лагутин родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского госуниверситета. Победитель международного конкурса «Гайто», лауреат национальной премии «Русские рифмы» и др. Публиковался в журналах «Новый берег», «Нева», «Урал», «Знамя», «Новый мир» и др. В «Волге» публиковалась проза (с 2018 года).

- Лох! – крикнул вслед кореш тонким голоском, дурачась.
- Сам лох! – ответил, не оборачиваясь, Игорь и хохотнул.

Он, пружиня ногами, спустился на набережную, увернулся от подростков, летящих наперерез на роликах, пригладил взъерошенные ветром волосы и подумал, что настоял на своем не потому, что сильно уж того хотел, а назло корешу, от которого за две недели успел устать.

– Полина, – с напускной галантностью позвал он – не позвал даже, а назвал, как называют имена друг друга люди вместо приветствия.

Полина отвернулась от ветра, и волосы захлестнули ее.

– Здравствуйте, – рассмеялась она, зажмуриваясь. – И... Игорь?..

– Так точно, – он шаркнул сандалиями, склонил голову. – А где же ваша подруга?

Полина выпуталась из волос, потом обошла Игоря и стала лицом к ветру – волосы отбросило назад.

«Белая какая, – подумал Игорь. – И нос длинноват».

Сам он за две недели загорел образцово-показательно – и был похож на бодибилдера, готового к выступлению.

– Подруга изволили отравиться, – сделала грустное и в то же время игривое лицо Полина.

– Отравиться в первый день, – покачал головой Игорь. – Досадно.

«Отравилась, как же, – подумал он. – Слилась красotka, вот и все дела».

– А где же ваш одноклассник?

– Изволили вывихнуть ногу.

– Вывихнуть ногу в последний день, – Полина прижала ладони к щекам, подыгрывая. – Как же он завтра поедет?

– А он не поедет, – вошел во вкус Игорь. – Он специально вывихнул, чтобы остаться.

И фыркнул.

– Как настоящий товарищ, вы должны будете нести его на руках, – сообщила Полина и тоже фыркнула.

– До самого дома.

– До самого дома и даже дальше – если он попросит.

Игорь хмыкнул, развел руки стороны.

– Если честно, он за две недели меня так достал, что я готов ему вторую ногу вывихнуть, лишь бы...

– Ай-ай-ай, – погрозила пальцем Полина. – Вы нехороший друг.

Игорь не нашел что ответить, снова развел руки в стороны. Какое-то время стояли в неловком молчании – оба.

– На ты? – спросил Игорь наконец.

– Конечно, – улыбнулась Полина. – Глупо как-то вышло. Он правда ногу подвернул?

Игорь замялся.

– Ну, так, – вне игры врать было неприятно. – Немножко.

– Обидно, наверное.

– Не обиднее, чем отравиться.

– Ой, там ужас, – вздохнула Полина и одернула платице, раздуваемое ветром. – Лежит вся зеленая, углем толкается, – она посмотрела на Игоря. – Я бы и не пошла, осталась бы помогать, да она вот уснула, и договаривались же, неудобно. Был бы номер, я бы позвонила, а так...

Игорь кивнул.

– Кукурузу, молодые люди? – спросила выросшая из-под земли тетка с лотком, прихваченным ремнями.

Игорь качнул отрицательно головой.

– А я возьму, – рассмеялась Полина. – Только посолите получше.

Тетка приняла деньги, потрясла солонкой над лотком и позволила Полине выбрать початок – Полина вытянула верхний, блестящий в свете фонарей, окутанный облачками пара. Игорь втянул

ноздрями горячий кукурузный запах – мешающийся с запахом близкого моря и табачного дыма, – и под ложечкой у него засосало.

«Надо было брать!», – пнул он себя мысленно, глядя вслед тетке.

Полина ухватила початок неловко, двумя руками, укусила, уронив зернышко-другое на асфальт, и закатила глаза от удовольствия. Потом увидела, что Игорь смотрит, и отвернулась, смеясь.

– Не смотрите, пожалуйста, – попросила она. – Я, наверное, ужасно выгляжу.

– Мы на ты, – напомнил Игорь и отвернулся, посмотрел на море. – Отвернулся.

Отсюда, от парапета, видно было и спускающийся к воде пляж – мерцающий крупной галькой, – и белые гребешки волн, набегающие и отступающие. Вдалеке покачивались на воде огни, за ними скользил, вскидывая сверкающий бок, катерок, тянул за собой след из пены. Теплый ветер не налетал, катился по набережной, то затихал – и потом налетал опять.

– Я бы прошелся, – предложил Игорь. – Чего на месте стоять.

Полина, спиной к нему расправляющаяся с кукурузой, угукнула и обернулась, кивнула с готовностью.

«Чудачка какая-то», – подумал Игорь.

– Ты извини, пожалуйста, – зажмурилась Полина. – Я проголодалась просто. Планировали на ужин пойти в ресторан – а подруга... – Полина вздохнула. – Ну и пришлось перебиваться бутербродами.

– Можем где-нибудь перекусить, – пожал плечами Игорь.

Полина снова зажмурилась.

– Боже, я теперь выгляжу еще глупее. Пойдем скорее отсюда, здесь какой-то пятак неловкости. Я уже сыта, честно-честно, мне много не надо, я худенькая.

«Селедка», – вспомнил Игорь слова кореша.

И они зашагали по набережной – вдоль парапета, возле которого толпились тут и там компании, распивали вино или пиво, или сидели, целуясь, парочки – навстречу огням и музыке, то вливаясь в какую-нибудь толпу, то огибая ее. Набережная шумела, искрилась, пела тысячей голосов, смеялась и спорила, зазывала попробовать домашнее вино – самое лучшее – или записаться на экскурсию, или покататься на катере – том самом – или посетить развалины замка, и никому не было дела до того, что уже совсем почти ночь, даже, наверное, наоборот, все радовались хоть какой-то, тоненькой, прохладе, разбавляющей привычный зной, и хотели наслаждаться ей как можно дольше.

– Вообще я всегда в первый день обгораю, – поделилась Полина, озираясь в поисках урны – выбросить объединенный початок. – А тут как-то повезло. То ли крем хороший, то ли время выбрала удачно...

Она шагнула в сторону и вернулась, отряхивая руки.

– Завидую людям, у которых получается нормально загорать, – продолжила она и бросила взгляд на Игоря. – У тебя с этим, кажется, проблем нет.

И тут же закрыла лицо руками.

– Боже, что я несу, – она просяще посмотрела на Игоря. – Пожалуйста, не обращай внимания. Я не только загорать не умею, я еще и общаюсь сикось-накось, все время неловко.

– Да что тут неловкого, – улыбнулся Игорь. – Все в порядке. Да-а, у меня с этим проблем и правда нет, – Полина снова закрыла лицо руками. – Ну, повезло, наверное.

– Да, это же от кожи зависит... Подруга вот тоже – день-два, и вся коричневая.

– А пока – зеленая, – не удержался Игорь.

Полина посмотрела с укоризной.

– Я бы ей позвонила, – она достала из сумочки телефон – крошечную сиреневую раскладушку, – спросить, как дела. Но она, наверное, спит. Пусть спит. Если что – напишет.

Посмотрела на Игоря.

– Но если напишет, мне нужно будет идти. Иначе что я за подруга?

Игорю в ее словах послышался упрек – потому что не выхаживает кореша с подвернутой ногой? Он крикнул досадливо и ничего не сказал.

– Мы с ней на самом деле не то чтобы прямо вот дружим, – задумчиво проговорила Полина. – Учимся вместе, со второго курса. Общаемся, да, тесно, но... Разве это назовешь дружбой? Так вот вышло, что была возможность поехать – я и поехала. Не отказываться же.

Игорь кивнул неопределенно.

– Я вот иногда думаю, что и вправду женской дружбы... – она спрятала телефон в сумочку. – Ну, нету ее вообще. Ты как считаешь?

Игорь надул щеки, выпустил шумно воздух – изобразив замешательство.

– Не знаю, – сказал он. – Я ж не женщина.

Полина улыбнулась.

– Не поспоришь.

И снова зажмурилась.

– Это я не к тому, что... – она замахала руками смущенно. – Ну, то есть... Ну, понятно же, что ты не женщина...

Игорь почувствовал себя неловко – словно сам делал или говорил что-то комичное. Какое-то время шли молча.

«А на трезвую голову все не так весело, как ожидалось», – подумал Игорь и, хотя и зарекался пить до отъезда – не мог уже больше как будто, – предложил:

– Может, вина?

Полина пожевала задумчиво губу.

– Можно, наверное, – протянула без особого энтузиазма.

«Еще и кочевряжится», – подумал Игорь. – Решила, наверное, что я ее клею».

– Если не хочешь, можем не брать, – пояснил он. – Я вообще и не собирался, если честно – пить. А сейчас вот решил, что можно было бы, наверное.

«Я теперь какую-то чушь несу, – подумал он. – Это заразно, что ли?»

И он подумал, что и сам не знает, что и зачем здесь делает – идет с этой селедкой, собирается пить вино, слушает ее рассказы про женскую дружбу, про загар, смотрит, как она ест кукурузу... Не лучше ли вернуться в номер, да и просто выспаться перед дорогой?

– Нет-нет, – замотала головой Полина, и волосы заметались вокруг ее лица. – Давай купим, конечно, какое море без вина. Я просто не так часто пью, так что будь готов, что могу... ну, это... чудить. Расплачусь, например, или...

И она снова зажмурилась – прямо на ходу, рискуя споткнуться или налететь на кого-нибудь из идущих навстречу.

«Этого еще не хватало», – подумал Игорь.

И представил, как будет хохотать кореш – слушая историю его похождения.

«А вот хрен я ему что расскажу, – решил Игорь. – Ему что ни Расскажи, хохочет как дурак. Не сдержусь однажды – и двину как следует».

– Тут где-то продуктовый был... – Игорь заозирался, увидел знакомые витрины и махнул Полине рукой, призывая следовать за ним.

В магазине – напоминающем холодильник из-за кондиционеров и льющегося со всех сторон белого света – пока стояли в шумной, пестрой очереди, Полина полезла в сумочку за кошельком.

– Сколько получится? – спросила она.

Игорь поджал губы, засопел с досадой, уговорил кошелек спрятать.

– Белое? Красное? – спросил он.

Полина пожала плечами.

– На твой вкус.

Игорь нашел глазами вино, которым они с корешем упились несколько дней назад, решив отказаться от крепкого – недорогое, но при этом как будто приличное – и, когда оказался у кассы, купил бутылку, взял сыра на закуску. И потом уже от дверей вернулся, извинился перед очередью,

влез к кассе и попросил два пластиковых стаканчика. Не из горла же с ней хлестать.

2

Игорю мороженое не показалось вкусным – но Павлик уплетал его за обе щеки и восторгался, закатывал глаза.

– Ешь по чуть-чуть, – предупредил Игорь. – Горло заболит.

– Хорошо, папа, – послушался Павлик и вправду стал есть спокойнее, размеренно. – А мама зимой мороженое не покупает.

– Я бы тоже не покупал, – признался Игорь. – Но на то традиции и нужны, чтобы их соблюдать.

За широкими окнами мело и выюжило, а в кафе было тепло и уютно, играла приятно музыка, немногочисленные посетители позвякивали ложечками. С полок и подоконников смотрели глиняные игрушки, тут и там болтались тряпичные коты.

В окнах сквозь метель светились колонны театра.

Игорь скользнул взглядом по кафе и встретился глазами с девушкой-бариста, она улыбнулась приветливо – приветливее даже, чем можно было ожидать.

«Заметила, что без кольца», – решил Игорь.

Он посмотрел на Павлика – на то, как тот справляется с мороженым, как причмокивает и трет губы салфеткой, как ерзает на стуле не в силах и пяти минут усидеть спокойно, – и отметил, что с возрастом Павлик все сильнее похож на него, а ведь прежде, казалось, точь-в-точь мать.

«Как быстро растет, – подумал Игорь. – В следующий раз приеду, а напротив меня мужик с усами».

Он вспомнил предыдущую встречу – это же кафе, этот же театр, только мело за окнами не снегом, а золотом листвы, стояло бабье лето, и Павлик был одет в легкую курточку, а не пуховик, и на курточке поблескивал гордо значок «Я – первоклассник!».

– Когда ты приедешь? – спросил Павлик, точно услышал его мысли. – В следующий раз?

Игорь пожал плечами, улыбнулся.

– Через пару месяцев, наверное. Как с мамой договоримся.

Он всмотрелся в круглые светлые глаза.

– А ты хочешь, чтобы я почаще приезжал? – и тут же скривился: что за манипуляции?

Павлик кивнул, заболтал ногами под столом.

– А когда я к тебе приеду? – спросил он, наболтавшись.

Игорь задумался. Он забирал Павлика в Москву в начале лета, и Павлик на второй день отравился чем-то, затемпературил, пришлось вызывать врача. Примчалась ближайшим поездом жена – бывшая, – не поверила, что Игорь справится сам, а с ней приехал и Олег, они сняли номер в гостинице и забрали Павлика туда, и Игорь приезжал каждый день, сидел подолгу, читал вслух сказку о потерянном времени, но чувствовал, что его присутствию не рады и в произошедшем винят его.

– Вот это не знаю, братец, – развел руками Игорь. – После нашего прошлого приключения...

Павлик усмехнулся, заболтал ногами.

– А мы маме не скажем, если я снова отравлюсь. И я тебе не братец, папа.

– Самый настоящий братец, – Игорь перегнулся через стол и взъерошил Павлику волосы. – Кто если не ты?

Павлик вывернулся, скривил лицо, тут же вернулся к мороженому – как будто забыл о том, что его только что волновало.

Игорь снова поймал на себе взгляд из-за стойки, улыбнулся дежурно в ответ.

– Как школа? – спросил он, отодвинув от себя миску с недоеденным мороженым, асимметричную, выгнутую вбок, глянцевую внутри и шершавую снаружи. – Нравится?

Павлик подумал и кивнул.

– На одни пятерки, я надеюсь?

– Нам не ставят оценок, папа. Плюсики только.

– Так не интересно, – Игорь изобразил разочарование. – Нам и пятерки ставили, и шестерки с семерками, и иногда даже десятки.

– Не придумывай, папа, – засмеялся Павлик и нечаянно спихнул со стола ложку, тут же полез за ней.

– Погоди-погоди, – опередил его Игорь.

Он свесился под стол, поднял ложку и вручил спешащей к столику девушке, принял от нее новую.

– Спасибо, – сказал Павлик. – Можно мне еще мороженого?

– Ни в коем случае, – качнул головой Игорь. – А мне принесите, пожалуйста, американо. Два сахара.

Девушка кивнула, улыбнулась лучезарно и упорхнула.

«Милая, конечно, – отметил Игорь. – Неужели свободная?»

– Папа, – позвал Павлик. – А ты когда был первокласником?

Игорь надул щеки, выпустил с шумом воздух.

– Первокласником... – повторил он. – Да лет, наверное... – он прикинул в уме, – двадцать девять назад. Двадцать восемь.

Павлик сделал удивленное лицо.

– А я тогда уже родился?

– Нет, ты еще не родился.

– А мама?

– Мама родилась.

– А Олег?

Игорь против воли скривился.

– Олег – не знаю. Может, еще не родился.

– Родился! Он старше мамы на год, месяц и день!

– Братец, – серьезно сказал Игорь. – Если ты знаешь ответ, зачем спрашиваешь?

– А я тебя проверял.

Игорь усмехнулся, принял от девушки кофе, отхлебнул.

– Олег говорит, что кофе вечером пить нельзя, – сообщил Павлик.

– Олегу нельзя, – пожал плечами Игорь.

Ответ Павлика развеял. Он снова заболтал ногами и стал со скрежетом собирать с тарелки остатки мороженого.

– Как секция? – спросил Игорь. – Ходишь?

С осени Олег отвел Павлика на рукопашный бой, жена – бывшая – поступила порядочно и предварительно позвонила Игорю, спросила, не против ли он. Игорь уточнил, что за секция, нашел номер тренера и разузнал все в деталях. Затем перезвонил жене – бывшей – и сказал, что не против.

– Хожу, – кивнул Павлик.

– Нравится?

Павлик подумал, затем снова кивнул.

– Никто не обижает?

– Нет, папа! Я сильный, меня нельзя обижать!

Игорь улыбнулся удовлетворенно.

– А сам никого не обижаешь?

– Нет.

– Смотри, – строго сказал Игорь. – С большой силой приходит большая ответственность.

– Я знаю, это из человека-паука. Мы с Олегом смотрели.

– Ого, – удивился Игорь и вспомнил, что там и кровь, и Зеленый гоблин погибает довольно... наглядно. Хотел спросить, не рановато ли, но передумал – чтобы не выглядеть в глазах сына тем,

кто ограничивает, лишает развлечений. Хочешь цензурировать супергеройское кино – не надо разводиться. Потом поразмыслил и все-таки спросил: – А не рановато, братец?

Павлик замотал головой.

– Я глаза закрывал, – сообщил он. – Когда Олег говорил.

«Я бы этому Олегу... – подумал Игорь. – Глаза бы закрыл».

Они поговорили еще про «Человека-паука», про рукопашный бой, про спектакль, который смотрели перед тем, как есть мороженое. Показывали «Петрушку» – и Игорю было скучно сидеть в зале, а вокруг все смеялись, и дети, и взрослые, и Павлику понравилось, он смотрел, затаив дыхание, ерзал в кресле и вытягивал по-птичьи шею, чтобы все было видно. Потом снова говорили про секцию, Игорь рассказал, как сам занимался – то боксом, то кикбоксингом, то тхэквондо – как учился на специальном спортивном факультете, где только и делал, что курсировал от зала на стадион и обратно, как затем служил в специальной спортивной роте, как подрабатывал тренером в первые годы после переезда в Москву.

– Ты сильнее Олега, папа, – довольно сообщил Павлик.

– Конечно, я сильнее Олега! – фыркнул Игорь. – Тоже мне, как чего скажешь.

– Но Олег хороший.

Игорь вздохнул.

– Конечно, хороший, – согласился он. – Я же и не говорил, что он плохой. Твоя мама бы... Ну, она бы плохого человека домой не пустила, правильно?

Павлик кивнул. Мороженое он доел и теперь сидел, выложив локти на стол, ковырял руками все, до чего дотягивался – вазочку с сухоцветами, салфетницу в виде домика, театральные буклеты, сложенные в гармошку.

– Осенью спектакль был интереснее, – поделился Павлик. – Мне больше понравилось.

Осенью смотрели «Конька-горбунка».

Поговорили про «Конька-горбунка», сравнили с «Петрушкой», вспомнили «Кота в сапогах», на которого ходили летом. Поговорили про театр вообще – детский – про цирк и кино, про школу и книжки. Снова вернулись к секциям, к «Человеку-пауку», помечтали о том, кто какую суперсилу хотел бы иметь, посмеялись над Олегом, заказали по пирожному – «маме не говорить», – стянули с полки и полистали альбом с фотографиями посетителей, нашли среди них актера, игравшего «Петрушку».

А за окнами все мело и мело, и светились загадочно колонны, и мимо них проплывали огни фар. В кафе приходили новые посетители – с мороза, присыпанные снегом, краснощекие и пылящие – кто-то из сидевших до этого расплачивался и уходил, благодарил девушку-бариста. Она, если не делала кофе и не подавала десерты, что-то писала в пухлую тетрадь на пружине, подперев щеку рукой. Игорь думал, что мог бы сидеть так хоть неделю, хоть месяц – пить кофе, смеяться над Олегом, рассматривать сына, думая о том, что в нем изменилось, представляя, каким он будет, когда вырастет – копия Игоря, не отличить! Павлику тоже, видимо, нравилось сидеть и разговаривать – но видно было, что он устал, что начинает клевать носом и зевает.

– Мама звонит, – сообщил, зевнув, Павлик и показал на телефон Игоря, выложенный на стол.

С экрана на Игоря смотрела жена – бывшая – хмурила брови, закусывала пухлую губу. Игорь нарочно выбрал такое фото – не самое удачное, неприветливое, чтобы ненароком не ёкнуло во время звонка.

– Ну как вы там? – спрашивала жена. – Мы уже подъехали.

Игорь посмотрел в окно и различил сквозь метель машину Олега, припаркованную у обочины. Сам Олег стоял перед капотом и курил.

«Дома небось курит, сволочь», – подумал Игорь.

– Да закругляемся уже.

– Давайте, Павлику спать надо. Утром в школу.

– Слушаю и повинуюсь!

– Дурак.

Игорь еще посидел немного – специально, пусть ждут – порасспрашивал Павлика обо всем на свете. Павлик отвечал с охотой, но зевал так часто, что Игорь сам захотел спать.

– Скажи мне, братец, – задал Игорь последний вопрос перед тем, как собираться. – А Олег дома курит?

– На балконе.

Игорь склонил голову набок.

– Ну, на балконе – это ладно. Ты же знаешь, братец, что курить нельзя?

Павлик кивнул.

– Кто курит, тот, братец, умрет раньше положенного.

Павлик вскинул испуганные глаза.

– И Олег?

Игорь цыкнул – «пересолил».

– Олег, пожалуй, нет.

Павлик подумал, выдохнул с облегчением.

Вылезли из кресел, Игорь расплатился у стойки – девушка игриво захлопнула тетрадь, накрыла рукой, точно прятала написанное от него, – влезли в куртки. Павлика пришлось закупоривать в пуховик как космонавта. Вышли на улицу – метет как на северном полюсе – пробились сквозь метель к машине. Жена – бывшая – уже вышла, стояла, перетаптываясь сапожками – красивая, в шубе, с тяжелой прической, которую даже метель не в силах сдвинуть, с обжигающими темными глазами.

– Павлик, деточка, – воскликнула она так, словно Игорь забирал сына не на полдня, а на полгода. – Как ты, маленький?

Павлик проворчал что-то, полез за открытую дверь в салон, потом вылез, протопал к Игорю и уткнулся лицом в его куртку.

– Пока, папа!

Игорь сел на корточки, обнял сына, потряс, поцеловал в обе щеки – мягкие и теплые.

– Коляешься! – зажмурился Павлик, стал уворачиваться.

– Будь здоров, братец, – Игорь поправил дутый капюшон, шарф с лягушатами. – Маму слушайся, Олега не обижай.

Павлик еще раз раскинул руки для объятий, затем спрятался в салон. Олег затушил сигарету – вторую, что ли, курил, пес? – подошел, пожал руку.

– Подбросить до вокзала?

Жена уже сидела на пассажирском, смотрела в телефон.

– Да ну, – скривился Игорь. – Прогуляюсь, воздухом надышусь перед Москвой.

– Ну как знаешь.

Перекинулись парой каких-то фраз, Олег еще раз пожал Игорю руку и обошел машину, сел за руль, постучав предварительно по дворникам – сбил наледь. Зажглись фары, помахал сквозь затемненное стекло Павлик – и колеса взвизгнули, пробуксовывая. Когда машина скрылась за перекрестком, Игорь сунул руки в карманы, застегнул куртку до подбородка и зашагал в противоположную сторону, к вокзалу.

Прошел несколько метров и обернулся, отвесил поклон театру, поблагодарил за «Петрушку».

Между колонн трепыхались в метели растянутые афиши – бились, точно флаги, хлопали туго, рвались прочь с креплений.

3

Эта женщина долго не отвечала, а затем написала, что да, Полинин муж изменяет Полине с ней – но не потому что она, женщина эта, какая-нибудь там шлюха или Полинин муж – подлец и сволочь, а потому что любви противиться нельзя, любви не прикажешь и пятое-десятое. Написала она это как будто с неохотой, но без стеснения, с вызовом даже, даже чуть ли не с достоинством – и так как с аватарки она смотрела сверху вниз, то и Полине показалось, что, сообщая ей

об измене, *эта женщина* смотрит на нее, Полину, сверху вниз.

Полина сперва сидела, точно ее ударили, оглушенная, а затем заблокировала женщину во всех мессенджерах – старуха какая-то, старше Полины почти на семь лет, искусственная вся – и заплакала.

Муж спал – умаялся, бедный, вон как храпит, – и дочь спала – в отведенном под детскую уголке зала, – за окнами стояла неподвижная, черная с серебром – небо и снег – ночь. От кухонного стола видно было, как вдалеке, за полем, светятся холодно и спокойно огни на железнодорожных путях – зеленый, синий и оранжевый, – но сквозь слезы казалось, что они расплываются и шевелятся медузками.

Темными вечерами, дожидаясь мужа домой, Полина придумывала дочери сказки про эти огоньки – это звезды с неба упали, это волшебные фонарики, это феи или светлячки, или дивные цветы, прорастающие сквозь асфальт. Зимой землю от неба отделил снег, а осенью, в особенно темные вечера казалось, что нет никакого поля, нет никаких путей, а есть только небо, небо, небо, и в нем – разноцветное, зеленый, синий и оранжевый, созвездие.

– Жили когда-то три сестры, – говорила Полина дочери, и дочь слушала, затаив дыхание, распахнув глаза.

– Мама, – шептала дочь, – можно я это в саду девочкам расскажу?

– Можно, конечно, милая, – улыбалась Полина.

Она размазала слезы по щекам и проговорила шепотом:

– Какой же ты...

И не нашла слова, которое бы выразило все, что она думает.

В кухне тикали часы, шумели трубы – из-за морозов топили усердно, хотя на их этаже, последнем, четырнадцатом, под самой крышей, было все-таки прохладнее, чем ниже.

В обычные дни Полине нравилось думать, что сразу за потолком – точно бы пятнадцатым этажом – начинается небо, но сейчас она об этом думать не могла. И вообще ни о чем не могла – сидела точно в тумане и растирала слезы.

Ее – эту женщину, старуху эту раздутую, губы как пельмени – переписку с ней Полина нашла давно, в ноутбуке мужа, в истории браузера. Нашла случайно, среди всей его порнухи – пропустил, видимо, и не удалил. Долго присматривалась, следила за ним, отмечала какие-то мелочи, сопоставляла время приездов и отъездов. Когда могла – заглядывала в мессенджеры, сверлила взглядом раздражающую аватарку, вчитывалась в сообщения, касающиеся, в основном, работы. Однажды обнаружила нечто двусмысленное – от *нее*, не менее двусмысленный ответ. Затем еще и еще. Полина долго не верила, вся издергалась, стала плохо спать и во снах видела такое, что просыпалась в слезах, признала, что да, муж охладел – и охладел как будто давно, что-то изменилось во взгляде, согнулось как будто – а затем вот решила и написала, спросила прямо. Была готова к возмущению и отнекиванию, к смеху даже – лучше так, чем ночами не спать, – а та взяла и ответила прямо. Прямой вопрос – прямой ответ.

Полина вернулась в диалог, перечитала сообщение, почувствовала себя так, словно влезла под контрастный душ, открыла фотографию, вгляделась – ну кукла же, дутая, чем взяла? Неужели же ее муж такой дурак? Или они все – дураки, перед которыми только выгнись как следует, и вот уже нет ничего, все исчезло, утонуло в слюнях? Не может же быть, чтобы так!

Полина, капая на ночнушку и на пол слезами, прошла к дочери, поправила одеяльце, послушала ровное теплое дыхание. Села на ковер у кровати и посидела так, подогнув одну ногу под себя, глядя, как превращается в оранжевую медузку – медузу – ночник в углу, расплывается, меняет очертания – а затем встала и пошла к мужу. Склонилась над ним и, содрогаясь от отвращения, потрясла за плечо. Муж перестал храпеть, перевернулся на другой бок, к стене. Полина потрясла еще – плечо горячее, острое, прощупывается выпирающая в сторону косточка.

– По-о-ля... – пробормотал муж. – Что там у тебя...

– Я все знаю.

– Я тоже все знаю, – сонно буркнул муж. – Делов-то.

– Я про вас все знаю.

Пауза.

Пауза затянулась – делает вид, что уснул?

– Я все про вас с ней знаю, – сказала Полина тверже. – От нее.

По дыханию она поняла, что муж не спит.

– Я знаю, что ты не спишь.

– Вообще-то сплю...

Он медленно повернулся к ней, посмотрел непонимающе – точнее, в темноте ей показалось, что он смотрит непонимающе. Полина шагнула к двери и прикрыла ее, щелкнула выключателем – спальня озарилась светом. Муж зажмурился, потянул к лицу одеяло, затем сел в кровати.

– Ты что творишь? – проворчал он, растирая красные глаза.

Полина повторила, что все знает, и для убедительности показала – из своих рук – переписку.

– Да что там? Дай посмотреть! – рыкнул муж, но она отдернула телефон.

– Смотри так!

Он вытянул шею, прищурился, зашевелил губами, читая. Затем молчал мгновение – застывшее, ничего не выражающее лицо, маска, а не лицо – затем рассмеялся:

– Что за херня? – и он запрокинул голову, захохотал беззвучно, под щетиной запрыгал кадык.

– Это же херня чистой воды, бред!

Он спихнул с себя одеяло, сел, спустив ноги на пол, выпрямил спину до хруста, потянул руки к Полине.

– Поля! – лицо его светилось улыбкой, глаза сверкали из-под бровей. – Это же дура, сумасшедшая! Зачем ты ей написала? Она мне проходу не дает, а я ее игнорирую – вот и бесится.

Он коснулся кончиками пальцев ее ночнушки, Полина отпрянула – а внутренне забилась, точно рыба на крючке: а вдруг правда? вдруг *та* соврала специально, чтобы насолить, чтобы нагадить, если уж не получилось соблазнить?

– Поля, ну что ты как ребенок? – муж заулыбался еще шире и встал, пошел на нее. – Ты теперь каждому бомжу поверишь, если он набрешет с три короба?

Полина всмотрелась в синие, точно вода на глубине, глаза, впиалась в них взглядом, втянулась в них, вся, точно дым или свет – и выхватила, как выхватывают, посмотрев на страницу, слово, фразу, выхватила, увидела что-то, почувствовала, распознала краешком сознания. И поняла, что нет, *та* не соврала.

– По-леч-ка, – замурлыкал муж, понизив голос, полез с объятиями, заскрипел щетиной по шее. – Ну что ты, дурилка? Куда я от тебя?

Полина вывернулась, отбежала к дальней стене, к лоджии, покачала горестно головой, дала понять, что не верит. Муж постоял посреди спальни в трусах – как будто начал одеваться и передумал – потом снова попросил переписку, перечитал – Полина держала телефон в вытянутой руке, телефон ходуном ходил, муж подставил указательный палец под кисть – перечитал и вздохнул, поиграл желваками.

– Мне очень жаль, – только и сказал он. И повесил голову на грудь. Пол под Полиной исчез, и она понеслась сквозь этажи куда-то вниз, – но тут же вскинулся и вытаращил глаза, прижал руки к груди. – Но это ничего не значит! Ничего же это и не значит, конечно! Кто же не ошибается, Полина! Но это все пыль, говорить не о чем, я тебе точно говорю, мне же никто не нужен, у нас же семья, мы же с тобой...

И он затараторил, то в голос, то шепотом, заговорил так быстро, что слова стали сливаться, склеиваться, хлынули на Полину потоком – а она все летела вниз, и этажам конца не было видно.

– Да пойми же ты!..

Этажи закончились, она вонзилась в землю, ноги подкосились. Муж тут же подхватил ее за подмышки, потащил к кровати, усадил, заохал, потом убежал из комнаты и вернулся со стаканом ледяной воды – и пока она отпивала крошечными глотками, все говорил что-то, говорил и говорил, а до нее долетало только эхо.

– Я тебе обещаю, Поля, я тебе клянусь, я сейчас же все это вот... Ни слова, ни полслова, все, нет уже ничего, да и не было, не было, Поля... Все, смотри, вот, ничего же уже...

И он двигал руками – точно невидимые веревки рвал.

– Вот! Видишь, все! Я тебе клянусь, Полечка, ты же мне веришь, я же знаю тебя так, как никто не знает, я знаю, что ты мне веришь! Я...

Полина и слушала, и не слушала – пила воду, чувствовала, как вода проваливается в горло, улетает вниз, к груди, к солнечному сплетению. Если муж обнимал – выкручивалась, вытягивалась из рук, если тыкался в лицо поцелуями, прятала губы и нос в плечо. Муж вскакивал, распался, размахивал руками, что-то доказывая, потом падал на кровать, шептал ласково, посмеивался – тут же хмурил брови и злился, видя, что старается напрасно.

– Нет тут виноватых, понимаешь! – наседал он. – Ну вот случается такое, что же теперь поделать! Да это же сплошь и рядом, Полина! Все ошибаются! Ты, что ли, не ошибалась? Ты что ли не... не делала глупостей? Не повезло нам, да, но мы же попытаемся, мы же сможем! Мне же кроме тебя никто не нужен, никто! Ты же веришь, что никто?

Он устал объяснять и ушел в кухню, загремел там стаканами.

«Ребенка разбудит», – подумала Полина.

Встала, постояла, прислонившись к стене плечом. Прошла в ванную и долго умывалась, набирала в горсть воды и погружала в нее лицо. Когда открыла глаза в очередной раз, увидела в зеркало, что муж стоит за спиной, что веки у него красные и воспаленные, точно болеет чем-то – стоит и смотрит на нее умоляюще.

– Прости меня, – он обхватил ее сзади, прижался, придавил плечами. – Прости меня, прости меня, прости меня...

И точно сломался – шептал одно и то же, зарывался в волосы, целовал затылок и шею. А потом отпрянул и заскрипел зубами, зажмурился.

– Да что же ты молчишь! – зашипел он. – Молчишь почему? Я кому это все объясняю? Почему игнорируешь?!

«Еще кинется, – подумала Полина как-то отстраненно. – Задушит, или головой об раковину... Чего теперь от него ждать?»

И тут же стряхнула с себя эти мысли – нет, нет, зачем это?

– А что мне тебе сказать? – тихо пробормотала она, чувствуя, как с носа и подбородка капает вода, как липнут к щекам намокшие волосы.

– Да хоть что-нибудь скажи, не молчи только.

Полина пожала плечами.

– Ничего в голову не приходит. Побудешь с малышкой? Мне на воздух надо.

Муж заволновался.

– Какой воздух? Зачем тебе? Иди на лоджии постой.

– Нет, лоджия – не то, – протянула Полина. – Пройдусь немного, проветрюсь.

Собственный голос звучал для нее как будто со стороны – откуда-то сбоку.

– Полина, – муж встряхнул ее за плечи. – Ты только давай не дури! Пугаешь меня!

Полина улыбнулась – сама не поняла, как.

– Я не дурую, – сказала она. – Дай мне, пожалуйста, пройтись, мне сейчас это нужно.

Муж помолчал и отступил в сторону, выпустил ее из ванной. И потом, пока она влезала в джинсы и свитер, пока куталась в пуховик и завязывала шнурки на ботинках, пока заматывала шею шарфом и искала шапку – шапку нашел муж, подал – он не отводил от нее взгляда и смотрел пристально, с тревогой и недоверием.

– Поля, Полечка, – зашептал он, когда она щелкнула замком, потянула дверную ручку вниз. – Не дури, пожалуйста, это все такая херня, потом еще смеяться будем. Пройдись немножко, подыши и возвращайся, хорошо? Я за тобой с лоджии следить буду, чтобы ты далеко не ушла? Если что, смотри у меня, как запульну снежком... Я меткий, ты же знаешь, я...

Полина посмотрела на него с тоской, кивнула успокаивающе, пообещала далеко не уходить. Попросила не шуметь, чтобы не разбудить малышку – а если та все-таки проснется, соврать ей, что мама спит, рассказать какую-нибудь сказку, что в голову взбредет.

Вышла в подъезд и закрыла за собой дверь.

4

Пить вино прямо на набережной, у парапета, Полина отказалась – неловко. Игорь поцыкал с досадой и показал на одну из убегающих вверх улочек.

С такой же спускались они с корешем – улочка таяла в тени крон, выше ее стискивали дома, громоздились друг на друга жилые коробки и отели.

– Да, можно... – протянула Полина.

Но когда оказались в тени, она замедлила шаг, обернулась на сверкающую огнями набережную и проговорила с беспокойством:

– Только я далеко не пойду... Я... улиц этих не знаю, мало ли что, вдруг заблудимся...

«Во дает, – подумал Игорь с раздражением. – Думает, я что?.. В темный угол ее утащу?»

– Да я сам далеко не пойду, – ответил он. – Смысл?

Они прошагали в гору еще пару перекрестков – навстречу спускались к набережной компании, сзади тоже спешили, нагоняли, опережали их, извиняясь – и Игорь огляделся.

– Ага, вот оно.

Он свернул в совсем уж темный проулок, обернулся и помахал Полине.

– Тут посидеть можно! И пока свободно!

Полина обхватила себя руками и двинулась за Игорем – и скоро остановилась у крыльца какого-то магазина.

Магазин был закрыт – возможно, давно, – на дверях висел замок, окна прятались за узорными решетками, но слева от крыльца вырастал из асфальта стол с деревянной столешницей и две лавки по обе стороны.

И стол, и лавки были прикручены к тротуару – чтоб не убежали.

– Мы тут с корешем в первый день заседали, – сообщил не без гордости Игорь. – Бродили по округе и нашли вот. Вполне себе место для привала.

– Действительно.

Полина опустила на лавку – ноги ныли после подъема – выложила локти на теплое дерево столешницы. И пока Игорь возился с вином – пока ключами и пальцем проталкивал пробку внутрь горлышка, штопора-то нет, – осматривалась. Вдаль, в темноту, уходили строем редкие фонари, роняли на улочку пятна света, выхватывали-выцарапывали то ступени крыльца, то угол дома, то припаркованный кое-как, тремя колесами на тротуаре, автомобиль. Над черными силуэтами крыш и крон фиолетово мерцало небо – с точками звезд. Густо и приторно пахло какими-то фруктами – не то абрикосами, не то сливами – и пылью.

– Вуаля! – воскликнул Игорь, и в стаканы полилось черное в потемках вино.

Полина взяла стакан, понюхала, Игорь скривился.

– За знакомство? – спросила Полина и улыбнулась.

– За знакомство, – согласился Игорь.

Они стукнулись беззвучно стаканами, выпили, Игорь причмокнул.

– А ведь зарекался пить! – усмехнулся он и выпил еще.

– Ну уж извини.

– Да ты-то тут причем...

Он тут же подумал, что получилось грубо, и пояснил:

– Я же взрослый человек, сам решаю.

Полина не смогла сдержать смехов.

«Повезло с собутыльницей», – подумал Игорь раздраженно, но потом представил, как его слова прозвучали со стороны – «я взрослый!», – и тоже усмехнулся.

– А чем же взрослый человек занимается? – спросила Полина, усаживаясь поудобнее и подпирая щеку ладонью, точно готовилась внимательно слушать. – Когда не отдыхает на море?
– Взрослый человек учится, – развел руками Игорь. – Третий курс.

Полина отхлебнула вина.

– Сейчас угадаю... – она покачала пальцем из стороны в сторону. – Истфак?

– Почти. Физвос.

Полина ойкнула.

– Извини.

Игорь изобразил недоумение.

– Э... А за что извиняться? Физвос – такой же факультет, как и все.

– Да-да, конечно, – Полина заслонила от него стаканом. – Я снова говорю ерунду какую-то... Помолчали.

– А почему ты подумала про истфак? – прыснул Игорь и долил вина себе и Полине. – Я что, на историка похож?

– Не знаю, – пожала плечами Полина. – Наверное, не похож, но вот подумалось почему-то... Мы с подругой рассуждали в шутку – и решили, что вы с истфака. Ой... – она вспомнила про подругу и полезла в сумочку за телефоном.

Щелкнула, раскрываясь, раскладушка, лицо Полины осветилось голубоватым светом.

«Селедка», – вспомнил Игорь.

– Не писала, не звонила, – сообщила Полина, и лицо ее погасло. – А мы вот филфаковские.

И она – вино? – вдруг принялась рассказывать про свой филфак, второй курс, за несколько сотен километров от его физвоса, про подругу, про то, как смешно у них преподаватель к каждому третьему слову добавляет карикатурно-старинное «с», про университет, в котором яблоку некуда упасть, про какие-то конференции...

– Девушки-с, – пародировала она преподавателя. – Запомните, что филология-с... это не развлечение-с, это...

Игорь слушал, пил вино, дышал сладким теплым воздухом – который сам был похож на вино – и чувствовал, что ему весело. Он дослушал, налил еще – себе и Полине – и сам стал рассказывать про учебу, про то, почему пошел на физвос, про кореша, про нормативы и, да, стереотипы, не обидные, а смешные. Полина слушала и хохотала – запрокидывала голову, закрывала рот ладонью.

– Никогда, – говорила она, чуть не плача. – Никогда и представить себе не могла...

Потом говорили про море, про город – Игорь рассказывал о том, что нужно посмотреть обязательно, а на что времени тратить не стоит, о лучших местах для купания и для того, чтобы загорать, о единственном на всю набережную нормальном клубе. Полина слушала внимательно, только что не записывала, глаза ее поблескивали – и Игорь думал, что при таком освещении, скудном, она уже не кажется такой несуразной, как прежде, а наоборот – выглядит вполне себе, даже не вполне себе, а как будто почти красивой... Он не пьянел – расслабился только, мысли побежали в приятном, спокойном темпе – а Полину, кажется, понемногу развивило.

– Представляешь? – смеялась она. – А вы, говорю, Катин дедушка? Нет, отвечает, папа! Я чуть со стыда не сгорела, представляешь!

Она совсем разговорилась – и рассказывала уже и про детство, и про какие-то свои страхи, и про планы на будущее.

– Хочу жить высоко! – признавалась она. – Чем выше, тем лучше!

И раскидывала в стороны белые руки – точно хотела взлететь.

«Хорошая девчонка, – думал Игорь. – Не хуже других».

Улочка была тихая, и их голоса звучали далеко и отчетливо – а вокруг голосов шелестела негромко листва, гудело призрачно, долетая с набережной и переплетаясь с шелестом, эхо музыки. Изредка вышагивали мимо с разговорами туристы и местные, раз протарахтел мопед.

– К нам кто-то идет, – сообщила Полина.

Игорь повернулся и увидел, как от дома напротив спешит к ним через улочку, шаркая сланцами, невысокий, коренастый мужик.

– Э, молодежь, – начал, еще не подойдя, мужик. – Задолбали гоготать, ночь на дворе!

Мужик приблизился к столу и замер руки в боки, Игорь разглядел на растянутой футболке логотип баскетбольной команды – Миннесотта Тимбервулвс.

– Я этот стол срублю нахрен, – пригрозил мужик. – Каждую ночь одно и то же, одно и то же. Ты тут ее окучиваешь, – мужик кивнул на втянувшую голову в плечи Полину, – а мне все это слушать! А потом ты утром слюни будешь с похмелья в подушку пускать, а мне – пахать!

Игорь сел вполоборота, опустил на стол кулак, расправил плечи.

– Если мы шумим, извините, – пробормотала Полина. – Мы не хотели.

– Не хотели, – передразнил ее мужик. – Выжрут чего покрепче и настрять на всех! Ля-ля-ля, ля-ля-ля.

– Мужик, – позвал Игорь. – Хочешь что-то сказать, говори нормально. Все люди адекватные, никто...

– Это вы-то адекватные? – фыркнул мужик, перебивая. – Знаю я вас, адекватных! Нажрут, а потом на этом же столе...

– Мужик, – перебил его Игорь и поднялся с лавки, посмотрел сверху вниз. – Пока не договорился, иди-ка домой.

– Это ты мне угрожаешь, что ли? – вскипел мужик.

Он затоптался перед Игорем на одном месте – точно притаптывал землю. Игорь молчал, смотрел сверху вниз, расправив плечи, и отмечал краешком мысли, что сейчас, наверное, выглядит он как круто – и селедка, как пить дать, насмотрится на него да и втрескается по уши.

– Еще один звук, – пригрозил мужик, перестав топтаться, – и я... я... – он облизал губы, посмотрел на Игоря без прежнего задора, – узнаете тогда...

Он развернулся и вразвалку заковылял к дому. Игорь медленно сел, посмотрел в восхищенные глаза Полины, долил по стаканам вина.

Посидели еще немного, поговорили – Полина почти шептала, Игорь время от времени нарочно откашливался погромче, повышал тон. Допили вино, снялись с места и двинулись к перекрестку – вышли на кажущуюся шумной и светлой улицу, заспешили вниз, а внизу, на набережной только что не оглохли от шума и гвалта – двинулись вдоль парапета, поглядывая на прибор.

– Настоящее приключение! – восклицала нетрезво Полина. – Я думала, он... он... – и она принималась размахивать руками. – Он такой кинется на тебя, но ты, конечно, так вот ловко его подхватишь и вот так вот, как в фильмах показывают, так вот его, так...

Она раскраснелась, смеясь, волосы то и дело закрывали лицо.

– Боже, какая я пьяная... – наконец призналась она. – Сидела – вроде ничего, а как вот...

– Так всегда с вином, – объяснил важно Игорь. – Если пил стоя и сел – уснешь. Если пил сидя и встал – накроет...

– О-о-о, да у нас тут мсье лектор... – рассмеялась Полина. – А ты вот совсем не пьяный? Ни чуточки?

Она свела вместе указательный и большой палец, оставляя между ними место для, разве что, бусины.

– Ну вот на сто-олько, – передразнил ее Игорь и тоже сжал невидимую бусину, – насто-о-олько, может быть.

Полина засмеялась, толкнула его кулачком в плечо. А потом вскинула голову удивленно и остановилась, прислушалась.

– Моя любимая песня...

И она вдруг стала подпевать играющей от какого-то шатра музыке – сперва тихо, потом все громче.

«Началось», – сконфузился Игорь и чуть придержал ее за локоть.

– Что ты? – удивленно посмотрела на него мутным взглядом Полина. – Это же песня, ее поют...

Она вывернула локоть из его пальцев и зашагала вперед, подпевая в голос. Игорь догнал, пошел рядом и увидел, что она шагает, прикрыв глаза, почти вслепую, делая страдальческое лицо.

«Е-мое... – кашлянул Игорь. – Вот смех-то».

Он украдкой смотрел по сторонам и видел, как на Полину косятся с улыбками.

«А что я могу поделать? – взглядом извинялся Игорь перед каждым улыбающимся. – Не могу же я ей рот ладонью зажать, мы не настолько знакомы...»

Наконец песня осталась позади, ее заглушили новые, раздающиеся со всех сторон, даже от пляжа. Полина открыла глаза и, счастливая, посмотрела на Игоря.

– Не смогла удержаться... – она пожала плечами и расплылась в блаженной улыбке. – Прости, пожалуйста, как услышу эту песню, так сразу...

Она икнула, прижала кончики пальцев к губам, посмотрела извиняющимся взглядом. Затем покачнулась.

– Ого! – и ухватила рукой за парашют. – Вот это я... налимонилась...

И она вдруг прыснула – и залилась звонким смехом, закрыла лицо ладонью, зажмурилась.

– Налимонилась... – повторяла она. – Именно вот налимонилась, по-другому не сказать... Что за слово такое...

Игорю тоже стало смешно, он поддержал Полину под руку, случайно коснулся затянутой в платице талии.

– Ладно, – не заметила Полина, – в случае чего... Если я вдруг того, – она склонила голову набок, закрыла глаза и приоткрыла рот, показав кончик языка, – если погасну, ты же меня отнесешь?.. К подруге... Ты вон какой сильный! Физвос!

И она потрясла руками победно:

– Физвос!

Кто-то обернулся, воскликнул вполголоса:

– Юрфак!

– Ты тогда расскажи, где вы живете, – качнул головой Игорь. – Чтоб знать, куда нести.

– Да я же шучу! – Полина встряхнула головой, волосы заметались. – Не буду я... гаснуть, что ты! – Она посмотрела на Игоря с теплом. – Ну и простофиля же ты, Игорь... Все за чистую монету...

Она тут же зажмурилась.

– Прости, пожалуйста! Опять я сама не знаю, что несу! Никакой ты не простофиля, конечно, с чего тебе быть простофилей!

Игорь надул губы, выпустил с шумом воздух.

– Не стыдно быть простофилей, – сказал он. – Стыдно быть...

И выругался матом. Полина нахмурилась нетрезво, покачала пальцем из стороны в сторону.

– Наше... условие – долой сквернословие.

– Молодые люди! – окликнули их. – Не желаете портретик-с?

Игорь повернулся и увидел, что им машет, сидя на табуреточке, уличный художник – один из сотни обитающих на набережной. Рядом с художником шевелили уголками на ветру его работы – прищипленные кнопками к деревянному стенду – кое-где кнопки отсутствовали, и работы, когда ветер дул посильнее, рвались со стенда, точно хотели отправиться в свободный полет.

– Желаем! – воскликнула Полина и захлопала в ладоши. – Желаем-желаем!

И, не дождавшись ответа Игоря, побежала к художнику.

5

Вокзал производил обычное для такого времени сонное впечатление. Поблескивал тусклый витраж, за ним билась и извивалась беззвучно разноцветная метель. Беззвучно же ползла по огромным часам секундная стрелка, указывала то на табло с расписанием, то на турникеты, то на угловатый барельеф, вырастающий из-за колонны и вытягивающийся по стене до самого потолка.

Игорь, отряхиваясь от снега, прошагал в зал ожидания – всего несколько человек, каждый сам по себе, причем двое спят, уронив головы на грудь, – и уселся в самом конце, в углу, лицом в стену.

Уселся, сверил время, оглянулся на вокзальные часы и закинул ногу за ногу, приготовился ждать.

«Город-сказка, – пробормотал он, – город-мечта... Занесло же их в такую даль».

Он подумал, что Павлик, вероятно, уже спит – или готовится ко сну. Чистит зубы в просторной ванной, плещет в лицо водой. Ляжет, и жена – бывшая – почитает ему что-нибудь, сама зевая. А Олег ходит, наверное, по квартире, или сидит и смотрит в наушниках сериал, или курит на балконе, и снег ему в лицо так и хлещет, так и хлещет.

Он вспомнил, как жена – бывшая – читала Павлику и засыпала в кресле, и он, Игорь, будил ее или, наоборот, не будил и выключал свет – оставлял их сопеть, а сам шел в кухню и пил подолгу чай.

«Чайку бы сейчас, – подумал он и обернулся на павильончик в противоположном углу, темный и безмолвный, закрытый до утра. – Да не судьба».

И он опять против воли вспоминал вечера до развода – тихие, не те, в которые ругались, – вспоминал заварочный чайник с китайскими узорами, тихую и теплую кухню, ощущение того, что твои жена и сын спят, а ты – нет.

«А чайку было бы неплохо, – снова подумал Игорь. – Зачем я вообще сразу сюда пошел? Посидел бы в кафе, поболтал бы, наверное, с той, за стойкой».

Он вспомнил девушку-бариста и то, как она ему улыбалась.

«В Москве так не улыбаются», – подумалось ему, и он только что не рассмеялся своим мыслям – что он, в самом деле? Метель так действует? Скосил глаза на высокое окно – метет, в снегу угадываются спящие на путях коробки товарных вагонов, в небе то показывается, то прячется огрызок луны.

Слева от окна, прямо напротив Игоря красовалась на стене картина – фотография, фотокартина – заключенная в тонкую раму и спрятанная под стекло. Под стеклом вытягивалась, выцветая, уходила вдаль широкая и рыхлая – без асфальта – улица. С двух сторон топились вдоль дороги невысокие – один, два этажа – домики, рядом с ними угадывались фигуры людей, лошади, запряженные в телеги. За оградями щетинились голыми кронами деревца – фотографировали, наверное, ранней весной. Вдалеке, там, куда уходила улица, вставал полупрозрачный, призрачный будто бы собор – подпирал куполом облака. Игорь прищурился и прочел: «Московская улица, начало XX века». Прочел, взгляделся и присвистнул – он шел по этой улице пятнадцать минут назад, спустившись от театра, вот и дома знакомые на переднем плане. Но никаким собором улица не оканчивалась – и Московской не называлась. Игорь повертел головой и увидел, что такие же фотографии – фотокартины – развешаны по всему периметру зала. Встал, зашагал от одной к другой, заведя руки за спину, точно оказался на выставке в музее.

И со всех фотографий на него смотрел – сквозь стекло и сто с лишним лет – город. Гнулись и вытягивались улицы, по ним катились телеги, у обочин жались люди. Кто-то попадал в кадр совсем близко, и можно было различить лица – взрослые, дети, и все пристально смотрят в объектив, а кажется, что – на Игоря. Платки, бороды, юбки, касающиеся земли, какие-то кульки и свертки, одежды точно из-за театральных кулис. Городовой в дореволюционной форме – точно игрушечный солдатик, стоит навтыжку у дорожного столба, отдает кому-то – не Игорю ли? – честь.

Затем фотографии наскучили – Игорь вернулся на свое место и сидел, руки в карманы, чувствуя, как наваливается, сопротивляясь выпитому кофе, сонливость, как мысли замедляются и наступают друг другу на пятки. Он то думал про Павлика, то вспоминал, что завтра в конце дня нужно сдать отчет, то поднимал глаза на фотографию, то как будто проваливался в дрему и начинал слышать голоса, боксировать с кем-то, требовать от тренера, чтобы дети даже спарринговали в шлемах.

Когда объявили, что поезд прибывает, Игорь – вместе с еще парой-тройкой обитателей зала – вышел на перрон, в метель и темень, поднял воротник повыше, натянул шапку на глаза и стал ждать. В рябой снежной дали показался огонек, стал расти, загремели колеса, и поезд, свистя и шикая, подполз к вокзалу, остановился, качнувшись, продемонстрировал по очереди окна всех вагонов – от сидячих через ресторан и бизнес-класс к плацкарту и купе. Игорь сверил билет и пошел вдоль вагонов – и добрался до своего в тот самый момент, как на перрон шагнула с выехавшей лесенки проводница, зевнула, выгнув ярко-крашенные губы кружком.

– Здравствуйте.

Она взяла паспорт Игоря, долго смотрела в него, точно не могла вчитаться, прятала рукавом от снега.

– Пятое купе, семнадцатое место. Нижняя.

Издали долетел звук свистка, утонул в метели.

Игорь влез в вагон, прошел вдоль дверей купе, нашел нужное, потянул в сторону. И увидел, что на нижней полке – напротив той, что полагается ему – спит, закутавшись в простынку и прижимая к себе ребенка, совсем грудничка, женщина. Над ними, на верхней, кто-то негромко похрапывал.

Полоса света упала на лицо женщины, та нахмурилась сквозь сон, потянула одеяло к подбородку. Грудничок заворочался, всхлипнул, женщина – так же, сквозь сон – зашептала ему что-то.

Игорь как мог тихо, чувствуя себя едва ли не вором, шагнул в купе, прикрыл за собой дверь. Шторка закрывала окно не целиком, видно было, как по перрону кувырывается метель – по купе разливался от окна сине-серебряный свет, мялся на простынях, проваливался в зеркало на двери, поблескивал на выложенных на столик игрушках и мобильных. Игорь вылез из куртки, повесил ее на крючок. Подумал, стоит ли расстилаться – шуршать пакетом, возиться и скрипеть – и решил обойтись. Сел, разулся, пристроил подушку у окна и улегся, сунув под голову руку.

Улегся лицом к стене, поджал колени так, что они стукнули негромко в соседнее купе. Из соседнего купе как будто стукнули негромко в ответ – тоже коленями. Спустя какое-то время поезд качнулся, лязгнул и тронулся. Грудничок закричал, захныкал, женщина зашептала ему что-то ласково. Затем позвала шепотом того, кто, по-видимому, спал над ней:

– Саш. Саш, ты спишь?

Храп прекратился, верхняя полка – по диагонали от Игоря – заскрипела.

– Сплю.

– Саш, не храпи.

– Извини.

Полка снова заскрипела – видимо, храпевший переворачивался на другой бок. Краем глаза Игорь заметил, что потолок купе озарился тусклым светом, тут же погас: видимо, кто-то из двоих зажег телефон.

«Влез к людям в купе, – подумал Игорь. – Нарушил идиллию. Ехали, ехали семьей – а тут я».

И ему стало неловко.

Он закрыл глаза и постарался уснуть как можно скорее. Затем вытянул из кармана джинсов мобильник, поставил на ощупь на беззвучный.

Сон не шел. Купе покачивалось, под самой подушкой стучали колеса, обитатель верхней полки снова храпел – тише, чем прежде. Игорь мысленно вернулся в театр, еще раз посмотрел с Павликом театр. Воспроизвел в памяти беседу за мороженым – о чем говорили, что запомнилось, над чем подумать? Еще раз удивился тому, как быстро Павлик взрослеет – того и гляди будет сам к папке в Москву кататься. Вспомнил, как Павлик отравился – и как жена – бывшая – с Олегом примчались. Подумал о том, что было бы, не отравись Павлик – сходили бы куда запланировали, посидели бы в настоящем театре на настоящем спектакле, тогда шел «Буратино», билеты пришлось вернуть, объелись бы мороженым, обговорились бы, обсудили все на свете. Игорь сводил бы Павлика в свой офис, показал рабочее место. Погуляли по Красной площади, покатались на колесе обозрения...

Игорь не заметил, как уснул. Снилось ему какая-то ерунда: в офис пришли с проверкой и переворачивают шкафы, ящики, вытряхивают зачем-то кофе и чай из банок, колотят щипцами кубики рафинада. А Игорь сидит посреди разрухи под дулом пистолета и кипит от злости, требует все вернуть на место – и даже расколотый рафинад ссыпать обратно в коробку – но требует шепотом, потому что ребенок и без того плачет, зачем пугать его криками... Игорь проснулся и понял, что ребенок – грудничок – и вправду плачет, а мать качает его и напевает негромко колыбельную.

Стучат колеса, колыхается – точно на нитках подвешенное – купе. Через несколько стенок, в начале вагона, кто-то храпит так яростно и громко, что Сашин храп по сравнению с ним похож на ту же едва различимую колыбельную.

– Давай я покачаю, – услышал Игорь Сашин шепот.

Женщина не ответила, продолжила напевать – и скоро плач стих, сменился редким всхлипыванием. Заскрипела полка – женщина укладывалась с ребенком, устраивалась поудобнее – затем в купе воцарилась тишина. Игорь снова почувствовал себя неловко, лишним, и мысленно извинился перед попутчиками. А затем вспомнил, как когда-то качал Павлика – рисуя локтями восьмерки, напевая что-то веселое, раздражая тем самым жену – и уснул.

Он просыпался еще несколько раз – то вновь плакал грудничок, то слезал сверху и уходил в туалет, возвращался на цыпочках, лез на свою полку Саша, то они шептались негромко, обсуждая что-то. Под утро Игорь проснулся и обнаружил, что лежит спиной к стенке – видимо, перевернулся во сне. Открыл глаза и увидел, что женщина сидит на своей полке, держа малыша на руках, и кормит его. Игорь увидел крупную белую грудь, и его окатило жаром – точно под горячий душ влез. Он тут же закрыл глаза и затих, постарался не шевелиться, ничем не выдать себя, притворился спящим – хотя лежать было неудобно, и все тело ныло. Теперь он чувствовал себя не просто лишним, а страшно лишним, преступно лишним – и щеки у него горели как обожженные.

«Выкупали бы все купе, – мысленно укорил он Сашу. – И ехали бы спокойно».

Кое-как ему удалось уснуть, а когда он проснулся в следующий раз, то в купе было уже светлее – от окна лился по-прежнему прозрачный и бледный, но уже предутренний свет. Все попутчики, включая грудничка, спали, Саша даже не храпел – с полки свешивалась его рука с обручальным кольцом на пальце. Игорь полежал с открытыми глазами, полежал с закрытыми и понял, что уже не уснет. От окна ощутимо тянуло холодом, подушка же, наоборот, была мокрой от пота. Когда поезд замер, от тормозив пару километров, на очередной станции, Игорь осторожно сел, обулся и стянул с вешалки куртку. Встал, приоткрыл дверь и выскользнул за нее, тихонько, до щелчка прикрыл за спиной. Оценил время, прошел, растирая лицо ладонью, хрустя шеей, до проводницы и спросил, какой номер у вагона-ресторана.

6

Полина вышла из подъезда и глубоко втянула ноздрями морозный сладкий воздух.

«Какая ночь», – подумалось ей как-то само собой.

Ночь стояла неподвижная и лунная – безмолвный, ни одного звука, двор выгибался подковой, нависал над Полиной. Кое-какие окна горели, где-то светились волшебным малиновым, по двору тут и там моргали звездочками огоньки сигнализации, сам снег – на капотах, на козырьках подъездов, сугробами по краям тротуара – снег мерцал и весело серебрился в свете фонарей.

«Какая ночь».

Полина точно пьяная зашагала к выходу из двора – хорошо жить в крайнем доме, не нужно выбирать направление пути, не в поле же спускаться с холма. Она шагала и слышала, как поскрипывает под подошвами, а больше не слышала ничего и от этого чувствовала себя хорошо – мороз гладил ей щеки, шею, точно массирует, и она отмечала, что хорошо бы просто выходить так время от времени, без *повода*, гулять в тишине и дышать – подрастет малышка, можно будет ходить и с ней – и смотреть по сторонам, а потом возвращаться и засыпать крепко-крепко.

Двор закончился, Полину встретил объятиями следующий – такой же – потом еще один, и везде было тихо и неподвижно, и над каждым двором лежало черное, обсыпанное звездами небо, а в небе плескалась купальщицей луна.

«Жила-была луна... – подумала Полина. – Жила-была луна».

И улыбнулась своим мыслям. Идти бы так и идти – и чтобы дворы не кончались, и ночь не кончалась, и все спали, и ни звука, ни колебания, и обойти так всю Землю, вернуться во вчерашний день, или прошлый месяц, или позапрошлый год.

Она иглой скользила через один двор за другим – точно нанизывала их на цепочку из следов – и смотрела по сторонам, видела уснувшие вывески и витрины, коробки гаражей и котельные, накрытые шапками пара, и окна, окна, окна, пожарные лестницы, эркеры и французские балконы, растяжки с номерами, узкие обледеневшие кроны, горки и беседки, баскетбольные кольца над сахарными как будто площадками.

«Хорошо, что не идет снег, – подумала она. – Пойди снег, я бы, наверное, разревелась. Бежала бы, наверное, и редела».

И ей казалось, что и внутри нее все так же сковано морозом: застыли мысли, застыли чувства, застыли и серебрятся в инее воспоминания – сахарные, как площадки под кольцами. Застыло сердце, застыли легкие, да и нет никаких легких и никакого сердца, а внутри у нее – просветите рентгеном – такая же вот ночь, и луна, и дворы с лестницами, и снег, много-много снега.

За очередной аркой тишина нарушалась голосами и музыкой – вокруг припаркованного автомобиля топтались с гоготом подростки, звенели бутылками, курили. Сам автомобиль мелко вибрировал от играющей в нем музыки, фары его горели, и на них светились ледяные корки.

– Аккумулятор сядет! – кричал кто-то из подростков весело.

– А и хер с ним! – отвечали ему так же весело.

Девочки в цветастых куртках кашляли от дыма и светили в лица друг другу фонариками, пискляво пели.

Полина отметила, что прежде свернула бы, обошла компанию по широкой дуге – но теперь наоборот двинулась напрямик, вскинув подбородок и глядя перед собой.

«Еще и сигарету попрошу, – подумала она. – Подумаешь, бросила».

Но не попросила – прошла совсем рядом с машиной, с компанией, услышала, что за тонированными стеклами не то смеются, не то ругаются – как они там сидят в таком шуме? – ощутила совсем близко табачный дым, сигаретный и не-сигаретный, персиковый какой-то, выпаренный, густыми клубами переползающий через тротуар.

На нее даже не посмотрели – точно она была невидимой. Как перекрикивались, так и перекрикивались, как смеялись, так и смеялись, какая-то из девочек повалилась в снег, с визгом потянула за собой стоящих рядом, пытаясь удержаться. Полина шагала и ждала, что ей бросят что-нибудь вслед – не бросили. Шумный двор остался позади, объятия раскрыл тихий. Но тихим он был недолго, потому что из кармана Полининой куртки запиликал скрипкой телефон.

– Полина, – встревоженно говорил муж. – Ты куда делась?

– Никуда, – отвечала Полина безмятежно. – Гуляю.

– Полина... Ты это прекращай, а. Где ты гуляешь?

Полина пожала плечами – точно муж видел ее.

– Да тут, неподалеку... Что такое?

– Что такое? Ночь, мороз, а она – гуляет! Мне потом тебя из сугроба выкапывать?

– Можешь не выкапывать.

– Полина... Я...

– Все в порядке, правда. Я сейчас вернусь.

– Правда?

– Правда.

Разговаривая, она дошла до края микрорайона – и оказалась у моста. За мостом скрипел кронами черный, похожий на лес, парк, за ним светился центр города. Полина развернулась и зашагала обратно – той же дорогой – но теперь и в том дворе, в котором шумели прежде подростки, было тихо. Машина – безмолвная, ни вибрации, ни света фар – поблескивала тонированными стеклами, вокруг нее – никого. Если бы не многочисленные окурки и не примятый сугроб там,

куда упала девочка, Полина бы решила, что подростки ей пригрезились – упали в морозную ночь из ее воображения, поколыхались миражом и растаяли.

Вернулась она страшно замерзшая – но как будто этому даже довольная. Разулась, повесила аккуратно на крючок пуховик, прошла мимо мужа – брови сведены, смотрит, не понимая, исподлобья – в ванную, разделась и влезла под душ, выкрутила воду чуть ли не до кипятка. И долго стояла, отогреваясь, чувствуя, как из тела уходит мороз и ночь, а сердце, легкие и все остальное возвращается, оживает, обретает вес.

– Поля, – позвал муж сквозь дверь, постучавшись. – Все хорошо?

– Да.

– К тебе можно?

– Нет.

Наконец она вышла закутанная в полотенце и содрогнулась от холода – по сравнению с затянута паром ванной квартира казалась ледяной. Муж сидел в кухне, закинув ногу за ногу, задумчиво смотрел в телефон. Полина прошла в спальню и прикрыла за собой, оделась в домашнее, погасила свет и влезла под одеяло.

«Жила-была луна, – подумала она. – Каждую ночь луна выходила на небо и...»

Но что делала луна кроме того, что жила-была и каждую ночь выходила на небо, у Полины придумать не получалось.

Спустя какое-то время приоткрылась дверь и в спальню вошел муж. Скинул футболку и влез под одеяло, обнял Полину, принялся целовать в шею, шептать что-то.

«Коньяк пил», – отметила Полина и отвернулась.

– Поля, – шептал муж. – Мне кроме тебя никто не нужен, Поля. У нас семья, Поля, ты же понимаешь. Ты умная, ты все понимаешь, ну что ты... Не принимай это всерьез... Кто не ошибается? Она с тобой и близко рядом не стоит, ты же все это знаешь. Ну зачем мне она, мне же ты нужна...

Он потянул вверх ее сорочку, полез с поцелуями к лопаткам. Полина дернулась, отодвинулась ближе к стене. Муж снова зашептал, придвинулся, Полина снова дернулась, прижалась к стене.

– Да что ты устраиваешь... – прошепел муж. – Я тут перед тобой вон чего, а ты...

Он отвернулся, лег на своей половине, потом вскочил и зашагал по комнате, принялся что-то бормотать нетрезво, временами останавливаясь и обращаясь к Полине, но она слышала его так, словно слышала не его, а пересказ его слов от кого-то другого – или даже не слышала пересказ, а читала с бумаги.

«Жила-была луна, – крутилось в ее мыслях. – Луна жила-была».

Затем муж ушел в кухню, и она слышала, как он булькает коньяком в рюмку, как хрипит, выпивая. Потом она точно уснула – но неглубоко, одними глазами, – а слышать и осязать все продолжала, и сквозь такой сон различала, как в кухне щелкает экранная клавиатура, а значит, муж что-то кому-то пишет. Потом она снова как будто уснула, потом проснулась и стала думать о том, как же они теперь будут жить? Как она будет с ним спать и есть за одним столом? Как будет при нем переодеваться? «Надо, наверное, ширму купить... – думала она сквозь оцепенение и усталость. – Или что-то вроде». И ей представлялись китайские ширмы, раздвижные, с журавлями, танцующими на фоне гор. А затем журавли и впрямь начинали танцевать, разводили в сторону крылья, щелкали длинными клювами, и Полина понимала, что спит – и с интересом наблюдала за танцем, ждала, что на небо вот-вот выйдет луна, и тогда...

Муж вошел в спальню и зажег свет – журавли растаяли, точно их и не было. Муж молча шагнул по спальне, шурша одеждой, открывая и закрывая ящики.

– Я ухожу, – услышала Полина его голос. – Извини, что так получилось.

Полина молчала, муж продолжил собираться. Скрипнул, открываясь, шкаф, захрустела спортивная сумка, муж сходил на кухню и вернулся, стал шуршать пакетами.

– Извини, – говорил он иногда. – Но я так не могу.

И восклицал негромко:

– Да, не могу! Я честный человек!

Полина не отвечала. Лежала, не шевелясь.

Муж собирался страшно долго – точно хотел уложить в сумку весь свой гардероб.

«Ждет, что я его остановлю?» – подумала Полина. И она вдруг представила – не оборачиваясь, не открывая даже глаз, – как он мечется по комнате, волосы растрепаны, глаза горят, мечется точно загнанный в угол зверь, яростный и беспомощный. Представила и подумала, что он сейчас, наверное, красив какой-то своей особенной, свирепой красотой – и ей захотелось остановить его, сказать, что все наладится, что ничего страшного не произошло, что ему только нужно пообещать что-то, и все вернется на круги своя, что семья, конечно же, и да, кто не ошибается... Но захотелось всего на миг – и Полина этому порадовалась.

Наконец муж закончил свои сборы, остановился – в спальне воцарилась тишина, – навис над кроватью, чтобы сказать что-то, произнести, быть может, пламенную речь, сказать, что никто не виноват или вообще виновата Полина, или климат, или последний этаж... Но нет, ничего не сказал – помолчал, погасил свет и вышел в коридор, вытащил за собой сумку. Заглянул к дочери, прошел, кажется, в ее комнату – может, пошептал что-то в пушистый висок, поправил одеяльце. Когда Полина услышала, как взвизгнула молния пуховика, ей захотелось выскочить из спальни и уцепиться за рукав, потянуть назад, зашептать ласково – но и этот порыв длился всего лишь миг, и растаял еще до того, как щелкнула, закрываясь, входная дверь, как зазвенели по ту сторону замка, уже в подъезде, ключи.

Когда стало совсем тихо, Полина перевернулась на спину и открыла глаза. От неплотно завешанных штор тянулась, расширяясь, через потолок бледная полоса – понемногу начинало светать. Полина дотянулась до телефона, посчитала, сколько времени остается до подъема дочери, до того, чтобы собирать ее и вести в сад, и чуть сдвинула будильник, завернулась в одеяло плотнее.

Но уснуть, конечно, не смогла.

7

– Вас как? – художник обвел Полину и Игоря карандашом. – Вместе? Порознь?

– Вместе! – воскликнула Полина и зажмурилась, посмотрела виновато на Игоря.

– Нет-нет-нет, – запротестовал Игорь. – Я пас.

Полина надула губы.

– Точно пас, – качнул головой Игорь и понизил голос, процедил ей на ухо. – Не люблю я это все.

«А чего я, кстати, отказываюсь?» – спросил он сам себя и не смог ответить.

– Я лучше за вином еще схожу, – нашелся он. – А ты рисуйся пока.

– Мне не надо, – Полина уже села на складной стульчик у самого бордюра, выпрямила спину, сдвинулась в сторону, как попросил художник. – Мне... ой... хватит.

Она засмеялась в ладонь, а затем сделала серьезное лицо, нахмурилась даже:

– Все, извините, сию, сию.

– Я быстро, – пообещал Игорь.

Он посмотрел, как художник изучает Полину, закрыв один глаз, мимо карандаша в вытянутой руке, как бросает первые – прозрачные – линии на бумагу. Развернулся и быстрым шагом двинулся в сторону магазина.

Когда он вернулся – потягивая вино из уголка картонной коробки – портрет был почти закончен, но лучше бы его и не начинали. С портрета на Игоря смотрела какая-то селедка с длинным носом и тонкими губами, в облаке дурацких кудряшек, с прищуренными подслеповато глазами.

Игорь даже поперхнулся. Полина посмотрела на него весело и вопросительно, он замялся, склонил неопределенно голову, пожал плечами. Художник царапал карандашом бумагу самозабвенно, закусив губу.

«Ка-а-ак дал бы тебе», – подумал Игорь.

И ему и вправду захотелось отвесить художнику пендаля – чтобы тот повалил мольберт, закрыл собой селедку на нем.

«Похожа-то похожа... – подумал Игорь. – Но как-то не она совсем».

Игорь даже прикинул, не выхватить ли портрет, не свистнуть его с мольберта, не разорвать, пока Полина не увидела – но не свистнул и не разорвал, а стоял как вкопанный и даже вино не пил.

– Готово! – воскликнул художник и накарябал в углу листа свои инициалы.

Полина вскочила, сияя, шагнула навстречу, протянула руку.

Игорь удержался, чтобы не зажмуриться.

– Ой, – только и сказала Полина.

Она кашлянула неловко, всмотрелась в портрет с вытянутой руки. Подняла глаза на Игоря – не то в поиске поддержки, не то оправдываясь за что-то. Через силу растянула губы в улыбке.

– Спасибо большое.

Художник только что над землей не парил – довольный собой.

– С вас, милая барышня... – и он назвал цену.

Игорь напряг ногу – для пендала.

– Да, да, конечно... – Полина свободной рукой полезла в сумочку, отсчитала из кошелька деньги, вручила художнику. Потом стала рыться в сумочке, потом посмотрела на Игоря в недоумении. – Телефон пропал.

Игорь нахмурился, повернулся к художнику. Художник испуганно вскинул брови.

– Может, на дне? – спросил Игорь, имея в виду дно сумочки.

– Да какое тут дно, – невесело улынулась Полина. – Тут кроме дна ничего и нет.

– Пока... рисовалась, – предположил Игорь, – никто не подходил?

– Молодой человек, – запищал художник. – Вы же не думаете...

Игорь его проигнорировал.

– Нет, не подходил, – ответила Полина.

Игорь развел руками.

– Тогда давай искать.

Полина поблагодарила художника, извинилась перед ним за чем-то, Игорь зыркнул свирепо – и они двинулись по набережной, восстанавливая свой маршрут. Полина шла с портретом в руке, но ей было не до него – рассматривала, вытягивая шею, тротуар, сталкивалась с идущими навстречу, извинялась.

Игорю ее было жалко – телефон, конечно, украли, вытянули из сумочки, и пройти по своим следам, конечно, надо, но смысла в этом нет.

Вскоре оказались у шатра, из которого снова играла та самая песня, Игорь предложил этот пятак изучить особенно тщательно: шла с закрытыми глазами, размахивала сумочкой, самые подходящие условия. Полина согласилась, но и – Игорь был поражен – пока обшаривали взглядами асфальт под чужими ногами, Полина не смогла сдержаться и снова подпевала, тихонько, себе под нос.

Игорь искал и потягивал вино – без удовольствия, как бы по обязанности. Подошли к газону, Полина встала на бордюр и наклонилась, всмотрелась в траву. Из-за воротника выпал, закачался на тоненькой цепочке, поблескивая, золотой крестик.

– Дай номер, – догадался запоздало Игорь. – Я тебе звонить буду, может, услышим.

Полина продиктовала номер, и они двинулись дальше, глядя под ноги, всматриваясь в лица сидящих на парапете – может быть, вор тут же, не успел убежать, как-нибудь выдаст себя? Игорь держал свой телефон у уха.

– Гудки, – сообщил он. – Значит, могли и не украсть.

Полина кивнула – если бы украли, выключили бы.

Свернули на улочку, уходящую вверх, прошли до нужного перекрестка – тут шагали медленнее, по асфальту плавали тени.

И почти от самого перекрестка различили тоненькое – всплывающее из общего шума и тонущее в нем – скрипку, пиликающую у закрытого магазина.

Телефон, вибрируя, ползал по лавке, светил голубым квадратиком экрана – второго, на крышке – и всю наигрывал какую-то мелодию.

«Красивая», – подумал Игорь.

Полина подбежала к лавке, схватила с нее телефон – как не сполз, не разбился об асфальт? – прижала к груди и выдохнула. Затем подняла трубку, отвечая на звонок Игоря, и спросила весело:

– Алло? – и пробормотала: – Я, наверное, из-за дядьки этого так разнервничалась, что про телефон просто забыла.

– Я долго звонил, – недоуменно протянул Игорь и отхлебнул вина, сбросил вызов. – Как такое может быть, чтобы никто из прохожих не забрал?

Полина пожала плечами, потом подняла указательный палец назидательно:

– Надо верить в людей, Игорь!

Игорь заворчал что-то неразборчиво.

– Ой, как я рада! – воскликнула Полина. – Как мало человеку надо!

Она запикала кнопками, всмотрелась в экран. Затем захлопнула раскладушку и спрятала понадежнее в сумку.

– Подруга не писала, не звонила.

Игорь протянул Полине вино, она сперва замешкалась, а потом приняла, отпила – и сморщилась

– Ой, какая гадость!

Игорь развел руками. Он чувствовал, как по телу его разливается вместе с опьянением – не сильным, встряхнешь головой, и растает – нежность. Или это не нежность, а жалость? Чуть не лишилась телефона, горе-художник нарисовал так, что хоть караул кричи. Он взял из руки Полины портрет – помятый в процессе поисков – порвал его, не глядя, на две части, затем сложил и порвал на четыре, затем на восемь. Помахал перед Полиной стопкой неровных прямоугольников, похожих на игральные карты, и шагнул дверям магазина, ссыпал в урну. Полина посмотрела на него сперва испуганно, потом благодарно – и закрыла лицо руками.

– Я ведь не такая, – прогудела она из-за ладоней.

Игорь фыркнул.

– Конечно, не такая. Ты больше внимания на таких вот лохов обращай. Перед ними кого ни посади, все урод получится.

Полина опустила ладони.

– Из тебя не получится.

И зажмурилась.

– Все, пойдем, пойдем отсюда. Сейчас еще опять дядька этот прибежит.

– Как прибежит, так и убежит, – заверил Игорь и отпил вина.

– Все равно пойдем, – попросила Полина. – Только вот куда...

Игорь задумался – снова бродить по набережной не хотелось.

– Давай к морю, – предложил он. – Посидим на берегу, искупаемся, может.

– Нет-нет, я купаться не буду, – сразу отказалась Полина. – Я и днем-то боюсь... а ночью... Да и купальника нет... – она зажмурилась, помолчала. – А посидеть просто можно.

– Значит, просто посидим, – согласился Игорь. – Так-то я последний день, надо и с морем попрощаться.

Полина кивнула – причина показалась ей уважительной.

– Только давай не по набережной, – попросил Игорь. – Срежем, я тут знаю короткий путь.

Он подумал, что она снова испугается, засомневается – как тогда, когда он вел ее на эту вот улицу – но нет, Полина кивнула просто и не задумываясь, с готовностью даже, как будто уже совсем ему доверяла. Они вышли на перекресток, поднялись еще немного вверх, потом свернули и зашагали по широкой ярко освещенной улице – людной, с магазинами и снующими туда-сюда автомобилями. И шагали так долго, разговаривая, попивая вино – Полина пила изредка и по

чуть-чуть, морщилась – смеясь над своими приключениями – и мужик, и телефон, и криворукий художник – вспоминали кореша и подругу, смотрели на дома и балконы, вывески и витрины.

Вскоре улица стала сужаться и темнеть – машин и людей попадалось меньше, витрины не горели оставленные на ночь, а смотрели тускло и безучастно – затем поползла вниз, точно пьяная, запетляла и воткнулась в набережную в самом ее конце. И тут тоже было пустынное, и музыка играла тише, долетая со стороны – и хорошо было слышно бьющееся о берег море.

Игорь перепрыгнул через парапет, помог слезть Полине, разулся, подождал, пока ее босоножки окажутся в руке – и двинулся по прохладной, колючей гальке морю наперерез. Спустились к самой воде, прошагали вдоль нее по щиколотку в пене, и оказались в безлюдной и тихой части пляжа, кое-как усьелись гальку в нескольких метрах от прибоя.

– Море, – сообщил Игорь, втягивая ноздрями сладко-соленый воздух.

– Оно самое, – улыбнулась Полина.

Море накатывалось ласково и отступало, шипело пеной, точно кололось о гальку. Вдалеке вздрагивали едва различимые буйки, еще дальше – сильно дальше – светился посреди черноты, точно в воздухе завис, теплоходик, с берега кажущийся совсем крошечным, игрушечным. Над теплоходиком растягивалось небо в точках звезд, опрокидывалось над пляжем, над набережной, накрывало город.

Ветерок шевелил Полинины волосы, она сидела, обхватив руками колени – прижав к ним край платица.

– Я бы все-таки искупался, – сообщил Игорь и допил одним махом вино. – Ты точно не хочешь?

– Я пас, – рассмеялась Полина, подражая тому, как он отказывался от портрета. – Хватит с меня приключений на сегодня.

Игорь кивнул понимающе, поднялся и стянул футболку, сделал шаг в сторону и сбросил бриджи, оставшись в предусмотрительно надетых плавках. Подмигнул Полине и зашагал к воде – а зайдя по пояс, нырнул, вынырнул и поплыл, слаженно и властно работая одними руками.

Мысли его прояснились, ему стало весело, он взял курс на буйки, подумал, не доплыть ли до теплохода – вот удивятся отдыхающие, – потом обернулся, остался висеть в воде, чувствуя на губах соль, и увидел, что Полина стоит на берегу, и вся ее фигура выражает тревогу.

«Бойтся за меня, селедка», – подумал Игорь, и ему стало приятно. Он повисел еще немного, лениво перебирая ногами в пустоте – точно по лестнице поднимаясь – и поплыл к берегу. А из воды выходил неспешно, раскачивая плечами, зная, что выглядит сейчас ого-го, любая голову потеряет – и смотрел на Полину, которая уже сидела на прежнем месте и прятала под платице колени, эдаким покорителем стихии.

– Как вода?

Игорь постоял немного над Полиной, потом сел.

– Соленая.

Полина показала на шрам на его животе – горизонтальная полоска с мизинец длиной.

– Операция, – тряхнул головой Игорь. – Пустяки.

Полина осторожно коснулась шрама кончиком пальца, тут же убрала руку. Задумалась.

– А у меня вот...

Она позволила платицу соскользнуть до середины бедра, придержала рукой, чтобы не соскользнуло ниже.

Белое бедро обхватывал дугой белый же – поди разгляди – шрам.

– В деревне, – сообщила Полина. – Упала с лестницы, полоснула по ноге скобой.

Игорь взглянул в шрам, затем наклонился и поцеловал его – едва дотронулся губами. Привстал и придержал рукой Полинины волосы – чтобы ветер не бросал на лицо. Приблизился, почувствовал ее дыхание и поцеловал. Полина на поцелуй ответила, подалась вперед. Игорь одной ладонью уперся в гальку, а второй повел по бедру, сжимая платье в гармошку.

– Нет, – испуганно прошептала Полина и отпрянула, поджала колени. – Не надо.

Игорь крикнул с досадой.

– Прости, пожалуйста, Игорь, но не надо.

Он сел рядом пожал плечами.

– Не надо так не надо, я думал, ты сама...

Полина – раскрасневшаяся – села, поправила платице, вытянула ноги, прошуршав пятками по гальке.

– Я сама, конечно, извини... Но давай мы просто так посидим и посмотрим на море, это будет хорошо, ведь правда?

– Да, давай посидим... – Игорь отвернулся, чувствуя себя дураком. – Посмотрим на море...

Он дотянулся до футболки и надел ее – почувствовав, что подмерзает.

– Знаешь, – обратилась к нему Полина, – я иногда... иногда вот так смотрю на что-нибудь далекое – вот как этот теплоходик сейчас...

Она вытянула руку и пальцем указала Игорю на теплоходик – точно думала, что тот его не замечал.

– Видишь, на каком он расстоянии... – продолжила она. – Но на нем же люди, и они, наверное, сейчас на палубе, просто далеко, и мы их не видим.

Игорь угукнул.

– И вот я иногда смотрю на что-нибудь такое... И думаю – а вдруг и там кто-то стоит и смотрит мне навстречу? Ну, или не стоит, а сидит. То есть они же нас тоже не видят – из-за расстояния. Они что видят? Берег, огни какие-нибудь, или темное все, не понять, где вода заканчивается... Куда им нам разглядеть? Но они ведь могут смотреть сейчас на нас так же, как мы смотрим на них – смотреть, не видя – а взгляды наши как будто встречаются где-то над водой, только мы этого не чувствуем.

Игорь всмотрелся в нарядный от огней теплоходик и кивнул.

– Да, – согласился он. – Что-то в этом есть.

Они посидели еще немного, а потом поднялись и зашагали к набережной. Игорь перелез через парапет, помог Полине подняться. Вызвался, как джентльмен, проводить до пансионата – и долго петлял с ней по улицам, блуждал даже, пока не вышел к высокому, застекленные балконы, зданию.

– Созвонимся как-нибудь? Или споемся? – спросила Полина, зная, что нет, не созвонятся и не споеются.

– Созвонимся. Или споемся, – ответил Игорь, зная, что нет, не созвонятся и не споеются. – Запросто.

Они постояли у стеклянных дверей, на которых пестрели объявления об экскурсиях и турах, потом неловко пожали друг другу руки, Полина поблагодарила за вечер и скрылась в холле.

Когда Игорь добрался до своего номера и вошел, прислушиваясь к храпу кореша, за окнами уже светало. Игорь не стал ложиться, а принялся собирать вещи – выпитися в автобусе.

8

Вагон-ресторан жил своей, отличной от остального поезда жизнью. Несколько столов уже – еще? – заняты, за одним из них мужики вовсю пьянствуют, звенят бокалами. Яркий свет ламп, негромкая – для настроения – музыка из динамиков.

– Доброе утро, – поздоровался с Игорем сонный официант. – Желаете позавтракать?

– Наверное.

Игорь прошел по вагону, сел за дальний стол, под телевизор. На экране сменяли друг друга живописные пейзажи, между пейзажами вклинивались информационные окна: времени столько-то, следующая остановка тогда-то, температура в вагоне такая-то, туалет свободен.

Температура в вагоне была южная – из решеток под окнами бил горячий воздух, выпивающие мужики сидели красные, точно раки, вытирали лбы рукавами.

– Представляешь, да? – возмущался один, активно жестикулируя. – Дресс-код у них, видите ли! И вон ее из программы! А ничего, что она акционер?

- Да не принимай ты это все так близко к сердцу... – успокаивали его.
- Не могу! Был бы я там!.. Был бы, я... – мужик горячился, сжимал и разжимал кулаки.

За окнами понемногу светлело небо, на его фоне мелькали и путались черные кроны. Снег уносился за плечо по горизонтали – словно падал не сверху вниз, а слева направо.

Игорь долго зевал, изучая меню, затем поднял руку, официант, раскачиваясь в такт движению, подошел к столу.

- Что будете?
- Яичницу с беконом... и кофе.
- Извините, кофе-машина временно неисправна, могу предложить чай.
- Давайте чай.
- Вам черный или зеленый?
- Черный.

Официант ушел, раскачиваясь, ловким движением выдернул из-под локтей мужиков несколько смятых салфеток и пустую тарелку.

Лес закончился, и за окном – за окнами – вытянулось широкое, надутое тут и там холмами, поле. Через него шеренгой уходили к горизонту опоры электропередач, стянутые между собой проводами и оттого напоминающие караван.

– Он ко мне такой подходит, – слышалось от мужиков. – И такой типа... машину убрал, а. А я ему – послушай, братишка, ты тут мне не это... А он...

Одобрительный гул, звон рюмок.

– Сережа! – это они официанту. – Сережа, повтори нам коньячок!

Игорь посмотрел на часы и присвистнул – коньяк в такую рань. Один из мужиков поймал его взгляд и кивнул, точно подтверждал – да, коньяк, да, в такую рань.

В вагон зашла дама в розовом спортивном костюме, с ярко накрашенными губами. Огляделась, села по диагонали от Игоря, попросила у официанта стакан воды с лимоном и овсянку. Официант кивнул, удалился, вернулся с яичницей – для Игоря.

Небо за окнами было уже совсем светлое, в перелесках видно было каждое деревце, каждый поваленный и засыпанный снегом ствол.

Яичница оказалась вполне сносной, чай ничем не удивил – и на том спасибо. Игорь ел и пил, чувствовал, как просыпается понемногу, думал, что надо бы сегодня лечь пораньше – чтобы хорошоенько выспаться – может, даже уехать из офиса за час-два до конца рабочего дня. Смотрел в окно, смотрел на выпивающих мужиков, на даму с овсянкой – ест с таким видом, словно это устрицы или мидии, по чуть-чуть, на краешке ложки, долго несет ко рту, смотрит перед собой с подчеркнутым достоинством – слушал без интереса долетающие до него обрывки разговоров.

– Был я в этом музее, и что? Мужики, меня жена по музеям раз в месяц таскает – как аксессуар! Хохот.

– Хочешь не хочешь, а просвещаешься, так, что ли?

– Приходится, мужики! А то ж поедом заест!

Сочувственная пауза.

– Вот, мужики, только с вами и могу спокойно подеградировать!

Хохот, звон рюмок.

– Сережа! Пачку сока нам! На твой вкус!

На горизонте затеплилась, вытянулась рыжим пятном заря, поплыла за деревьями.

Игорь доел яичницу и потянулся, захрустел суставами. Прихватил левой рукой правое плечо, скрутил корпус и почувствовал, как стягиваются сладко, ноют мышцы. Поменял плечо и руку – и повторил.

Леса закончились, в полях стали попадаться домики, выгнулся хребтиной мост – над узенькой темной речкой. Дома зачастили, сбились в группки, поезд замедлил ход.

– Сережа, сколько стоим?

– Две минуты.

Мужики засуетились, повылезли из-за стола с сигаретными пачками наперевес.

– Сережа, не убирай, мы курить!

Официант кивнул устало из своего угла.

Когда поезд остановился у крошечной станции – вместо вокзала одноэтажный домик с флюгером на крыше, за ним серебрятся инеем панельки – Игорь увидел, как мужики высыпали на перрон, задымили сигаретами, запрыгали на месте, разминаясь. Моргнул – и они уже толпятся у входа в вагон, толкаются и смеются. Моргнул еще раз – поезд набирает ход, мужики пьют коньяк.

«А ведь заразительно пьют, сволочи», – отметил Игорь, и ему тоже захотелось коньяка.

Он расправился с чаем и стал гадать, что делать дальше. Не возвращаться же в купе. Он подумал, что в купе сейчас либо спят по-прежнему – в тишине и тепле – либо просыпаются, завтракают чем-нибудь своим, развлекают грудничка погремушками и мультиками. Обсуждают планы, ходят по очереди чистить зубы и умываться. Зачем им какой-то Игорь? Им и без Игоря хорошо – едут себе и едут, и пусть едут.

Дама в спортивном костюме закончила с овсянкой, рассчиталась и ушла. Официант забрал тарелку, стакан с отпечатком губ, шагнул к Игорю.

– Вам еще что-нибудь предложить?

Игорь замялся, потом махнул рукой.

– А давай грамм сто коньяка.

Официант кивнул и уже собрался уходить, но Игорь его остановил.

– Нет, с коньяком я погорячился. Лучше бокал вина, красного.

«Коньяк перед работой, – подумал он. – Дурак ты, что ли?»

Рыжая заря расплывалась-расплывалась, а затем скрылась под облаками – и пропала. Но светлеть продолжало – и сквозь облака округу заливало бледным, каким-то зеленоватым, мятным, светом.

– Мансарда? – гомонили мужики. – Нахрена тебе мансарда?

– Хочу мансарду и все тут!

Языки у них заплетались.

– Ты послушай знающих людей, ман... мансарда эта тебе нахрен не сдалась!

– А я хочу!

Официант принес вино, Игорь отпил – кислятина, грош цена, зачем вообще брал? что толку от бокала? – и стал думать про Павлика, про то, что тот сейчас уже, наверное, позавтракал и собирается в школу, сидит над какой-нибудь вот такой же овсянкой, сонный и растрепанный, болтает под столом ногами, а жена – бывшая – его торопит, а Олег... чистит зубы или уже на улице, выкапывает машину из сугроба... Павлик выезжает с неохотой из-за стола и сам чистит зубы, приглаживает водой непослушные волосы.

Игорю стало тоскливо – он проскользил взглядом по вагону, по свободным и занятым столам, по окнам, за которыми несется, утекает, бежит за спину мятное утро, бежит и бежит, а он, Игорь, сидит под телевизором и пьет какую-то кислятину перед работой.

Он вспомнил про работу, подумал, что как только окажется в офисе – полтора часа максимум – его закружит вихрем дел, разговоров, обсуждений и проектов – и он моргнуть не успеет, а театр с «Петрушкой» и кафе с мороженым, и вокзал, и рассказы Павлика про школу, и воспоминания, и, уж как есть, сожаления, все это вдруг окажется где-то далеко, вытеснится сперва за пределы бульварного кольца, затем – за пределы Садового, затем – Третьего транспортного, а затем и вовсе за МКАД. Игорь вернется в привычный ритм и забудет вообще обо всем, кроме работы и каких-то огрызков личной жизни – это и личной жизнью-то не назовешь – и даже сознавать этого не будет и как будто превратится в другого человека, точно проснется ото сна или наоборот – уснет. От этих мыслей, от понимания, что мысли эти не врут, что жизнь его точно зажевало, вытянуло по странному, неровному кругу, и в круге этом он точно по рельсам катится, от всего этого ему стало еще тоскливее.

– Была б моя воля, мужики!.. Я бы этот... вагон бы этот выкупил – и с вами бы!.. Да через всю страну!.. Как раньше... богачи гастролировали...

Игорь допил бокал, попросил еще один, отхлебнул, затем повернулся к окну и осушил махом, в два глотка, зажмурился даже, а когда открыл глаза, то увидел, как вдалеке встает из-за холма, проплывает медленно над заснеженным, зеленовато-голубым полем одинокая какая-то высотка, тоже зелено-голубая, на таком расстоянии, из вагона, кажущаяся игрушечной. Игорь всмотрелся в едва различимые крапинки-песчинки окон, уцепился за них – за все разом – и провожал взглядом до тех пор, пока высотка не уплыла назад и не пропала из виду, обернулся даже, почти коснулся лбом стекла.

Мужики затаили песню – сперва негромко, затем все более и более распеваясь, сцепившись, положив руки друг другу на плечи. Посетителей уже было значительно больше, чем прежде, свободных столиков – раз-два и обчелся. Кто-то оглядывался с улыбкой, кто-то качал осуждающе головой. Официант вздохнул и подошел, попросил не шуметь.

– Сережа! – загомонили мужики. – Разве же это... разве это шум? Это же пе-е-есня! Мы кому-то мешаем?

Они завертели головами, стали всматриваться в лица окружающих, встретились глазами с Игорем, Игорь неопределенно покачал головой – мне не мешаете, я вон какой здоровый и крутой, а окружающим – вполне возможно.

– Простите нас, люди! – заголосили мужики. – Песня душу рвет!

Кто-то из них ударил кулаком по столу, рюмки запрыгали, позвякивая.

– Простите, я буду вынужден... транспортную полицию... – забормотал официант.

– Сережа! – с обидой зашикали на него мужики. – Ты же на нас деньги... зарабатываешь!

– Тогда не шумите, пожалуйста.

Мужики пустились в пантомимы – жестами показали, что все, молчат, молчат, ни слова, ни звука.

Официант поблагодарил их и ушел, сел перебирать чеки.

Мужики какое-то время действительно сидели молча – и даже чокались и пили молча. Даже переговаривались знаками. А затем снова запели.

9

В детский сад шли с дочкой теми же самыми дворами – но теперь дворы шумели, были полны жизни и движения. Грелись, пыхтя выхлопом, одни автомобили, ползли сквозь арки другие, со всех сторон по тротуарам шагали люди – к машинам, к остановке, в школу или детский сад. Поднимались с гудением ставни магазинов, у перил курили перед началом рабочего дня продавцы. Отовсюду звучали разговоры, отовсюду в светлеющее небо валил клубами пар.

Полина шла и разговаривала с дочкой. Точнее, дочка разговаривала с ней, а Полина – измученная отсутствием сна, вымотанная и внешне и внутренне – отвечала, старалась говорить как можно ласковее.

– Мама, когда мы поедem на море?

– Не знаю, милая.

– Этим летом поедem?

– Не могу пока сказать.

– А ты бы хотела?

– Да, конечно.

– Ну тогда поехали!

Полина улыбалась. Она смотрела вокруг, и ей казалось, что та прогулка – ночная, под черным небом, до самого моста – приснилась ей. И что вообще все приснилось: сейчас она ответит дочь в сад, вернется, а муж... он обычно уже на работе в это время, но сегодня он почему-то задержится, и когда она вернется, будет сидеть в кухне и пить кофе или шуметь водой в душе.

– Здравствуйте, – поздоровалась с Полиной приветливо пробегающая мимо девушка, соседка снизу.

– Здравствуйте, – ответила Полина машинально.

– Мама, а почему папа так рано уехал?

– У него срочные дела на работе, малыш.

– Какие?

– Я даже не знаю, он не сказал.

– У папы плохая работа, – заявила дочь. – Лучше бы он работал пожарным.

«Пожарным, – подумала Полина и улыбнулась. – Что еще придумала?»

– Почему именно пожарным?

Дочь – розовощекая, с блестящими глазами – запыхтела паром, как паровозик:

– Пожарные людей спасают, пожарные ничего не боятся, пожарные... пожарные... они по городу едут – и все видят, что это именно пожарные. И каски у них сверкающие, и...

– А где ты столько о пожарных узнала, милая?

– К нам в садик Ванин папа приходил – и все рассказал.

В детском саду время от времени устраивали встречи с кем-нибудь из родителей – приглашенному полагалось рассказать о своей профессии.

– Но это очень опасно, милая, – возразила Полина. – Пожарные постоянно рискуют.

Дочь задумалась.

– Да, но... Ванин папа про это тоже говорил, но...

Какое-то время шагали молча.

– Нет, – пришла к выводу дочь. – Пусть наш папа не рискует. Пусть не будет пожарным.

Полина усмехнулась и согласилась:

– Пусть не будет.

Дочь повеселела, вернулась к разговору о море. Они свернули, впереди показался детский сад – к которому со всех сторон стекались родители с детьми.

– Почему нельзя уехать на море на все лето, мама?

– Это очень дорого.

– А те, кто живет у моря, платят деньги?

– Нет, конечно.

– Хорошо им, – вздохнула дочь.

– Те, кто живет у моря, не ценят его так, как мы.

– Почему?

– Они привыкают к нему и уже не радуются. Для них море – это нечто обычное, как для нас... ну снег, например.

Дочь задумалась.

– Пускай приезжают к нам. А мы поедem к ним.

Полина рассмеялась.

– Пускай.

Они прошли через ворота на территорию сада, обогнули корпус и поднялись на крыльцо.

– Когда пойдете гулять, проследи, чтобы шея не была открыта.

– Хорошо, мама.

В корпусе пахло луком – на каждом подоконнике стояло по блюбочку, а в нем зеленели бледно свеженарезанные кольца.

– Фу, – скривилась дочь.

– Это чтобы вы не болели, – заступилась за лук Полина.

– Мы вечером поедem в магазин?

– Не знаю, дочка, – честно ответила Полина и почувствовала, как в груди оборвалось что-то, точно нить перетерлась и уронила грузик.

– Папа обещал.

– Папа обещал... – повторила Полина.

В раздевалке было людно, дети гомонили, взрослые поторапливали их, пыхтели и обливались потом – в саду с холодами топили еще лучше, чем в домах.

– Уважаемые родители, – позвала всех выглянувшая из группы воспитательница. – Очень вас прошу не давать детям с собой дорогие игрушки! Мы не можем уследить за каждой, а ребенок будет расстраиваться! У нас все есть!

Родители кивали.

– Веди себя хорошо, – попросила Полина.

– Хорошо, мама.

Полина поцеловала дочь в щеку, подставила под звонкий поцелуй свою, дождалась, пока заплетенные за завтраком косички исчезнут за дверью, и расписалась в выложенном на тумбе журнале.

Перед самыми воротами ее догнала одна из мам.

– Простите, простите! Можно с вами поговорить?

– Да, конечно.

Мама улыбнулась растеряннo, развела руками.

– Наши девочки что-то не поделили на прошлой прогулке. Вам дочь ничего не говорила?

– Нет.

Мама задумалась, снова улыбнулась.

– А моя вот как-то близко к сердцу приняла... Вы не могли бы поговорить с дочкой, может, они помиряются? Моя прямо переживает... Ну, дети, сами понимаете...

– Да, конечно, – Полина закивала искренне. – Я поговорю...

– Спасибо вам большое! Простите, если отвлекла!

Мама просеменила мимо Полины через ворота, прыгнула в припаркованный у тротуара внедорожник. Когда Полина проходила мимо, опустила стекло.

– Вас подвезти?

– Нет-нет, спасибо, мне недалеко.

Мама кивнула приветливо, пропустила выезжающую из ворот газель – продуктовую – и покатилась вдоль тротуара.

Полина возвращалась домой и снова удивлялась тому, как все изменилось за каких-нибудь несколько часов. Была ночь, наступило утро, было темно, а теперь светло. Было безлюдно, а теперь... Если свернуть и пройти лишний двор, можно увидеть машину, вокруг которой толпились подростки. Да и сама Полина – как тихо и пусто было в ее груди ночью! А теперь – не из-за оборвавшейся ли нити? – внутри клубится какое-то знакомое прежде чувство, ощущается смутно, просится наружу. Нельзя только всматриваться, прислушаться, даже думать о нем нельзя – иначе чувство клубится плотнее, принимает очертания, давит на ребра изнутри.

«И что дальше?» – думала против воли Полина.

И вспоминала: «Жила-была луна».

Утро казалось светлым, но солнца за домами видно не было – и небо затягивали облака.

«Жила-была луна».

Оказавшись в своем дворе, Полина сперва осмотрела парковочные места – машины мужа нет. Затем зашла в магазинчик, помялась немного и купила сигарет.

– Ничего себе, Поля, – удивилась продавщица.

– Да это не мне, – соврала Полина. – Мужу.

– А он курит, что ли?

– Балуется время от времени.

– Тонкими яблочными?

Полина купила те, что курила когда-то сама. Когда это было? На четвертом, пятом курсе? Бросила перед самой свадьбой – пообещала мужу и бросила, хотя сам он еще год или два после этого продолжал курить.

– Тонкими яблочными, – пожала плечами Полина.

Она поднялась на свой этаж, зашла в квартиру, разулась. Посидела на банкетке, глядя в стену, оставила пуховик на вешалке и прошла в кухню, поставила чайник. Пока закипал, добрела до спальни, распахнула шкаф и удивилась: почти все вещи на месте, что же он столько времени собирал? Вернулась в кухню, послушала, как надывается чайник, залила кипятком две ложки кофе. Вспомнила, что закончился сахар – и нужно было купить его в том же магазинчике. Оставила кофе на столе, а сама вышла в прихожую, вошла в пуховик. Долго искала тапочки, наконец нашла – прошагала через спальню, дернула пластиковую дверь и оказалась на лоджии, толкнула, распахивая настежь, окно.

– Жила-была луна, – сказала Полина вслух.

Она долго возилась с пачкой, потом возвращалась в кухню за спичками и наконец прикурила, выдохнула дым в ледяной воздух.

Перед ней расстиралось зеленовато-голубое заснеженное поле – утекало к горизонту, разрежаемое надвое ниточкой железнодорожных путей. Утекало и вращалось в светлеющие облака.

– Мятное утро, – сказала Полина и улыбнулась, она впервые видела, чтобы поле было таким, чтобы к привычному утреннему свету примешивалась – из-за мороза ли, из-за облаков ли – нежная, полупрозрачная зеленца.

Показался поезд, пополз гусеницей по путям. Полина по старой привычке всмотрелась в него, проводила внимательным взглядом, ни разу даже не моргнула – поезд полз долго, на таком расстоянии казалось, что он и впрямь именно что ползет, движется медленно-медленно. Казалось, что он никогда не исчезнет из виду – еще и остановится вот-вот прямо посреди поля, замрет – но нет, исчез.

Полина выкурила еще одну, чувствуя, как кружится голова, ушла в квартиру – и долго, не снимая пуховика, цедила на кухне невозможно горький, стягивающий изнутри щеки кофе.

«Так а что все-таки дальше?» – спросила она себя отстраненно, как будто спрашивала другого человека.

Она прошла к входной двери и закрыла ее на щеколду – чтобы муж, если вернется, не мог войти просто так, без звонка. Вымыла посуду, покурила еще на балконе – зеленца растаяла, солнце пробилось сквозь облака, и по полю плыли волны света – постояла под душем и легла в кровать, включила телевизор, пусть себе фонит, все равно не уснуть.

Показывали документальный фильм о каком-то музыканте – что это за музыкант, Полина не знала, и музыки его прежде не слышала.

Андрей ТОРОПОВ

Лучше ездить в Турцию,
Чем сидеть в тюрьме,
«Да цветет настурция!» –
Прокричи в уме.

Долгая дорога
И казенный дом,
Помолчи немного,
Сбудется потом.

Легкие, неясные тревоги.
Грустные сентябрьские цветы.
Помолчи немного,
Отдохнешь и ты.

Тони монтана с карлито бриганте
Взяли вдвоём богатейший обоз,
Золото, доллары и бриллианты,
Я же таскаю обычный навоз.

Тони бриганте с карлито монтаной
Сбагрили тысячи сладостных доз,
Жизнь у них импортной льется монтаной,
Я же долблюсь об застывший навоз.

Мне это нравится больше чем пальмы,
В светлую пасху таскаю навоз,
Вечером ждут меня фильмы Де Пальмы,
Нэнси погибнет под музыку слез.

Андрей Торопов родился в 1978 году в г. Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского госуниверситета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», «Белый ворон», «Байкал», «Артикль», «Крещатик», «Волга», «Новая Юность» и др. Автор четырех поэтических книг. Живет в Екатеринбурге. Работает преподавателем в вузах.

Плати за лето с моникой
Оставшуюся жизнь.
Под фейковую хронику
И непрерывный кринж.

Но рифмами удачными
За сладкую плати.
Счастливыми и дачными
Стишками по пути.

Отнюдь никто не хвалится
Умением прощать.
Любви до новоталицы
Не будем обещать.

Идём по Новой улице,
В концовке лета – грусть.
На ужин будет курица
И выкопанный груздь.

«Откуда взял портрет лисы?» –
Звучало в мультике у сына.
Ушли амбиции и сны,
Остались фраза и картина.

Но иногда приходят сны,
Где повторяются мгновенья.
Площадкой для стихотворенья
С другой квартиры, до войны.

Напиши письмо джульетте,
Слезы выступят из глаз,
Потому что мы в сонете
Из случайных глупых фраз.

И когда увидишь йети
И закончится рассказ,
Всем монтекки с капuletти
Попадет соринка в глаз.

Стишь напишешь и свободен,
День подарен был не зря.

Год учебный снова пройден,
Август горше сентября.

Год учебный будет пройден,
Влажный блеск глазам даря.

В спортмастер пошла маргарита,
Купила на бонусы снуд.
Легко пандемия забыта,
И можно спокойно уснуть.

Казалось бы, но начиналась
Совсем не такая волна,
И с воландом снова встречалась
Совсем не такая страна.

А люди такие, как прежде –
Широкая грудь, баргузин.
Ещё остаётся надеждын,
Но надо сходить в магазин.

Алексею Сальникову

Сквозь сердце пропущено столько проблем,
И как не разбили его.
Пойдём купим акций ао эмэмэм,
Пока мы ещё ничего.

Нас так зарядил кашпировский чумак,
Что мы – до сих пор дюрасел,
Давай-ка держись постройнее, чувак,
Пока тебя дьявол не съел.

И к лешему больше не надо ходить,
Вся жизнь как ао эмэмэм.
Нас будут всегда обходить, обводить,
А мы не ругаться ни с кем.

Валерий СИЛИВАНОВ

МУДРЕЦ КУЗЬМА И ЕГО ЭПСИЛОН-ОКРЕСТНОСТИ

(сказки о поэте и умильно-грустном сердце)

Друзья задали Кузе однозначный вопрос:

– Американцы действительно были на Луне? Некоторые этому совсем не верят и всячески оспаривают это достижение. Но будет весьма жалко, если человек не ходил ногами по спутнику нашей планеты. И мы бы точно премного огорчились.

*

Содрогаясь от гнева, Кузьма взрычал:

– Неслыханный бред! Издеваетесь, глупые юноши? А это досадно. Очевидно же, что янки прилунялись. Да и советские космонавты тоже. А первыми на Луну прилетели, конечно, кенийцы.
– А почему они не трубили об этом по всей земле?
– От скромности.

Как-то раз, тихо отдыхая на природе в сиреновом лесу, друзья известили Кузю о том, что замечательный великий писатель Пшизов-Шмачков предложил в своем блоге странную загадку:

– В каком стихотвореньи поэт пишет про горе и перспективный клининг?

*

Кузьма притих,

патетически закатил очи,

воздел длани к звездам,

покашлял, присвистнул, будто еж,

немного погрыз облезлые ногти и хитро ответил с кивком:

– Стихи про смерть А.С. Пушкина, героя: «И вы не смоете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь!»

Валерий Силиванов родился в г. Первоуральске в 1972 году. Закончил Московский физико-технический институт. Автор палиндромов и анаграмм. Публиковался в изданиях: «Другое полушарие», «Журнал ПОэтов», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «НГ Ex Libris», «Черновик», антологии «Свобода ограничения. Антология современных текстов, основанных на жестких формальных ограничениях» (2014) и др. В 2011-м выпустил книгу анаграмм «Двуногие приматы! Гуманоиды! Привет!». Живет в Москве. Предыдущая публикация в «Волге» – «Анаграммы про жизнь на Физтехе в 90-е» (2021, № 9-10).

Друзья сказали Кузе:

– Один неуч опубликовал в блоге стихотворение «Реквием» Цветаевой: «Уж сколько их упало...» И к нему приложил портрет Ахматовой. Этот придурок перепутал, – у Ахматовой ведь тоже есть сочинение с таким названием. Вот баран, паскуда и нелюдь! Нас аж страх до кишок пробирает!

*

Лежа в койке, Кузьма обхватил рукой ухо и, нахмурившись, будто рокер, картаво вскричал в жутком возбуждении:

– Скот! Тупоумное отребье! Их сажать надо! Хотя это вовсе не предел идиотизма, – тут некий дегенерат послал мне партию Каспарова, а написал, что ее исполнил Карпов!

Друзья оцепенели.

Однажды добрый друг сообщил Кузе:

– Младший брат давно прислал смешную картинку с котом и подписал ее почему-то «ПАПА ЛОСЬ». Ни для кого это не было очевидно. А знаешь, что оказалось? Что тут выяснилось? Твое мнение?

*

– Ну и дела. Конечно, проще некуда, – посмотрев с обидой, ворчливо сказал досточтимый Кузя, дико скребя ногтем шею. – И мыслить ни шиша не надо было. Это он, бестолочь, желал написать «ПОПАЛОСЬ».

«Вот ты зануда», – подумал друг.

Кузя пошел с большими друзьями на фильм «Матрица» и надел в зале очки с желтыми стеклами. После сеанса друзья спросили его: «А зачем ты их использовал? И здесь же матрица показана зеленым, а реальный мир – синим. А ты все видел зеленоватым. Ты что, все воспринимал как матрицу? Не хотел подсказок? У тебя глубокое понимание, как тут все устроено.

*

Ты не знал, что за пределами матрицы – тоже матрица?»

Кузьма хмыкнул, показал всем язык, заерзал и пояснил смеясь:

«Как извилисто! Увы нет, мои маленькие максималисты. Заблуждение. Все было иначе. Грустнее. Я увидел у соседа очки летнего цвета, попросил подарить. Он сказал: “Если согласишься в них сто фильмов, то забирай, коли сам не передумаешь”».

Раз после уроков друзья сказали Кузе: «Любимый нами Достоевский когда-то решил для быстроты диктовать тексты, а не писать их самому рукой. Вскоре он удачно женился на своей стенографистке Анне Григорьевне и в итоге сочинил почти все свои лучшие романы.

*

А нынче Федор Михайлович диктовал бы компьютерному виртуальному ассистенту и вряд ли создал бы такие шедевры».

Ежась с розой у окна, Кузя погасил сигару. Истерично смеясь, произнес: «Вы совершенно верно глаголите, книжечки. Кстати, кто такой Достоевский?»

Как-то товарищи спросили:

– «Х-рей» – это что такое? Ты не поведаешь нам, Кузя?

*

– Как все тупите, козьи морды! Вот шпана! Я читал, это сокращение от «Хорей».

– И чей зонтик лежит у окна? Не кузин?

– Не кузин, но Кузин! Отличайте же!

Друзья спросили Кузю: «Чем схожи антенна, язва и гантель?»

Он же опустил глаза и изрек друзьям: «Не начинаются с В, Х, Ъ».

– Сыграем в индейцев? – спросил одухотворенный Кузя Столетов.

– Конечно! – обрадовались друзья. – Нацепим перья птиц и постреляем из как бы индейских луков! Фантастика, как ни крути! Веселье!

– По идее, нужно немного не так, ребята. Давайте сделаем более точную реконструкцию, – лежа на диване, темпераментно зашептал Кузя.

– И как, гений? Говори точнее!

*

– А как умерли девяносто процентов коренного населения Америки?

– Думаем, что от хворей, занесенных из Европы.

– Отлично, люди! Угадали! А где сейчас Петя Шелкопрядов, друзья?

– Лежит в инфекционной больнице.

– Навестите его!

– К нему не пускают.

– Пробритесь туда тайком и станете как индейцы! – сказал Кузьма.

Нервно вскрикнув, ребята побежали к Пете.

Как-то летом друзья увидели в лесу ель с необыкновенно красивыми шишками.

– Ты, Кузьма, самый легкий – полезай на дерево и сорви нам пару штучек.

И Кузя быстро залез почти на самую вершину.

Неожиданно поднялся ураганный ветер. Он стал сильно раскачивать дерево из стороны в сторону.

*

Шурша на ветке, робкий Кузя визгливо закричал с дерева, словно газель на бойне.

Друзья уныло кивнули, прикурили папиросы. Отрешенно и умно сказали:

– Ну и дела! Ты вот сейчас точно свалишься с высоты. Ну и урон! А мы как друзья не можем на такое смотреть. Нервам не вынести. Пойдем отсюда.

В дверь испуганно звонят. Крайне долго.

– Да иду! Кто там?

– Кузя. Дело есть.

– Сейчас, е-мое. Заходи, чудило с неба. Ты кровью забрызгался?

Матерясь, Кузьма рыдает:

– Лошадь откусила палец. Надо немедленно положить его в лед, а иначе вмиг на жаре испортится и уже не пришить. Выручай!

*

– Кузьма, не может быть. И откуда ж тут у нас нынче лошадь?

– Детей возит на соседней улице. Не дала себя погладить. Помоги, я умоляю!

– Врачам звонить пытался?

– Вокруг все дороги перекрыли, и скорая приедет часа через два.

– Слушай, льда здесь нет. Холодильник размораживается.

– А соседи?

– Они на дачах.

– Я в панике!

– Ты не волнуйся – решим проблему.

– Но вот как?

– Все понятно и просто. Тривиально, Кузя.

Я быстро делаю заказ, и минут через десять привозят мороженое. Кладем палец в пакет и обкладываем его пломбиром.

*

Молча разыскиваю в интернете клинику. Топая, бойко упархиваем из дома. Берем за углом велосипеды напрокат. Вскоре, болтая, доезжаем точно до больницы. И вот Кузин перст навек на месте.

Проявляя радость, до посинения пляшем.

Во дворе поставили стальной стол для пинг-понга.

Летом на нём часто играли взрослые и дети.

Как-то зимой мы ошеломительно победили в снежки команду из соседнего двора и взяли всех в плен.

– Как сейчас хорошо! Вот радость! – орали мы, прилично подмёрзшие.

После нам хотелось судить и посадить врагов в мрачные застенки, как декабристов. Хотя только в шутку и в дружбу.

*

Мы все вместе сделали из снега великолепные шары, как для снеговиков, и расположили их вокруг стола, чтоб надёжно закрыть его со всех сторон.

И перед тем как подкатить последний ком, запустили команду проигравших вовнутрь.

И вот они все под столом.

Что дальше?

Один мальчик тихо, странно и сбивчиво забормотал:

– Послушайте, друзья мои, зальём водой для верности.

– И как тебя зовут, весёлый ты малыш с волчьим нравом?

– Я – Кузьма Макарович Столетов. Шли бы вы в тёмный лес.

ФРАНКОФОННЫЕ ПОЭТЫ АЛЖИРА

в переводе **Кирилла Корчагина**

Мухаммад Диб
(1920–2003)

Диб – один из самых известных франкофонных алжирских писателей и, пожалуй, первый, кто собственным примером доказал, что алжирская литература на французском может быть важна и интересна за пределами собственно Алжира. Он родился на границе Алжира и Марокко, в древнем городе Тлемсене, потом работал учителем в не менее древней марокканской Уджде. Незадолго до сорокалетия Диб, который уже издал свой первый роман, принудили покинуть Алжир, но ему удалось остаться во Франции. Он преподавал в различных университетах мира, в том числе какое-то время в Московском университете, что не мешало ему быть очень плодовитым писателем – автором множества романов из алжирской жизни, многих сборников стихов и т.п. При этом стихи его, как это часто бывает со стихами прозаиков, часто выглядят иллюстрациями к прозе, своего рода ритмическими контрапунктами. Тем не менее без них представление о франкофонной поэзии Алжира было бы неполным.

Странствуя по земле

Когда расколется ночь,
я отдам равнодушие
заостренным горам
и вместе с утром разденусь
как та, что пробудилась
почтить первую воду;

Необычна моя страна, где столько
свободных дыханий,
олив, шумящих вокруг,
и меня, что поет:

– Земля, ты выжжена и черна,
ты мать моим братьям,
твой сын не будет наедине
с эпохой, когтящей сердце;
Послушай мой голос,
тянущийся сквозь деревья,
заставляя реветь быков.

Это летнее утро настало,
куда ниже, чем тишина,
я как будто беременна,

мать моих братьев,
женщины в хижинах
ждут как я закричу.

Почему, говорят, почему
ты стремишься к чужим порогам
как брошенная жена?
Почему ты бродишь, крича,
женщина, пока дыхание
зари медленно и постепенно
обходит по кругу холмы?

Вот я, и я говорю: – Алжир,
может быть, я только
одна из твоих женщин,
но голос мой не прервется
окликая равнины и горы;

Я спустилась с Ореса,
так откройте мне двери,
вы, жены братьев моих,
поднесите мне свежей воды,
мёда, лепешку из ячменя;

Я здесь чтобы на вас посмотреть,
Чтобы счастье вам принести,
Вам и вашим потомкам;
Пусть ваши новорожденные

Растут,
пусть растет ваша пшеница,
пусть растут ваши хлеба
пусть всего будет в достатке
и счастье с вами пребудет.

Жан Сенак
(1926–1973)

Жан Сенак с самого начала занимал промежуточное положение между двумя литературами – французской и алжирской. В первой у него было довольно громкое имя: он был многолетним корреспондентом Альбера Камю и Рене Шара, причем последнему он поначалу подражал в своих стихах, а тот, в свою очередь, написал предисловие к его первой книге. В то же время Сенак пропагандировал особый путь алжирской литературы, собрал одну из первых антологий франкофонной поэзии региона, которую, с его точки зрения, традиция французского модернизма и авангарда могла только обогатить. Поэзия для него была неразрывно связана с политикой, однако в отличие от многих других алжирских поэтов, сочинявших рифмованные агитки, политика в его стихах относительно редко заслоняла поэзию, хотя в поздние годы его манера, изначально изощренная и утонченная, и стала более прямолинейной. С Сенака началась недобрая традиция загадочных смертей

алжирских литераторов: его убийство так и не раскрыли, а спустя годы также было убито еще несколько ярких поэтов, занимавших непримиримую политическую позицию.

Легенда

Каменщик, я мог бы попробовать стать им.
Здесь нет недостатка в камнях.
Нужно только привыкнуть к синему чертополоху,
к желтому чертополоху и еще к тысяче видов.
Здесь никогда не бывает дождя.
Но и солнце никогда не выходит.
Земля холодна и суха.
Хотя бы немного слюны, но и ее не хватает.

1961

Утренняя песня моего народа

Ты говоришь о чем-то простом
работая по утру
Лес прорастает сквозь голос
и деревья так высоки что разрывается сердце
от тяжести песни

и теплота полян
праведнику пригодится
ему нужно мирное слово
слово что нам соразмерно.

Из одиночества твоего
явился бродяга он бежит за тобой исполненный тени
он хотел бы писать как ты смотришь
как ты плетешь как ты поешь
принося всем хлеба
козье молоко и манку,
и если в сердце так густо и если грузно в крови
то доброта повсеместна
пылко очарование объединенных людей

Говори же тихий цветок ткач обещаний
предвестье ячменной побудки
скажи скоро сталь горлу откажет
соро деревня тихо надрежет ночь.

Ты меня учишь думать
чтобы жить так же как ты
Песня утра струясь из мрачных жилищ.

1961

Кáтеб Ясин
(1929–1989)

Пожалуй, самый известный алжирский писатель, ставший знаменитым благодаря небольшому роману «Неджма» (1956). Слово «катеб» в его псевдониме по-арабски означает просто «писатель», так что можно было бы называть его «Писатель Ясин». Еще подростком он принимал участие в протестах против колониальной администрации и провел несколько месяцев в тюрьме, после чего образование ему пришлось продолжать уже во Франции. Он очень рано прославился благодаря роману, который был переведен на множество языков (есть и русский перевод) и который сделал его иконой международного движения за независимость Алжира. После того как страна обрела независимость, он вернулся на родину, где занимался в основном театром. Умер он лейкемией, немного не дожив до гражданской войны, снова поставившей перед писателями Алжира старые вопросы о политике и творчестве.

Африканцы

Столько раз
Когда солнце садилось
И нам приходилось стрелять
Аскетам избавленным от дилемм
Тайны нашего влияния
Никогда не будут забыты
Мы вернем империю солнца

Погружаясь как перископы
В буруны родной земли
Измельченные так что невидимы
Всплывшие там где времени нет
Среди удивительных возвращенцев
Мы вернем империю солнца

*Сентябрь я снова пошел на Восток
Унывая от последних сирокко в году
Внезапно возникла между морем и
Юными сборщиками мидий эта лгунья
С идеями как провести эту осень*

Я не знал что́ именно Неджма
Несет посреди проспектов
Что укрывают нас тенью
Втягивая в особую область
Где звездам позволено падать

Анахроничная встреча
На перевернутом небе

Убедительно и пронзительно
Я блуждаю у входа в пещеру
Рядом с глубокой мольбой ключей
Под черными огнями
Под взглядом в кайме трагических теней
В чудесном центре всех происшествий.

Лаади Флиси
(1937–1993)

Флиси в отличие от многих других алжирских писателей имел и другую профессию – он был довольно известным в городе врачом, что позволяло ему не особенно зависеть от литературных институций. Он вырос и прожил всю жизнь в историческом центре Алжира, в так называемой Касбе (буквально это значит – крепость) и многие его произведения посвящены ее узким улицам, то поднимающимся в гору, то спускающимся к морю. Еще двадцатилетним он участвовал в освободительной борьбе и даже был приговорен французскими властями к смертной казни, однако ему удалось выдать себя за сумасшедшего, и казнь была заменена тюремным заключением. После освобождения Алжира его жизнь стала как будто спокойнее: признанный врач и писатель, он по-прежнему жил среди улиц Касбы, в том же доме, где родился. Однако его непримиримая позиция по отношению к набиравшему силу исламистскому движению сделало его одной из первых жертв террора, положившего начало гражданской войне. Он был убит в собственном кабинете.

Дети Касбы

Касба докеров
отцов семейств
безработных
братьев и сестер
проливающих горькие слезы
о порядочных людях

Касба проституток
сутенеров и сводниц
Белая Касба туристов
в поисках романтики

Не забудь
что я был одним из них
а теперь вдали от тебя
помню свое лицо в грязи
порванную одежду
ноги без башмаков
своих друзей что звались
пацанами
шпаной
хулиганами

моя юность
и школа где до начала года
я не бывал

Касба пропавших
без вести их ждут на рассвете
братьев их ищут
за героические поступки
их хотят уничтожить
Касба парашютистов
веревочек
грузовиков 120 вольт
замученных детей
расстрелов среди переулков

Касба политиканов
и политиков
головорезов
и телохранителей
Белая Касба придурков
и подхалимов
Касба тюрьмы Серкаджи
революционеров
и безымянных героев

Не забудь
что я был одним из них
а теперь вдали от тебя
я вспоминаю свои двадцать лет
террасы залитые солнцем
внезапные встречи
детей что играют
у ног умирающих братьев
статьи что переходят из рук в руки
весну что лишает уверенности
черные волосы и глаза
наших женщин забывших о смехе
листовки
слёзы что заслоняют солнце
я вспоминаю братьев на митинге
с плакатами в руках
Тюрьму Серкаджи
с ее коридорами, камерами
проходами, конвойными
– побудку
ее бесконечную лестницу
Серкаджи в 1956 году
вместе с моими братьями
моя болезнь и моя юность

Касба, не забудь
что я был одним из них.

Рашид Буджедра
(1941)

Буджедра – писатель-билингв: он в равной мере писал и на французском, и на арабском, переводил свои сочинения с одного языка на другой. Он успел поучаствовать в войне за независимость Алжира, но затем отдался писательским и академическим занятиям – среди прочего защитил диссертацию о Луи-Фердинанде Селине в Сорбонне. Большое внимание публики привлек его первый роман «Отрицание» (1969), где критики замечали влияние стиля Уильяма Фолкнера и Габриэля Гарсия Маркеса. Пламенный атеист, Буджедра, конечно, не мог не раздражать исламистскую часть алжирского общества, так что в какой-то момент даже появилась фетва с требованием его убийства. Тем не менее, радикалам до него дотянуться так и не удалось. Поэзия для Буджедры как и для других алжирских прозаиков – скорее побочный сюжет, однако в его стихах можно найти очень точные картины алжирской жизни.

Площадь мучеников

Мечеть Кетшава что пикирует
Вместе с голосом муэдзина
На прилавки торговцев
Вишнями
Звучная круглая площадь
Что закрывает глаза
Когда видит
Небрежно надетый
Хиджаб
Звучная круглая площадь
Что упрямо поворачивает голову
В сторону высоток

Кафе

Я купил
Пачку сигарет
Журнал
И солнечный луч
Я присел
На террасе
Большого кафе

Я заказал кофе
И расположил
По порядку
Пачку сигарет

Журнал
Солнечный луч
Чашку кофе
Расположился
В кресле
И спокойно
Начал читать
Мгновенье спустя
Я увидел
Пачка сигарет
Журнал
Солнечный луч
Чашка кофе
Построились в ряд
И я спросил себя
Был ли я революционером.

Тахар Джаут
(1954–1993)

Джаут – еще одна жертва террора первых лет гражданской войны. Он родился в Кабилии, исторически берберском регионе Алжира, и берберы, несмотря на то что всю жизнь он писал по-французски, считают его своим. За 39 лет он многое успел: в 1980-е годы он стал известен как журналист, активно защищавший секулярную культуру Алжира. Но и стихи его – одни из самых ярких в поколении: в них он часто обращался к берберской народной культуре (и даже заимствовал оттуда отдельные слова и понятия), противопоставляя ее все более входившему в моду исламу. Для секулярной части алжирского общества Джаут превратился в одну из самых почитаемых жертв гражданской войны.

Знакомая смерть

Зима это время подсчетов
И взывающих к нам мертвецов.
Вот знакомая смерть с кувшином в руке;
Она тоже любит огонь
И печаль поющих ветров.

Время prepares снасти
Для краев замерзающих соков.
Паруса надувает мужающий ветер,
Детство друзья поработает своими капризами,
В глубинах леса

Где птица поет из ностальгии.
Лес, там спит мой отец
Чтобы растенья питать своим телом,
Чтобы кровь стала родственна сокам

Тополей некогда срубленных им,
А я ношу его бурнус
И его рубленый лик.

И зима наступает снова

Эрг

Я из туманной страны
Где ветер что-то бормочет
Над онемевшими дюнами

Солнца скелет
Уложенный в лужах
Одевает порой наши сны
И намек на весну
(я провел бесконечные ночи зимы
Вместе с горящим хворостом)

и так нравится мне
на этой истрепанной земле
– земле похищенной у света
земле замкнутой в тишине –
где мой пес исчисляет
нырки мандаринок.

Однажды она пришла,
Волоча желтую луну
А в руках держала молочное солнце.
«Приходи, сказала,
у нас не гаснет огонь».

С тех пор
(однажды мой пес навек
заснул под корягами),
 усилился дождь над моим очагом.
Но никогда она не мешала мечтать
О дюнах освобожденных
Порывом кочевника-ветра.

Будет день я приду посидеть у канала,
водопоя верблюдов;
Я приду в поисках *ахалья**
Сладости твоего *илечана***.

*Ахаль – любовное чувство у туарегов.

**Илечан – черное покрывало туарегских женщин.

Белое дерево

Мое богатство
Это снег
И свет его заревой

Я собираю плоды
Деревьев замкнутых белым
И посылаю птиц
Осматривать рамы

Птицы
Мой вестник
В скрытых дуплах деревьев

Птица
Подвижная звезда
Что зажигает снега

Я ожидаю
– спустится небо
на зубцы башен

Я ожидаю
– окутает тень
оцепеневшие дома

когда день целиком
истечет струистым
огнем?
я буду ткать,
ожидая,
золу
умершего лета.

Александр ОЖИГАНОВ

(1944–2019)

60/65

Публикация **Светланы Варкан-Ожигановой**

От публикатора: Стихи этой книги Александр Федорович Ожиганов писал в период между своими 60-ти и 65-летиями. Тогда же он работал над книгами «Утро в полях» и «Откуда есть пошла...» (стихотворное переложение русских летописей).

Тема «60/65» – «я» и индивидуальное, настоящее время, центральное событие – смерть друга. Память, прошедшее время – это тема следующей поэтической книги – «Караван». Несколько стихотворений из книги «60/65» публиковались: «Воспоминание о Бессарабии» (с посвящением Кате Капович), и «...хоронили бедного Бориса...» (с заголовком «Памяти Бориса Викторовича») – в подборке «Некоторые послания и посвящения» в журнале «Волга-XXI век» в № 9 за 2007 год¹; «Воспоминание о Бессарабии» вошло в подборку стихов Александра Ожиганова, опубликованную в сетевом издании «Середина мира»², а также в книгу «Утро в полях» (Самара: Цирк «Олимп» + TV, 2012. Поэтическая серия)³. Еще одно-два стихотворения передавались для публикации⁴.

Книга «60/65» представляет собой авторскую чистовую рукопись. Сразу после текста в тетради оставлены пустыми три листа, возможно, для следующих стихов этой книги. В черновиках есть ещё несколько стихотворений вполне законченных, одно из них включено в состав настоящей публикации (выделено курсивом).

Абстрактная категория

Я убиваю время? – наоборот:
это время меня и в сортире мочит...

Что за штука такая? – идет, идет,
останавливаться не хочет.
Кто у нас тепленьких утром берет со сна
и железным хронометром бьет по темени?
Может, Козырев в Пулкове что-то знал,
да сказать не успел – не хватило времени.

¹ <https://magazines.gorky.media/volga21/2007/9/nekotorye-poslaniya-i-posvyashheniya.html>

² <https://seredina-mira.narod.ru/a-ozhiganov.html>

³ <https://www.cirkolimp-tv.ru/files/books/ojiganov.pdf>

⁴ См.: Захохотал незримый бог // Независимая газета (ng.ru): «...в так и не увидевшем свет номере “Апреля” № 34 Света <Литва> обнаружила интереснейшие стихи Ожиганова: “хорошо бы мне/ помереть во сне/ без надрывных драм// отходя ко сну/ виду не подам/ глазом не моргну/ отвернусь к стене// хорошо бы мне/ ускользнуть без виз// не сказать ясней:/ смерть страшна но жизнь/ во сто раз страшней// пожелайте мне/ помереть во сне”, а также “Автоэпитафию”...».

* * *

реальнее всего абстракция:
аз буки веде еры ять...
жизнь – одноразовая акция
ну сколько можно повторять:
жизнь – одноразовая акция
где вперемешку рай и ад
и все – диффузия дифракция
распад

сжимаю крепче ручку мальчика
бегущего со мною в лес
природа нам не мать а мачеха
и больше никаких чудес
не будет

только в пальцах палочка
летает вверх и вниз опять
и не кончается считалочка...

ну сколько можно повторять?

день прошел в шатанье вялом
по квартире

полночь мрак
человек под одеялом
не согреется никак

он совсем устал еще бы! –
походи туда-сюда
отопление хрущобы
не годится никуда
и барахтаться нет силы
опуститься бы на дно

холодно темно и сыро
сыро холодно темно

К шестидесяти годам
я сам за себя не дам
и ломаного гроша
под сводами там Нотр-Дам
все как под мостом клошар

пустой как мешок из-под
картошки который год
(и плесенью седины
отсвечивает) урод
упрямо стремится на

хотя и никто не шлет
как будто но некий счет
предъявлен как будто кем-
то: мол плати идиот
за то что ... и дальше – тем-

нота темнота и тишь
так что ты там говоришь
нахрапистой кредитор? –
получишь в итоге шиш
беря меня на измор

за жабры меня беря
впустую все брат все зря
ведь не было ни шиша
и нет

ты вот уверял
как будто что мол душа

как будто есть у добра
(«хитер мол хитер бобер!»)

что ж! – этакого добра
не жалко там дал-забрал
и баста закончен спор

*Шестьдесят мне исполнилось лет
и я понял...*

А. Кушнер

шестьдесят тебе стукнуло лет.
а ты так ничего и не понял.
Ты – поэт? ха! – затюканный шкет.
недостаточно точен ответ? –
скажем так: ты конечно не пони
но должно быть изрядный осел
раз стоишь где стоишь упираясь
хоть никто и не тянет: пошел! –
ни в геену¹ ни к прелестям рая.

¹ Так в рукописи. – Прим. публикатора.

вот некто вроде бы в трико
из серой с бахромой дерюги
снует не слышно и легко
рукой выписывая дуги.
нет шеи. вместо головы
как будто круглая подушка.
и грубые – по кругу – швы.

(куда же подевалась кружка?)

а вместо глаз зияя тьмой
в подушке две глубоких дырки
с короткой рваной бахромой.
такая же и на затылке.
копается в твоём шкафу:
берет кладет и исчезает...

перевести дыхание. фу...
кто это был? – черт его знает!
ты только что забил козла.
пьешь пиво. только что из душа.
и никому не сделал зла.

кто это был? – Где, дорогуша?
и догадаться не посметь
хоть знал же с самого начала
что это? – ну конечно! – смерть
тебя дружочек навещала

Жить в городе другом- как бы не жить
А. Кушнер

я не жил на волге четверть века
на днестре я десять лет не жил
не было в парканах человека
с кем бы я хоть раз заговорил
за четыре года

на тоболе
целый год мне не было житья
в вологде – где? где? – вот где: в неволе –
в сапожищах маялся не я

в тесноте и тьме но не в обиде

пепел не жилья ссыпай в ручей

десять лет москвы-реки не видел
говорят что я живу на ней

хорошо бы мне
помереть во сне
без надрывных драм

отходя ко сну
виду не подам
глазом не моргну
отвернусь к стене

хорошо бы мне
ускользнуть без виз

не сказать ясней:
смерть страшна но жизнь
во сто раз страшней

пожелайте мне
помереть во сне

хоронили бедного Бориса
восемнадцатого октября
и как театральная кулиса
высилась стена монастыря
кто с высокой паперти на дольний
мир глазел кто шастал за стеной
а перед высокой колокольной
клен лоснился мертвой желтизной
поп топорщился за аналоем
действие длилось полтора часа
плыло пламя желто-голубое
в бледно-голубые небеса...

все потом столпятся у могилы
слушая как молотки стучат
веруя что ангелы и силы
встретят душу у открытых врат

Автоэпитафия

которая будет писана
вилами на воде
реки Серебрянки
куда высыпят прах
в 201(?) году

покойник избегая звонницы
не пожелал лежать во гробе
спасаясь пивом от бессонницы
чудак беспечно печень гробил
в конце концов уснув навек
а все се тоже человек
был

*Подмосковье, кишащее змеями.
Чья-то дача у Электрогорска.
Втуне здесь со своими затеями
я ношусь, становясь легче волка.
И, как в детстве, боюсь этой темени:
что опять там? - медянка? гадюка?..
Ни минуты свободного времени.
Но взамен есть два сказочных внука.
Чтобы дисциплинировать армию,
выступающую вразнобой,
мы опять отправляемся в Нарнию
на последний решительный бой.*

когда тебе до чертиков тоскливо
припомни старый Тир и Угарит:
охваченная пламенем олива
горит но не сгорает но горит

сложи бетил тройной библейский камень
и погляди на Ханаан с высот:
змей по стволу ползет к орлу – веками
ползет не доползает но ползет

в корнях Мелькарт дарованный Астарте
достигнет края мира и небес
утопнет в феврале родиться в марте:
он жив? он мертв? – он заново воскрес

вот в море мчится бог на гиппокампе
вот в пламя прыгает вот созидает кров
из кораблей...

елей в плывущей лампе
мерцает как крыла перепелов

Воспоминание о Бессарабии

бродский¹ друкер² каплан ожиганов
Фрадис хорват капович панэ
бессарабский парнас хулиганов
и поэтов поющих по не-
подцензурным законам где мелос

как бредущий в осиннике лось
хорошо на Рышкановке пелось
на Ботанике славно пилося

жили как у подножья вулкана
только задним умом и крепки
и панэ наподобие Пана
чашку лбом разбивал в черепки
вот сидят все на Малой Малине
вот уходят Долиною Роз
веря: встретятся завтра же и не...
и не зная еще: не пришлось

кто в нью-йорке кто в кельне кто в Риме
кто в Москве кто в каком-то одном...
кто в небесном Иерусалиме
кто в иерусалиме земном
рождество на вокзале кабина
диск крутя – дождь-жар-дрожь
дождь-жар-дрожь –
где отечество а где чужбина
с бодуна ни за что не поймешь

дождь стук-звук привокзальных стаканов
и ступают опять на панель
бродский друкер каплан ожиганов
фрадис хорват капович панэ
и в бреду ли в хмельном ли угаре
возносясь над жестяным кустом
исчезают... а Штефан чел Маре³
осеняет их – снизу – крестом

¹ Александр Бродский.

² Борис Викторов.

³ Стефан Великий (памятник).

налейте мне. не надо сдачи.
еще один аперитив.
я наконец-то съехал с дачи.
покинул кооператив.
он обнесен железной сеткой.
внутри бурлит житье-бытье.
мы там не ладили с соседкой
и с шавкой бешеной ее.
мы там не ладили друг с другом
терпя друг друга кое-как
ступая друг за другом цугом
во избежанье лишних драк.

андрей орет бросаясь к деду:
убью урод! проклятый дед!
сергей дудит: сейчас наеду!
и гонит свой велосипед
по лужам и камням ополья
моча и пачкая штаны
а сзади волоча дреколья
и все все – с левой стороны.
а там крутые повороты:
секунда – и прощай сергей!

а у жены свои заботы
помимо варки кислых щей.
она вопит: опять за пивом?!
но лавка на замке – увы!

и вот я за аперитивом
здесь на окраине москвы.
и не уподобляясь Лоту
оглядываюсь: ну и ну!

а! ладно – завтра на работу.
там наконец-то отдохну.

1 сентября 2006

юбилей без юбиляра.
на столе стоит водяра.
гости заняты едой.
на стене висит гитара.
и хозяйка просит: «спой!»

а виновник суматохи
больше ни глотка ни крохи
не возьмет сегодня тут
в рот. над ним чертополохи
третий год уже растут.

ничего. мы понимаем.
потому и поминаем.
все же христиане днесь.
но заигрывая с раем
все-таки пока мы ЗДЕСЬ.

ну а здесь свои законы.
и как ты не бей поклоны –
пресмыкаешься в пыли.
и подвержены персоны
притяжению земли.

юбилей без юбиляра.

17 декабря 2006

шестьдесят. как мне жить
далее даже не знаю.
бросить пить и курить?
обратиться к Китаю
стародавних времен?
как там в хижинах деды
жили? – «жизнь – это сон.
все несчастья и беды –
от незнания Пути.
чтобы сбросить оковы
надо встать и идти».

только я – непутевый.

или наоборот:
обратиться к порядку?
начертать план работ
и копать свою грядку
не стремясь никуда?
способ тоже не новый
но надежный всегда.

только я – бестолковый.

вот бреду я пешком
держа за́ руки внуков
то лужком то леском
среди травок и буков.
стрекозиный полет
взглядом сопровождаю

и кого кто ведет
я уже и не знаю.

Идеальна замкнутость круга.
Вырываться – чего бы ради?
Я сижу на могиле друга,
а точнее – на ее ограде,
пью молдавский коньяк, вернее –
приднестровский, он и дешевле.
Как сказал бы мудрец в Фернее,
лучше в американской сельве
грызть вареную кукурузу,
под седалище сунув скальпы,
чем, шары загоняя в лузу,
лезть с Суворовым через Альпы.
То есть выбора нет, товарищ
Сартр: сыграв, оставляешь сцену.
После смерти не отоваришь
жизнь, не сможешь назначить цену.
Ведь Вселенная – захолюстье,
как сказал знаменитый тезка.
И растет на могиле кустик
безымянно, светло, не броско.

Октябрь 2007

Тридцать шесть лет спустя

меня тошнит, как суку у забора¹
1973

меня тошнит от сигарет и кофе,
от этой блядской жизни, от себя,
сижу на кухне (на своей гогофе)
и матерюсь, сморкаясь и сопя:
зачем хлестал вчера водяру в «Звере»

¹ См.: Александр Ожиганов. Я // Ящерица-речь. Книга поэм. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005; <http://www.vavilon.ru/texts/ozhiganov1-4.html>

и у метро пил пиво из горла?
вот благоверная сейчас откроет двери
и поглядит на этого орла.
потом, тараща буркалы спросонья,
протянет: «та – ак, опять (мол) двадцать пять?»
и надо промолчать, ведь только тронь я,
опять пойдет пилить меня и пять...

Вчера звонил из Петербурга Леша:
он перевел Стахуру. молодец...
Я ж хлюпаю, как старая галоша,
и понимаю: это – все. Пиздец!

29 ноября 2009

Михаил БАРУ

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ БУЛОЧЕК

*О народе Вытегорского края должно сказать, что он
чрезвычайно смешлив и на все досуж.*

Павел Львов. Город Вытегра. Отечественные записки 1823 г.

Если подходить к рассказу о Вытегре формально, то начинать нужно с восемнадцатого века, с 1773 года, когда указом Екатерины Второй небольшое поселение у Вянгинской пристани было преобразовано в уездный город. Можно начать с 1710-го – с того самого момента, когда у места впадения Вянгиручья в реку Вытегру по указу Петра Первого была построена пристань и возле нее мало-помалу выросла деревня, которая так и называлась – Вянгинская пристань, хотя, как утверждают краеведы, пристань была и до царского указа, а по нему лишь построили амбары для хранения казенных товаров, но указ Петра точно был, потому как без него ничего начаться не могло, даже если и началось где-то само по себе, то есть, по недосмотру. Можно отодвинуть начало рассказа еще на четыре года, в 1706 год, когда на французской карте Московии Гийома Делиля то самое или почти то самое место, на котором потом появился город, обозначено как Vitzgora ou Vitegra, но французская карта нам, конечно, не указ, потому как в наших собственных, написанных русским языком источниках Вытегорский погост, а точнее, село Анхимово в этом погосте, упоминается еще в конце пятнадцатого века, в 1496 году.

Если же подходить к истории Вытегры неформально, то лучше всего начать с времен доисторических. Точно сказать, когда человек появился в этих местах, трудно. Первые стоянки охотников, рыболовов и собирателей всего того, что можно употребить в пищу, не рискуя отправиться на тот свет, появились в мезолите, то есть в каменном веке. Ледник отступил, потеплело, Онежское озеро уже существовало, рыбы в нем было по теперешним меркам на два или даже на три озера, в лесу бродили лоси, олени, на ветках сидели упитанные глухари и тетерева, росла черника, голубика, морошка, ежевика, клюква, брусника... Правда, все эти звери, птицы, ягоды названий еще не имели, но уже были вполне съедобными. Неутомимые археологи к настоящему времени на территории Вытегорского района раскопали девятнадцать мезолитических стоянок. Первые находки были сделаны на южном берегу Онежского озера в устьях небольших рек Ошты, Мегры, протекающих по территории Вытегорского района, и на берегах Тудозера еще в начале семидесятих годов девятнадцатого века зоологом и этнографом Иваном Семеновичем Поляковым.

Пока охотились с помощью лука и стрел, пока били рыбу острогами, пока переходили с места на место, осваивая новые территории, наступил неолит. Неолитических стоянок в этих местах нашли в три раза больше мезолитических. В неолите были заселены берега практически всех местных крупных озер, которых здесь, исключая Онежское озеро, больше похожее на море, превеликое множество – больших, небольших, маленьких и совсем крошечных. Еще в двадцатых годах прошлого века на берегах реки Вытегры стали находить керамику, различные каменные и костяные орудия. Все тридцатые годы на территории Вытегорского района советскими археологами велись раскопки. В 1930 году, на острове Илекс, расположенном посреди Куштозера, в семи десятках километров к юго-западу от нынешней Вытегры, нашли двухлезвийный сверленный каменный топор, и с тех пор раскопки на этом месте велись с перерывами еще семнадцать лет. Нашли тысячи фрагментов керамики, глиняные фигурки уток, более двухсот каменных орудий, среди которых скребки, сверла, проколки, тесла, лезвия-вставки топоров, полировальные и шлифовальные плиты. Часть найденного хранится в краеведческом музее Вытегры. Читатель, должно быть, представляет себе скучные обломки глиняных кувшинов, интересные только тем,

кто пишет о них научные статьи и диссертации, а зря. Люди неолита были довольно изобретательными в способах нанесения узоров на свою глиняную посуду. Чем они только их не делали – и краями раковин плеченгих моллюсков, и рыбьими позвонками, и даже прочерчивали чешуею щуки. Были у них и специальные приспособления для нанесения орнаментов – ямочного и гребенчатого. Потому и керамика того периода называется ямочно-гребенчатой. По виду обломки этой керамики напоминают венские вафли, только без меда, шоколада и несъедобные. Есть в музее и рыболовные снасти того времени – пешни, каменные грузила от сетей и лесок, миниатюрный каменный стержень размером меньше мизинца с крошечной выемкой, к которой привязывался костяной крючок.

В сорока километрах к северо-востоку от Вытегры, на берегах Тудозера в восьмидесятых годах прошлого века археологи обнаружили групповой могильник времен позднего неолита. Тут нашлись не только кремневые наконечники копий и обломки глиняных кувшинов, но и многочисленные украшения из янтаря – бусины, подвески, кольца и пуговицы. Одних только пуговиц было найдено больше сотни¹.

Вслед за каменным веком во втором тысячелетии до нашей эры пришел в эти края век бронзовый, а еще через тысячу лет – железный. Жители этих дремучих лесов освоили выплавку железа из местных болотных руд. Неподалеку от неолитической стоянки на берегах Тудозера оказалась стоянка раннего железного века, на которой рядом с железными рыболовными крючками, шильями, ножами и наконечниками стрел археологи нашли глиняные ковшики для разлива металла, тигли, формы для отливки игл, сделанные из сланца, плиту-наковальню, железный шлак, куски необработанного железа, угли и все то, что можно найти в доисторической железодельной мастерской. Обычно мимо музейных витрин с кремневыми скребками, наконечниками стрел, проколами, с примитивными костяными или железными рыболовными крючками и ножами посетитель проходит не задерживаясь, но стоит только представить себе, что тебе дали в руки кусок камня и велели сделать из него наконечник стрелы или сверло, или отлить из железа рыболовный крючок...

Железный век на территории Вытегорского района продолжался до середины первого тысячелетия нашей эры – как раз до того времени, когда славяне-земледельцы стали проникать в Восточную Европу, но... до южных берегов Онежского озера так и не дошли. Тут по-прежнему жили и не тужили финно-угры – племена вепсов, лопарей, которых мы теперь называем саамами, чуди заволочкой. К концу первого тысячелетия здесь появились карелы. Только в тринадцатом веке началась активная колонизация этих мест новгородцами и псковичами. Надо сказать, что поначалу колонизаторы освоили эти территории скорее как промысловые угодья, а не как земли, пригодные для земледелия. Тут было что промышлять – белки, куницы, горностаи, рыси, медведи, не говоря о зайцах. Мехом Великий Новгород и Псков расплачивались за европейские и азиатские товары. Меха, дикий мед, пчелиный воск новгородцы везли не только в Европу, но и по Великому Волжскому пути, который являлся частью Великого Шелкового пути, в Азию. Как раз на территории современного Вытегорского района между рекой Вытегра, текущей на Север и впадающей в Онежское озеро, и рекой Ковжа, текущей на юг и впадающей в Белое озеро, был устроен волок, по которому купцы, перетаскивали свои ладьи, чтобы плыть дальше, на юг. Впрочем, к волоку мы еще вернемся, и не один раз.

Как бы там ни было, а пятнадцатый век вытегорская земля встретила уже в составе Обонежской пятины – пятой части всех новгородских земель². Стоит отметить, что входили эти земли в состав Новгородской республики, в то время как Вологда, Пермь и Заволочье, то есть земли за волоками, связывавшими Онежское озеро с Белым, тогда имели статус новгородских колоний. Обонежской пятиной управлял наместник, живший в Новгороде. К тому времени на южных берегах Онежского озера существовало несколько новгородских погостов. Одним из таких погостов, включавшим в себя несколько деревень, был погост Покровский на реке Вытегре. Он и был, среди прочих, подробно описан в самой старой, дошедшей до нас в отрывках, писцовой книге по Обонежской пятине, относящейся к самому концу пятнадцатого века – к 1495 году.

Писцы под руководством окольничего Юрия Сабурова описывали все тщательно – каждый двор, каждую копну сена, каждую овцу, сколько платят оброка, сколько земли пахут, а сколько не вспахано, сколько ржи сеют, сколько овса, сколько ячменя, сколько пустой земли лесом поросло, какой урожай собирают, в какие амбары складывают, сколько дохода имеют, сколько рыбы ловят и сколько за это платят, кто работает, кто милостыню просит...

«Да в Вытегорском же погосте великого князя волок Гостин Немецкой, а возят хрестьяне Вытегрене изю всех боярщин, да и монастырские изю всего погоста на том волоце соль и иной товар, а опричь Вытегрена на том волоце не вести никому. А положено на них великого князя оброку за тот волок два рубля». Право поставлять рабочую силу на волок обходилось им в большие по тем временам деньги. Привилегия эта благополучно дожила до начала семнадцатого века.

Кроме новгородских бояр в Вытегорском погосте землями владел новгородский Варлаам-Хутынский Спасо-Преображенский монастырь. Крестьяне в монастырских деревнях тоже переписаны все до единого – их пашни, их пустоши, их копны сена, их урожай, их доходы...

Как правило, новгородские бояре в своих заонежских деревнях не жили. На местах распоряжались управляющие или, как их тогда называли, посельские и ключники, ведавшие всеми продовольственными запасами и ключами от мест их хранения. Содержать ключников и посельских тоже приходилось крестьянам. Ключникам и посельским деньгами платили редко, обычно ограничивались рожью, овсом и беличьими шкурками. Деньги, уж если и давали, то не больше одной московки со двора – так тогда называли московскую деньгу или половину копейки. Порой не давали ни ржи, ни овса, ни денег, а только одну белку или даже половину, чтобы с двух дворов выходила одна³.

Кстати, о пушнине. В вытегорских поместьях Марфы Борецкой, известной нам всем как Марфа-посадница, крестьяне платили оброк деньгами и белками. Только за рыбную ловлю нужно было отдать кроме денег два сорока белок⁴. В имениях новгородского боярина Захария Морозова, которые тоже находились в Вытегорском погосте, крестьянское хозяйство некоего Волоско Данилова, кроме хлеба и денег, отдавало в качестве оброка: «три сыры, ставец масла, полбарана, полполти мяса, коробыя ржи, полторы коробыи овса»⁵. Уплатить оброк могли и лисицей. Некоторые деревни платили рыбой. Не плотвой, конечно, и не ершами, а лососями и сигаами. Впрочем, все эти сити, лососи, белки и половинки баранов и свиной были в ходу тогда, когда Великий Новгород был самостоятельным, а как попал под руку Москвы, так оброк стали взимать исключительно деньгами и хлебом – рожью, овсом и ячменем. Было и еще одно изменение. Куда более существенное, чем переход на денежный оброк. Ко времени следующей переписи в 1563 году большая часть владений новгородских бояр поменяла хозяев – теперь они стали принадлежать московскому царю и великому князю. О боярщине Захария Морозова так и сказано: «В Вытегорском же погосте царевы великого князя деревни, что бывали Захарьинские Морозова».

К середине шестнадцатого века Вытегорский погост занимал не только земли по берегам Вытегры, но и часть местности по реке Ковжа – как раз до того места, где находилась Бадожская пристань, а теперь деревня Бадожский погост. По территории Вытегорского погоста и проходил волок, длина которого составляла около сорока верст.

Что касается деревень, то они были маленькие и большей частью однодворные. В среднем на одну деревню по данным переписи конца пятнадцатого века приходилось по одной целой и одной десятой двора, но в шестидесятых годах шестнадцатого века уже по полтора. Бурным ростом это не назвать, но все же... к восьмидесятым годам семнадцатого века количество дворов на одну деревню выросло в три раза и составило по четыре с половиной двора на деревню. В среднем в каждом дворе жило около семи человек. По нынешним меркам... Впрочем, по нынешним меркам и четыре с половиной живых двора на деревню выглядят не так уж плохо. Особенно если в них постоянно живет около тридцати человек, а не приезжает только на лето. Все это, однако, было уже к концу семнадцатого века, а мы вернемся в шестидесятые годы шестнадцатого века.

Судя по записям в писцовой книге 1563 года, в Вытегорском погосте образовался торгово-промышленный поселок, который тогда называли рядком. «Да прибыло на погосте же лавок, а в них торгуют того же погоста крестьяне мяхким товаром». Прибыло шесть лавок и несколь-

ко соляных и хлебных амбаров. Две лавки принадлежали местным священникам, а остальные зажиточным крестьянам. Амбары принадлежали другим крестьянам, занимавшимся торговлей хлебом и солью. В свою очередь сами крестьяне принадлежали частью богатому новгородскому Хутынскому монастырю, а частью государству. Все лавки и амбары, как водится, были обложены налогом. Оброк и торговую пошлину никто не отменял. Каждую лавку и каждый амбар дотошные писцы измерили. «Лавка Мартынка Зелейника, царя великого князя крестьянина анбар соляной в длину пол-3 сажени, поперег сажень с локтем... Лавка попа Михайла Старого... в длину три сажени, поперег сажень с локтем... Анбар соляной Мартынка Федорова, царя великого князя крестьянина... длина две сажени с локтем, поперег то ж...». Отдельно отметим, что в Вытегорском рядке по писцовой книге числится мастеровой – котельник⁶.

Правда, к началу восьмидесяти годов шестнадцатого века рядок на Вытегре захирел. По писцовой книге Андрея Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина 1583 года, из шести лавок работала только одна, а из тринадцати амбаров пустыми стояло семь. «Да на погосте ж лавка живущая тутошних людей, а торгуют всяким товаром, да пять лавок пусты, а оброку давали Государю Царю и Великому Князю шесть алтын на год, с лавки по алтыну, да с оброку пошлин две денги. В Покровском же погосте на Вытегре анбары стоят на Царя и Великого Князя земле на реке на Вытегре на Селюгине поле, тутошних Царя и Великого Князя крестьян, а в них сыплют хлеб и соль и всякой товар кладут тутошние крестьяне и приезжие торговые люди... И всего на Царя и Великого Князя земле четыре анбары, да три анбары пусты. Да на монастырской на Хутынской земле на Селюгине ж поле анбар... И всего на Спасской земле Хутыня монастыря два анбара живущих, да четыре анбара пусты. А оброку им с тех анбаров с живущих с Царя и Великого Князя Крестьян и с монастырских крестьян со шти анбаров давати в Государеву Цареву и Великого Князя казну на год десять алтын, с анбара по десяти денег, да пошлин с оброку три денги, с анбара по полуденге. А в пуста убyla семь анбаров, а оброку двенадцать алтын без дву денег, с анбара по десяти денег, да пошлин с анбаров по полуденге». Еще бы им не стоять пустыми после двадцати пяти лет Ливонской войны и опричнины. Четыре пятых земель Вытегорского погоста тогда стояли пустыми. Из девяносто одной деревни и дюжины починок два десятка деревень и три починок были крестьянами покинуты.

«Да в том же погосте река Вытегра. А ловят на той реке Царя и Великого князя и монастырские Спаса Хутыня крестьяне всякую рыбу, а плотят с тое реки оброку в Государеву казну в Новгороде на год по 9 алтын и по 2 денги, да пошлин с того оброку полтретьи денги... Да в том же в Покровском погосте на Вытегре Немецкой Волочек, а возят на нем соль и всякой товар Государевы Царевы и Великого Князя и монастырские крестьяне Покровского погоста з Гостина берегу до Гостина берегу 40 верст, а иные крестьяне опричь тех Государевых и монастырских крестьян ниhto Волоку не возит, а плотят они с того Волоку в Государеву казну в Нове же Городе по 4 рубли и по 10 алтын и по 4 денги на год, да пошлин с того оброку 7 алтын и 4 денги...». Что касается волока, то тут все оставалось по-прежнему. Только платили вытегорские крестьяне за свою привилегию уже не два рубля, как в конце пятнадцатого века, а больше четырех.

Кончилась Ливонская война, а через пятнадцать лет началась Смута. На Заонежские погосты регулярно стали совершать набеги казаки, которых тогда называли черкасами. Набегали и грабили они не одни, а вместе с литовцами и поляками. Осенью шестьсот тринадцатого года вся эта разношерстная компания во главе с польским полковником Барышпольцем и атаманом Сидором Острожским прошла через Вытегорский погост в Андомский. Вытегорский погост они разорили и пожгли, а вот срочно построенный к приходу незваных гостей Андомский острожек взять не смогли. Гарнизон острожка, состоявший из крестьян близлежащих погостов под командой воеводы Богдана Чулкова не только отбил все атаки черкас, но и преследовал их отряды до самого Каргополя. Все же, отряды «литовских людей» разоряли Вытегорский погост неоднократно в течение шестьсот восемнадцатого и шестьсот девятнадцатого годов.

Смутное время кончилось⁷ и началось мирное время, которое было немногим лучше Смутного – то придумают в Москве из крестьян сделать пашенных солдат и драгун, чтобы они и землю пахали, и рожь сеяли, и коров доили, и границу с Польшей и Швецией охраняли, и в военные

походы, когда прикажут, ходили⁸, то велят ловить раскольников, то отменяют пашенных солдат и драгун, но налогами станут душить так, что разорят вконец⁹, и нетерпеливые станут убегать куда глаза глядят, а терпеливые вздохнут, напишут царю челобитную и станут ждать, когда царь, прочитав их челобитную, велит...

Между всеми этими несчастьями проходила самая обычная крестьянская жизнь, которая... тоже не обходилась без челобитных. То бобыль Вытегорского погоста Антон Сидоров в 1650 году просит царя привлечь к суду собственного зятя, солдата Ивана Федорова, завладевшего его долей земельного участка, мельницы и клетки после смерти жены Антона Кристины, с которой он прожил десять лет и ее дочерей от первого брака вырастил и выдал замуж¹⁰; то церковный дьячок Степан Савин в том же году бьет челом государю и просит, чтобы ему «вконец не погннуть», освободить от податей за пустошь, которую он сдавал в аренду своему земляку – крестьянину Вытегорского погоста Ивану Петрову, а тот податей не платил, и теперь не миновать Степану Савину попасть в кабалу Ивану Семионову из Белозерска, которому староста продал Степановы долги; то Иван Федотов от крестьян Вытегорского погоста в 1665 году подписывает вместе с драгунами, солдатами и охудальными крестьянами из соседних погостов мирскую челобитную, с жалобой на Олонецкого подьячего Ивана Черкасова и просьбой расследовать его злоупотребления и отстранить от дел, потому как, и это всем известно, «в прошлых, государь, годех при отце твоём государеве блаженные памяти при великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии отец его подьячего Ивана Черкаска Федоров за его Черкасско великое воровство и братьев его родных Богдашка и Сенки по указу отца твоего государева пытаны были в государеве слове на многих пытках и в том их великом воровстве и в вине блаженных памяти отец твой государев положил на милость, от смертные казни велел освободить, а у своих государевых дел и ни у каких мирских ему Черкаску ни детям ни внучатам впредь быть не велел»... и несмотря на это «ныне он Иван сидит в съезжей избе в подьячих и ездит по погостом, и налоги и продажи и приметы нам холопом и сиротам твоим в напрасне от него многие, и воевод и начальных людей на нас научает и вымышляет и составляет приметные многие небылые дела для своей безделной корысти...»¹¹; то староста Вытегорского погоста в 1695 году вместе со старостами еще двух погостов и крестьянами подпишет челобитную о том, чтобы с их погостов не брали дополнительно целовальников из крестьян на вытегорский кружечный двор, то есть кабак, потому как в прошлом году взяли шесть человек да дьячка и сторожа, потом «неведомо по какому указу» еще семь человек, а в этом году сверх прежнего требуют еще семь человек, и «от того многие жилищные пашенные люди, ваши великих государей крестьянишка, до конца разорились и пашен своих и деревенских участков отбыли. А впредь у нас сирот из достальных крестьянишек стало и выбирать на тот кружечный двор целовальников в такую службу не ис кого, людишка все скудные и недостаточные и должные, с нужею оплачиваем ваши государские денежные доходы и хлеб», а потому «велите государи... выбирать на кружечной двор голов и рядовых целовальников посацким людям ис посаду с посацких людей, а не велите государи сверх прежнего вашего великих государей указу из нас сирот ис последних и бедных крестьянишек на тот кружечной двор в целовальники выбрать вновь, чтоб нам сиротам досталным впредь до конца не разоритца и деревенских своих участков не отбыть...»; то уже другой староста Вытегорского погоста, Тимофей Родионов, отписывает олонецкому воеводе Леонтию Стрешневу о неявке в суд кожевника Федора Семенова по челобитной Ивана Старцова, у которого вышеупомянутый Федор взял в работу две яловичных кожи ценою в рубль «и тех де кож он Федка ему Ивашку и по се число не отдает, неведома де для чего» и от того Ивану убыток, потому как рубль на дороге не валяется, а прислать в Олонец на суд Семенова никак невозможно, потому как тот «избегает и укрывается в доме своем...»¹².

Кстати, о коже и кожевниках. Ближайший к Заонежским погостам крупный торг находился в Тихвине. Везли туда из Заонежья меха, соль, рыбу, икру, железо, медь и даже серебро. Что касается Вытегорского погоста, то он привозил на продажу большей частью кожу и изделия из нее – юфти красные и белые, сафьян, опойки, выделанные кожи бараньи, телячьи, конские, сыромятные, дубленые, сапоги, подошвы и ремни из оленьей кожи.

Восемнадцатый век начался в Вытегорском погосте не сразу, а в 1710 году – с постройки каменных амбаров на Вянгинской пристани в месте у впадения Вянгиручья в реку Вытегру... Впрочем, мы еще доберемся и до амбаров и до пристани, а пока скажем, что за два года до этого в деревне Анхимово, являвшейся административным центром Вытегорского погоста, была построена деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Сказать, что она была красивой – значит не сказать ничего. Пять ярусов кокошников и двадцать пять глав. По легенде, а строительство таких красивых храмов всегда обрастает легендами, она была построена по чертежам Петра Великого, но... фактов, подтверждающую эту версию, нет, как нет и подтверждения еще одной легенде, по которой строителями храма были плотники Вытегорского погоста. Доподлинно известно только то, что через шесть лет точно такая же церковь была построена на острове Кижии и то, что через двести пятьдесят пять лет, в октябре 1963 года, вытегорская деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы сгорела дотла¹³.

Газета «Вологодский комсомолец» писала сразу после пожара: «Начальник Вытегорской милиции Волков говорит, что пожар возник в результате несчастного случая. Двое любителей выпивки проникли в церковь через окно и под хмельком случайно подожгли её. Жители Анхимово прямо говорят, что церковь фактически не охранялась. Дверь, правда, запиралась на замок, однако окна не были заделаны, и через них в церковь проникали все, кто хотел. Она захламлялась, стала проходным двором для любителей выпивки. Так, в 1961 году уже был предостерегающий случай, когда в церковь проникли хулиганы – поломали утварь, испортили иконы. Тем не менее, Анхимовский сельсовет не принял действенных мер».

Церковь, несмотря на то что была выдающимся памятником архитектуры восемнадцатого века, несмотря на то что в России к тому времени имелось всего две таких – первая в Вытегорском районе, а вторая на острове Кижии, после известных событий октября девятисот семнадцатого года была домом без хозяина. У верующих ее, понятное дело, забрали, а государству она... До 1948 года она числилась памятником архитектуры и находилась в ведении районного краеведческого музея и отдела архитектуры Вологодского облисполкома. В сорок восьмом ее решили открыть для верующих, но... не открыли. К счастью, в пятьдесят шестом в Анхимово приехал знаменитый советский реставратор Александр Викторович Ополовников и весь храм тщательнейшим образом обмерил, зарисовал и сфотографировал¹⁴. Как чувствовал...

В шестьдесят третьем, как раз незадолго до пожара, было принято решение церковь отреставрировать. Точнее, в том году был поднят вопрос о ее реставрации. Конечно, не сразу, а как-нибудь потом, когда отреставрируют такую же церковь на острове Кижии, а уж потом непременно. Пока же собирались установить на церковь охранную доску, но не сразу же, а через год, в шестьдесят четвертом. Наверное, и установили бы и, может быть, даже отреставрировали, если бы храм не сгорел раньше¹⁵. К сегодняшнему дню от этого шедевра деревянного зодчества остались только крест, установленный на том месте, где стояла церковь, большой железный ключ, лежащий под стеклом в витрине краеведческого музея Вытегры, и икона Азовской Божией Матери, которую задолго до пожара, еще в тридцать девятом году, перенесли в музей. Примечательна она тем, что написал ее местный священник Климент Макарьев в 1729 году, о чем свидетельствует собственноручная его надпись¹⁶. Написал он ее... и тут мы снова вступаем в область народных легенд, а легенда гласит о том, что Климент Макарьев написал эту икону в память о посещении его дома Петром Великим. Записал эту легенду прослуживший помощником настоятеля Покровской церкви двадцать лет священник Спиридон Партанский в 1871 году и опубликовал в Олонецких губернских ведомостях, а отцу Спиридону, в свою очередь, поведал об этом отец Стефан Смирнов, а отцу Стефану... Бог знает, кто ему рассказал об этом. Народное предание на то и народное, потому что допытаться, кто первым его выдумал из головы, никак невозможно.

Тут мы незаметно подошли к вопросу о том, был или не был Петр Алексеевич в Вытегорском погосте, а если был, то когда, разговаривал ли с крестьянами или просто помахал им из окна кареты, или не махал, а не говоря худого слова приказал всем обрить бороды, не исключая баб и детишек, заготовить лес для строительства кораблей, носить кафтаны иноземного покроя, курить

крепкий немецкий «кнастер», перелить церковные колокола на пушки и поехал себе в Архангельск по делам государственной важности.

Обратимся не к легендам, но к фактам и документам. Доподлинно известно, что в 1710 году Петр послал капитана Джона Перри, шотландца на русской службе, «осмотреть три разных пути от Ладожского озера до Волги». Город Санкт-Петербург рос не по дням, а по часам, и его него нужно кормить, снабжать стройматериалами и всем тем, что бывает нужно новорожденным столицам империи для того, чтобы у них не было задержек в развитии.

В своей книге «Состояние России при нынешнем царе», изданной почти сразу после возвращения в Англию, Перри писал: «Его Величество благоволил послать меня осмотреть три разных пути от Ладожского озера до Волги; мне приказано было снять на чертеж течение нескольких рек, впадающих одна в другую, и проследить до истоков их, чтобы освидетельствовать, где они ближе всего сходятся, и где местность представляет более удобства между ними сообщения». Один из этих трех путей проходил akurat через волок между реками Вытегрой и Ковжей. Перри, поскольку был опытным гидротехником, смог оценить преимущества водного пути через Вытегру, Ковжу, Белое озеро и левый приток Волги Шексну. «...В конце 1710 года я вернулся в Петербург с чертежом и донесением о месте, времени и расходах, относящихся до этого сообщения, с одной стороны посредством Ковжи, Белого озера, Шексны, впадающих в Волгу недалеко от города Рыбинска, а по другому пути посредством реки Вытегры, Онежского озера и реки Свиры, впадающей в озеро Ладожское, где требовалось только поставить 22 водоспуска и прокопать весьма удобоисполнимый канал на протяжении трех английских миль». Три английских мили – это около пяти километров. Если точнее, четыре километра восемьсот двадцать восемь метров. Такой длины должен быть «удобоисполнимый канал» между Вытегрой и Ковжей. «И так, этот край оказался самым низким, т. е. самым удобным уровнем, представлявшим всего менее покатоостей, так что тут требовалось меньшее количество шлюзов. Реки Свира и Шексна и более удобные части рек Ковжи и Вытегры были уже судоходны для судов малого размера, которые поднимаются и спускаются по ним в течение целого года, за исключением того времени, когда реки замерзают. Поэтому в донесении моем я указывал Его Царскому Величеству на этот путь, как наиболее удобный для устройства предполагаемого сообщения».

Перри представил царю не только чертежи будущего водного пути из Шексны в Онежское озеро, но и смету расходов. Царь проекта Перри... не оценил. Петр решил направить все силы на улучшение существующей Вышневолоцкой водной системы¹⁷. К тому же в 1710 году началась война с Турцией и стало не до устройства нового водного сообщения между Шексной и Онежским озером. Перри нашли другую работу, а потом он и вовсе вернулся в Англию, обидевшись на то, что обещанной платы он за свои труды так и не получил.

Вернемся к вопросу о том, был или не был Петр Первый в Вытегорском погосте. В 1821 году в одном из номеров журнала «Отечественные записки» была напечатана статья Павла Львова «Петр Первый, творец Мариинского канала». Павел Львов к строительству Мариинской водной системы некоторое отношение имел, поскольку в восемьсот первом году три летних месяца в качестве помощника находился при генерале Деволанте, руководившем строительством Мариинского канала между Ковжей и Вытегрой. Львов утверждал, во-первых, что именно Перри отыскал удобное место для канала между Вытегрой и Ковжей и «сделал оному чертеж», а во-вторых, что Петр Первый в семьсот одиннадцатом году прожил «под лиственным кровом из березовых ветвей сплетенного шалаша, претерпевая во всем крайнюю нужду». Жил он «посреди тех мхов зыбучих и дремучих лесов, где Вытегра и Ковжа доселе укрывались, вясь неприметно от исходящих своих по непроходимой дебри». Местный житель – стопятнадцатилетний Пахом из села Верхний Рубеж показал место, где стоял шалаш императора и ~~пень, на котором он каждое утро писал статью о пользе табака~~. Правда, сам Львов Пахома не видел, а рассказ о нем записал со слов Деволанта. Генерал встретил древнего старика в 1792 году, когда сопровождал директора Департамента водяных коммуникаций графа Сиверса в поездке по трассе будущего канала.

Собственно, о Петре Первом и о подробностях его жизни в шалаше Пахом не смог сказать

ничего, но место, где, как пишет Львов, стоял «тот скудный шалаш, многих величественных царских чертогов достопамятный, под которым первый из первых монархов подсолнечной, обладавший полсвета укрывался от трудов в продолжении десяти суток тут проведенных», старик указал и прибавил, что царь пожаловал его отцу серебряный полтинник. Зато о Перри Пахом рассказывал много интересного – и то, что тот был слишком тучен, чтобы ходить по местным болотам, и потому его носили на жердях, переплетенных ветками, и то, что англичанин, которого старик называл «немчиною», пользовался «медным блюдцем со сквозными рожками» и «длинным сквозильцем», то есть астролябией и подзорной трубой. Капитан Перри был не один – в поездках его сопровождал главный царский инженер и ближайший сподвижник Петра Великого Василий Дмитриевич Кормчин.

Для того чтобы провести десять суток на водоразделе между Ковжей и Вытегрой, нужно было туда еще добраться из Петербурга. Теперь на это хватит и дня, а тогда... При Петре велись особые походные журналы или поденные росписи, называвшиеся «юрналами», в которых отмечались события из жизни царского двора и, само собой, фиксировались передвижения самого государя. В поденных росписях за 1711 год никаких упоминаний о поездке Петра на водораздел нет. В тот год Петру было не до каналов – нужно было готовиться к походу против турок. Петр в начале года уехал в Москву, потом в марте к войскам, потом до конца июля безотлучно находился в войсках во время крайне неудачного Прутского похода, а с конца июля и до конца года разъезжал по Европе. Какая уж там Вытегра с Ковжей...

Теперь о еще одном предании, записанном учителем Вытегорской приходской школы Иваном Дьяковым, в монашестве отцом Феодосием, которое он представил в середине девятнадцатого века в Русское географическое общество. Сам Дьяков, как и Львов, с очевидцами и участниками встречи с Петром Первым не беседовал, но он записал рассказ старого священника, умершего в 1823 году девяноста лет отроду, который... тоже там не был, но его отец как раз на достопамятной встрече присутствовал... или не присутствовал, но рассказал о том, что «на пути из С.-Петербурга в Архангельск Петр Великий переезжал чрез р. Вытегру при дер. Шестовой, чрез которую проходил Архангельский тракт. Жители Вытегорского погоста встретили Государя за две версты от деревни на горе и поднесли хлеб-соль. Разговорившись с крестьянами, Государь узнал, что ниже этого места, в четырех верстах, есть Вянгинская пристань, на которую от р. Ковжи доставляются гужем и отсюда на гальотах отвозятся по побережьям Онежского озера, в р. Свирь и далее. Получив такие сведения, Петр Великий отправился на Вянгинскую пристань¹⁸, лично убедился в торговом значении этой местности и вероятно у него тогда явилась мысль о соединении Волги с Невой, чтобы можно было обеспечить Петербург продовольствием и чтобы передавать ему избытки и богатства низовых губерний. Гора, на которой был встречен Петр Первый стала называться с той поры беседною».

Легенды и предания бывают очень живучи, и никакими документами, никакими походными журналами их с места не сдвинуть. На том месте, где мог стоять шалаш, в котором мог жить Петр Первый, если бы приехал в эти места в семьсот одиннадцатом году, установили по повелению Александра Первого обелиск из природного камня¹⁹. Сделали это ровно через сто лет после того, как царь Петр... В конце концов, за триста с лишним лет, которые прошли с этого предполагаемого события, легенда могла стать былью. Тем более, что экскурсоводы в Вытегре уже много лет рассказывают ее туристам.

На вершине Беседной горы в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века поставили часовню в память о предполагаемой встрече Петра Алексеевича с вытегорами. Кстати, с этой встречей связана еще одна легенда. После того, как царь, осмотрев Вянгинскую пристань, остановился в Вытегорском погосте для перемены лошадей, ему на глаза попался местный юродивый Гриша, который, упав перед Петром на колени, стал просить подарить ему красный камзол, с которым к царю подошел денщик. При этом Гриша сказал, якобы следующее: «Себе и тем, кто умнее и добрее, на шапки, а шапки мы не только детям, но и правнукам запасем на память твоей Царь-бабушка милости». И царь заплакал от умиления. С тех самых пор к вытегорам прилепилось про-

звище камзолников. Кое-кто и вовсе утверждает, что царь своего камзола вытегорам не дарил, а они его попросту украли, и рифмует вытегоров с ворами, что конечно же обидно. Особенно если царь Петр мимо не Вытегорского погоста и не проезжал вовсе.

Как бы там ни было, а без Петра Алексеевича дело не обошлось. В 1782 году Вытегорский магистрат представил в Олонецкое наместничество историко-статистическое описание города, в котором, среди прочего, было сказано: «Кто и когда на сем месте, где ныне город, жительство завел, об оном исторического описания не имеется, а из объявлений старожилов за известное почитается, что в сем месте при блаженной памяти Государя Императора Петра Великого населяться начали государственные крестьяне на порожней, государевым лесом поросшей земле, по край реки...».

В 1710 году Вянгинская пристань уже упоминается в документах как перевалочная база грузов, большей частью военных. Оно и понятно – России в очередной раз предстояло воевать со Швецией. В том же описании читаем: «А потом около 708-709 годов, в бывшую со Шведом войну, в оную была поставка с низовых, по Волге стоящих городов, по той реке и Шексне, по Белу озеру и по Ковже реке водяным путем до Бадожской пристани, а от Бадожской пятьдесят верст, где город Вытегра, а тогда еще лесом поросшая и называлась Вянгинская пристань». Надо сказать, что Вянгинская пристань представляла собой уже не просто пристань, на которой перегружались грузы на суда, а, выражаясь языком современным, чем-то вроде порта – рядом с ней построили амбары для временного хранения казенных грузов и эти амбары окружили деревянным острогом. Во время Семилетней войны через Вянгинскую пристань ежегодно отправлялось по полторы сотни галиотов с хлебом, который поступал сюда с низовых волжских городов.

Через пять лет у места впадения Вянгиручь в Вытегру по царскому указу была построена государственная верфь, действовавшая сто тридцать два года. Как писали в Новгородское наместническое правление в своем рапорте вытегорский городничий капитан Тренберг и городской магистрат в ноябре 1781 года: «...верфь началась здесь в Вытегре по имянному Его Императорского Величества государя Петра Великого указу с 1715 году; и для того прислан был тогда в здешнее место лейб-гвардии Преображенского полку подпоручик Шетнев с мастерами парусными, блочными, маштовыми, конопатными и оснастными, где в то время построен был модельно евер²⁰, которой был многое время, а потом, когда ис того обучились ко всему вышеписанному, то после оного ластовые суда²¹ и прочее к ним лежащее строение с того году производилось партикулярное разного звания жителями, и леса заготавлиются по сие число к тому строению по реке Вытегре з горы, с слов и разных мест за тридцать верст и далее. Оснащаются оные одне всею принадлежностью, ко оным частою покупными в сем Вытегорском и частию в протчих городах, а другия суда, яко то: галиоты²², доншкоты²³ и протчие разного звания – и препровождаются без оснастки в Санкт-Петербург к тамошним пристаням...».

Судостроение для местных жителей было не в диковину. На реках Вытегорского края – Оште, Мегре, Андоме и Вытегре давно уже строили самые различные суда, а по указу Петра стали строить галиоты длиной от пятидесяти до семидесяти футов или, если перевести в метры, от пятнадцати до двадцати одного метра. Суда эти были приспособлены для плавания по беспокойным водам Онежского и Ладожского озер.

Пристань, казенные амбары, окруженные деревянным острогом, верфь, крошечная деревня Вянги, в которой живут плотники, кузнецы, конопатчики, крестьяне, разгружающие с приехавших телег кули из рогожи с зерном, солью, бочки с салом, дегтем, смолой в амбары, а потом перетаскивающие все это из амбаров на пристань, сторожи при амбарах, покрикивающие на крестьян приказчики, купцы, подсчитывающие прибыли, – еще, конечно, не город, но уже его эмбрион, который превратился в город Вытегру через шестьдесят три года – в 1773 году.

Произошло это по утвержденному Екатериной Второй докладу Сената. Указ сам по себе не родился – его инициатором был Новгородский губернатор граф Яков Ефимович Сиверс, предложивший при своем вступлении в должность переустроить губернию и ряд населенных пунктов возвести в ранг городов. По сенатскому указу велено было «учредить вновь на месте Вянгинской

пристани город и назвать его Вытегрою по названию той реки, на которой онный находится будет». Прописали новорожденную Вытегру в Олонецком уезде Новгородской губернии. Город был учрежден в конце декабря, а уже в начале апреля следующего года вновь учрежденный магистрат провел свое первое заседание. Население Вытегры состояло из жителей Вянгинской пристани, переселившихся в город жителей уезда и уже проживавших в городе иногородних, которым в том же 1774 году разрешено было приписываться к вытегорскому купечеству. Такая льгота была дана не просто так. Граф Сиверс, предлагая магистрату разрешить приписку к вытегорскому купечеству иногородних, писал: «Подтвердить, что во всем, до водяной коммуникации касавшемся, старались бы иногородному купечеству сделать вспоможение и оказывать свои услуги и доброжелательство, чтобы тех иногородных купцов к новой дороге приохотить».

Через три года после учреждения город стал административным центром Вытегорского уезда Олонецкой области Новгородского наместничества. Уездному городу полагался уезд. В него вошли поселения Вытегорского и близлежащих погостов – Андомского и Мегорского, располагавшихся по берегам соседних с Вытегрой рек – Андомы и Мегры. Общая численность населения этих погостов составляла немногим менее четырнадцати тысяч человек, тогда как, по губернской реформе Екатерины Второй, численность уезда должна была быть от двадцати до тридцати тысяч человек. По докладу губернатора, к новообразованному Вытегорскому уезду присоединили часть волостей Белозерского уезда и поселения Оштинского погоста, располагавшихся по реке Ошта, которая, как и реки Вытегра, Андома и Мегра впадают в Онежское озеро. После такого прибавления численность населения Вытегорского уезда составила почти двадцать три тысячи человек²⁴. Все это было сделано еще и для того, «<...> чтоб тот новый город и его уезд против указного нового положения уездов число душ имел для свободы водяной коммуникации и починения архангелогородской большой дороги <...>».

О дорогах в уезде беспокоились мало. Можно сказать, совсем не беспокоились. В 1779 году академик Императорской академии наук Эрик Густав Лаксман предпринял экспедицию в Карелию. Хотел он проехать через Вытегорский уезд на север, к Белому морю, но не смог, потому что «в Вытегорском уезде нет почти ни одной дороги... чрез которые без опасности не только верхом проехать, но и пройти никак не можно».

Герб Вытегра получила через восемь лет после своего рождения – в 1781 году: «В верхней части щита герб Новгородский. В нижней – в золотом поле часть кормы галерной, из которой поставлен распушенный российский купеческий флаг, ибо в сем городе производится строение такого рода судов, и мещане оными торгуют»²⁵. Между прочим, вытегоры не знали о том, что у города есть герб как минимум четыре года. Наверное, могли бы дольше не знать, но в 1784 году городским властям пришлось назначать торговые или ярмарочные дни, а в эти дни полагалось поднимать полотнище с изображением городского герба. Магистрат и обратился к городничему с просьбой сказать, «какой герб сему городу быть следует». Городничий Герценберг, понятия не имевший о том, что из себя представляет герб и есть ли он вообще, обратился к вышестоящему начальству, и двадцать третьего января 1775 года в Вытегру прислали описание герба.

За семь лет до того, как Вянгинская пристань стала городом Вытегрой, ее посетил губернатор Сиверс. «Тут живут многие мещане, занимающиеся земледелием, – писал Сиверс императрице. – После обеда²⁶ я сел в лодку и проплыл пять верст вниз до Вянгинской пристани, где находится также верфь и строятся гальоты; здесь ведется довольно живая торговля, потому, что грузят многие товары для Петербурга, особенно хлеб. Я даже нашел там полотняную фабрику в 32 ткацкие станка, которая заведена назад тому три года. Кроме того, есть два свечные завода. Пристань находится в пятнадцати верстах от Онежского озера <...> Так как в Вытегре, по моему предложению, должна быть учреждена канцелярия, чтоб облегчить судопроизводство для жителей этого отдаленного края, то я думаю, что лучшим местопребыванием для судьи была бы пристань. В таком случае надобно перевести сюда и станцию архангельской дороги; место это лежит почти на половине пути между Ладогой и Каргополом, следовательно, здесь можно было бы учредить и почтамт. Как жаль, что Вытегра имеет такое быстрое течение. Петр Великий думал провести

через нее сообщение между государством и столицей; но он нашел, что течение Вытегры слишком сильно и мелководно <...>²⁷.

Что касается судостроения, о котором упомянул Сиверс, то оно в Вытегре не просто развивалось – оно процветало. Каждый год на местной верфи строились на продажу десятки самых различных судов, большей частью галиотов. Строили их быстро. Если говорить о конце восемнадцатого века, то на постройку галиота уходило от полугода до семи месяцев. Строили его, как правило, четыре плотника, а два или три человека выполняли кузнечные, конопатные и прочие работы. Парусами обеспечивала полотняная фабрика. Обходилась постройка галиота в две сотни рублей, а продавали его в полтора или в два раза дороже. В год основания Вытегры на ее верфи было построено три галиота по заказу из Санкт-Петербурга. Строили не только в Вытегре – в 1788 году, в уезде, на реке Андоме купец Дементий Попов построил три галиота, и еще четыре у него находились в работе. В шести верстах ниже по течению строил галиоты другой купец – Иван Галашевский, ставший основателем целой династии вытегорских купцов. Судостроителями, судовладельцами и первыми вытегорскими купцами были братья Иван и Матвей Галашевские, Лука и Анкудин Мартьяновы, Тит, Григорий и Фадей Рыборецкие, Адриан Невежин, Василий Рябов, Ефим Шалапанов. Иван Галашевский был первым бургомистром Вытегры и в 1787 году построил первый в городе каменный дом²⁸. Второй каменный дом был построен через пять лет купцом Невежиным, а третий Шалапановым еще через четыре года. К концу восемнадцатого века город украсился уже пятью купеческими каменными домами. Некоторые из этих домов до сих пор стоят в самом центре города на Купеческом проспекте Ленина.

Судостроением интересы вытегорского купечества не ограничивались. Анкудин Мартьянов владел кирпичными и свечным заводами, полотняной фабрикой, основанной еще в семьсот шестьдесят втором году, а кроме того, половиной стеклянной фабрики в соседнем Олонецком уезде, производившей стекла, штофы и бутылки. Прибавим к этим заводам и фабрикам две купеческих мельницы – мукомольную и лесопильную. Только сальных свечей из местного сырья производили от ста до четырехсот пудов в год. На полотняно-парусных фабриках, которых к семьсот восемьдесят второму году было уже две, работали полторы сотни мещан и вольнонаемных государственных крестьян. Прибавим к ним и шестьдесят семь «малолетних мужеска и женска пола ребят», наматывавших шпульки. Производили равендук, то есть разные сорта парусинной ткани, и фламское полотно – грубый сорт льняного полотна. Пряжу для производства тканей привозили из Костромы.

Продукцию большей частью везли в северную столицу и Кронштадт, а частью продавали в Вытегре. Оборот капитала составлял от двух с половиной до трех тысяч рублей в год. Немалые деньги для конца восемнадцатого века. Нехватка рабочей силы привела к тому, что Анкудин Мартьянов жаловался новгородскому губернатору на Тита Рыборецкого, переманивавшего у него рабочих, суля им большие заработки.

Теперь о торговле. Магистрат на вопрос Олонецкого наместничества, в чем состоят торговля и промыслы, «откуда товары получают, куда свои отвозят, на какую сумму, и другая подробности, к предмету относящиеся, а особливо, в чем главной их промысел или ремесло состоит», отвечал: «Торг и промысел состоят вообще, как у мещан, так и у купцов в малом числе по малоимению товаров. Однако ж хлеба привозится по недостатку хлеботории из городов, состоящих по Волге реке, и Шексню, Белым озером и Ковжею до Бадожской пристани, а из Бадожской пристани до города Вытегры перевозится сухим путем, от города Вытегры водяным путем около Онега озера, а Свирию рекою даже и до Санкт-Петербурга. А продция товары, яко то лавочных, из шелковых и продчие, привозятся из Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля, Вологды, а родившиеся в нашем городе – некоторые частию из зверей (белки, лисиц, выдр, заец, медведей), деготь, смола, ивовая кора. А по большой части строятся морския ластовыя суда, которые отправляются в Санкт-Петербург, а при оных мещане в шипарях и работниках, а большая часть из мещанства трудолюбивыя на хлебопашестве имеются».

Насчет «малоимения товаров» магистрат, мягко говоря, прибеднялся. Каждый год из Вытегры отправлялось более ста судов с пермской солью, рожью, овсом, ячменем, мукой, различными

крупами, салом и тканями. В том же документе написано о том, что для складирования всех этих товаров перед погрузкой на корабли, которые сами же вытегоры и построили, купцы и мещане построили сорок пять амбаров. Нельзя сказать, что Вытегра была просто перевалочной базой для товаров, шедших из центра на север. В самом городе устраивались торговые ярмарки. В первые три года существования города была одна ярмарка, а через три года их стало уже три – в феврале, в августе и в октябре. В Вытегру привозили атлас из Москвы, итальянскую и немецкую тафту, разноцветные шелка, гризет, шелковые и бумажные платки, гарусный товар, ленты, кушаки, нижегородские шляпы, зеркала, обувь и александрийскую пестрядь²⁹. Торговали не только на ярмарках, но и в лавках, работавших круглый год. Местные крестьяне несли скупщикам пушнину, рыбу, грибы, лен и деготь. В 1775 году в стремительно растущей Вытегре проживало двадцать четыре купца, из которых двое принадлежало к первой гильдии, одиннадцать ко второй и столько же к третьей. Не так уж и плохо для города, которому два года отроду.

О самом городе Вытегра в отчете магистрата за 1782 год сказано немного: «Разделяется оной город течением реки на две части, кои название имеют обе Вытегра, реки того имени. И из оных на левой стороне, назначенной по опробованному плану быть соборной церкви и казенному зданию присудственных мест, а партикулярное разночинцов строение на правой стороне жилье находится купеческое и мещанское, построенное более до открытия города, старое, а ныне несколько построено по плану новые дома... Казенных домов по открытию города в построении никаких не имеется, но только состоят прежнего строения казенный под содержание казенной запасной ржи и соли два деревянные анбара да тюремная изба. Из оных соляной анбар и тюремная изба весьма ветхие. Торговые лавки состоят построенные на общественную сумму. Училищ и учения, а равно воспитательного дома и инвалидной больницы, богадельни и, одним словом сказать, кроме вышеписанных, казенного строения никакого не имеется и строением не начато».

На вопрос, «откуда получают нужные для пропитания и для житья вещи, какие овощи у себя, в огородах своих, садят и сеют», магистрат отвечал, что «Для пропитания, то есть рожь, муку и прочие съесные вещи, частью получают из привозимых с низовых городов <...> а продчие, потребные на платье и обувь, – из привозимых же со около лежащих столичных губерний и уездных городов. А из овощей, то есть капуста, огурцы, лук, чеснок, – из Белозерского города, а малою частию в сем городе живущие в огородах садят капусту, ретью, свеклу, морковь, чеснок и лук, а вырастают таковые с небольшим прибытком».

Что же до самих горожан, то населена Вытегра «...жителями греко-российского исповедания, из оных, кроме разночинцов из купцов и мещан, некоторые состоящие в расколе, из других городов, кроме разночинцов и при должностях состоящих, никого не имеется». Заметим при этом, что большинство вытегорского купечества состояло в расколе, то есть было старообрядцами.

Когда Вытегре исполнилось одиннадцать лет, то есть в 1784 году, она из уездного города Олонецкой области Новгородского наместничества стала уездным городом Олонецкого наместничества. Как раз в это самое время правителем наместничества был назначен Гавриил Романович Державин.

Летом 1785 года он отправился с инспекционной поездкой по наместничеству. Не станем приводить из его «Поденной записки, учиненной во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным» сведения читателю уже известные из отчета Вытегорского магистрата Олонецкому наместничеству. Приведем лишь те, о которых магистрат не сообщил. О самом городе Державин сообщает, что «В длину оный 50 сажень, в ширину 450 сажень, в окружности на 4 версты». Немного, что и говорить. Церковь в городе всего одна, соборная, да и та только строится на деньги, которые пожаловала императрица. Подрядились построить ее за одиннадцать с половиной тысяч рублей. Стройка началась в восемьдесят четвертом году. Выходит, что город был без единой церкви первые десять лет своего существования, что по тем временам довольно необычно. Обывательских дворов шестьдесят семь. Появилось каменное казначейство и двухэтажный каменный дом городского головы длиной десять и шириной восемь сажень. Десять тор-

говых лавок в восемьдесят втором году превратились в тринадцать в восемьдесят пятом. Если в отчете магистрата значится пятьдесят четыре дома, то Державин насчитал уже шестьдесят семь. Все остальное – и количество мельниц, и ткацких фабрик, и кирпичных заводов, а, вернее, заводов, и свечных, и строительство галиотов и других судов, и количество ярмарок, и перечень товаров, которыми торговали вытегорские купцы, осталось прежним. Мужчин, записавшихся в мещане, двести семьдесят пять, а женщин на сорок шесть меньше. «Граждане, имеющие достаток, почти все староверы... Жители все трудолюбивы, гостеприимны, но корыстолюбивы...». Насчет корыстолюбия обидно, конечно, но что написано пером...

Теперь об уезде, который во времена Державина простирался в длину на двести пятьдесят, а в ширину до двухсот верст, и по площади был как четыре с половиной Люксембурга. Рельеф местности, как писал Державин, ровный и болотистый. «В водах уезда сего ловится рыба: лососи, судаки, сига, налимы, шуки³⁰, окуни, угри, ерши, ряпуха, салака, ельцы, карпы, караси, язи, лещ и плотва. В лесах растет сосна, ель, береза, ольха. Звери в оных: медведи, волки, лисицы, белки, куницы и зайцы. Птицы водятся в лесах: тетерева, мошники, ряпчики, куропатки и дикие гуси и утки. Поселяне почти все упражняются в хлебопашестве; сеют рожь, пшеницу, ячмень, овес и горох. В плодоносный год рожь урожается сам пять, пшеница сам четверть, ячмень сам четверть и сам пять, горох сам третей...». Мужчин в уезде по последней ревизии проживало немногим больше двадцати трех, а женщин около четырнадцати тысяч³¹.

Державин уехал, не забыв при этом отметить в письме к императрице, что вытегорская городская школа, о построении которой рапортовал олонекский генерал-губернатор Тутолмин, не была еще даже заложена. В том же году, в середине сентября через Вытегру проехал академик Николай Озерецковский. Ехал он не просто так, а по казенной надобности – Академия Наук отправила его в экспедицию по Ладожскому и Онежскому озерам.

«Сентября 14 дня поутру отправился верхом в город Вытегру через Вытегорский погост, от которого до города вниз по реке Вытегре считают семь верст. Погост оный лежит при реке Вытегре на весьма красивом месте; в нем две церкви – каменная и деревянная; через него идет большая Архангелогородская дорога, которая версты за две от города Вытегры отходит в сторону. На сем протяжении берега реки Вытегры сухи, ровны и для бечевника очень способны; в одном только месте между городом и погостом находится на реке сей порог, который невысок и удобно расчистить его можно. Склоняющиеся к берегам реки косогоры усажены деревьями и окружены красивыми лесами». Если сравнить его описание Вытегры с описанием Державина, то обнаружится, что поэт был куда обстоятельнее ученого. Впрочем, и Озерецковский сообщает подробности, которых нет в записях Державина. Например, он пишет о том, что ткацкая фабрика купца Мартыанова перерабатывает до тысячи пудов пряжи в год, а «из каждого пуда оной вырабатывается кусок ревендука в пятьдесят аршин». В год, если пересчитать на метры, а лучше на километры, выходило тридцать пять с половиной. Пишет, что Вытегорский уезд входит в тройку самых хлебодородных уездов Олонекской губернии. Не первый, как Каргопольский, но и не третий, как Пудожский.

Теперь о том, о чем у Державина нет ни слова – о металлургических заводах Вытегорского уезда. В Олонекском наместничестве издавна находили признаки железных руд и потому там стали строить металлургические заводы. В Вытегорском уезде их построили два. Первым из этих заводов был, как сообщает Озерецковский, Мегромихайловский железоплавленный завод «компаний французов Баралла, Фулона и Шанония построен в 1775 году в Мегорском погосте на левой стороне реки Мегры, вытекающей из Мегрозера и впадающей в Онего. Строения в сем заводе: две домны, молотовая фабрика о двух действующих и об одном запасном молоте, пильная мельница, кузница, меховая, угольный и лесной сарай, 4 припасные магазина, погреб и 12 жилецких изб».

Берг-коллегия отвела этому заводу двести пятьдесят квадратных сажен земли и сорок два железных рудника, которые сами французы отыскали в округе с таким условием, чтобы через три года завод заработал, и французы, их потомки владели бы им вечно, не забывая при этом в течение десяти лет платить казне положенные налоги. Завод французы построили, но работал он всего три года. Через три года по указу той же Берг-коллегии завод «взят под секвестр за казен-

ную на тех французах доимку». Как это часто бывает у нас с заводами, взятыми в казну, «С того времени остался без действия в казенном смотре; и шихтмейстер Белоносов свидетельствует, что в семилетнее время сего запустение все фабрики пришли в ветхость, а наипаче молотовая, которая каждый год весеннею водою на десять вершков подмывается; в рассуждении ж рудников говорит, что их находится 24 в расстоянии от 5 до 35 верст и что руды для одной домны достаточно бы было на десять лет; наконец, что лесов для всех заводских потребностей довольно бы было на 15 лет».

За те три года, что завод работал, «в двух домнах ежегодно выплавлялось до 9000 пудов чугуна, из которого выковывалось до 4300 пудов железа; притом отливались разные в песке и глине чугунные утвари, кои частию продавались в С.-Петербурге вольною продажей».

Судьба второго, медеплавильного, завода могла бы быть более счастливой, но... Его начали строить с разрешения Берг-коллегии неподалеку от Вытегры в Десятинском погосте, через четыре года после французского. Принадлежал он действительному статскому советнику и лейб-медику Карлу Федоровичу Крузе. К заводу приписали шесть железных рудников, но и через шесть лет после закладки завода так он и стоял недостроенным – «сделана только плотина да фабрики – меховая, кузнешная и пыльная, доменная печь складена до половины и кроме сего ничего не начато». Понятное дело, что лейб-медику пришлось объяснять Санкт-Петербургской казенной палате о причинах такого долгостроя. Карл Федорович отвечал, что «убожество руд, к заводу приписанных, и дороговизна вольных работников принудили его от выплавки чугуна отстать и употребить плотину с прочим строением на винный завод или другое какое обществу и казне полезное дело». Конечно, если сравнивать винный завод с медеплавильным по сложности технологических процессов, необходимого оборудования и по прибыли казне, то выходит, что винный по всем статьям... да и обществу, если честно... И все же. Радеющий за дело шихтмейстер Белоносов сообщает Озерецковскому, что «...доменная печь, хотя складена только до половины, но к совершенному ее окончанию припасов заготовлено довольно, что руд, отысканных в разных урочищах, расстоянием от 5 до 35 верст, для одной домны довольно будет на 20 лет и на толикое же время достанет лесов в двух, трех, даже до 20 верст от завода находящихся».

Как бы там ни было, а пока железоплавильный завод работал, приписанные к нему государственные крестьяне и руду добывали, и древесный уголь выжигали, и заготавливали известь, горновой камень, лучину для освещения заводских цехов, деготь для смазки механизмов и огнеупорную глину, которая добывалась здесь же, в Вытегорском уезде, в районе Андомского погоста. Вытегорская огнеупорная глина была товаром ходовым – она поставлялась в конце восемнадцатого и в первой четверти девятнадцатого веков не только на металлургические заводы Олонецкой губернии, но и на столичный Монетный двор, и на Ижорский завод.

Немалая часть крестьянской бедноты уходила из уезда на отхожие промыслы в крупные города – Петербург, Москву, Архангельск, Ригу. К примеру, в октябре 1782 года несколько десятков вытегорских плотников по договору с Петербургской казенной палатой поехали строить казенные суда в Херсоне.

Вернемся в город. В конце ноября 1786 года в Вытегре было открыто малое народное училище. У этого открытия имелась своя предыстория, довольно типичная для вновь образованных уездных городов того времени история. Началась она в 1775 году, когда приказам общественного призрения было вменено открыть малые народные училища в уездных городах. Средства на эти училища город должен был найти сам. Мало того, велено было и плату за обучение брать самую умеренную. Четыре года городские власти делали вид, что указа Высочайшего указа они не читали и он вообще их не касается. Через четыре года Новгородский Приказ общественного призрения потребовал от Вытегорского магистрата открыть училище в январе 1780 года. Требовалось заблаговременно прислать список детей от шести до тринадцати лет с пометкой о том, с кого будет братья плата, а кто будет учиться бесплатно, то есть за счет города. Легко сказать – открыть. Для этого нужно было купить или арендовать дом, купить учебники, аспидные доски, мел, чернильницы, стол для учителя, парты, верстаки для занятий столярным делом и многое другое.

Как было указано магистратом ответственному за покупку необходимого для открытия училища: «на первый случай – аспидных досок хоть пять, чернилиц до десяти, столов больших со внутренними ящиками и замками, столярного мастерства, два». И все это за счет города и в счет будущей платы за обучение. По получении этого предписания магистрат немедленно написал в Новгород, что училище открыть совершенно невозможно: «для того, что, если под ту школу нанять у кого дом, то такого пристойного дому здесь приискать совсем ни у кого нельзя, понеже сей город такой маложилой, что не только все служители постоянных дворов себе иметь за малоимуществом не могут и многие для того по деревням стоят; но и судебные места в одном самом узком доме едва помещаются. А коли б еще прибавить число школьников и учителей, то и паче стеснятся здешние городовые жители, ибо большая часть сего города граждан жительствоует в разных волостях, а в городе самое малое число, не более как в тридцати дворах; отчего принуждены будут и учителя, и школьники по деревням постою искать, да и то не без тесноты. Ближние около города деревни маложилые, а другие далечайшие от города, откуда детскому возрасту ходить будет далеко и не под силу. Вновь построить под школу дом, то здесь еще и самого нужного строения не заведено, как-то: церквей, судебных мест, двух домов под городничего и казначея, а партикулярного хотя и заведено, токмо мало, по причине, что по плану на лучших местах положено иметь каменное строение, а каменного строения здешнее купечество без подмоги казенной строить из своего кошту отказалось. Где школе быть и каким манером ее построить, о том в плане не показано и землемером, при измерении на кварталы города места не назначено. И так поколе церкви и городовое строение не возстановятся, фасону и места, где школе быть не укажется, то до того времени в учреждении и открытии оной школы надо сделать понаровку...».

С одной стороны – самая настоящая отписка, а с другой – описание жизни первых лет города с такими подробностями, которых не найдешь ни в Поденной записке губернатора Державина, ни в отчете академика Озерецковского. В 1782 году дело дошло до сбора пожертвований, и... собрали шестьдесят четыре рубля, из которых двадцать пять внес губернатор Санкт-Петербургской губернии, поскольку с 1781 по 1783 год Вытегра вместе с уездом входили в состав Санкт-Петербургской губернии, купцы Галашевский и Мартыанов дали по десяти рублей, Рыборецкий – пятерку, а остальные по два рубля. Зачем, спрашивается, Титу Рыборецкому давать деньги на училище, пусть и малое, если на его полотняной фабрике работают дети.

Препирательство Переписка с начальством, поиск необходимых средств, подыскивание подходящего дома, наем учителя, сторожа, покупка учебников... все это продолжалось шесть лет. Наконец училище было открыто. Городская дума нашла помещение, оплатила из городского бюджета отопление, освещение, аренду дома, жалованье учителя, составлявшее полторы сотни рублей ассигнациями в год и тридцать пять рублей, тоже ассигнациями, за наем сторожа. Все содержание училища обходилось Вытегре в четыреста рублей в год, но... гладко было на бумаге. На практике Городская дума задерживала выплату жалованья учителю, а деньги на учебные пособия и на другие школьные нужды у нее приходилось буквально выпрашивать. Первый вытегорский учитель Новиков писал в Думу: «<...> того ради реченную городовую и шестигласную думу прошу о выдаче вышеозначенного количества денег учинить жалостное решение...». Внук первого учителя вспоминал: «Новиков был учителем народной школы в Вытегре и умер в 1808 г., лет сорок с небольшим отроду. Одной из причин его ранней смерти, может быть, чрезмерные труды, неразлучные в то время, при скудости содержания, со званием учителя.

Училище, бывшее под надзором городского головы, помещалось в низенькой лачужке с четырьмя окнами. Кроме кухни, тут была перегородженная комната, в одной половине которой учились, а в другой помещался учитель с семейством.

Учебный курс разделялся на четыре парты (класса), т.е. учащиеся были разделены на четыре разряда, из которых каждый сидел у особого стола. И так в маленькой учебной комнате, в два окна, помещалось у одной стены четыре стола с скамейками, а в противоположной стене (перегородке) была дверь в комнату учителя. С одной стороны, вдоль двери стояли скамейки, с другой – доска. За доской лежали: мокрая тряпка для стирания, розги, собака учителя и мешок с горохом.

Классы начинались в седьмом часу утра и продолжались до десятого; потом ученики уходили обедать, приходили снова в час и занимались летом до шести, а зимою до четырех часов.

Ученики являлись в класс в чем попало, босые, в тулупах и проч. Класс начинался молитвою: “Преплагий Господи”, после чего учитель спрашивал заданные уроки, а потом задавал новые. Во время уроков происходила обычная забавная сцена. Каждый из учащихся приносил с собою в класс чего-нибудь съестного и клал обыкновенно с книгами в один из ящиков, устроенных в столах. Учитель был очень строг: отвечавший не смел моргнуть даже глазом; этой удобной минутой пользовался Барсук (имя собаки), лежавший около доски; он спокойно вставал, подходил к месту отвечавшего и прехладнокровно вытаскивал оттуда кусок пирога или чего-нибудь другого. Ленивцы наказывались, смотря по мере вины. Учитель или запаливал им несколько ударов по руке линейкой, или приказывал спустить брюки ниже колен и ставил голыми коленями на горох, или же сек виновного, на спину и на ноги которого садились верхом его товарищи. Новиков в особенности не любил одного смельчака, который, когда ставили его на горох, понемногу съедал его.

После обеда учитель очинивал всем перья; после чего ученики, разложивши прописи, принимались за чистописание, а потом за приготовление уроков к следующему дню. Утомленный учитель обыкновенно в это время отдыхал на скамейке. Ученики до того были нашколены, что соблюдали приличный порядок и тишину даже в присутствии спящего учителя, если даже он выходил за чем-нибудь в другую комнату, то тишина не нарушалась и тогда. Каждый из учеников знал, что в перегородке просверлены два отверстия для педагогических наблюдений. В узаконенный час учитель пробуждался, читалась молитва, и ученики расходились. В 11 часов благодарные ученики, выходя из класса, брались за ушат и приносили в кухню учителя ежедневную порцию воды. В двенадцатые праздники ученики собирались рано утром в училище и следовали за учителем в церковь.

Жалко было положение этого учителя. Обремененный огромным семейством, он получал всего сто рублей жалованья в год ассигнациями. Бедность заставляла его исполнять обязанности сторожа, который полагался при училище. Он вставал очень рано, шел на рынок за провизией, потом зимой колол дрова и топил печи, летом взрывал гряды в своем маленьком огороде. От метения полов его освобождали ученики. Кто приходил раньше других, тот брал стоявшую в углу метлу и выметал класс.

Учитель зимой и летом носил один байковый сюртук, вместо чулок обертывал ноги бумагой, но нельзя сказать, чтобы он вовсе чуждался духовных интересов, хотя это могло быть в его тяжелом состоянии. Он был приятелем с городским протопопом, и они часто беседовали между собою, за чашкой чая, по латыни. Часто засаживался он за чтением и много писал (что, не известно). Каждый праздник ученики отправлялись к своему меценату, городскому голове, и приветствовали его стихами, сочиненными на этот случай учителем. При посещении училища визитатором, младший из учеников говорил приготовленную речь. По смерти учителя остались жена, пятеро детей и наследства пятак меди».

Оставим училище и учителя Новикова. Обратимся к плану застройки Вытегры, который императрица утвердила в августе 1776 года. Через девять месяцев после этого утверждения присяжный землемер Келер «упражнялся в разбитии по ордеру его превосходительства господина действительного статского советника и правителя Олонецкого наместничества Гаврилы Романовича Державина на кварталы города». Территорию города разбили на сорок два прямоугольных квартала, за исключением кварталов по течению реки. По плану, который представил Екатерине еще новгородский губернатор Сиверс, на правом берегу реки Вытегры предусматривалась торговая площадь, одна церковь на правом берегу, а другая на левом. Обе части города должен был соединять мост. Центр города должны были построить каменными зданиями, а в остальных кварталах дозволялась деревянная застройка. Крепостные стены в те времена уже не возводили, но с четырех сторон город окружался земляным валом и рвом.

Разбивку территории пришлось совместить с вырубкой леса и выкорчевыванием пней. Тут же выяснилось, что некоторые уже построенные дома в план не вписываются и их нужно переносить

в другие места, что вызвало недовольство горожан³². Вслед за квартальным планом городским властям прислали образцы планов и фасадов домов. Правду говоря, вытегорские строители этих образцовых планов и фасадов не придерживались, что и выяснилось, когда через год с инспекцией в Вытегру приехал генерал-губернатор Тимофей Иванович Тутолмин. После того как он уехал, из Олонецкого наместнического правления пришел указ с требованием исправить фасады городских домов в соответствии с чертежом образцового фасада. Прошел еще год, и побывавший в Вытегре советник наместнического управления докладывал начальству о том, что указ не выполняется и фасады не исправляются. Вышел еще один указ, предписывающий вытегорам покрасить дома, дополнить фасады фронтонами, балюстрадами и прокопать в городе каналы. Советник уехал и... все на первых порах осталось по-прежнему, но постепенно при строительстве новых деревянных зданий фасады стали все более и более походить на образцовые, а новые каменные здания строились исключительно по утвержденным планам и фасадам.

В последние четыре года восемнадцатого века в городе был построен Воскресенский собор. Деньги на его строительство собирали горожане – по два рубля с окладной души. Крупные суммы пожертвовало вытегорское купечество – Иван и Козьма Галашевские, Василий Викулин и другие. В 1800 году закончили все работы по отделке интерьеров, через два года городские власти смогли собрать средства и нанять мастеров для изготовления иконостаса, работы по которому были завершены еще через три года.

Первым каменным культовым сооружением Вытегры был, однако, не он, а церковь Сретения Господня, построенная в 1788 году. Судьба ее тоже была непростой, но по другой причине. Вскоре после освящения храма на стенах и сводах появились трещины. Службы в нем стали проводиться редко, а через девять лет после постройки и вовсе прекратились. Еще через четыре года его разобрали, а на его месте построили новую церковь на гранитном фундаменте. Правда, построили не сразу, а через семьдесят два года. Она до наших дней дошла в неизменном виде. Если первый Сретенский храм был построен, судя по описаниям, в стиле позднего барокко, то второй – типичная эклектика. При Советской власти кресты с куполов сбили, все что смогли вынести – вынесли, и в 1926 году устроили в церкви краеведческий музей. Теперь Сретенская церковь снова передана церковным властям.

В конце восемнадцатого века на торговой площади Вытегры построили двухэтажный каменный Гостиный двор. Обычная прямоугольная в плане постройка в стиле русского классицизма, окруженная галереей по периметру. Построили Гостиный двор не сразу. Добраивали его уже в начале девятнадцатого века. В 1810 году в центре Торговой площади возвели каменную башню важни – дом над весами. Позднее над этим домом возвели вышку пожарной каланчи. Летом 1909 года перед зданием важни построилась с красным знаменем в сверкающих на солнце касках, в мундирах, с медалями на кителях вся пожарная часть города Вытегры. Рядом поставили выкрашенные красной краской пожарные насосы, локомобиль, выдвинули в небо пожарную лестницу, и все это великолепие сфотографировал Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Если доведется вам увидеть эту фотографию, помните, что второй слева, с массивной цепью и медальоном городского головы – Владимир Вениаминович Шаров, а шестой слева – Евгений Оскарович Шульц³³, начальник вольной пожарной команды уездного города Вытегры, статский советник и инженер путей сообщения.

Прежде чем перейти к рассказу о девятнадцатом веке Вытегры, вернемся к водному пути из Шексны в Онежское озеро. После Петра поиски новых, более удобных путей не прекращались. В документах можно найти упоминания об экспедиции секунд-майора Лихачева в 1774 году, шлюзового мастера Свендсона и инженер-майора Баркляя де Толли, старшего брата фельдмаршала. В июле 1785 года, почти в то самое время, когда Державин осматривал вверенную ему Олонецкую губернию и город Вытегру, обер-прокурор Вяземский получает высочайшее повеление: «В виду ожидаемой великой пользы и для доставления местным жителям занятий, командировать двух опытных людей для исследования проекта Вытегорского канала, поставив об этом в известность генерал-губернатора Олонецкого и Архангельского».

В Вытегру отправились сразу три специалиста: инженер генерал-майор де Витте, капитан Фергюзэл и прапорщик Экеспарре. По окончании изысканий они представили план, смету и подробную записку об устройстве нового канала. По смете, представленной правительству де Виттом, выходило, что на устройство водного сообщения между Ковжей и Вытегрой, всех необходимых шлюзов, которых набралось более десятка, двух дамб при впадении Вытегры в Онежское озеро, поскольку там была отмель, плотин и прочих сооружений необходимо было потратить без малого два миллиона рублей. В 1787 году Екатерина выделила, как мы бы теперь сказали, первый транш в размере полумиллиона рублей на прорытие Вытегорского канала, и казалось, что наконец начнется... но не началось. Эти деньги, спустя пять месяцев, были перенаправлены на финансирование строительства дорог между Петербургом и Москвой и между Петербургом и Нарвой.

В конце восемнадцатого века произошло неожиданное событие – при разборе бумаг Петра Первого был найден отчет Перри с набросками плана по соединению рек Ковжа и Вытегра. В 1798 году на водораздел отправился сам граф Сиверс, возглавлявший в то время департамент водяных коммуникаций империи. Сиверс представил Павлу Первому доклад о необходимости как можно скорее соединить каналом Ковжу и Вытегру. В скобках заметим, что Сиверс считал необходимым прорыть канал не там, где предлагал де Витт, а там, где наметил еще Перри. Павел согласился с доводами Сиверса, но одного согласия императора было мало – нужно было придумать, где взять деньги на это строительство. Павел придумал.

В январе 1799 года графу Сиверсу был дан указ: «Приняв с особенным благоволением Нашим представлением Ея Императорского Величества, яко Главнона начальствующей над воспитательными домами обеих столиц о заимствовании из сохранный казны здешнего Воспитательного дома 400000 руб. в год на скорейшее построение Вытегорского канала, Нашему Государственному Казначей барону Васильеву, повелели мы, принимая сумму сию заимообразно из онаго места на надлежащих условиях, приобщить отпуск ея к прочим суммам, по водяной коммуникации асигнованным. Усилив таким образом средства к успешному произведению работ по сей части, повелеваем вам, сочинив план и сметы сего построения, представить к Нашему утверждению; несомненно, надеясь от ревности вашей скорого окончания сего канала, который отныне, во изъявление признательности нашей к таковому споспешествованию Ея Императорского Величества и на память потомству, соизволяем мы именовать Марьинским». Почему Марьинским? Потому, что жену императора звали Мария Федоровна и деньги на строительство канала Павел взял из кассы воспитательных домов обеих столиц, начальницей которого она являлась. Какое Мария Федоровна имела отношение к Вытегорскому каналу? Известное какое – была женой императора.

Немедля после указа утвердили штат на производство работ и начальником строительства назначили инженера генерал-майора Деволанта. Через три года после начала работ, в 1801 году, канал прокопали и на нем устроили восемь из первоначально предусмотренных проектом двадцати шести шлюзов. Еще через семь лет из Ковжи в Вытегру пришло первое груженое судно с осадкой аршин и шесть вершков, то есть метр без двух с половиной сантиметров. В этом же году Деволант официально уведомил директора Департамента водных коммуникаций графа Румянцева об окончании строительства. Одновременно с этим уведомлением он представил полное штатное расписание команды, необходимой для поддержания канала и всех шлюзов в рабочем состоянии. Вышло около трехсот человек, на содержание которых ежегодно требовалось пятьдесят тысяч рублей. Все строительство Мариинской водной системы обошлось казне в два миллиона семьсот семьдесят одну тысячу рублей и двадцать копеек. Деволант составил и первую инструкцию о порядке плавания по Мариинской водной системе. Здесь мы не будем подробно описывать какие шлюзы для чего предназначались и в каком месте были устроены. Скажем только, что один полушлюз, представлявший собой водоспуск на канале в верховьях Вытегры, был назван «Деволантом» в честь строителя Мариинской системы инженера генерал-майора Деволанта. Обидно, что лишь полушлюз, но... хорошо, что весь полушлюз, а не створку ворот от него.

В сентябре 1812 года, как раз в то самое время, когда ожидали, что Бонапарт двинется на северную столицу, из Петербурга, на двадцати двух ластовых судах, то есть на небольших баржах,

в Вытегру отвезли часть произведений искусств и драгоценностей Эрмитажа и императорского кабинета. Для охраны ценностей был послан флотский караул из нескольких матросов и офицеров во главе с чиновником императорского кабинета Карбановым. В Вытегре даже построили специальные склады для хранения царских сокровищ.

За несколько дней до прихода барж из столицы в Вытегру приехал перепуганный насмерть крестьянин и сообщил, что на город идут несметные полчища французов, которых он видел своими глазами. Подробностей он сообщить не мог, а только сказал, что от пеших и конных пыль стоит столбом. За первым крестьянином приехал из той же стороны второй, подтвердивший известие. Тут уж местные власти встревожились не на шутку. Начальник вытегорской инвалидной команды семидесятипятилетний капитан Смирнов, служивший еще при Екатерине, принял команду над наспех составленным отрядом ополченцев. Вооружили их тем, что было под руками – кому-то достались ружья, кому-то рогатины, кому-то вилы и дубины народной войны. К ополчению присоединили шесть десятков человек инвалидной команды, вооруженных одними тесаками, поскольку тогда инвалидным командам ружей не полагалось. Мост через Вытегру был поднят, чтобы французы не смогли по нему перейти в город, и весь отряд под барабанный бой с тесаками наголо двинулся навстречу неприятелю. Не успели они пройти и полверсты, как встретили крестьянина, едущего в город за покупками. Ехал он с той стороны, с которой должно было наступать войско Бонапарта. Крестьянин на расспросы о французах отвечал капитану Смирнову, что никаких французов не видел и не слышал. Оказалось, что у страха глаза велики – за полчища неприятельских солдат напуганные слухами крестьяне приняли несколько десятков пеших и конных мужиков из разных деревень, шедших косить траву на болоте. Пешие несли косы, сверкавшие на солнце. Их-то и приняли за ружья. Сразу после того, как недоразумение выяснилось, война с французами в Вытегорском уезде закончилась, но не закончилась для четырех вытегорских мещан, избранных на общем городском собрании в июле двенадцатого года в Олонецкое народное ополчение. Родион Зайцовский, Прокофий Кириллов, Яков Нефедов и Денис Степанов в составе ополчения вошли в корпус графа Витгенштейна, не пустившего Бонапарта к Петербургу. Кроме того, после манифеста шестого июля о защите Отечества граждане Вытегры собрали на военные нужды более четырех тысяч рублей.

Несколько слов о вытегорской демографии первой четверти девятнадцатого века. Население города и уезда на три четверти составляли крестьяне и бобыли. Дворян проживало менее двух процентов³⁴, купцов и мещан чуть более двенадцати процентов. Остальные проценты делили между собой священнослужители, военные, приказные и прочие. Средний возраст населявших Вытегру и уезд мужчин был немногим более двадцати пяти лет, а женщин немного не дотягивал до двадцати семи. Средняя продолжительности жизни мужчин составляла почти тридцать пять лет, а женщин на год меньше. Недолго жили, что и говорить. Сорок процентов смертей приходилось на туберкулез, остальные на оспу и кишечные инфекции.

Первая половина девятнадцатого века была временем расцвета Вытегры. Как только заработала Мариинская водная система, пусть и несовершенная, поток грузов через город увеличился многократно. Только за первые два года работы Мариинской системы к Петербургу прошло чуть более двух тысяч судов с грузом от двух с половиной тысяч до десяти тысяч пудов.

Главным товаром был, конечно, хлеб, который скупали в низовьях Волги и в Рыбинске. Продавали его частью в Вытегре, частью в городах Олонецкой губернии, а более всего везли в северную столицу. Годовой оборот хлебной торговли вытегорских купцов в начале сороковых годов девятнадцатого века составлял четыреста тысяч рублей серебром. В году устраивалось три ярмарки продолжительностью две недели каждая. В среднем оборот только одной ярмарки доходил до полутора сотен тысяч рублей. Одних только бумажных, шелковых и полушелковых тканей и изделий из них привозили на сумму восемьдесят тысяч рублей на каждую ярмарку.

В поисках заработка вытегорские купцы смотрели не только по сторонам, но и под ноги. Купеческая вдова Марья Климова в 1826 году стала производить по собственной технологии мел из известняка, добываемого в Андомской волости Вытегорского уезда. Известняк разбивали на

куски, размалывали в порошок на обычных мукомольных мельницах, отмучивали в воде от частиц песка, железа и глины, сушили и продавали. Уже через год в Петербург было привезено три тысячи пудов вытегорского мела, который был, как минимум, в три раза дешевле продаваемого там датского. Только в 1839 и 1840 годах из Вытегры частью в Петербург, а частью в другие города Олонецкой и близлежащих губерний, было отправлено триста тысяч пудов мела. Вытегорский купец Алексей Свириков, много лет занимаясь торговлей огнеупорной андомской глиной, мелом и охрой, отыскал в той же Андомской волости залежи железной руды в 1845 году и через четыре года смог отправить в Петрозаводск, на Александровский чугунный завод пятьдесят тысяч пудов этой руды на переплавку. Между прочим, в 1851 году Александровский завод принимал участие на Первой Всемирной выставке в Лондоне и на ней представил образцы вытегорских железных руд.

Вернемся из Лондона в уезд. Дегтя из казенных лесов выкуривалось по уезду в сороковых годах девятнадцатого века шесть с половиной тысяч ведер или почти восемьдесят тысяч литров. К мелу, железной руде и дегтю прибавим пять мельниц, производящих пшеничную муку тонкого помола – крупчатку. Эти мельницы перемалывали в год около восьмидесяти трех тысяч четвертей закупаемой в Нижегородской и Орловской губерниях пшеницы, что в переводе на наши килограммы и тонны составляет почти пятьдесят тонн.

Если сложить вместе все эти тысячи пудов мела, огнеупорной глины, железной руды, тонны муки, тысячи литров дегтя, хлебную и иную торговлю, строительство галиотов, доншкотов, барж, проведение судов по Мариинской системе, то выйдет, что Вытегра самый первый город в Олонецкой губернии по всему и даже по географическому положению, потому как она, в отличие от Петрозаводска, находится практически в центре губернии.

Разговоры о переносе центра губернии из Петрозаводска в Вытегру начались еще в самом начале девятнадцатого века. В 1803 году сделать Вытегру губернским городом предложил Олонецкий гражданский губернатор Ушаков, через двадцать один год с таким же предложением обратился к правительству Олонецкий губернатор Рыхлевский. Ни Ушаков, ни Рыхлевский поддержки своим инициативам в Петербурге не нашли. В июле 1827 была сделана третья попытка, и снова Олонецким губернатором – Тимофеем Ефремовичем Фан-дер-Флитом. В документе, представленном министру внутренних дел, губернатор писал: «По причине удаления от торговых сообщений и от большой почтовой (Архангельской) дороги, город Петрозаводск беден, малолюднен и худо обустроен. <...> По сим уважениям, с давнего времени существовало предположение перенести губернский город в другое выгоднейшее место, а именно в Вытегру. Сие последнее предположение уже многими из прежних начальников признано за основательное. Вытегра счастливо расположена у ключа Мариинской системы, на большой Архангельской дороге и близ озера Онеги. Нет сомнения в том, что город сей, став губернским, в короткое время будет богат и хорошо обустроен <...>». План Фан-дер-Флита предусматривал, кроме перенесения центра губернии в Вытегру, присоединение Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии к Олонецкой. До нового губернского центра в Вытегре они отстояли бы всего в двух сотнях верст, а не в шестистах от Новгорода. Все это привело бы к увеличению количества жителей малолюдной Олонецкой губернии и, как следствие, к уменьшению подушной подати. Новгородский губернатор, которому была послана выписка из этого документа, отвечал, что он не только не против отдать два уезда в соседнюю губернию, но даже считает это полезным, поскольку при таких расстояниях от Новгорода «нельзя видеть и в самых необходимых случаях того скорого исполнения, как бывает в уездах, расположенных вблизи». Шестеренки бюрократической машины завертелись быстрее, и министр внутренних дел предложил генерал-губернатору Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний Миницкому рассмотреть предложение Олонецкого гражданского губернатора и посчитать, во что обойдется перевод всех присутственных мест в Вытегру, не будет ли каких возражений со стороны помещиков и казенных крестьян при проведении новых границ и сколько жителей проживает в Вытегорском уезде. Генерал-губернатор сам, конечно, ничего считать не стал, а перепоручил подсчеты гражданскому губернатору Олонецкой губернии,

а тот, в свою очередь, перепоручил их губернским архитектору и землемеру. Считали полгода и... не посчитали. Отчасти потому, что задача была сложной, а отчасти потому, что и архитектор, и землемер терпеть не могли нового гражданского губернатора Лачинова. Губернский землемер в ответ на новое предписание ускорить работу писал: «Город Вытегра, будучи уездным городом, расположен по числу и величине кварталов весьма в малом пространстве и ныне почти уже весь застроен, то для сделания оного губернским городом будет недостаточно, по причине, что при переводе с губернским городом, губернских чиновников и канцелярских служителей, населенность оного увеличится; Приняв во уважение сие обстоятельство, необходимо надобно будет увеличить пространство г. Вытегры», но как и насколько нужно будет это пространство увеличить, он не написал.

Уже и Николай Первый стал интересоваться, «в каком положении находятся строения в Петрозаводске для губернских мест и что примерно стоил бы перевод оных в Вытегру», а расчетов все не было. Наконец они появились. Из расчетов, которые сделал губернатор Лачинов, следовало, что денег на перенос уйдет без малого два миллиона восемьсот тысяч, что выгоды сомнительны, что чиновников из Петрозаводска, уже построивших там свои дома, будет трудно... В Вытегру послали двух чиновников министерства внутренних дел для независимой оценки стоимости перевода. Выяснилось, что денег нужно почти в шесть раз меньше, что можно и еще сэкономить, если выкупить для губернатора дом купца Галашевского. Уже и в министерстве финансов нашлись сторонники переноса центра губернии, уже и совет при министерстве внутренних дел признал полезным и даже необходимым, уже и генерал-губернатор Миницкий сообщили о том, что следует приостановить постройку новых зданий «впредь до рассмотрения дела о переводе», уже и министр внутренних дел направил дело на рассмотрение Комитета министров, но... Комитет решил, что выгоды от переноса сомнительны, что Петрозаводск, лишенный статуса губернского города, захиреет совсем, что нанимать квартиры чиновникам в Вытегре дорого, что толку от присоединения новых уездов к Олонецкой губернии будет мало, а напротив, увеличит земские повинности оставшихся уездов Новгородской губернии... Тут еще и министр финансов Канкрин высказался против перевода, посчитав его очень дорогим и неоправданным, и в дополнение ко всему генерал-губернатор Миницкий уволили от должности «за предосудительные и пользам службы несоответственные поступки». В марте 1830 года император утвердил решение Комитета министров, и дело о переводе центра губернии из Петрозаводска в Вытегру было окончательно закрыто.

Казалось бы, во всей этой истории самим Николаем Первым была поставлена большая жирная точка, но через восемь лет еще один олонецкий губернатор Дашков представил в министерство внутренних дел записку, в которой к старым аргументам за перенос прибавил еще один: «начальству удобнее будет распоряжаться особенно по продовольствию губернии, что составляет одну из первых обязанностей гражданского губернатора». Снова неудача. После Дашкова уже ни один олонецкий губернатор о переносе центра Олонецкой губернии в Вытегру не заикался.

Остается только добавить, что последним, кто решил напомнить о давно умершем проекте, был бывший олонецкий губернский прокурор Пузан-Пузыревский, который в 1886 году направил в министерство юстиции записку... Не будем подробно разбирать прокурорскую записку, поскольку Вытегра как была уездным городом – так им и осталась, и жила самой что ни на есть уездной жизнью³⁵.

В 1809 году малое народное училище было преобразовано в уездное. Первый класс от уездного училища отделили и образовали из него приходское. Наверное, этого не случилось бы, если бы не настойчивость губернатора Мертенса. Губернатор, как писали Олонецкие губернские ведомости, основываясь на документах Вытегорской Думы за 1804 год, «предлагал и требовал, по получении указа собрать общество и отобрать от него: какое может оно давать ежегодно пособие на содержание уездного училища, назначить сроки взноса денег, а равно доставить сведения о доходах и расходах города и по содержанию училища за предыдущие четыре года и все это доставить к нему немедленно». Это «немедленно» растянулось на пять лет. Все упиралось в нежелание родителей отдавать детей учиться и, как следствие, нежелание городских властей давать деньги

на наем здания, на жалование учителям, сторожу, свечи, бумагу, дрова... Переписка между губернией и Вытегорой могла продолжаться еще дольше, но не выдержал вытегорский городской голова купец Невежин и согласился «за себя и за преемников быть смотрителем училища и на жалование учителю выдавать триста рублей». О том, как хотели вытегоры учить своих детей, красноречиво говорят цифры. При открытии малого народного училища в 1787 году в нем обучался двадцать один ученик. Через двадцать два года в нем обучалось всего одиннадцать детей, и это при том, что проживало тогда в городе немногим менее двух тысяч человек. В 1825 году в уездном училище обучалось двадцать пять детей, а в приходском тридцать. Проживало в Вытегре в том году чуть более двух тысяч человек. К концу первой половины восемнадцатого века население Вытегры увеличилось по сравнению с 1825 годом... на шесть человек. В уездном училище к тому времени – тридцать восемь учеников, а в приходском – сорок три. Конечно, это прогресс. Не бог весть какой, но все же. И еще о прогрессе. И при уездном, и при приходском училищах были организованы библиотеки, в которых насчитывалось более трехсот томов. Это были первые, пусть и детские, вытегорские библиотеки. Через пятьдесят пять лет библиотека при уездном училище станет публичной, но... подписчиков в ней будет всего десять человек. Скажем и о качестве обучения. В 1836 году в Вытегру с проверкой приезжал инспектор казенных училищ Санкт-Петербургского учебного округа, который посчитал, что Вытегорское уездное училище находится в неудовлетворительном состоянии, хотя, по его мнению, «в Вытегре, как в торговом городе, должно стоять на лучшей степени устройства во всех отношениях <...> нет единства в направлении к образованию детей <...> Из Закона Божия дети почти ничего не знают».

В год начала войны с Бонапартом в Вытегре появилась больница на дюжину коек. Пациентами в ней могли стать не все – принимала она главным образом военных и чиновников. Исключение иногда делалось для арестантов местной тюрьмы. Власти больницу не финансировали – она существовала за счет платы, взимаемой за лечение и за счет пожертвований частных лиц. Видимо, эти денежные потоки, а точнее сказать, ручейки, часто пересыхали и потому больница была оборудована плохо и в ней постоянно не хватало медикаментов. Конечно, у больницы был специальный совет, ею управлявший. Состояли в этом совете и уездный судья, и исправник, и начальник военной команды, и городской голова, и врач, заведовавший больницей, но толку от этого... Что же до жителей города и тем более уезда, то они лечились подорожником, чесноком, липовым цветом, малиновым вареньем, святой водой и, конечно, водкой с перцем. Кроме того, в шаговой доступности были знахари, лечившие заговорами, лечебными отварами, наговоренной водой и наложением рук.

В июле 1819 года через Вытегру и уезд проехал Александр Первый. Приехал он под вечер и, приняв от горожан хлеб-соль, с которым они ждали императора с раннего утра, отправился на ночлег в дом купца Шалапанова. Само собой, перед домом собрался народ и царю пришлось три раза выходить на балкон и раскланиваться с народом, который непрестанно кричал «ура». Дом этот и сейчас стоит, и даже балкон, на который выходил Александр, сохранился. Правду говоря, выглядит дом не очень, но если его подштукатурить и подкрасить, то хоть сейчас можно приглашать... На следующий день, в одиннадцать утра император уже уехал из города, по пути осмотрел несколько шлюзов Мариинской водной системы, дал шлюз-вахтеру Сергееву на шлюзе св. Наталии сто рублей, дал еще сто пионерам³⁶, состоявшим при шлюзе и покитил дальше, в Архангельск.

Ровно через четверть века через Вытегру проехал, путешествуя по Олонецкой губернии, великий князь Константин Николаевич и снова остановился в доме купца Шалапанова. В отличие от Александра, он прибыл в город водой, на пароходе. Программа пребывания великого князя в Вытегре была, так сказать, более насыщенной, чем у старшего брата. Он и молебен в городском соборе отстоял, и шлюз св. Сергия осмотрел во всех деталях и даже собственноручно поднял правый клинкет, чтобы воду из наполненного водой шлюза спустить в реку. В присутствии Константина на шлюзе св. Наталии была спущена через шлюз большая белозерская двухмачтовая лодка. Потом снова осмотр различных сооружений Мариинской водной системы, потом осмотрobeliska, воздвигнутого Петру Первому на том месте, где стоял легендарный царский шалаш, потом

по десять рублей каждому из команды на шлюзе, потом лощманам, сопровождавшим пароход от Лодейного поля до Петрозаводска и оттуда до Вытегры двести рублей и две пары золотых часов.

Не будем, однако, забегать вперед. В описании Олонецкой губернии, составленном в 1842 году, читаем о Вытегре: «Город расположен по обеим сторонам реки Вытегры... Сама собою она не судоходна, но усилиями искусства доведена до возможности носить на водах своих все суда, идущие по Мариинскому водному пути... Берега – местами высоки, а местами низки; в самом же городе – ровные по обеим сторонам, обложены, от шлюза св. Сергия до пристани, булыжником и насыпью песка и чуры³⁷; устроен также бечевник³⁸... Рыбы мало, но водятся раки. Суда не строятся. В черте города устроен деревянный шлюз св. Сергия³⁹, и при нем такая же плотина. Пристань деревянная на сваях, и на ней деревянные одноэтажные анбары, для складки привозимого из Рыбинска хлеба и других товаров. Пристань и анбары принадлежат гражданам города. В Вытегру впадает ручей Вянг, протекающий через весь город: на ручье за городом выстроена водная мукомольная мельница, а чрез реку в самом городе – подъемный мост. Здесь оканчивается шлюзовая система Мариинского судоходства... Вытегра улучшается во всех отношениях; теперь она ни своею наружностью, ни благосостоянием жителей, нисколько не уступает губернскому городу... Домов в городе 281; в том числе каменных 10, деревянных 271. Из сего числа принадлежат: Правительству – один каменный дом, в котором помещается уездное казначейство; обществу – один деревянный, где градская дума, магистрат и полиция; ведомству Путей Сообщения – два деревянных, определенных для нижних чинов; остальное количество принадлежит обывателям. В городе есть каменный гостинный двор, принадлежащий частным лицам; в нем 14 лавок сквозных. Другой корпус – общественных лавок, с 12-ю лавками. Сверх того, находятся: деревянный корпус общественных лабазов с 10-ю лавками, каменная общественная важня, деревянная общественная бойня; казенные магазины: винный и соляной, оба деревянные <...>. Вытегра не отличается ни величиною, ни великолепием своих зданий; зато она может похвалиться приятною физиономиею своих домов, их постоянною чистотою и опрятностию. Лучшие здания занимаются по найму ведомством Путей Сообщения; после них – общественные и некоторые из принадлежащих купечеству. Церковь в городе одна, соборная, каменная, во имя Воскресения Господня, построенная в 1797 году, еще при самом начале города и потому бедная наружностью; теперь церковь эту поддерживают доходами и усердием обывателей. Кроме нее есть еще две часовни: одна каменная, другая деревянная <...>. Сверх того, находится два кладбища, огороженные деревянными бревенчатыми заборами. В городе есть приходское училище и прекрасно устроенная градская больница».

Что касается больницы, то на ее счет имелись и другие свидетельства, но оставим больницу, к которой мы еще вернемся, а теперь, вооружившись очками и увеличительным стеклом, от подробного описания города перейдем к еще более подробному рассмотрению городского бюджета, сверстанного буквально за год до выхода из типографии описания Олонецкой губернии.

В доходной части арендная плата с пахотных и сенокосных земель, мельниц, заводов по производству мела, общественных лавок в гостинном дворе, общественной важни с весами, скотобойни, открытых в городе гостиниц, мастеровых, питейного откупа, налоги с градского общества⁴⁰, иногородних купцов и ремесленников, производящих в городе временную торговлю, купеческих капиталов и торгующих крестьян, с протеста векселей и предъявления заемных писем, казенные деньги, которые город одолжил государству на устройство и содержание временной и постоянной тюрем, деньги за содержание в городской больнице военных, деньги, возвращенные помещиком Горловым, которые он взял взаймы у города, на содержание в больнице его девки Авдотьи Никитиной. Всего городских доходов около пяти тысяч рублей. Из них самая большая часть... не налоги, не аренда всего, что есть у города, а деньги, которые казна платила Вытегре за содержание в больнице военных – почти тысяча рублей. Помещику Горлову тоже пришлось раскошелиться за лечение Авдотьи Никитиной – он заплатил около ста тридцати рублей. Арендная плата за пахотные и сенокосные земли принесла городу пятьсот рублей, столько же дохода получилось от лавок возле гостинного двора, арендная плата за важню около шестисот рублей, доход от купеческих ка-

питалов и торгующих крестьян – около четырехсот рублей. Иногородние купцы и ремесленники дали около двухсот рублей, а все остальные статьи дохода, даже если их просуммировать, дали около шестисот рублей.

Город сэкономил на содержании в городской больнице двадцать шесть рублей, на воспитании «несчастно-рожденных детей», то есть подкидышей, семь рублей, на ремонте городских зданий полсотни рублей, на починке дорог и мостов сто двадцать рублей, на выпуске газет и объявлений два с половиной, на содержании городской полиции и пожарной части около сотни, и еще двадцать рублей осталось от суммы, назначенной на непредвиденные расходы.

Теперь о расходах. Самая большая статья расходов – городская больница, на которую ушли почти все деньги, полученные от казны за лечение военных – около девятисот рублей. Второе место в расходной части бюджета занимает содержание канцелярии городского магистрата и Словесного суда – шестьсот сорок два рубля, на украшение городской церкви – двести пятьдесят семь рублей, содержание полиции и пожарной части обошлось в сто восемьдесят один рубль, на городское училище город потратил около полутора сотен, на жалованье священнику – сто тридцать шесть рублей. На остальные статьи расходов пошло по несколько десятков рублей на каждую – на содержание канцелярии Думы и Сиротского суда, на наем квартир служащим Второго Округа Путей Сообщения, на отопление домов, содержимых за счет города, на наем амбаров для казенного провианта инвалидной команды, на покупку гирь для важни... Меньше всего истрачено на починку городских зданий – около семи рублей. Столько же ушло на наем сторожа к городской церкви, а на последнем месте – содержание несчастно-рожденных детей. На это выделили четыре рубля тридцать копеек. Еще и сэкономили на их содержании семь рублей... Правда, на следующий год запланировали на подкидышей истратить тридцать рублей и «на призрение в больнице имущих и неимущих разного звания лиц, в случае возможности с возвратом или без него» – пятьдесят рублей.

Теперь отложим в сторону увеличительное стекло и возьмем микроскоп. Посмотрим, что в это время писали Олонецкие губернские ведомости о жизни в самой Вытегре в первой половине девятнадцатого века.

В начале февраля 1838 года ведомости писали о том, что вытегорский купец Михаил Снопов и крестьянин Иван Снопов подрядились доставить транспорт с оружием с Ижевского завода в Санкт-Петербург и за них поручились ни много ни мало, а сто восемьдесят семь крестьян. Всего нужно было перевести около восьми сотен ящиков. Перевезли половину, и тут у подрядчиков кончились деньги. Ящики застряли на зимовку в деревне неподалеку от Ладожского озера. Через газету их предупредили о том, что если они немедленно не перевезут оставшиеся ящики, то Артиллерийский департамент наймет других перевозчиков, и тогда все издержки будут отнесены на счет поручителей. Начальник Олонецкой губернии через газету потребовал, чтобы поручители оказали Сноповым немедленное содействие в перевозке груза. Сноповы решили не доводить дело до содействия поручителей и остатки груза перевезли сами. Олонецкие губернские ведомости объявили об этом поручителям публично. В ноябре того же года в газете был напечатан выговор членам Вытегорского земского суда: старшему непременно заседателю Богданову, секретарю Подшивалову и бывшему в должности станового пристава Гаврилову за волокиту в делах, за «безплодную препику» и за «медленность в производстве» дел. Через месяц новый выговор, но уже строгий и с «занесением в книгу» вытегорскому городничему майору Блау за четырехкратное невыполнение требований городского магистрата и предписаний Губернского правления «о взыскании с вытегорского мещанина Фомина должных ярославскому купцу Щепеникову за товар денег». В январе 1839 года губернское начальство объявило еще один выговор заседателю Богданову, секретарю Подшивалову и становому приставу Брашу, но уже с занесением в книгу за неправильные действия в ходе описания имения помещицы Сверчковой, не выплачивающей вовремя ни долг, ни проценты по нему в Опекунский совет. В ноябре 1843 года в присутствии Вытегорского Уездного суда состоялась публичная продажа пустопорожного планового места мещан Соколовых, оцененного в пятьдесят рублей серебром. Продавали его по решению

Правительствующего Сената потому, что Василий Соколов, в бытность его сборщиком казенных денег, растратил более четырехсот рублей. При самом большом увеличении можно рассмотреть, что в марте 1841 года в городе Вытегре был утерян отставным пионером Григорием Михайловым Зуевым паспорт об отставке, выданный из Канцелярии Второго Округа Путей Сообщения, в июле 1847 «при проходе судов через шлюзы в каналах в Вытегорском уезде, нечаянно упали в воду и утонули: работник судна крестьянин Рязанской губернии Петр Григорьев и находившийся на шлюзе св. Алексея для пропуска судов рядовой Янкель Белогляд», а в октябре 1848 года в Вытегре скоропостижно скончался рядовой Козьма Полосухин.

Вернемся на уровень города. К сороковым годам девятнадцатого века в Вытегре закрылись ткацкие фабрики, не выдержав конкуренции с более крупными и лучше оснащенными предприятиями в столице. Закрылись две свечных фабрики и казенная верфь, бывшая градообразующим предприятием на протяжении более ста лет, но... город развиваться не прекратил. Мариинская водная система тянула Вытегру вперед. К сороковому году в городе работали пивоваренный завод, два медеплавильных и два кирпичных завода. Кирпич шел на местные нужды, но с каменным строительством в городе дело обстояло плохо. После тридцатого года оно почти прекратилось. Хорошо еще, что кирпичные заводы были маленькими и кризиса перепроизводства не случилось. В сороковом году в Вытегре открылась окружная школа кантонистов Ведомства путей сообщения. В трех классах обучалось русскому языку, арифметике, геометрии, черчению, чистописанию и, конечно, закону Божьему, сорок человек. Тех, кто успешно окончил курс обучения, брали на работу в Ведомство путей сообщения кондукторами и писарями. Через пять лет при Вытегорском приходском училище открылось специальное отделение для девочек. Девочкам в дополнение к предметам, которые преподавались мальчикам, добавлялось рукоделие.

Немного статистики. В 1843 году от разных нечаянных случаев умерло в Вытегре три человека. От «болезненных припадков» умер один. Столько же утонуло. В уезде «найденно младенцев живых» двое. Что касается грабежей и разбоев, то в городе был всего один, а на дорогах и в жилых местах в Вытегре и в уезде – два. Сгорело в уезде домов казенных крестьян и помещичьих, а также фабрик, заводов и мельниц – пятнадцать⁴¹.

Дополним портрет Вытегры середины девятнадцатого века сведениями из описания города, составленного учителем вытегорского уездного училища Иваном Лабардиным в 1846 году. Если исключить то, что мы уже знаем из других источников, то останется вот что: «Чрез город Вытегру в истекшем 1846 году прошло судов: 2124; на которых провезено разного сорта кладей в С. Петербург, как-то: (муки, зерна, семени льняного, сала, чугунных и железных вещей, мелу, дегтю, черной и белой глины и лесу,) на 13669062 рубли 33 коп. <...> Главные занятия жителей города Вытегры состоят в том, что многие из них, имея разной величины суда, привозят на них разного рода кладь из низовых губерний Волги, а более из Рыбинска Ярославской Губернии. В самом городе многие торгуют хлебом, и отправляют оный в Губернский город Петрозаводск, и Уездные города: Повенец и Пудож, но более всего в С. Петербург. Состоятельные купцы немало имеют выгод от того, что, закупая в довольно большом количестве пшеницу в низовых губерниях, перевозят оную часто на своих судах и перемалывают в крупчатку на своих заводах, вблизи города устроенных. Многие получают хорошие выгоды от дегтя, который предварительно скупают от крестьян, и потом доставляют в Петербург. Многие занимаются торговлею в самом городе в гостином дворе, товарами: шелковыми, бумажными, суконными, пушными; также чаем, сахаром и кофе. Кроме сего некоторые занимаются в уезде очищением охры, мелу, белой и черной глины, доставляя потом в С. Петербург. Что касается до среднего и низшего класса жителей, то первые большею частию находятся приказчиками или у купцов в своем городе, или в С. Петербурге; вторые занимаются отчасти хлебопашеством, но более всего летнею порою перегрузкой с судна на судно кладей, и выгрузкой с судов в анбары и обратно. Ближайшие жители к пристани получают хорошие выгоды от содержания судовщиков с работниками, которых в 1846 году находилось в продолжение лета: 17280. Вообще из всех городов Олонецкой Губернии в жителях города Вытегры приметна особенная деятельность и промышленность. Число жителей, обоего пола: 2200.

Относительно настоящих можно сказать то, что они на предков своих походят только немногими признаками: волосами русые, лицом белые, ростом средние, в некоторых замечательна беспечность, а в низшем сословии неопрятность»⁴².

Рукопись Ивана Лабардина с описанием Вытегры датирована концом января 1847 года, а ровно через семь месяцев в Вытегре случился страшный пожар. Августовской ночью загорелась прачечная изба при доме чиновника Альбова. Олонецкие губернские ведомости сообщали, что «при сильном юго-восточном ветре пламя быстро распространилось на плановой дом Альбова и соседственные дома. Никакие усилия пожарной команды и граждан не могли остановить пожара, жертвою коего сделалось 135 домов со всеми службами. Общественный дом, занимаемый городскими присутственными местами, также сгорел до основания. Большая часть жителей города, в котором считалось не более 300 домов, осталась без крова, в самом бедственном положении».

Оставим Вытегру и обратимся к Мариинской водной системе, с которой Вытегра неразрывно связана. Сразу после начала ее эксплуатации обнаружилось два существенных недостатка, мешавших ее работе: недостаток рабочей силы по причине малолюдности этих мест и три озера – Белое, Онежское и Ладожское. Не столько сами по себе озера, сколько сезонные ветры и штормы, делающие судоходство по ним трудным и опасным. Приходилось постоянно перегружать грузы с судов, которые шли по спокойным каналам, на суда, которым предстояло пересекать огромные неспокойные озера. С одной стороны, жители Вытегры были постоянно обеспечены работой по разгрузке судов, шедших из Рыбинска, в амбары и из амбаров на суда, идущие в столицу, а с другой судовладельцы терпели огромные убытки от гибели судов. В августе 1832 во время бури возле истока Шексны из Белого озера погибло и было повреждено шестьдесят два судна. Убытки были миллионные. В 1830 году вытегорскому купцу Василию Столбову была дана привилегия на паромоводство по Онежскому и Белому озерам. Он построил два парохода мощностью сорок пять и пятьдесят лошадиных сил, которые занимались буксировкой по озерам. Если бы Столбов не ломил огромные цены за свою буксировку, то, может, ею и пользовались бы охотнее, но...

Обонежский обводный канал начали строить еще в 1818 году. Как всегда, не хватило денег и смогли сделать только треть от необходимого объема работ. Через двадцать семь лет решили удлинить канал еще на треть и удлиннили бы, если бы работы на канале не приехал инспектировать главноуправляющий путями сообщений граф Клейнмихель, приказавший вести канал до истоков реки Свирь, то есть полностью исключить Онежское озеро из Мариинской водной системы. Работы по устройству Обонежского канала были закончены в 1852 году. Параллельно прокладывали канал вокруг Белого озера. Там работы закончились на шесть лет раньше. Теперь путь из Рыбинска в Петербург через Вытегру стал действительно безопасным и более или менее благоустроенным. Кроме того, весенняя навигация могла начаться раньше, поскольку лед в каналах таял куда быстрее, чем на озерах, особенно на Онежском.

Строительство Обонежского канала вместе с опустошительным пожаром сорок седьмого года привело к тому, что основную перевалочную базу для грузов, следующих из низовых волжских городов в столицу и обратно, перенесли из Вытегры в село Вознесенье, стоящее у места впадения в Онежское озеро реки Свирь, соединяющей Онежское и Ладожское озера. В Вытегре пристань была упразднена. Для города это был удар, поскольку торговые операции перемещались на Вознесенскую пристань, теряли работу грузчики, ненужными становились склады, теряли деньги те, кто сдавал жилье судовым командам, лощанам и шкиперам на время перегрузки, наконец, теряли выручку хозяева кабаков и трактиров, в которых матросы пропивали заработанные деньги. Всего этого не могли не видеть губернские власти, предложившие ввести особый налог на все сделки, осуществляемые на Вознесенской пристани с тем, чтобы он поступал в казну Вытегры, но... дух коммерции дышит, где хочет, и предложение властей, никем не поддержанное, было благополучно забыто.

Как бы там ни было, а жизнь в городе продолжалась. В октябре 1854 года в Вытегре праздновали окончание строительства казармы для Вытегорской инвалидной команды. Конечно, это не казармы лейб-гвардии Конного полка в Петербурге, но в масштабе уезда... Построил выте-

горскую казарму на свой счет крестьянин Петр Таразанов, и поселились в казарме около сотни холостых и шесть семейных нижних чинов. Пусть она и была деревянной, зато с отдельной кухней и погребом. За все Таразанов заплатил из собственного кармана три тысячи рублей серебром. Праздновали с чувством, толком и расстановкой: отслужили молебен, окропили казарму святой водой, провозгласили, как писал вытегорский корреспондент губернских ведомостей учитель Троицкий, многолетие «Государю императору, всему Августейшему дому, христолюбивому победоносному всероссийскому воинству и строителю здания». Потом всех присутствующих на торжестве начальник инвалидной команды пригласил на завтрак. Не станем перечислять тосты, произнесенные за завтраком, и сообщать читателю, что нижние чины были угощаемы пирогами и водкой, а только процитируем окончание заметки в Олонецких губернских ведомостях: «Пусть же ведают хитрые заморские враги, как благоденствуют у нас Русские мужички, как любят они матушку Россию, своего Батюшку – Царя, и как готовы жертвовать своим достоянием на пользу общую. Хвала тебе добрый, достойный сын дорогой матери России! При взгляде на казарму невольно приходят на мысль слова из письма Господина Военного Министра к Таразанову: “Да порадуется каждый верный сын Христолюбивой России твоим достохвальным поступком”».

С одной стороны, хорошо, конечно, что у такого количества нижних чинов инвалидной команды появилась крыша над головой и отдельная кухня с погребом, а хитрые заморские враги, проведая про новую казарму для инвалидной команды в Вытегре, благоденствие русских мужичков и готовность жертвовать своим достоянием на общую пользу, поймут, что бомбардировать Севастополь себе дороже, но с другой... выходит, что радоваться нужно при взгляде на казарму.

Через пять лет после постройки казармы через город проехал Александр Второй. Именно проехал без остановки на ночлег, хотя и приказал кучеру ехать тихой рысью. Все же, хлеб-соль на вызолоченном серебряном блюде от городского головы купца Говорухина принял и, как писали губернские ведомости: «поблагодарил голову за выраженное им верноподданническое пожелание счастливого пути <...> У городской черты Государь заметил тамошнего городничего, прапорщика Бенедиктовского, следовавшего до этого места впереди Царского экипажа, приказал остановиться и удостоил городничего милостивыми словами: “как фамилия, какой губернии, где и в каком полку служил, в каком деле оторвало ногу, давно ли служит городничим?”».

В ноябре пятьдесят девятого года произошло событие, никак не связанное ни с военными, ни с императорами – домашняя учительница Розалия Зук с разрешения помощника попечителя Учебного округа открыла первую в городе частную школу для детей обоего пола. Школа была небольшой, если не сказать очень маленькой – при открытии пришло в нее учиться два мальчика и пять девочек. Преподавали им Закон Божий, русский язык, арифметику, чистописание, языки французский, немецкий, а девочкам еще и рукоделие. Обучение всем предметам, кроме языков, обходилось родителям детей в три с половиной рубля в год. За один иностранный язык добавляли пятьдесят копеек. Потом к этим предметам добавились история и география. Обучение всем предметам и двум языкам стоило четыре с половиной. Для многих горожан, а тем более для жителей уезда, это были очень большие деньги, но, видимо, Розалия Зук все посчитала заранее и недостатка в учениках у нее не было.

В том же году, по распоряжению начальника Второго Округа путей сообщения, инженер-полковник Лебедев был приведен в порядок бечевник в черте города. Один из первых вытегорских краеведов Константин Михайлович Петров писал: «Бечевник этот до настоящего года был в плохом положении и ужасно уродовал пологие берега Вытегры. Весной вода подмывала его все более и более, рвала куски земли, чтобы с новою весною оборвать еще большие, затопляла огромное пространство и даже дома не оставляла в покое. Теперь бечевник возвышен и украшен откосами; бедные путинные⁴³ не будут больше вязнуть в грязи, не будут обходить опасных мест, а смело пойдут вперед». Конечно, устройство бечевника – это не устройство гранитной набережной с ажурными чугунными перилами, променадами и каскадом лестниц, но если возвести в губернскую или в столичную степень уездный вытегорский бечевник, то и получится гранитная набережная с лестницами и даже с каменными сфинксами на постаментах. Кстати, о набережной. Она в Вытегре была, пусть и не гранитная. Летом по ней прогуливались под звуки оркестра, кото-

рый играл три раза в неделю. В скобках заметим, что теперь в Вытегре есть прекрасная набережная с красивым фонтаном и променадами, но оркестр, увы, не играет.

В 1860 году в городе открыли телеграфную станцию для внутренней корреспонденции на русском, французском и немецком языках. Телеграфный провод через реку провели по дну. Не станем ворчать, что в те времена вода в Вытегре была мокрее, а трава зеленее. Вода и сейчас очень мокрая, трава и сейчас зеленее некуда, а беспроводной телеграф и вовсе у каждого, включая малых детей, в кармане, но с внутренней корреспонденцией на французском и немецком языках все обстоит совсем не так хорошо, как раньше.

В начале шестидесятых годов позапрошлого века по числу обучающихся в различных учебных заведениях Вытегра занимала второе место в Олонецкой губернии после Петрозаводска. Если же посмотреть на отношение числа учащихся к общему числу горожан, особенно девочек, то и вовсе первое место в губернии. Быть первым в губернии на поприще народного образования совсем не то, что быть первым в производстве салых свечей или винокурении. К тому времени в городе уже было две библиотеки – одна при уездном училище, а вторая при приходском⁴⁴. Ту, что находилась при уездном, сделали публичной. Правда, в читатели записалось всего десять человек.

Конечно, проблемы были. Олонецкие губернские ведомости в своем историко-статистическом обзоре Вытегры писали: «Заметно также, что большая часть учеников оставляет училище не окончив курса. Причина этого заключается в самом обществе: бедность родителей заставляет брать из училища еще неразвитых и малограмотных детей и делать их помощниками в семье. Чрез Вытегру проходит Мариинская система сообщения и от города тяга судов производится уже лошадьми. Чтобы не занимать рук взрослого, часто берут мальчика из училища и делают из него погонщика. Случаются даже такие факты, что с закрытием навигации погонщик-ученик снова является в школу и сколько дурного он несет с собою. Кончают курс дети мало-мальски состоятельных родителей (купцов и редко мещан и чиновников). Последние для получения свидетельства с правами для службы <...>. Число окончивших курс училища и поступивших после этого в гимназии очень мало. За шестнадцать лет с 1848 года по 1864 год всего восемь человек. Для того чтобы поступить в гимназию, детей после окончания училища готовили дома или в частной школе уже известной нам Розалии Зук.

В уезде к концу шестидесятых годов было тридцать три училища, в которых обучалось около восьмисот детей, но проблем было куда больше, чем в учебных заведениях Вытегры. Не хватало аспидных досок, учебников и денег на их приобретение. Чтению учились по тем книгам, которые учитель мог достать – кто по Псалтыри, кто по Часослову, кто по книге «Чтение для солдат», а те, кому повезло, – по гражданскому букварю. Из тридцати трех уездных училищ укомплектованы всем необходимым было всего шесть. Олонецкие губернские ведомости в 1868 году просили желающих помочь Вытегорским училищам и «адресовать свои приношения в г. Вытегру, на имя председателя Вытегорского уездного училищного совета». При всех успехах народного образования в уезде по данным земской статистики в 1869 году обучалось грамоте четыре процента мальчиков и девять десятых процента девочек.

Обучать детей и в городском, и в уездных училищах было непросто не только по причине нехватки учебников, аспидных досок или бедности их родителей. Во-первых, ученики в школу поступали тогда, когда их туда приводили родители в течение всего учебного года. Вот и обучай одновременно тех, кто пришел первого сентября и тех, кто пришел десятого января. Во-вторых, как следует из документов учебных заведений, обучению мешало крайне нерегулярное посещение занятий уже поступивших в школу учеников, которые постоянно прогуливали уроки по неуважительным причинам. Иногда они делали это по собственной инициативе, а иногда, как писали Олонецкие губернские ведомости, «сами родители без ведома обучавших отвлекали своих детей от классов на домашние работы, а иногда даже и без уважительных причин, по одной лишь неуемной нежности родителей дети оставались в своих домах несколько дней сряду». В 1864 году из общего количества в пятьдесят мальчиков, обучающихся в Вытегорском уездном училище,

каждый день приходило на занятия не более тридцати. Неудивительно, что при такой дисциплине некоторые дети сидели в двухклассном училище по четыре года.

Оставим народное образование и обратимся к прозе непарадной вытегорской жизни середины девятнадцатого века, не лишенной, впрочем, удовольствий, пусть и маленьких, пусть и провинциальных, но все же удовольствий. Олонецкие губернские ведомости в первом номере газеты за 1865 год напечатали письмо своего вытегорского корреспондента, которые мы здесь приведем почти полностью.

«Если многие индивидуальные особенности возбуждают интерес публики, то может быть и особенность нашего города Вытегры не останется без внимания читателей. “Но, спросите вы, что же за особенность такая ваша Вытегра? – Город или лучше сказать, городок, как и все другие: весною грязь на улице, летом облака пыли, около кабаков – толпа пьяниц; а общество? Как и везде: сплетни кумушек, ссора мужей, скука – да и только”. – Все это так в других местах, быть может – у нас иначе. Вот особенности Вытегры: город после пожара 1847 года страдал долго, но понемногу строился: дома и домики чистенькие с приятно наружностью, в домах чисто, опрятно, даже редко где встретишь традиционного таракашика; улицы прямые, широкие, с мостками вместо тротуаров; порядок в городе примерный, а против воров и недобрых людей есть у нас свои ночные соловьи, поют, да и только, словно весною. Дело в том, что для безопасности жителей, по инициативе нашего начальника губернии, учреждена здесь ночная стража со свистками, звук которых точно соловьиный напев. Украшением города служит подъемный мост и шлюз на реке Вытегре, в самом центре города. При шлюзе на острове, небольшая роща и вокзал, в котором летом играет музыка.

Есть у нас выбор отличных книг по разным предметам, все русские журналы⁴⁵, некоторые заграничные и клуб. Но что же и тут удивительного, скажете, где ныне клубов нет! Правда. Но у нас клуб как бы собрание одной семьи – все знают друг друга, да, кажется, и любят друг друга: скандалчиков не бывает, игр азартных нет, а играя по четверти копейки point, столько напориться и насмеяться, как и при дорогой игре, или, лучше сказать, чего при дорогой игре не бывает, а результат тот, что вечер после служебных трудов проведешь весело и дружно. По воскресеньям в клубе бывают семейные вечера, и мужья охотно приводят дорогих половинок своих, потому, что у нас не требуется роскоши в туалете, не считают сколько раз одно и то же платье надето. Общество наше составляют почти исключительно инженеры путей сообщения и местные чиновники. Но этому отрадному согласию и соединению общества мы обязаны почитаемому всеми начальнику Второго округа путей сообщения. Имеющему здесь пребывание. Недавно состоялись у нас выборы градского головы. Выбор сделан удачный и предварительно одобрен посещавшим в то время наш город начальником губернии. Избран молодой почетный гражданин И.М. Манин, человек умный и с благородной душой <...>».

Иван Михайлович Манин был действительно человеком умным и с благородной душой. Одним из первых его дел на посту городского головы... Нет, народное образование нас не отпустит. Так вот, одним из первых дел Манина на посту городского головы стало открытие женского училища. Сделано было это в рекордные по тогдашним, да и по сегодняшним временам, сроки. В феврале 1865 года городское общество, как писал анонимный вытегорский корреспондент в губернские ведомости, «в знак глубокого уважения и благодарности к своему голове, собрало по подписке пятьсот рублей и десятого февраля дало обед благородному, купеческому и мещанскому обществам». На этом обеде была объявлена подписка в пользу женского училища. Сам городской голова пожертвовал триста рублей. Начальник Второго округа путей сообщения генерал Лебедев дал сто рублей. Не остался в стороне его помощник и «тоже сделал немалое пожертвование. Доверенные купцов Гладина и Громова подписали крупные цифры. Инженеры путей сообщения, чиновники, купцы и некоторые из мещан принесли в жертву делу женского образования посильные лепты». Буквально за полчаса было собрано чуть больше тысячи рублей. К этой тысяче прибавим пожертвования Олонецкого губернатора, чинов уездного полицейского управления, уездного казначейства и земского суда. В конце сентября того же года Вытегорское второразрядное училище имени великого князя цесаревича Николая Александровича было открыто.

Удержимся от того, чтобы ворчать на тему о том, что раньше благотворительность была куда благотворительнее, но не преминем заметить, что немного было в России середины девятнадцатого века уездных городов с населением около двух с половиной тысяч человек, которые так заботились об образовании своих детей. Во вновь открытом женском училище начали обучаться шестьдесят три девочки, а через год, когда был открыт третий класс, учениц стало на восемнадцать больше. Преподавали русский язык, арифметику, русскую историю, географию, чистописание, рукоделие, Закон Божий, французский и немецкий языки. Два раза в неделю были уроки церковного пения. Старшеклассниц обучали кройке и шитью белья и платья. За отдельную плату обучали музыке. Учиться в Вытегру приезжали девочки из ближних и дальних уездных городов Олонецкой губернии – Пудожа, Каргополя, Лодейного поля, Белозерска и даже из самого Петрозаводска. Оно и понятно – вытегорское женское училище было в то время единственным на всю губернию. Просуществовало училище пять лет и было преобразовано в женскую трехклассную прогимназию.

Добавим к открытию женского училища открытие в 1870 году двухклассного училища в Кондушской волости Вытегорского уезда, земской общественной библиотеки в Вытегре и перейдем к делам уездного вытегорского здравоохранения, с которыми все обстояло совсем не так хорошо, как с образованием.

Сначала о состоянии здоровья жителей Вытегры в 1870 году. В журнале Вытегорского уездного собрания за этот год читаем: «Состояние здоровья жителей г. Вытегры в течение последних восьми месяцев, начиная с 1-января по 1-е сентября, к крайнему прискорбию нельзя признать удовлетворительным. Эпидемических болезней хотя и не существовало, но зато, характер болезней, появляющихся спорадически, как например, кори, скарлатины, рожи и тифозной горячки был очень тяжелый; причинами этого были неблагоприятные климатические и гигиенические условия, т. е. быстрый переход сильных северных весенних ветров в жаркое лето и недостаток питательной пищи»⁴⁶ вследствие дороговизны предметов первой потребности. Сифилитические, ревматические, воспалительные, цинготные и нервные болезни появлялись в малом количестве, зато вкоренившийся недуг человечества – безобразное пьянство, как причина многих физических и нравственных болезней, со своим крайне плачевным исходом, существовал и существует по-прежнему в громадных размерах, и, люди увлекшиеся этой сладостью и равнодушные к губительным последствиям пьянства, по привычке ли к оному или вследствие употребления непитательной и неудобоваримой, лишенной азота пищи, пьют вино, воображая, что для их организма нужно гораздо более горячих материалов, чем для других <...>».

В списке болезней поступивших в городскую больницу пациентов лидировали горячки – катаральные, гастрические и ревматические. За ними, если расположить их по убыванию, шли болезни венерические, ревматизм и ломота, тиф и тифоидальная горячка, цинга, хронический катар кишечного канала, воспаления легких, воспаления сердца и сосудов, кровавый понос, водянка, худосочные язвы, переломы, умственные расстройства, запои, маразм, старческий антонов огонь и в самом конце геморрой, запор, желтуха, рак, воспаление печени, нервные головные боли, выпадение прямой кишки, приливы крови к голове, нарывы, холера и бугорчатка, которая есть не что иное как золотуха.

Смертность тех, кто поступил в больницу, была довольно высокой – умирал почти каждый пятый. Причиной тому «большой недостаток фельдшеров в уезде, так что зачастую заболевающие крестьяне, и преимущественно судорабочие, лишены первоначального медицинского пособия; привозятся в больницу уже безнадежные к выздоровлению, собственно говоря, для того только, чтобы столкнуть больного со своих рук в больницу, а не для подачи ему помощи. Подобные случаи были не редко; в прошлом году был случай такого рода: крестьяне привезли на больничный двор мертвого человека и настаивали, чтобы его принять непременно в больницу; несколько недель тому назад больной умер на дороге, две версты не могли его довести до больницы; многие из умерших жили в больнице только по несколько часов, предсмертная агония не позволила даже им дать лекарства».

Сама же городская больница в 1870 году, судя по описанию в журнале Вытегорского уездного земского собрания, представляла собой если и не ад, то как минимум чистилище. «Успешному лечению чрезвычайно мешает тесное и во всех отношениях неудобное помещение. Больные тифозною горячкою помещаются в общих палатах и неоднократно случалось, что лежащие рядом с ними больные заражались этой болезнью; по той же самой причине умалишенные своим беспрестанным криком приводят больных в беспокойство, а слабонервных в истерическое состояние. Операции, делаемые в тех же палатах, наводят панический страх, а иногда и ужас на окружающих больных; наконец, если к описанной выше картине присовокупить еще сжатый воздух, страшное зловоние от ретирадных мест, расположенных у парадного входа, недостаток хирургических инструментов, разного рода аппаратов, отдельной комнаты для вскрытия мертвых тел, а также неопрятность и нечистоту, которые собственно зависят от крайне стеснительного помещения, так что зритель больницы, при всем своем хорошем направлении, доброй нравственности и сознании важности своей обязанности, не может ничего поделать и исполнить добросовестно свои обязанности – то состояние больницы ясно обрисовуется».

На всех жителей уезда и города, а их в то время было в общей сложности около сорока тысяч, приходилось всего два врача, четыре фельдшера и один аптекарь⁴⁷. Болезни жителей уезда мало чем отличались от болезней горожан, с той лишь разницей, что на первом месте был тиф, на втором простудный кашель, на третьем – кровавый и обычный поносы, а за ними следовали по пятам катаральная горячка, чесотка, простудная горячка, ревматизм, простудная лихорадка, сифилис, цинга, язвы желудка, золотуха, нервная болезнь поясницы и сибирская язва.

Последняя уносила в могилу не только и не столько людей, сколько животных. Эпидемии сибирской язвы свирепствовали в уезде и в городе каждый год. За три года уезд потерял свыше полутора тысяч лошадей, не считая коров и овец. Лошади были основной тягловой силой на Мариинской водной системе, их в навигацию пригоняли из разных мест и умирали они сотнями. Правда, не только от сибирской язвы, но и от истощения. Берега канала были усыяны могильниками, в которых зарыты сотни и тысячи лошадиных останков⁴⁸. То есть сначала это были гниющие трупы лошадей и тысячи мух, которые совсем не улучшали эпидемиологическую обстановку в городе и уезде, а уже потом могильники. Лоцманы бросали суда, а коноводы угоняли лошадей подальше от очагов заразы. Торговля несла огромные убытки, а потерявшие лошадей крестьяне теряли возможность пахать землю и выращивать хлеб⁴⁹.

Раз уж зашла речь о торговле, то скажем и о ней, а заодно и промышленности города и уезда. Сначала о ярмарках, которых, как уже упоминалось, в Вытегре проводилось три в году. Более всего торговали, как и пятьдесят, как и сто лет назад, зерном, привезенным с низовых волжских городов. К зерну прибавим ржаную муку, овес, лен, картофель, лук, огурцы, выделанные и сырые кожи и изделия из них, деревянную, глиняную, фарфоровую и фаянсовую посуду, железные и медные изделия, мебель, шорный товар, сено и лошадей, мясо, рыбу, рябчиков, коровье масло и рыбу. Все это, впрочем, продукция местная, производимая в Олонецкой губернии или в Вытегорском уезде. Привозили же шелковые, шерстяные, хлопчатобумажные ткани и изделия из них, меха, овчины, чай, сахар, мыло, мед, изюм, чернослив, печенье, свечи, галантерейный товар, семгу и треску. Рябчиков привозили мало. К примеру, на Рождественской ярмарке, проходившей с 25 декабря 1869 года по 6 января 1870 года, было продано всего семь пар за семь рублей, зато рыбы продали четырехста пудов на почти тысячу рублей, масла сливочного триста пудов, а говядины более пяти тысяч пудов, то есть около восьмидесяти двух тонн на десять с лишним тысяч рублей. Приезжали торговать купцы из Ярославля, Нижнего Новгорода, Москвы, Владимира, Пудожа, Белозерска, Каргополя и, конечно, местные, вытегорские. Народу понаехало двенадцать тысяч человек. Из того, что на ярмарку не привозят, упомянем лес, торговля которым после хлебной занимает второе место по значимости, и винокурение.

Там, где есть хлеботорговля, – там, как правило, появляются мукомольные и винокурные заводы. Так случилось и в Вытегорском уезде. В памятной книжке Олонецкой губернии за 1869

год упомянуты два крупчатно-мукомольных завода купца Караваева из Фридрихсгама, два завода вытегорского первой гильдии купца Манина. Кроме пшеницы мололи рожь и горох, но в гораздо меньших количествах. Все эти предприятия получали пшеницу зерном для размола из Рыбинска и отправляли муку в Петербург. На заводах купца Манина кроме собственного хлеба, купленного в Рыбинске, для размола брали и чужое зерно. По тем временам это были довольно крупные предприятия. Например, на одном из заводов Караваева работало по данным губернского статистического комитета сорок человек – пятнадцать мастеровых, полсотни чернорабочих и пять мальчиков. Отдельной строкой указано, что «все они русские, вольнонаемные». В год на каждом из таких заводов перерабатывались сотни тонн зерна на суммы в десятки и сотни тысяч рублей серебром. В отчете уездного исправника указывалось, что за год в уезде размалывалось пшеницы и ржи на восемьсот тысяч с лишним рублей.

Купец Манин владел и винокуренным заводом, располагавшимся в четырех верстах от Вытегры. В год на винокурение уходило до полтонны ржаной муки, из которой выкуривали безводный спирт. В пересчете на водку сорокапроцентной крепости получалось около тридцати шести с лишним тысяч ведер или четыреста пятьдесят тысяч литров⁵⁰. В 1876 году Манин получил премию за отправку спирта за границу. Памятная книжка Олонецкой губернии за 1869 год сообщает: «На заводе один винокур из евреев, один мастер и восемнадцать рабочих – русские вольнонаемные».

Неподалеку от манинского винокуренного завода стоял его же завод по выплавке чугуна. С чугуном все обстояло куда скромнее, чем с мукой и спиртом. На заводе работали один мастер и три рабочих. В 1867 году чугуна, который покупали в Петербурге, отлили в разные изделия две с половиной тысячи пудов на сумму четыре с половиной тысячи рублей. Вся продукция шла на другие заводы Манина, расположенные в Вытегорском уезде.

Лесопильных заводов в уезде было три, причем принадлежали они не вытегорам – один тихвинскому помещику Уньковскому, а два – бежецкому купцу Неворотину. Напиленные доски продавались на месте в Вытегре и отправлялись в свободную продажу в Петербург. Обороты у лесопильных заводов были, конечно, больше, чем у чугуно-литейного, но куда меньше, чем у мукомольных или винокуренных. Куда меньше значит на сумму в сто шестнадцать тысяч рублей.

Можно было бы, конечно, не упоминать о заводах свечных, кирпичных и тех, которые производили мел, чтобы не нагонять тоску на читателя, но без них обзор промышленности будет неполным, и потому сообщим, что свечных, кирпичных, пивоваренных и кожевенных заводов в уезде было по одному. Известно, что в 1867 году завод вытегорской мещанки Зининой произвел мела на шестьсот двадцать рублей, а на какую сумму произведено свечей, кирпичей и кож – неизвестно. Видимо, обороты этих заводов были еще меньше и губернские статистики не сочли нужным их привести. К тому, что производилось в уезде, прибавим ископаемые железные руды, месторождений которых было в уезде много, андомскую глину и мел. Почти все это отправлялось в столицу и приносило в год тридцать пять тысяч рублей. Если все сложить, получится около миллиона. Не так уж и мало.

Несмотря на то, что добыча полезных ископаемых в уезде приносила мало денег, но на Всероссийской мануфактурной выставке, проходившей в 1870 году в столице, были представлены и андомская глина, и произведенные из нее кирпичи для футеровки печей, и горновой камень, и пушечные руды. Кроме ископаемых чугуно-литейный завод купца Манина представил печные дверцы, выюшки и другие изделия из чугуна.

Теперь об охоте и рыболовстве. Охотой в уезде занимались в 1870 году 165 человек. Добыли они за год шесть медведей, дюжину волков, одиннадцать оленей и лосей, восемнадцать куниц, сорок три лисицы, почти девятьсот зайцев и четыре тысячи двести пятнадцать белок. Всего на сумму 675 рублей с копейками серебром⁵¹. Еще 155 человек занимались ловлей птиц и добыли три с лишним тысячи пар рябчиков. Если сложить вместе зайцев, медведей, волков, белок и рябчиков, то выйдет, округляя до рублей, 1859 рублей серебром. Рыбы выловили в 1870 году в уезде 3058 пудов на сумму в 3757 рублей серебром. Все эти охотничьи трофеи и уловы скупали оптовые торговцы и везли в Петербург. В нынешних ценах это составило бы несколько миллионов, но как тогда, так и сейчас в тех местах охотой и рыболовством прожить было нельзя.

Оставим эти скучные экономические материи и посмотрим на хронику происшествий за 1870 год в городе и уезде, которая регулярно публиковалась в Олонецких губернских ведомостях. «Двадцать седьмого апреля по Пудожскому тракту близ города Вытегры найден мертвый неизвестный человек мужского пола, который приметями: возраста между тридцатью и сорока годами, росту два аршина и пять вершков, телосложения крепкого, волосы на голове тёмно-русые, на усах светло-русые и на подбородке имеется клочок светло-русых волос, одет в синие холщовые набивные с полосками подштанники, в изорванной ситцевой рубашке и опоясанный бумажным поясом. Публикуется о разыскании родственников этого человека.

Двадцатого мая крестьянка Вытегорского уезда Бадогской волости деревни Морозовой Степанида Морозова нанесла побои тупым орудием по голове финляндской уроженке Марье Хаккарайнен.

В городе Вытегре в ночь на двадцатое сентября неизвестно кем похищена денежная кружка, находившаяся у ворот ограды местной приходской школы. Похищение произведено посредством отомкнута замка ключом и снятия оковки; самый же замок оставлен на месте преступления». ⁵²

По ведомости о числе насильственных и случайных смертей в Олонецкой губернии за 1869 год убийств в городе Вытегре было одно и в уезде одно. В городе человек был застрелен, а в уезде убит каким-то другим способом. Сгорел в уезде один человек, утонул в реке Вытегре один, умер от пьянства один, задавлен и упал с высоты один, умерло от других случайностей двадцать четыре. Тихо жили, спокойно, несмотря на близость Мариинской системы. Правда, в то, что в уезде на тридцать восемь тысяч жителей от пьянства умер всего один человек, верится с трудом.

От уголовной хроники и перейдем к культурной. В феврале 1872 года стараниями Александра Петровича Нордштейна, инженер-полковника и в то время помощника начальника Второго Вытегорского округа путей сообщения, взявшего на себя все хлопоты по устройству сцены и режиссуре, были поставлены четыре пьесы: «Комедия в окне и на балконе», «Полюбовный дележ, или Комната с двумя кроватями», «Привыкать надо!» и «Тетушка-болтушка, или Олицетворенная мельница». Олонецкие губернские ведомости, освещая это событие, писали: «Исполнение этих пьес довольно удачное, что уже и слишком много, тем более, что участвующие большей частью любители и новички на театральных подмостках; а мы ведь часто видим, что и настоящие артисты своей игрой терзают слух и зрение, и если у нас сойдет хоть сколько-нибудь гладко, то нельзя и требовать большего от уездного города, подобного Вытегре». На масленицу, писал вытегорский корреспондент губернских ведомостей, погода «воспрепятствовала нашим вытегорам совершать свое обычное гуском катание, чем, конечно, большинство недовольно, тем более, что развлечений у нас не было никаких, кроме двух или трех танцевальных вечеров и вчерашнего спектакля, состоявшего из двух пьес: «На бойком месте» Островского и «Провинциального бала» Федорова... После пьес было пропето несколько русских песен, из которых особенно понравилась публике «Ты поди, поди моя коровушка домой» пропетая с участием хоров г. М-вой, заслужившая дружный аплодисмент и повторенная ею по требованию публики два раза. В заключение же был прекрасно пропет мужским и женским хорами гимн «Боже, Царя храни»».

Из письма в редакцию Олонецких губернских ведомостей от 26 июля 1872 года: «В последнее время любителями сценического искусства в Вытегре дано было два спектакля: один в конце июня, в пользу библиотеки при земской управе, другой 2-го июля в пользу общественного клуба. В первый спектакль шли водевили «Булочная», «Вспышка у домашнего очага» и «Тетушка-болтушка» (в третий раз); во второй: «В чужом пиру похмелье», комедия в 2-х действиях, соч. Островского и водевили: «Довольно!» и «Зачем иные люди женятся». При всей добросовестности исполнения ролей, спектакли были неудачны – осталось много неразобранных билетов. Приписать эту неудачу, конечно, нужно было жару, которая действительно невыносима <...> На Вытегорской любительской сцене идет сверх ожидания хорошо Островский. Обе его комедии: «На бойком месте» (шла зимою) и «В чужом пиру похмелье» сошли очень хорошо <...> Жаль, что у нас слишком мала сцена, а то можно было бы дать и другие комедии Островского. Говоря

о любительских спектаклях, нельзя умолчать о трудности поставить ту или иную пьесу. Нужно очень хорошо знать все условия жизни в уездных городах, чтобы поверить всем тем препятствиям, которые приходится преодолевать лицу, взявшему на себя заботу распоряжаться устройством спектакля. Нужно очень и очень любить сцену, чтобы устроить ее, собрать играющих, уладить тысячи мелких, незаметных препятствий. Если в Вытегре усиленно идут любительские спектакли, то это благодаря стараниям и любви к сцене всеми уважаемого А.П. Нордштейна. Только с его терпением и можно взяться за это дело и доводить его до конца. Нам рассказывали, что в первое любительское представление девять лет тому назад, положительно невозможно было уговорить вытегорских барынь и барышень играть на сцене. Спасибо гувернантке – выручила, а то хоть отказывайся от любительских спектаклей!»

Спектакли, данные в пользу библиотеки при земской управе, принесли около сорока рублей. Жители города отнеслись к открытию библиотеки скептически, говоря о том, что «подписчиков не наберут и книг читать не будут». Тем не менее библиотека была в 1870 году открыта. Инициаторы открытия принесли в дар библиотеке 361 том разных сочинений на сумму более пятисот рублей. За два года работы библиотеки в нее поступило четыреста с лишним рублей от подписчиков. Всего подписчиков набралось сто восемь человек. Не так уж и мало на 2880 человек городского населения при том, что годовая плата за подписку была довольно большой – пять рублей. Читали вытегоры более всего романы и повести – они составляли половину от всех взятых для чтения за год из библиотеки книг. За ними шли различные журналы, за журналами – издания по естествознанию, потом исторические, потом политико-экономические, и в конце списка находились справочники.

Теперь обратим свое внимание на собственно город, в котором есть уездное училище, окружная школа кантонистов ведомства путей сообщения, второразрядное училище для девочек, кирпичный и пивоваренный заводы, частная школа Розалии Зук, три ярмарки в год, вольная аптека, городское собрание, набережная, по которой можно было прогуливаться, духовой оркестр, игравший три раза в неделю, клуб, гостиница, городская больница, где умалишенные «своим беспрестанным криком приводят больных в беспокойство, а слабонервных в истерическое состояние», любители театра, ставящие водевили и комедии Островского, скотобойня и библиотека земской управы с сотней читателей, более всего читающих романы и повести.

К началу семидесятых годов девятнадцатого века в городе было четыре площади, из которых только одна была торговой. Все четыре были немощеные. Один подъемный мост через Вытегру и девять мостов через ручьи. На реке выше подъемного моста находился шлюз св. Сергия – последний на шлюзованной части Мариинской водной системы. Между подъемным мостом и шлюзом был разведен сад, в котором и играл в летнее время оркестр, который содержал городской клуб. Две церкви, одна из которых каменный Воскресенский собор, а вторая деревянная кладбищенская во имя Всех Святых. Казенных каменных домов всего один. Частных – одиннадцать. Казенных деревянных домов семь, а частных – около четырехсот. Казенных магазинов четыре. Общественных – один. Двадцать четыре лавки, принадлежащих городу, и сто одна частная. В среднем одна лавка приходилась на двадцать три человека. Основная часть населения города была православной. За православными шли католики, за католиками иудеи, за иудеями протестанты, и замыкали список раскольники, вернее, раскольницы, которых было всего шесть человек. По сословиям граждане Вытегры делились следующим образом: немногим более половины – мещане. Вторая по численности группа – отставные солдаты, солдатские жены и дочери. За ними в порядке убывания личные дворяне, за личными дворянами государственные крестьяне, кадровые военные, нижние чины, находившиеся в отпусках, купцы, купеческие жены и купеческие дети, солдатские сыновья, иррегулярные войска, то есть ополчение и милиция, потомственные дворяне, православное белое духовенство, потомственные почетные граждане, разночинцы, иностранные подданные, бывшие помещичьи крестьяне и личные потомственные граждане, которых проживало в Вытегре трое.

Работы в городе, несмотря на близость Мариинской водной системы, было не так много, и часть мещан уходила из города на отхожие промыслы. Рыболовство и охота, как мы уже увидели,

источником основного дохода служить не могли. Еще одна часть мещан занималась хлебопашеством, но оно, как и рыболовство с охотой, годилось только на то, чтобы быть одним из источников дохода, поскольку Олонецкая губерния не Курская и не Тамбовская. Со скотоводством у жителей Вытегры дело обстояло не лучше, чем с охотой и хлебопашеством. Одна корова приходилась на четырех жителей, одна лошадь на восемь с половиной, а одна свинья и вовсе на сорок два горожанина. На весь город было дюжина овец и три козы. Ремесленников в городе проживало более полутора сотен. Больше всего сапожников – тридцать шесть. Вместе с сапожниками в первую тройку по численности входили двадцать девять портных и двадцать восемь булочников. Хлебников имелось всего восемь. Из ремесленников первой необходимости проживали в Вытегре одиннадцать кузнецов и слесарей, десять печников, пятнадцать столяров и девять маляров. Из тех, которые нужны во вторую и в третью очереди – один коновал, три модистки, четыре медника, один шорник, два часовщика и два серебряных дел мастера. Ко всему этому прибавим, что жители города выписывали пятьдесят восемь различных наименований журналов и без малого триста экземпляров газет. Как писали Олонецкие губернские ведомости: «цифра довольно почтенная, свидетельствующая о том, что умственной пищи у вытегорцев имеется вдоволь».

В октябре 1872 года наконец-то состоялось освящение нового здания городской больницы на шестьдесят четыре койки. Сначала искали дом, который можно нанять и приспособить под больницу, потом, когда такого дома не нашлось, решили купить, но по разным причинам не купили и, наконец, решили построить больницу на земле, пожертвованной купцом Маниным. Строить за очень скромные деньги, фактически себе в убыток, взялся гласный земства купец Матвеев. Правду говоря, никто, кроме Матвеева, за подряд на постройку больницы и браться не хотел. Последний не просто взялся, а еще и предложил уменьшить смету строительства на почти шестьсот рублей. К октябрю 1872 года большая часть работ была выполнена. Олонецкие губернские ведомости по этому поводу писали: «Итак, благодарение Богу, Вытегорское земство имеет теперь собственный больничный в г. Вытегре новый дом, в котором поместится 64 кровати со всеми необходимыми удобствами. Палаты делятся на мужские и женские и особо для сифилитических больных и умалишенных; есть комнаты для аптеки, ванны, приемной, операционной; есть и офицерские палаты; все вообще комнаты просторны, светлы, коридоры удобные и теплые; всех палат и комнат в обоих этажах здания 16, коридоров со стеклянными дверями четыре и четыре теплых с печами ретирадных помещения. В одном из флигелей отдельные: квартира для смотрителя, двух фельдшеров и фельдшерских учеников; в другом – комната для сторожей, кухня, баня и комната для часовни. Последний флигель соединен с главным зданием больницы глухим светлым коридором, представляющим большое удобство для разноски из кухни пищи и для хождения больных в баню. Кроме сего, отдельно устроены кладовые и ледник, и сделан навес для складки дров. Все эти здания застрахованы». Правда, к моменту открытия больницы оставались еще мелкие доделки вроде покраски полов и крыш, но молебен отслужили, все палаты окропили, протоиерей Вытегорского собора произнес речь в честь знаменательного события, городской голова, уездный исправник, начальник Второго округа путей сообщения, инженер, наблюдавший за работами, и купец Матвеев перешли в палату, где был «на скорую руку приготовлен скромный завтрак, за которым были произнесены тосты за здоровье Государя Императора, потом за г. начальника губернии, преосвященнейшего епископа Ионафана и, в заключение, за преуспевание, на пользу и благо общества, Вытегорского земства; начальнику губернии и епископу Ионафану посланы были телеграммы, на которые сряду же получены были в самых теплых выражениях ответы»⁵³.

Для Вытегры, если вспомнить, какой была городская больница до нового здания, это было грандиозное событие. На фоне его открытие Вытегорского городского общественного банка в феврале 1872 года выглядит гораздо скромнее, хотя и тут не обошлось без завтрака, тостов за здоровье императора и за начальника губернии. Основной капитал банка составил десять тысяч рублей. В первый же месяц банк получил от вытегорцев вкладов на четыре тысячи с лишним рублей.

Вот таким или почти таким город Вытегра стал к своему столетнему юбилею. Городская дума учредила особую комиссию, представившую программу торжества. В Петрозаводск, Петербург

и другие города разослали более трехсот пригласительных билетов. Двадцатого декабря, в тот самый день, когда деревню Вянги вместе с пристанью было решено сделать городом Вытегрой, освятили один из приделов вновь строящегося каменного Сретенского собора. Освящению предшествовал крестный ход, который в половине десятого утра двинулся из Воскресенского собора в Сретенский. Первым шел полицейский надзиратель, за ним нижние чины уездной воинской команды, за нижними чинами шли учащиеся школы кантонистов, женской прогимназии, уездного и приходского училищ. Вслед за детьми несли церковный фонарь, а за фонарем шел крестный ход с хоругвями и иконами, духовенство, певчие, представители городской и земской управ, уездный исправник и «прочие начальствующие лица всех ведомств и народ», как написано в сборнике, изданном в Петрозаводске в память о праздновании столетия Вытегры. Вслед за крестным ходом прибыл епископ Олонецкий и Петрозаводский Ионафан, который и совершил торжественное освящение. После литургии все из новой церкви тем же крестным ходом, но уже вместе с епископом Ионафаном и двенадцатью священниками двинулись обратно в Воскресенский собор. «Благоприятная теплая погода (три градуса холода), торжественность духовной процессии, имевшей во главе преосвященного архипастыря и массы народа, тянувшегося густою сплошной цепью от новой церкви до собора на расстоянии двухсот сажен, представляли картину полную умиления и восторга». В соборе протоиерей Мишурин произнес речь, кратко рассказав об истории города, потом епископ Ионафан отслужил молебен с провозглашением многолетия императору, августейшему дому, святейшему Синоду, епархиальному архиерею, начальнику губернии и всем обывателям города Вытегра. Выйдя из церкви Ионафан благословил расставленных в несколько рядов учащихся вытегорских учебных заведений. Мальчиков отвели после этого в училища, девочек в прогимназию и там угощали десертом, а народ толпами двинулся на рыночную площадь, к городской важне, где для него было приготовлено обычное у нас для народа угощение – по чарке водки и по булке. Уездный исправник Иванов «разъяснив цель празднования, провозгласил тост за городское общество и народ с восторженным «ура» принял предложенное ему угощение».

Вечером был дан обед и бал в залах общественного собрания. Как только губернатор Григорьев провозгласил первый тост за здоровье императора, все закричали «ура» и хор певчих с музыкальным сопровождением исполнил «Боже царя храни». Городской голова Василий Иванович Говорухин провозгласил тост за здоровье губернатора, епископа Ионафана и супруги губернатора, к которой немедленно была отослана приветственная телеграмма. В ответ на это губернатор провозгласил тост «за здоровье городского общества, за процветание города Вытегры и за его достойного представителя В. И. Говорухина».

На обеде помощник начальника Второго округа путей сообщения Нордштейн обратился к присутствующим с речью: «У нас в России часто слышатся сетования, что уездные города наши расположены на местах, совершенно невыгодных для промышленности и торговли. Город Вытегра составляет счастливое исключение. Еще и до существования Мариинского водного пути здесь был сухопутный «волоок» для перевозки кладей с р. Шексны и Ковжи на Вянгинскую пристань р. Вытегры. С открытием же искусственного водяного пути торговое движение значительно усилилось... теряю направление к мелочным оборотам, а обращалось все более и более к большим торговым делам. Доказательство этому мы видим теперь, потому что граждане города Вытегры, купеческое и мещанское сословия и даже торгующие крестьяне не являются доверенными лицами больших и богатых торговых домов Петербурга и Рыбинска. Это приучило их к делу больших торговых операций, и естественно надеяться, что все граждане вытегорские сделаются скоро сами главами богатых торговых домов, а город Вытегра поднимется до степени Одессы, Риги и других значительных торговых мест».

Одновременно с этим обедом в гостинице купца Сафронова был дан обед для мещан на шестьдесят человек. Деньги на этот обед собирали по подписке, объявленной мещанским старостой. Приветственных телеграмм по случаю юбилея было получено более десятка – от петрозаводского городского головы, от председателя казенной палаты и от начальника одного из ее

отделений, от инспектора народных училищ, от советника губернского правления, от начальника губернского жандармского управления, от вытегорских почетных граждан, от инженеров путей сообщения, от рыбных купцов, из Тихвина из Лодейного Поля, из Каргополя и из Петрозаводска от супруги Олонецкого губернатора Григорьева⁴⁴.

В девять вечера начался бал, который открыл полонезом олонецкий губернатор. Залы были украшены портретами Александра Второго, Петра Первого, Екатерины Второй, графа Сиверса и генерала Деволянта. Танцевали до трех часов ночи. Земство на юбилей ассигновало триста рублей, а город дал четыреста. Олонецкие губернские ведомости писали о празднике: «По всей набережной на поставленных шестах, вроде телеграфной линии, был протянут шнур, на котором висело до 500 разноцветных горящих фонарей. Таким же образом фонари развешены были и перекрестно через дорогу, где выходили боковые улицы, и, наконец, еще до 100 фонарей на мосту. На площади горели бенгальские огни и раздавались выстрелы из небольшого оружия».

Вытегорская городская дума для увековечения столетнего юбилея города постановила... нет, не поставить конный памятник Петру Первому или бронзовый бюст городскому голове, а содержать двух стипендиатов на средства города в учебных заведениях, преимущественно технических. Необходимые на стипендии сто пятьдесят рублей внесли в смету расходов на следующий год и постановили впредь ассигновать ежегодно. Кроме того, решили ходатайствовать перед правительством об открытии в Вытегре, когда представится возможность, реального училища, назначив на его содержание от города тысячу рублей в дополнение к пятистам рублям, уже ассигнованных земством, и тем средствам, которые будут выделены казной.

Впрочем, и без всякого юбилея власти Вытегры не оставляли своими заботами народное образование в городе и уезде. В апреле того же года собрание гласных Вытегры постановило каждый год выделять из городского бюджета, очень и очень скромного, по тысяче рублей на содержание мужской прогимназии, которую правительство решило открыть в городе. Это несмотря на то, что Вытегра уже ассигновала пятьсот рублей ежегодно на нужды женской прогимназии. Губернские ведомости сообщали, что в 1873 году в городе и уезде обучалось 1113 человек, из них 847 мальчиков и 266 девочек. «За всем тем в земскую управу беспрестанно поступают самые убедительные просьбы об открытии школ в таких местностях, где не так еще давно боялись и школ, и грамотности, как сибирской язвы».

Юбилейный год в Вытегре и уезде был наполнен событиями. В селе Девятины неподалеку от Вытегры прошел Второй съезд учителей сельских школ Олонецкой губернии. Первый съезд состоялся в 1872 году и был съездом сельских учителей только Вытегорского уезда. Губернское земство, разглядев в этом начинании пользу, решило распространить опыт вытегорцев на всю губернию и выделило тысячу рублей на проезд и проживание сельских учителей в Девятинах. Съезд проходил три недели – несколько дней было посвящено чтению отчетов о состоянии народных училищ, а потом проводились практические занятия с учениками и обсуждение этих занятий.

В 1873 году на территории уезда образовалось «Товарищество вытегорских горных заводов», имевшее своей целью постройку чугуноплавильного и железоделательного заводов. Компания принадлежала петербургскому купцу Кухнову. Владельцами паев в том же году был построен «пародействующий» чугунолитейный завод в восьми с половиной верстах от Вытегры на реке Сараже. Завод был построен по последнему слову тогдашней техники. Часть заводского оборудования была доставлена из Англии. Привезли химическую лабораторию, пожарную трубу, три паровика, каждый по пятьсот пудов весом, локомобиль, около десяти тысяч штук огнеупорных кирпичей, листовое железо, чтобы покрыть им крышу, толь, который тогда был в диковинку, и многое другое. Губернские ведомости писали: «Из всех исчисленных принадлежностей, при доставке к заводу с Вытегорской пристани паровиков, предстояло более всего затруднений; их привелось перевозить в осеннюю распутицу, приспособлять особую телегу, под которую нужно было каждый раз подпрягать до тридцати лошадей и иметь до тридцати рабочих для сопровождения до места, так что говорят, провоз паровиков от Вытегорской пристани до завода на расстоянии десяти верст, чуть ли не равняется с издержками на провоз от Англии до Вытегры». Вслед за оборудованием

приехал выписанный из Германии инженер химик-технолог, под руководством которого устроили печи для выкуривания смолы и скипидара из полученных от казны за небольшие деньги пней и корней. Он же наладил и производство древесного угля для нужд чугунолитейного производства. Готовились основательно – хозяева завода построили двухэтажный дом для инженера, два двухэтажных дома для технического персонала, пять домиков для семейных рабочих, каждый из которых был поделен на два двухкомнатных отделения, баню, казарму на шестьдесят рабочих, мастерскую, где стоял локомобиль, продуктовую лавку, и другие хозяйственные постройки. Только устройство пятикилометрового участка дороги от Вытегры до завода обошлось в две тысячи с лишним рублей. Уже при первой плавке получился чугун отличного качества. Доверенное лицо купца Кухнова и управляющий конторой Товарищества крестьянин Сермягин нашел в Вытегорском уезде четыре месторождения железной руды⁵⁵. Правда, качество железной руды, добываемой в уезде, оставляло желать лучшего, и «Товарищество вытегорских горных заводов» вскоре переключилось на заготовку леса, с качеством и количеством которого проблем не было. Раз уж зашла речь о лесе, скажем и о лесопильном заводе немецкой лесопромышленной компании Брандта, построенном в юбилейном году. На заводе установили две привезенных из Германии пилорамы. В масштабе уезда и даже губернии это было крупное предприятие – на нем работало семьдесят пять человек. К заводу компании Брандта прибавим лесопильный и, как тогда говорили, вододействующий завод торгового дома вытегорских купцов братьев Гладилиных, построенный на реке Ковже, в семидесяти двух верстах от Вытегры и еще один лесопильный, но паровой завод подпоручика Бенардаки.

От промышленности перейдем к обязательным постановлениям для жителей города Вытегры, составленным в юбилейном году Вытегорской городской думой. Касались эти постановления правил городской жизни. Конечно, требовать от обывателей сегодня, чтобы они обязались возле своих домов своих домов содержать «улицы в постоянной исправности и чистоте, осушая их и исправляя в них, великие повреждения» или чтобы каждый напротив своего дома устраивал тротуары, посыпая их песком во время гололедицы, не получится, но и сейчас лучше «не курить табаку в конюшнях, сеновалах, торговых лавках, складочных амбарах, чердаках, на пристани и вообще в тех местах, где сие запрещено». Табак не велено было курить и во время погрузки-выгрузки судов на пристани. Вытегорам запрещалось «для предосторожности от бедственных случаев, могущих произойти от пороха, изготовлять самим порох и делать фейерверки, а также стрелять из огнестрельного оружия во дворах, на улицах и площадях». Не забыли и о санитарных нормах. Домовладельцам вменялось в обязанность, «чтобы на улицах и на дворах не было ничего такого, чтобы могло заражать воздух». Вытегоров обязали: «Падший скот не оставлять на улицах, площадях, дворах, но вывозить на указанные управой места и в определенном месте зарывать не менее, как на двухаршинной глубине... Всем, занимающимся продажей съестных припасов, на рынках, ларях и лавках, следить за тем, чтобы все припасы были свежие, для здоровья не вредные; затем воспрещается продавать: дурной, худо испеченный хлеб, испорченные мясо и рыбу, масло, овощи и тому подобное. Запрещается продавать мясо скота палого и больного <...>». Что касается скотины здоровой, то ей запрещалось бродить по улицам города. «За неисполнением сего скот будет забираем на полицейский или пожарный двор, а хозяева подвергнутся взысканию». Не забыли даже указать, «чтобы квас не держался в бочонках, к коим приделаны медные краны». О посуде для приготовления пищи было сказано: «обращать внимание на состав, из коего делаются сосуды, употребляемые для варенья, приготовление пищи и питья, чтобы оные не сообщали им вредного свойства». Определен был порядок действий в случае возникновения эпидемии. Обращаться нужно было в первую очередь совсем не к врачам. «Хозяин дома, управляющий оным, смотрители казенных зданий, а также содержатели гостиниц, постоялых дворов и других заведений... узнав о появившейся в том доме или заведении горячек пятнами, или другой прилипчивой болезни, обязаны доносить о том немедленно полицейскому начальству и городской управе. Равным образом, во время повальной болезни, всякий обязан давать знать об оказавшемся в его жилище новом больном,

хозяину дома или городской полиции и управе». В довершение ко всему обывателям запрещалось засорять реки и ручьи.

После перечисления всех этих многочисленных обязанностей, запретов и приказов было сказано: «Вместе с сим городская дума надеется, что все жители города, проникнутые чувством долга, исполнят все требования закона и желанием общественного благосостояния, будут исполнять не только настоящие обязательные постановления городской думы, но и все то, хотя и не заключающееся в настоящих постановлениях, но что может клониться к общественному благоустройству, предохранению города от пожаров и от зарождения и развития в нем заразительных болезней». Чем-то все это неуловимо напоминает моральный кодекс строителей коммунизма. Видимо, в те времена городские думы еще могли надеяться, что все жители города, проникнутые чувством...

Чтобы картина вытегорской жизни в юбилейный год была полной, обратимся и к уголовной хронике. «Двадцать четвертого апреля, в г. Вытегре найдено в р. Вытегре близ пристани, между амбарами мертвое тело младенца мужского пола, положенного в воду, очевидно тотчас после рождения и пробывшее в ней довольно значительное уже время. В ночь на двадцать пятое апреля в г. Вытегре у купца Василия Матвеева похищено шесть пудов вяленой говядины. В краже сознался крестьянин Макачевской волости. Пятого мая в г. Вытегре исполняющий должность фельдфебеля уездной команды Александр Демин, в 10 ½ часов утра выйдя из казармы, застрелил себя из пистолета. Четвертого июня Вытегорского уезда в Патровской волости смотрителем Патровских хлебных магазинов крестьянином Андреем Патровым замечено в одном из магазинов похищение ржи, совершенное через вынутые бревна из стены магазина. Количество украденной ржи еще не определено. В краже подозреваются два крестьянина Патровской волости. В ночь на двенадцатое июня Вытегорского уезда, в Патровской волости у крестьянина Кирилловского уезда Петра Никонова, прибывшего туда на лодке для продажи муки, украдено из шкастунки, находившейся в лодке, посредством взлома замка, кредитными билетами пятьсот рублей. В краже подозреваются двое крестьян этой волости».

Юбилейный год закончился и снова началась обычная провинциальная жизнь. На Рождественской ярмарке, которая проходила в конце декабря 1874 года и в начале января 1875 годов, продали семьсот аршин холста, двести десять пудов рыбы, двадцать кушаков, восемьсот пудов сена, на двести рублей колониальных товаров, шестьсот сорок пудов мяса, шестьдесят мер овса, деревянную посуду, овощи, гвозди, меха, полсотни лошадей, бакалею, меха и прочего на общую сумму в десять тысяч с лишним рублей. Все как в прошлый, так и в будущий раз. Белинского и Гоголя мужик с вытегорского базара не понес. Блюхера с глупым милордом тоже. Впрочем, и Блюхера, и «Английского милорда» продавали только в поэме Некрасова, на ярмарке в селе Кузьминском, а не на ярмарке в Вытегре.

В журналах Вытегорской городской думы за декабрь 1874 года читаем, что купец Василий Матвеев избран членом попечительского совета Вытегорской женской прогимназии, что губернатор удовлетворил ходатайство купца Молявина «о предоставлении ему права на ношение мундира по должности члена попечительского совета Вытегорской женской прогимназии и при отставке», что по болезненному состоянию девицы Барабаншиковой поручить городской управе выдавать ей пожизненно пособие в сумме полтора рубля в месяц, крестьянину Лапину разрешено открытие в 1875 году ренского погреба «с распивочною и на вынос продажей», что городскому секретарю и служащим городской управы разрешено выдать в награду из остатков по смете 1874 г. пятьдесят рублей, что купцу Горину... вот купцу Горину в его просьбе отпустить три десятка бревен для постройки трешкоутов отказано. Разрешили ему купить сто штук кокор, то есть нижних, комлевых частей деревьев с корнями, по тридцать три копейки за каждую кокору. В январе 1875 года городская дума распорядилась выдать крестьянину Кузнецову из остатков по смете за прошлый год около сорока рублей для ремонта общественной скотобойни и назначить пособие из городских доходов в сто двадцать рублей певческому хору при Вытегорских церквях, а в мае дочери священника Елене Егоровой по старости и бедности назначили пожизненно пособие в один рубль ежемесячно, оставили без удовлетворения просьбу секретаря предыдущей городской думы Аврамова о выдаче ему заштатного содержания, в виду того, что Аврамов с преобразованием

прежней городской думы сразу же избран секретарем думы настоящего состава с значительной прибавкой содержания.

С одной стороны, представишь себе этого Аврамова, который, скрипя пером, обмакнутым в чернильницу с залетевшей туда мухой, записывает в журнал Вытегорской городской думы все эти бесконечные решения о выдаче пособий в рубль или полтора, о тридцати трех копейках за одну кокору, о ренковом погребе с продажей распивночно и на вынос, о сорока рублях для ремонта городской скотобойни – и такая тоска возьмет, что хоть садись немедленно на трешкоут и плыви по Вытегре и каналам в Петербург, а с другой... В мае от выловленной корюшки пахнет свежими огурцами на всю Вытегру. Она и сейчас в реке водится, и даже в черте города. Местные жители клянутся, что за одну ночь можно в начале мая, когда корюшка идет на нерест, наловить ее килограмм тридцать или даже сорок, а уж полтора века назад... Какой-нибудь Прохор-буфетчик в клубе или такой же Никифор в гостинице Сафронова нажарит вам целую сковороду этой корюшки, или, по вытегорскому рецепту, зальет ее молоком, прокипятит в нем минут пять – и готово, а к корюшке подаст запотевшего бутылку светлого «Баварского», которое только вчера привезли из северной столицы по каналам Марииинской водной системы, или графин беспохмельной Вытегорской горькой настойки, настоянной на полыни, корне калгана и черном перце, да к настойке принесут вам огромный рыбник с запеченным внутри целым лососем, который еще утром плавал в Онежском озере, да к рыбнику янтарной ухи из судака, окуня, ерша и сига... Потом можно и в преферанс по четверти копейки в вист, или в бильярд, или вздремнуть, прикрывшись Олонецкими губернскими ведомостями, а не то пойти прогуляться по набережной, послушать духовой оркестр, посмотреть как открывают и закрывают ворота шлюза при проходе барок, ун-жаков и трешкоутов, как причаливает к пристани пароход «Вытегра», купленный городом в 1878 году для того, чтобы ходить между Вознесенской пристанью и Вытегрой. Вечером можно пойти в городское собрание на водевиль «Дочь русского актера», который дает заезжая труппа провинциальных актеров. В антракте «пение артистами разных пьес и чтение сцен из народного быта». Те, кому не хочется идти в театр, могут пойти на охоту, на медведя или на волка. Их в окрестных лесах видимо-невидимо. В семьдесят восьмом году, как писали Олонецкие губернские ведомости, в девяти верстах от Вытегры медведь напал на крестьянку Прасковью Буланову из деревни Палозеро, когда она возвращалась из лесу с полной корзиной ягод. Прасковья не оплошала, затаила дыхание и притворилась мертвой. Зверь ее не тронул, но перед тем, как уйти в лес, ушиб ей ногу и разорвал одежду когтями. В каком, спрашивается, Петербурге или Вологде, или даже Москве вы найдете вместе и рыбник с целым лососем, и Вытегорскую горькую настойку, и уху со свежывывловленным сигом, и медведя в шаговой доступности? Нечего и говорить о медведе. Поэтому на трешкоут не садимся, в столицу не плывем, а возвращаемся к журналам Вытегорской городской думы и мелочам вытегорской жизни.

Вот, к примеру, думское распоряжение от восьмого июля 1875 года о том, что «Сын умершего купца Обрядина Андрей и мещанский сын Александр Орлов избраны с согласия родителей стипендиатами при Череповецком техническом училище». Здесь все для нас удивительно – и то, что городская дума занимается избранием стипендиатов, и то, что с согласия родителей. Это еще не все удивительное. В журналах думы за тридцатое октября того же года записано: «Сопровождавшему стипендиатов в Александровское техническое училище в г. Череповце, служащему в управе Яковлеву выдаются в награду оставшиеся у него, из выданных на путевые расходы денег 8 руб. 98 коп.». Наверное, можно начать проводить параллели с сегодняшним днем вологодской Вытегры или костромского Галича, или вовсе подмосковного Зарайска, но мы не будем. Заходите – сами проведете⁵⁶. И последнее о мелочах из того же октябрьского журнала: «Вследствие ходатайства городской думы и последовавшего по оному разрешения г. министра внутренних дел, постановлено: поместить на приличном месте в зале присутствия городской думы портрет его превосходительства г. начальника губернии, почетного гражданина города Вытегры, тайного советника Григория Григорьевича Григорьева». Теперь, конечно, все проще – ни ходатайства, ни разрешения министра внутренних дел не нужно, да и приличного места... Впрочем, это уже параллели, а мы их решили не проводить.

Нужно сказать, что Вытегорская городская дума хотя и повесила на приличном месте портрет губернатора, но перечить губернским властям не боялась. К примеру, 15-го сентября 1877 года на предложение Олонецкого губернского правления «об определении в г. Вытегру второй повивальной бабки с содержанием от города» Вытегорская городская дума ответила решительным отказом.

Поговорим теперь о серьезных, в масштабе уездного города, событиях. В конце августа 1875 года в Вытегре открыли учительскую семинарию, в которой стали готовить учителей приходских и уездных училищ. Событие это было даже не уездного, а губернского масштаба, так как семинария была первой в Олонецкой губернии. Город для нее долго не выбирали – большинство высказалось за Вытегру, хотя и были голоса, поданные за Петрозаводск. На выбор повлияло удобное положение города, в который могли приезжать учиться и олончане, и жители северной части Новгородской губернии. Кроме того, вытегорское земство обязалось ежегодно давать на содержание пятьсот рублей, в то время как земства других уездных городов Олонецкой губернии готовы были выделить куда меньшие суммы. Кроме того, Вытегорское городское общество и Вытегорское земство приняли на себя значительную часть расходов по содержанию начального училища при семинарии, а земство в дополнение к этому согласилось выделить деньги на выплату двух стипендий. Губернские ведомости писали: «Семинария открыта именно в Вытегре, в городе, который имеет все задатки к тому, чтобы поддержать это новое благотворительное для нашего края заведение, который вскормит будущих руководителей нашего народного образования». На праздник открытия семинарии, совпавший с днем императорского тезоименитства, из Петрозаводска приехал губернатор, вечером город был иллюминирован, на главной площади был устроен фейерверк. Новоиспеченные семинаристы, приглашенные на вечерний чай к директору семинарии, и любители пения «составили хор и весьма удачно пели “Слався, слався, наш Русский Царь”, “Боже, царя храни!” и некоторые из простонародных хоровых напевов». Все закончилось балом в общественном собрании, на котором присутствовал губернатор и все вытегорское общество. Ко всему сказанному о семинарии добавим только, что в 1889–1892 годах в ней преподавал в приготовительном классе все предметы не кто-нибудь, а будущий декадент и символист Федор Сологуб, тогда еще Федор Тетерников⁵⁷.

Раз уж зашла речь о праздниках, то расскажем и о праздновании в Вытегре в том же году победы русских войск под Плевной. Отслужили благодарственный молебен, палили из пушек, звонили в колокола, церковный староста собрал пятьдесят рублей в пользу Красного Креста, в здании городской управы накрыли столы для бедных мещан и угощали их водкой, уездный исправник предложил тост за здоровье императора, кричали «ура», певчие пели гимн и закончили день танцевальным вечером в клубе.

Вытегоры не только праздновали победу русского оружия в войне с турками, но и помогали армии чем могли – теплыми вещами для больных и раненых солдат, например. В уездном, конечно, масштабе. Городской голова предложил послать раненым вместе с другими пожертвованиями находящиеся в городской управе два тулуза, предназначенных для постовых, поскольку городу в них нет надобности. Вытегорский купец Василий Матвеев отдал в комиссию по приему лошадей собственного девятилетнего жеребца, а от полагающихся ему денег отказался, пожертвовав эти полторы сотни рублей на военные нужды. Город отдал в войска трех лошадей из числа общественных пожарных. Денег за них, по решению думских гласных, брать не стали. То есть сначала все же решили за одну деньги у казны все же взять, чтобы купить пожарным новую лошадь взамен отданной, но потом ~~успев~~ успевшие подумали еще раз и от денег отказались. Тем более что одну из лошадей забраковали, другую определили в обоз, а третью оставили в запас на случай недобора, но впоследствии взяли служить в артиллерию. Помогали вытегоры и семьям тех, кто ушел на войну. В одном из журналов городской думы есть запись «о благодарности, изъявленной городскому обществу возвратившимся из службы ратником государственного ополчения мещанином Николаем Яковлевым за призрение его семейства во время службы».

От дел военных перейдем к уголовной хронике семьдесят пятого года. 26 октября 1875 года крестьянину Василию Мишину из деревни Мостовой Шильдской волости Вытегорского уезда при выходе из дома крестьянина Кузнецова «неизвестно кем нанесен в голову сильный удар камнем, отчего образовалась опасная рана. Подозрение заявлено на трех местных крестьян». В самой Вытегре седьмого ноября волостной старшина Овчинников, находясь в гостинице Сафронова, подал буфетчику за водку фальшивый двугривенный, который и был изъят.

В конце декабря 1876 года Вытегорская городская дума в очередной раз избрала единогласно своим городским головой купца второй гильдии Василия Ивановича Говорухина, находившегося в этой должности почти бессменно тридцать шесть лет. Перед открытием собрания городской мещанский староста Фокин поднес городскому голове адрес от лица мещанского общества. Из экономии места мы здесь не будем приводить все содержание приветственного адреса, но ограничимся небольшими из него выдержками.

«Ваше степенство, многоуважаемый наш городской голова Василий Иванович! Мы, нижеподписавшиеся мещане г. Вытегры, глубоко проникнутые чувством беспредельной признательности и благодарности вам, за понесенные вами труды в деле общественного управления, осмеливаемся по этому случаю сказать вам несколько слов... Вашему ходатайству об открытии в г. Вытегре... общественного банка, который со времени своего открытия в 1872 году, благодаря распорядительности вашей и других деятелей по его управлению, принес те плоды, о которых, при скудных капиталах города, общество не смело и думать. Кроме того, на пустопорожней и почти не приносящей никакого дохода земле города, выстроен на выгодных для общества условиях пародействующий лесопильный завод, от которого, кроме уже получаемой платы за землю, далеко превысившей желания, общество в будущем, чрез поступление завода в пользу города будет получать без сомнения еще большие выгоды... Наконец во внутреннем управлении города мы видели и видим вас неуспынно трудящимся на пользу общественную; особенно обращает на себя внимание постепенное увеличение городских доходов и экономическое их расходование, из которых большая часть идет на благоустройство города и содержание учебных заведений, в которых наши дети наравне с детьми состоятельных родителей получают тоже образование; и затем в день столетнего юбилея города Вытегры <...> благодаря мысли вашей и других почетных граждан, учреждены две стипендии в Александровском техническом училище г. Череповца для беднейших детей из граждан города. Одна эта, истинно высокая цель, исторгает у нас слезы умиления <...>. Причем молим мы Всевышнего продлить старческую, но бодрую еще драгоценную жизнь вашу, для блага нашего родного города и для исполнения благих предначертаний Благочестивого Государя нашего Императора Александра Николаевича, от которого вы уже за усердие Всемилоостивейше пожалованы золотою медалью».

Почти в каждом журнале Вытегорской городской думы можно встретить записи так или иначе касающиеся образования. Городская дума в ноябре 1877 года в ознаменование столетнего юбилея в бозе почившего Александра Первого постановила «поместить одного бедного мальчика из городского сословия для обучения в Вытегорскую учительскую семинарию с начала будущего учебного года, необходимую на этот предмет сумму взнести в дополнительную смету будущего 1878 года... Уступить безвозмездно Вытегорской учительской семинарии под постройку семинарского дома участок земли в размере трех десятин <...>. Отпускать из городских сумм на наем помещения для Вытегорского уездного училища на случай преобразования его в городское по 250 р. ежегодно... А как в уездном училище обучается большая часть мальчиков из крестьянского сословия, то просить Вытегорское земство об ассигновании на этот предмет той же суммы».

Теперь не о просвещении, а о делах религиозных. На том же заседании думы сделано поручение городской управе «пригласить в присутствие ея купца Дмитрия Горина и потребовать с него завещанные в пользу церкви родственницею его Вешняковой деньги, и если он, Горин, таковых не уплатит, то уполномочить городского секретаря Абрамова взыскать эти деньги судебным порядком». Нет, в том же году директор Вытегорского тюремного отделения уездный исправник Ханенев попросил у городских властей разрешения построить церковь при городской тюрьме, не

требуя на это ни пособия от государства, ни от городских властей, и помимо Ханенева на строительство церкви пожертвовали деньги и лес купцы Веретенников, Матвеева и Букин, но каков Горин... Через четыре месяца Вытегорская городская дума постановила «Уполномочить г. секретаря думы Абрамова получить исполнительный лист из съезда мировых судей Вытегорского округа и затем произвести по нем взыскания, установленным порядком, присужденных с г. Горина денег 381 р. 9 к. и судебных пошлин 4. р. 11 к.». То ли Горин не пришел в присутствие, как его просили, то ли пришел, но сказал, что деньги он вложил в дело и отдаст, как только сможет, то ли они были еще на прошлой неделе, но... сейчас их нет.

В феврале 1878 праздновали заключение мира с Турцией. В селе Тихманга Вытегорского уезда как получили с проходящей почтой телеграмму – так сразу начали ее переписывать, чтобы распространять, и праздновать. Праздновали по обычной схеме – сначала благодарственный молебен, потом провозглашение многолетия государю, царствующему дому, вечной памяти православному воинству и всем, кто за веру и отечество свои животы положил, потом дети из Тихмангского училища, встав лицом к портрету императора, пропели гимн и сатирические куплеты о победе над турками, потом ученикам выдали пряники и отправили домой, а всем присутствующим при молебне были предложены чай и водка. Первый тост был предложен за царя, а второй за Великих князей главнокомандующих. Интересно то, что почти также в Тихманге праздновали день, когда был получен царский манифест о начале войны с Турцией – и молебен отстояли, и троекратно «ура!» кричали, и гимн пели, и без водки, конечно, дело не обошлось.

В том же году, как писали губернские ведомости, 21 февраля двое крестьян Вытегорского уезда деревни Кузнецовской нанесли побои крестьянину деревни Федосьевской Василию Докучаеву и отняли у него пять рублей. В ночь на 28 февраля в Вытегорском уезде, при возвращении крестьянина деревни Сойдозеро Ивана Ульянова домой из деревни Замощье на него напали двое неизвестных людей и сняли овчинный тулуп, стоящий двадцать рублей. 22 июля в деревне Сагармино у крестьянина Тихона Степыгина, в отсутствие его дома, похищено со взломом денег шестьдесят рублей, в чем заявлено подозрение на одного крестьянина. В ночь на 10 октября шестеро крестьян Вытегорского уезда Чернослободской волости из деревни Корбозеро произвели буйство в доме крестьянина Воеводина и при этом разбили все стекла, а уже днем десятого крестьянин деревни Крюково Вытегорской волости, придя в питейное заведение крестьянина Потанина, потребовал водки и, когда ему отказали, схватил медный подсвечник ценою в полтинник и... скрылся.

В 1878 году Императорское общество содействия русскому торговому мореходству предложило начать сбор народных средств для покупки быстроходных судов, которые после вооружения могли бы в военное время использоваться как крейсеры для борьбы с судоходством противника. Ждали войны с извечными недоброжелателями – англичанами, эскадра которых базировалась в Мраморном море и угрожала русскому Причерноморью. В марте учредили Главный комитет для организации Добровольного флота, и начался сбор денег. Вытегра и уезд в стороне от покупки судов для Добровольного флота не остались. Купец первой гильдии Матвеев дал пятьсот рублей, лесничий Стацевич двадцать пять, лесничий Гемельман пять рублей, чины Вытегорского полицейского управления пожертвовали пять рублей с копейками, пристав Вытегорского уезда Николаевский восемь рублей без гривенника, жительницы Вытегры Тришова, Иванова, Рябова, Елькина по двугривенному, Варшакова и Осейкова пятьдесят копеек, а священник Иоанн Лядинский собрал с разных лиц семнадцать рублей. В июне в городе заезжей труппой провинциальных актеров был дан спектакль в пользу крейсеров Добровольного флота. Вытегорам представили водевиль «Цирюльник из Рогожской и парикмахер с Кузнецкого моста», дивертисмент «Шестнадцатилетняя кокетка, или 1001 урок мужьям», «предшествующий хорошо пропетым девицею Ярославцевой, молодой красивой блондинкой, романс “Стрелок”». Собрали около восьмидесяти рублей.

Вытегоры и вообще были людьми отзывчивыми. Особенно когда это касалось образования и всего того, что с ним связано. К примеру, член попечительского совета Вытегорской женской

прогимназии потомственный почетный гражданин Иван Михайлович Манин пожертвовал на обувь бедным ученицам сорок пять рублей, купеческая жена Авдотья Ивановна Матвеева пожертвовала девочкам на платья сто сорок восемь аршин ситцу. Так и хочется сказать, что и сейчас есть бедные ученицы, и сейчас им нужна обувь и платья, вот только... Нет, раз уж мы решили не проводить параллели, то и не будем.

В сентябре 1879 года в Вытегре было открыто двухклассное городское училище, преобразованное из уездного. Позднее оно станет трехклассным. Тут бы нужно сказать еще о торговле, которая продолжала развиваться и рассказать о том, что на Рождественской ярмарке 1878 года было продано пятьсот пудов рыбы, а три года назад всего двести десять, холста тысячу двести аршин, а три года назад всего семьсот, мяса две с половиной тысячи... но не будем утомлять читателя этими скучными цифрами. Скажем только, что девятикратно возрос спрос на кушаки – их продали на Рождественской ярмарке сто восемьдесят против двадцати три года назад. Бог его знает почему.

Снова об образовании. В восьмидесятом году праздновали двадцатипятилетие царствования Александра Второго. Городская дума по такому случаю постановила: «<...> повергнуть к стопам Его Величества выражения верноподданнических чувств граждан Вытегры». Само собой, отслужили благодарственный молебен, поставили на площади угощение нижним чинам местной команды и бедным гражданам, воспитанникам учебных заведений раздали пряники, конфеты, а самым бедным были выданы от города денежные пособия. Гуляли три дня, дома разукрасили флагами и иллюминировали. Во многих домах в окнах зажгли свечи. Перед домом городской управы горели смоляные бочки. В обычном уездном городе этим, скорее всего, и закончилось бы, но не в Вытегре. Городская дума постановила «в ознаменование двадцатипятилетия царствования Государя Императора учредить одну вечную стипендию в Череповецком Александровском техническом училище, замещая ее детьми преимущественно бедных граждан города Вытегры, и ходатайствовать о названии сей стипендии “Александровскую”». Об отношении вытегорцев к образованию говорит смета городских расходов и доходов за восемьдесят второй год. На «пособие учебным, благотворительным и общепольным учреждениям» тратилось 2183 рубля и 6 ½ копеек. Это вторая по величине статья в городском бюджете. Больше ее только статья расходов на содержание городского общественного управления – 3111 рублей и 90 копеек. Все остальные статьи расходов существенно меньше. Содержание полиции обошлось за год в девятьсот рублей, почти столько же истратили на содержание городских общественных зданий и имуществ, на поддержание в порядке улиц, мостов, тротуаров и освещения истратили две сотни, на городские церкви – триста с небольшим. Наем трех трубочистов обошелся городу в пятьсот сорок рублей. Содержание пожарной команды и пожарного обоза – тысячу семьсот, а воинский постой и содержание тюрьмы... Не будем, однако, утомлять читателя скучными подробностями. Вернемся лучше в восьмидесятый год и посмотрим на некоторые, как нам кажется, менее скучные подробности жизни Вытегры.

В январе купеческая вдова Авдотья Ивановна Матвеева желая увековечить память своего супруга, пожертвовала городу свой дом под богадельню и обязалась при этом, «для образования неприкосновенного капитала богадельни, пожизненно и ежегодно вносить в городской банк сумму, сколько найдет возможным, для приращения процентов, но с тем, чтобы деньги эти были по жизни ее неприкосновенны в городском банке, и чтобы ей предоставлено было право пожизненно занимать одну кровать. По смерти же ее капитал, сколько его окажется, наименовать Матвеевским капиталом и проценты с оного обращать на содержание богадельни». В апреле по приглашению уездного исправника местные домовладельцы приобрели сорок фонарей для освещения города. Из этого количества двадцать восемь фонарей их хозяева подарили городу и передали, как сказали бы сейчас, на баланс городской управы. Всего же в Вытегре уличных фонарей в восьмидесятом году было шестьдесят шесть. В августе заложили часовню в четырех верстах от Вытегры, на Беседной горе, в память об императоре Петре Великом. В том же месяце в уезде на озимые посевы напал хлебный или мучной червь и начал их истреблять. Напал так неожиданно и вероломно, что напуганный уездный исправник в панике отбил телеграмму губернатору, а губернатор

предложил выслать для исследований по экземпляру... Воля ваша, но нашествие хлебных червей еще скучнее, чем статьи городского бюджета и количество фонарей на улицах города. С другой стороны, пусть черви, а не летучие польские гусары, или литва, или шведы, или закованные в латы тевтоны, или вовсе марсиане, как в Лондоне. Провинция... С червями воевать все проще, чем с марсианами. Власти распорядились на зараженные поля выпускать ночью баб и детишек с ведрами, в которых на дне налито немного воды, и в эти ведра собирать червей, выходящих ночью из земли. Бабам и детишкам велели выдавать фонари, чтобы было видно кого собирать.

Не будем отвлекаться от скучных подробностей. В ноябре приглашенный в собрание мещанского общества Вытегры купец Веретенников по просьбе общества согласился уступить ему полсотни кулей ржаной муки лучшего качества под обеспечение билетов Вытегорского общественного банка. Мещане города Вытегры из этой муки решили выпекать хлеб и продавать его бедным жителям города по цене три с половиной копейки за фунт, что на копейку меньше рыночной цены.

Неиссякаемым источником скучных и не очень подробностей о жизни Вытегры являются журналы городской думы, содержание которых регулярно публиковалось в Олонецких губернских ведомостях. Вот лишь некоторые записи из этих журналов, сделанные в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века. Не то чтобы они были удивительными, но...

27 марта 1881 года дума постановила: «Благодарить городского голову В.И. Говорухина и членов городской управы за их аккуратное и экономическое распоряжение городскими суммами и представленные отчеты о приходе и расходе городских сумм за 1880 год утвердить». 3 марта 1882 года: «Отчет городского общественного банка за 1881 год утвердить, выразив директору банка П. Киселеву и товарищам его Н. Шаркову и А. Москвину глубочайшую благодарность за их безвозмездную и полезную для общества деятельность». 2 июня 1882 года: «Благодарить городского голову В. И. Говорухина, а также председателя и членов сиротского суда за их сочувствие городским нуждам и желание продолжать безвозмездную службу по городским выборам». Прилагательное «безвозмездную» не то чтобы удивляет, но...

Василий Иванович Говорухин в тот год попросился в отставку по болезни. Городская дума сделала уходящему городскому голове, проработавшему в этой и других общественных должностях почти сорок лет, подарок – «Бывший огород воинской команды передать в пользование г. городскому голове В. И. Говорухину на 12 лет безвозмездно». Подарком этим он почти не успел воспользоваться – через год после отставки скончался. Благодарные вытегоры назвали его именем улицу в центральной части города. Теперь она называется улицей «25 лет Октября». В последнем как раз ничего удивительного, увы, нет.

Удивительное есть в постановлении городской думы от 30 июня 1883 года, которое лучше процитировать полностью: «По выслушании просьбы крестьянина Прядильникова о разрешении открыть ему питейные заведения в гор. Вытегре во второй половине 1883 года, постановлено: при малочисленности жителей гор. Вытегры, существующих в настоящее время 23 различных заведений для раздробительной продажи крепких напитков чересчур много и потому невольно приходится задать вопрос: имеют ли виноторговцы возможность покрывать продажу водки свои обыкновенные расходы, как-то: на наем помещения, содержание сидельца, на патент, содержание самого содержателя с семейством, обстановку заведения и другие? Если же не имеют, то из каких источников покрывают все эти расходы и получают еще барыш. Главнейшее для народа зло от пьянства заключается не столько во вредном его влиянии на организм, сколько в тех материальных и нравственных последствиях, какие оно оставляет в народе. Таким образом, чем менее побуждений будут иметь виноторговцы прибегать к помощи недозволенных законом средств для успешного сбыта своего товара и извлечения возможно больших выгод, тем менее пагубные будут последствия пьянства в народе. На основании всех этих данных городская дума в заседании 31 мая, озабочиваясь о благосостоянии жителей города, постановила не разрешать более существующего количества заведений для раздробительной продажи питей. Но губернское по городским делам присутствие постановление это со всеми последствиями отменило, посему городская дума

полагает: поручить городской управе обжаловать настоящее решение губернского присутствия в Первом департаменте правительствующего сената, а Прядильникову, согласно определения присутствия, разрешить открытие во второй половине сего года питейных заведений в гор. Вытегре». Воздержимся от того, чтобы проводить параллели, а только представим себе, как сегодня какая-нибудь мэрия, вовсе и не Вытегорская, на предложение открыть... еще и обжалует решение областного начальства на самом вершине... Нет, даже и представлять не станем.

Большое место в работе городской думы занимало выделение различных пособий малоимущим горожанам. Вот только несколько записей за первые четыре года восьмидесятых: «Отпустить мещанской вдове Марии Горской из городских средств двадцать рублей на отправку сына ее Федора Горского в Череповецкое техническое училище для поступления в оное стипендиатом от города, с тем, чтобы она сына своего отправила не позже 8 августа. Городской управе поручить, в случае, если Горский будет принят в училище, взнести за него следующие за первое полугодие учебного года 90 р. и одновременно 20 р. Горский по окончании курса в училище должен принести своими знаниями пользу городу, на основании постановления думы 8 июля 1875 года. Назначить из городских средств мещанской девице Настасье Осиповой Япишиной, 76 лет, по бедности и болезненности ее, пособие по 2 р. в месяц. Назначить мещанской вдове Ряхиной по бедности ее пожизненное пособие от города в размере 27 рублей в год. Пособие унтер-офицеру Петру Юркевичу на воспитание двух сыновей производить по три рубля в месяц. Согласно ходатайства мещанского старосты об отпуске из прибылей общественного банка суммы на уплату за лечение бедных мещан г. Вытегры, городская дума постановила: при распределении прибылей общественного банка за настоящий 1883 год отчислить Вытегорскому мещанскому старосте, согласно его ходатайству, на уплату за лечение бедных мещан в больницах за 1882 и 1883 гг. 200 р., а затем на будущее время из того же источника и на тот же предмет отчислять ему по 100 р. ежегодно». Кто-то скажет, что два рубля в месяц не деньги, а насмешка, но, во-первых, те два рубля были не в пример нынешним двумстам и даже двум тысячам, во-вторых, бюджет уездного города Олонецкой губернии, которая вовсе не Московская, не Казанская, и тем более не Санкт-Петербургская, вовсе не бюджет Москвы, Казани и тем более Санкт-Петербурга, в-третьих, если отступить от правила и провести параллель...

Прежде чем от пособий горожанам перейти к здравоохранению и народному образованию в Вытегорском уезде, а без этих сведений наш рассказ не может считаться настоящим краеведческим, скажем, что в 1881 году в Вытегре появилась метеостанция, а первый, посвященный Вытегре, фотоальбом был издан в 1884 году. Назывался он «Виды города Вытегры и ее окрестностей». В нем были снимки обоих городских соборов – Воскресенского и Сретенского, Воскресенского проспекта, летнего Вытегорского общественного клуба, разводного моста через Вытегру, кладбищенской церкви, часовни в трех верстах от города в том самом месте, где отдыхал царь Петр по пути в Архангельск, шлюза Св. Натальи у деревни Марковой, берега Онежского озера у подножья горы Андома, сделанные фотографом Яковом Пекарским. Справедливости ради нужно сказать, что это не самые старые фотографии Вытегры и окрестностей – в 1865 году вышел альбом с видами Мариинской системы, в котором, конечно же, были и фотографии Вытегры.

И последнее о 1884 году в истории Вытегры и уезда. В тот год в селе Коштуги в семье урядника Алексея Ключева и сказительницы Прасковьи Ключевой родился будущий поэт Николай Ключев, и это было событие не уездного и не губернского, а всероссийского масштаба.

Ну, а теперь о здравоохранении и народном образовании в уезде и городе. О народном образовании долго распространяться не станем – и без того, рассказывая о Вытегре и уезде в девятнадцатом веке, так или иначе рассказываешь то о народных училищах, то о стипендиях малоимущим ученикам, то о пожертвованиях вытегорского купечества на обувь и одежду ученикам женской прогимназии. Скажем только, что к середине восьмидесятых годов девятнадцатого века в городе и уезде на сорок пять тысяч населения приходилось ни много ни мало, а тридцать пять школ, исключая учительскую семинарию.

Со здравоохранением все обстояло не так хорошо, как с образованием. На средства уездного земства содержались один врач, десять фельдшеров и пять повивальных бабок. Проживало в то время в уезде около сорока четырех тысяч жителей. В эпидемиях недостатка не было. Только за период с восьмидесятого по восемьдесят первый год натуральная оспа приходила восемь раз, возвратный тиф восемь раз, скарлатина три раза и один раз коклюш. Бичом уезда был сифилис, постоянным источником которого была Мариинская водная система. Сифилисом болели даже дети. Наиболее распространенными среди крестьян болезнями кроме оспы, тифа, скарлатины и коклюша с сифилисом были золотуха, чес и чесотка, острое и хроническое воспаление грудных и брюшных органов, нарывы, вереда, то есть фурункулез, ногтеода, язвы, перемежающаяся лихорадка и ревматизм во всех его разновидностях. Нельзя сказать, чтобы с эпидемиями оспы не боролись. Оспу детям прививали изо всех сил, но, как писали губернские ведомости, «Успеху оспопрививания противодействуют многие родители, не давая прививать оспенную материю из чувства ложной жалости к своим детям при ощущении малютками боли от укола или надреза. Другие из родителей отказываются от прививки потому, что ожидают в свое семейство “Божью оспу”, как желанную и долгожданную гостью, надеясь чрез нее “избавиться от лишнего рта”, хотя и детского, убыль которого из многочисленного семейства имеет большое значение при настоящей дороговизне хлеба».

От здравоохранения перейдем к событиям театральной жизни Вытегры второй половины восьмидесятых годов. Можно перед театральной хроникой оживить повествование хроникой уголовной и различными происшествиями тех лет, но посудите сами – разве оживишь его тем, что в уезде, в деревне Аннинский погост Бадожской волости зарезался отставной фельдшер Голубев или в деревне Савиной Вытегорской волости по подозрению от поджога сгорел кожевенный завод крестьянина Ивана Иудина, в деревне Усадьбы Бадожской волости от неумеренного употребления водки скоропостижно умер крестьянин Захар Тимофеев, а в деревне Даниловской Вытегорской волости от того же самого скоропостижно умер крестьянин Иван Доронин, в деревне Прокшиной Чернослободской волости по подозрению от поджога сгорел оvin крестьянина Кононова, в Вытегре застрелился старший топограф, и у запасного фейерверкера Егора Ильина, жившего на квартире трубочиста Мартына Кыша, украли кошелек с шестью рублями... Нет, эти-ми скучными подробностями⁵⁸ не оживишь, а потому мы перейдем к театральной хронике.

В январе восемьдесят седьмого года в город приехала театральная труппа из Петербурга, руководил которой Николай Иванович Соболевичков-Самарин. Мы бы, может, о приезде этой труппы и не вспоминали бы, кабы ее руководитель не старости лет, в конце пятидесятых годов не написал воспоминаний о времени, проведенном в Вытегре. Правду говоря, аттестовал он Вытегру не самым лучшим образом, но из песни слов не выкинешь, а потому мы все же приведем здесь касающийся Вытегры отрывок из его мемуаров.

«Дело было к вечеру. Город точно вымер. В темных, узеньких проулках, по которым мы проезжали – ни души. Нас встретил непрерывный злой собачий лай, раздававшийся из каждой подворотни. Все окна были закрыты ставнями. На улочках – ни одного фонаря. Ну, кажется заехали куда Макар телят не гонял <...>. Наутро наш администратор – он же первый комик А.В. Ильин помчался по делам, а весь наш коллектив направился осматривать город и его достопримечательности. Но никакого города не было. Не то забытый всеми на свете посад, не то небольшое село. Два-три двухэтажных каменных здания выделялись на фоне незатейливых, некрашенных домов. Невзрачная церковь. Обледенелые дощатые мостки служили тротуаром. На улицах ухабы и горы снега, который очевидно, никогда не убирался. В центре была базарная площадь. От нее шло несколько проулков, за которыми невдалеке виднелись пустынные снежные пространства. Какие-то люди вяло бродили по базару. Редко и погребально ударял церковный колокол. Центр жизни Вытегры был тут, на базаре, а в смежных улочках и днем невидно было прохожих. Да и не удивительно – во всей Вытегре, оказалось, было всего две тысячи жителей <...>. Зашли в клуб, где нам предстояло показывать свое искусство. Он помещался тут же, на базаре, на втором этаже кирпичного нештукатуренного дома. Заглянули в зал и ахнули. Он мог вместить человек

сто, сто двадцать пять, не больше. Жалкая миниатюрная сцена состояла из временных скрипучих подмостков с чудовищно намалеванной лесной декорацией. За ней помещалась всего одна довольно большая, но сырая, со стенами, покрытыми плесенью, комнаты – артистическая уборная <...>. Опять пришлось побывать у исправника – он <...> был большим любителем театра <...>. Мало того, он был и драматургом – написал два водевиля, очень скучных, и мы должны были их играть. Злополучные актеры, побывавшие в Вытегре до нас, также не избежали этой участи. Публика знала их почти наизусть и до поднятия занавеса на водевиль дружно покидала зал. Любовь этого исправника к театру выражалась еще и в том, что они никому не позволял поднять и опустить занавес, а всегда проделывал это сам, собственноручно <...>. Типографии в Вытегре не было. Мы всем скопом садились за стол и писали афиши от руки <...>. Дела наши были плохи; мы задолжали за квартиру, побывали по этому поводу и у мирового судьи, а затем судебный пристав описал у нас все движимое имущество, включая и театральный гардероб <...>. В далекую глушь, в маленький захудалый городишко, к темным, невежественным, одичалым людям мы все-таки донесли еле мерцающий светоч культуры. И другим, заброшенным сюда неудачникам или загнанным произволом деспотической власти людям, задышавшимся в этой трущобе, мы внесли струю чистого воздуха. С маленьких подмостков нашей сцены звучали страстные зажигательные речи Шиллера, жестоко, едкой сатирой, бил по самодержавному строю великий Гоголь, говорил о самодурах и угнетенных Островский и зло высмеивал человеческие пороки и слабости Мольер. Неужели мы не заронили и крупницы из прекраснейших мыслей этих великих писателей в мозг и сердца зрителей нашего маленького театра в Вытегре? Не может этого быть! А если так, значит мы делали нужное дело. Эти мысли помогли нам переносить лишения. И, действительно, очевидно, какой-то добрый след мы оставили в сердцах тех, кто смотрел наши спектакли и смотрел нашу работу. Какая-то группа “неизвестных” уплатила наш долг, и арест с имущества был снят».

Сделаем поправку на то, что гастролы в Вытегре не задались и закончились тем, что судебный пристав описал все имущество труппы. Еще одну и, быть может самую существенную, поправку сделаем на то, что писались воспоминания Соболевцова-Самарина в те годы, когда было принято огульно ругать все то, что было до семнадцатого года. Уж и темные вытегоры, и невежественные, и одичалые, и неудачники, и задыхаются в трущобе. На их счастье приехала столичная труппа и давай ставить Шиллера, Гоголя, Мольера и едкой сатирой бить по самодержавному строю, но... оказалось, что в Олонецких губернских ведомостях публиковались все объявления о спектаклях, сыгранных труппой Соболевцова-Самарина. Оказалось, что ни Шиллера, ни Гоголя, ни Мольера храбрый задним числом старик не ставил, а играла его труппа во множестве комедии, оперетты, фарсы, водевили с переодеваниями и без, водевили с пением, душещипательные драмы, комические квартеты и разнохарактерные дивертисменты. Неувязка получилась с еле мерцающим светочем культуры⁵⁹. Фонари, как мы уже раньше писали, в городе имелись, и не один, а около семи десятков. Каменных домов было куда больше, чем... Нет, оправдываться в мелочах не станем. Скажем только, что в одном Соболевцова-Самарина память не подвела – уездный исправник Николай Андреевич Ханенев был большой любитель театра и писал пьесы под псевдонимом Горемыкин. Написал они их не две, а куда больше. Через два года после неудачных гастролей труппы Соболевцова-Самарина в Вытегре, в Нижнем Новгороде вышел из печати первый том собрания пьес Ханенева, среди которых была фарс-комедия в двух действиях «Расчет, или Перелетные птички», действительно сыгранная, как следует из заметки в Олонецких губернских ведомостях, на сцене Вытегорского соединенного собрания. Кто знает, может быть и не один раз. В конце концов, никому не запрещено писать комедии, хотя бы и уездному исправнику. Между прочим, Николай Андреевич был еще и старшим директором Вытегорского тюремного отделения, и старостой теремной церкви, которая была построена лишь потому, что он смог, не требуя от города и казны ни копейки, собрать деньги на ее постройку. Согласитесь, что любой другой старший директор городского тюремного отделения и уездный исправник в истории города могли бы оставить после себя одно, в лучшем случае, два пустых места, а не комедии.

Отложим в сторону увеличительное стекло и от личности уездного драматурга и исправника перейдем к событиям городского масштаба. В ноябре 1887 года исполнилось сто лет со дня основания Вытегорского народного училища. В Вытегре такое событие незамеченным пойти не могло. Празднование перенесли на начало следующего года. Утром третьего января ученики и преподаватели отправились в городской собор к литургии. Туда же пришли все городские власти – городской голова, председатель земской управы, мещанский староста, исправник, учебный персонал Вытегорских учебных заведений, городское духовенство и другие приглашенные горожане. Из Петрозаводска приехал директор народных училищ, в свое время и сам служивший в Вытегорском училище. Литургию пел певческий хор городского училища, состоящий из учеников и любителей. За литургией духовенство отслужило панихиду по основательнице училища – Екатерине Великой. Потом все проследовали в училище. Там снова отслужили благодарственный молебен, директор училища прочел историческую записку о состоянии и преобразованиях училища за минувшее столетие, читали приветственные телеграммы, училищный хор исполнил гимн, пили шампанское за здоровье царя, взрослых пригласили к завтраку, а детям раздали десерт. Во время завтрака пили за здоровье министра народного просвещения. На этом... ничего не закончилось. Директор училища дал обед у себя в квартире, на котором присутствовал он сам с супругой, инспектор училищ, городской голова, председатель земской управы, служившие в училище из живущих в Вытегре, настоятель градского собора и весь учебный персонал Вытегорских учебных заведений. Пили за здоровье преосвященного епископа Павла, приславшего приветственную телеграмму училищу, губернатора и всех приславших поздравления училищу с днем юбилея.

Вечером для учащихся устроили елку на деньги, собранные горожанами. Детей угощали чаем с пирогами, булками, десертом и раздавали бонбоньерки с конфетами. Сожгли десять комнатных фейерверков и бенгальские огни. Почетный смотритель училища купец Веретенников раздал нуждающимся ученикам пальто, верхние рубашки, сапоги и материю для пошива одежды, пожертвованную некоторыми горожанами. Вытегорская городская дума в стороне не осталась и постановила для увековечивания юбилейного дня ежегодно вносить в пользу бедных учеников, в распоряжение педсовета училища, по пятьдесят рублей. Воля ваша, а Соболящикова-Самарина за его «маленький захудалый городишко» и «темных, невежественных и одичалых людей» хочется просто...

К тому времени, как Вытегорскому народному училищу исполнилось сто лет, в городе уже существовало Общество вспомоществования бедным ученикам Вытегорского уезда, открытое за год до юбилея. Кому-то из бедных учеников выдавались ежемесячные пособия, кому-то сшили сапоги, а кому-то дали три рубля на пальто. Сельским школам просто давали деньги по заявкам. Подробные отчеты о деятельности общества печатались в Олонецких губернских ведомостях, и там с точностью до копейки можно было узнать обо всех тратах общества. На пальто было выдано ровно три рубля и ни копейкой меньше.

Снова о благотворительности. В 1890 году основано Вытегорское благотворительное общество, находившееся, как это тогда было заведено, в ведении Министерства внутренних дел. В уставе общества было записано, что оно «имеет целью доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных г. Вытегры». У общества имелась столовая, выдававшая обеды взрослым, детям и тем, кто предъявлял специальные билеты. Об этих билетах написано в отчете благотворительного общества за 1893 год следующее: «Доброхотные деятели из местного населения отозвались на приглашение общества и стали подавать просящим вместо милостыни вышеназванные билеты, стоимость которых (по одной копейке за билет) не могла обременить милостивцев, получавших в то же время уверенность, что поданная ими лепта пойдет на действительно нужду просителю, которому за восемь предъявленных билетов предоставится даровой обед в столовой общества». Такие билеты можно было только проесть, но не пропить. Обеды в благотворительной столовой состояли из «порции мясных щей, ухи, или гороху; порции пшённой каши с маслом коровьим или постным и из порции хлеба (взрослым по 2 фунта, а

малолетним по 1 ½ фунта)». Часто в столовой раздавались частные приношения от граждан Вытегры в виде пирогов, булок, кренделей, молока, сахара и чая. На содержание столовой собирали деньги по подписке от горожан, от служащих грязечерпательной машины, со сборов от благотворительных спектаклей и даже штрафы от мирового судьи, присужденные им при разборе одного дела по желанию сторон в пользу столовой. Обедов в разное время выдавали около полусотни в день. Приходили за ними не только горожане, но и жители уезда. Занималось общество не только обедами. В отчете за 1891 год читаем: «В 1891 году по ходатайству членов совета, один из призреваемых, отставной рядовой П., помещен на призрение в Петрозаводскую богадельню; четыре мальчика из шатающихся по городу нищих детей: В. К. Л. и П. помещены в начальную школу при Вытегорской учительской семинарии и им – с 1 октября 1891 г. производится выдача даровых обедов при бесплатной столовой благотворительного общества; вместе с тем они снабжены необходимою носимою одеждою – частью купленной на счет общества, частью из пожертвованных вещей. При богадельне Евдокии Ивановны Матвеевой помещены на постоянное жительство на счет благотворительного общества два мужчины и две женщины, Вытегорские мещане И. Д. О. и К., пользующиеся даровыми обедами и ужинами из бесплатной столовой общества; предварительно помещения означенных четырех лиц на постоянное жительство в доме богадельни на счет общества, приобретены железные кровати, суконные одеяла, постельники, наволочки для подушек, простыни и необходимые для обстановки столы и табуреты... На минувший праздник Рождества Христова шестидесяти лицам, получающими ежедневно даровые обеды в столовой, были розданы в виде подарков готовые, сшитые для женщин, ситцевые платья, для – мужчин рубашки и кальсоны, для детей – костюмы, материал на каковые был куплен на счет сумм общества и частично пожертвован разными лицами».

В 1890 году, в январе, Вольное пожарное общество праздновало образование вольной пожарной команды, а в мае оно же праздновало годовщину собственного существования. Рассказывать о праздниках вольных пожарных обществ в уездных городах тех лет довольно скучное занятие. Обычно все начиналось с молебна, потом окропляли святой водой все пожарные насосы, трубы, бочки и топоры с баграми, потом ходили, сверкая начищенными до блеска касками, по главной улице с оркестром, кричали ура, потом пожарный обоз на рысях проходил по тем же улицам, потом пили за царское здоровье и снова кричали ура так, что заглушали оркестр, который играл «Боже, царя храни». В Вытегре все обстояло так или почти так.

Куда интереснее в том же году, в феврале, проходил в городе первый в истории Вытегры детский бал. О его начале в половине шестого вечера извещил пушечный выстрел на главной площади города. В зале соединенного городского собрания специально по этому случаю соорудили арки из зелени, украшенные флагами. Встречали мальчиков и девочек, пришедших и приехавших вместе с родителями и родственниками, фейерверком. Всего приехало почти сто двадцать детей, которым сразу же по приезде выдали хлопушки, а вынутые из них головные уборы были надеты им на головы. Встречал гостей транспарант с надписью: «Веселитесь». Не обошлось и без оркестра Вольного пожарного общества, который открыл бал непременным «Боже, царя храни», а хор любителей гимн пропел. Потом начались танцы, показ живых и туманных картин с помощью волшебного фонаря. В антрактах между отделениями играла музыка, а детям раздавали фрукты и десерт. Устроен был и карнавал «состоявший из десяти мальчиков... один из них (вожак) был одет во фраке, на голове парик, на носу – бумажный нос, через плечо барабан, в который он отбивал такт идущим за ним попарно остальным, изображавшим чернильницу, перо, циркуль, круг, два треугольника с прямоугольником и линейку с масштабом; шествие это замыкал мальчик, одетый в костюм старинного учителя, с большим пучком розог под мышкой...». В третьем и последнем отделении, когда сил танцевать уже не было, пели русские и украинские народные песни.

Все это время, пока пожарные и городские народные училища отмечали свои юбилеи, возникали благотворительные общества, приезжали и уезжали театральные труппы, собирали деньги на создание Добровольного флота, каждый год шли ярмарки. Набор товаров на протяжении последней четверти девятнадцатого века менялся мало – бакалея, галантерея, колониальные това-

ры, иконы, семга свежая, треска соленая, сухая мелкая рыба, мясо, капуста, овощи, меха, готовое платье, посуда, сапоги, валенки, лошади и лошадиная упряжь. Точно такими же товарами или почти точно такими же торговали на ярмарках и в других уездных городах Олонецкой губернии, но был один товар на вытегорских ярмарках, которого в других уездах не было, и он в отчетах указывался первым – домашние пряники. Теперь, в двадцать первом веке, вытегорские пряники пекут в Потребительском обществе «Онего-Хлеб», но к тем пряникам они не имеют никакого отношения. Они, как говорится, даже не однофамильцы. В местном краеведческом музее о тех, старых пряниках, ничего не знают⁶¹.

Был в городе и рыбный рынок, располагавшийся в центре города, на Воскресенском проспекте, напротив пристани. На рынке стоял трактир, в котором всегда можно было купить рыбные пироги и кислые щи в бутылках – такие же как те, которые спросил Павел Иванович Чичиков в гостинице города NN. Пристань и сейчас есть, но ни рыбного рынка, ни трактира, ни пирогов нет, не говоря о кислых щах в бутылках.

Оставим пряники и вернемся к журналам городской думы. В 1893 году, через сто с лишним лет после основания Вытегры, дума постановила: «На углах улиц в городе прибить на зданиях или на заборах доски с наименованием улиц. Необходимый на этот предмет расход до двадцати рублей употребить из сумм ассигнованных на исправление улиц в городе». В том же году по постановлению олонцкого губернатора объявили благодарность «купеческой вдове Евдокии Ивановне Матвеевой, за устройство в г. Вытегре богадельни, и за ее постоянное попечение о ней, а также г. инженеру путей сообщения Евгению Оскаровичу Шульцу, за заведывание Вытегорским пожарным обществом и за его заботы к достижению целей общества». Дом, в котором Евдокия Ивановна Матвеева устроила богадельню и в котором в конце девятнадцатого века проживало восемь слепых женщин, сохранился. В советское время в нем открыли детский сад. Теперь и детского сада там нет. Пусто в доме. Он, понятное дело, обветшал, но, если его привести в порядок и покрасить... Наверное, когда-нибудь это сделают, если не опоздают, а пока дом из последних сил украшает собой Вытегру. Между прочим, стоит детский сад не на улице имени Евдокии Ивановны Матвеевой, которая столько сделала для города, а на улице имени Цюрупы, который жил в Олонецкой губернии в Вытегорском уезде и в Вытегре около года под надзором местных властей в ссылке и осчастливил город организацией марксистского кружка.

Кстати, о Евгении Оскаровиче Шульце. В 1894 году вытегорское вольное пожарное общество праздновало четвертую годовщину формирования вольной пожарной команды. Само собой, по этому случаю был и молебен, и парад, и завтрак с шампанским. Губернские ведомости в заметке, опубликованной по этому поводу: «Во внимание плодотворной деятельности начальника команды Е.О. Шульца, поставившего пожарную команду и вообще пожарную часть в Вытегре в образцовое состояние, благодарное Вытегорское общество, чтобы почтить заслуги г. Шульца и выразить фактически свою признательность... предположило поднести ему на память серебряную каску, присвоенную уставом начальнику команды. По сделанному заказу в Петербурге, каска была своевременно доставлена сюда и вот, 16 января состоялось самое поднесение».

Снова заглянем в журналы Вытегорской городской думы. В декабре того же девяносто третьего года дума на своем заседании избрала городским головой купца Александра Федоровича Лопарева и назначила ему содержание – пятьсот рублей в год. На этом же заседании городской голова от своего жалованья отказался, за что дума выразила ему благодарность. Купец первой гильдии Лопарев был миллионером и самым богатым человеком в Вытегре и уезде. Ему принадлежали и кирпичный завод в Вытегре, и красочный завод в уезде, где на краски перерабатывалась местная охра и цветные глины, и картонажная фабрика, и лесопильный завод, на котором работало полторы сотни человек, и мукомольная мельница, производившая ржаной и гороховой муки на шестьдесят пять тысяч рублей в год, и буксирное пароходство, и не один и не два дома в уезде. В 1890 году Лопарев взял подряд на переустройство Мариинской водной системы от деревни Ковжа до города Вытегры на сумму в пять с половиной миллионов рублей.

Александр Федоровичу можно было сказать спасибо не только за отказ от годового содержания. Благодаря его заботам в 1898 году в Вытегре была открыта двухклассная церковно-приходская школа для девочек. Первое время Лопарев оплачивал содержание учительницы и ее помощницы. По его инициативе были открыты четыре начальных школы в уезде, причем одна из них полностью содержалась на его средства, а вторая на средства его жены, Анны Петровны. На собственные средства Лопарев открыл в Вытегорском погосте одноклассную церковно-приходскую школу и содержал ее семь лет. На средства Лопарева эта школа была преобразована в уездную второклассную школу, причем для нее Александр Федорович построил в деревне Шестово, рядом со своим домом⁶², прекрасное двухэтажное здание со всеми необходимыми хозяйственными постройками. Рядом со школой возвели двухэтажный дом, в котором жили учителя, и еще один – для женской школы с лазаретом. При второклассной школе была столярная мастерская, в которой с учениками работал мастер, которого Лопарев взял на полное содержание. На полном содержании постоянно находились от пяти до восьми детей, живших в школьном общежитии, а все нуждающиеся ученики бесплатно обеспечивались одеждой и обувью.

Прежде чем попрощаться с девятнадцатым веком в истории Вытегры, обратимся к собственному городу и посмотрим, что он из себя представлял на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Девятнадцать улиц, один проспект, три тракта – Архангельский, Петербургский и Пудожский, две набережные и один бульвар – вот что такое Вытегра в конце позапрошлого века. Названия улицам давали исходя из самых утилитарных соображений – или по положению на местности, или по находившимся на ней учреждениям. Потому и назвались они Подгорной, Болотной, Церковной, Казначейской, Семинарской, Полицейской и Гостинодворской. Незатейливо, но понятно и удобно. Исключения составляли Говорухинская улица и Сиверсов мост через Вытегру. Мостовых не было. Вместо них на проезжие части укладывали связки хвороста и присыпали землей. Ям и колдобин на таких улицах было куда больше, чем ровных участков.

Проживало в городе к началу двадцатого века без малого пять тысяч человек. За вторую половину девятнадцатого века население выросло вдвое за счет приехавших в город в поисках работы окрестных крестьян. Большая часть населения была православной, но семь процентов или триста тридцать человек – иноверцы, в основном лютеране и иудеи. В Вытегре имелись и лютеранская кирха, и еврейская молельня. Образованных людей в городе было много – инженеры, обслуживавшие Мариинскую водную систему, учителя различных учебных заведений, врачи, работники почты и телеграфа, вытегорское купечество, представителей которого к началу двадцатого века проживало в Вытегре сто пятнадцать человек. Город был, если так можно сказать, разночинным. Дворян в нем проживало менее шести процентов от общего числа жителей. Город был по преимуществу деревянным – на семнадцать каменных домов приходилось около пятисот деревянных.

О промышленности города и уезда. К концу девятнадцатого века в городе закрылись и судоверфь, и полотняные заводы, и свечные. Зато стали работать пивоваренный и винокуренный. Винокуренный, находившийся в четырех верстах от Вытегры, принадлежал купцу второй гильдии Манину и был самым крупным по количеству производимого спирта в Олонецкой губернии. В девяносто пятом году Лопарев, которому уже принадлежал завод по производству красок в уезде, открыл такой же завод и в городе. Краски из местного сырья, например, такие как «Парижская охра золотистая», производились прекрасного качества и поставлялись в Петербург, Москву, Нижний, а кроме того, шли на экспорт. К этим крупным даже в масштабе губернии предприятиям прибавим малые и совсем незаметные невооруженным глазом мастерские – колбасную, вязальную-трикотажную, пошивочную, пекарню, где пекли ситный хлеб и заварные крендели, еще одну пекарню, где выпекали черный хлеб, жестянщиков, медников, кузнецов, огородников, выращивавших для горожан огурцы, капусту, свеклу, морковь и лук.

О жизни культурной и общественной. В 1894 году шведский подданный Карл Иогансон открыл первую в городе фотографию. Через три года белозерским мешанином Самойловым была открыта типография, печатавшая на заказ самые различные бумаги, журналы Вытегорского земского собрания и газету «Известия» Второго Вытегорского округа путей сообщения. Открытие

ломбарда в 1897 году к культурной жизни не отнесешь, но к общественной можно, а вот уездный комитет попечительства о народной трезвости, который в конце девятнадцатого века квартировал в Вытегре, можно относить к любой жизни, кроме той, что была на самом деле. Перечислять все учебные заведения, которые работали в конце девятнадцатого века в городе, не будем. Скажем только, что по результатам Всероссийской переписи 1897 года население Вытегры было признано самым грамотным из жителей провинциальных уездных городов России. Да и как ему не быть самым грамотным, если вытегоры, особенно вытегорское купечество, десятилетиями вкладывали деньги в народное образование, содержали за свой счет целые школы, бедных учеников, учителей и жертвовали деньги на строительство новых школьных зданий. Почетными блюстителями учебных заведений были купцы Лопарев, Веретенников, Максимихин, Медведев, Оленев, Тетерин, Тюрин, Садков, Тыранов, Матвеева. Из Вытегорской мужской учительской семинарии за годы ее работы вышли сотни учителей для земских народных школ. В школы города принимали детей из семи уездов Олонецкой губернии. Оно и понятно, потому как Вытегра по количеству начальных и средних учебных заведений была первой в губернии. Она была первой и по количеству грамотного населения, опередив даже Петрозаводск. В Вытегре процент грамотных составлял 61,5, а в Петрозаводске всего 52,2.

К культурной жизни отнесем и городскую больницу на пятьдесят пять мест. В ней работало три врача, четыре фельдшера и три повивальных бабки, которых уже нужно называть акушерками. Был и главный врач – доктор медицины, надворный советник. К началу двадцатого века больница была в образцовом порядке – в ней имелись и родильное отделение, и перевязочная, и операционная, и комнаты приемного покоя, и даже электрический звонок у каждой кровати. Расходы по больнице учитывали каждую мелочь, включая выписку медицинских журналов и крепости новорожденных.

Учреждение в 1894 году Вытегорского коммерческого собрания отнесем и к культурной, и к общественной жизни города. В его уставе было записано, что «Собрание имеет целью доставить членам своим и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой. С этой целью собрание устраивает для своих членов и их гостей обеды, ужины, завтраки, балы, маскарады, танцевальные, музыкальные, литературные вечера и драматические представления, выписывает книги, газеты и другие периодические собрания. Кроме того, собрание устраивает два какие-либо увеселения ежегодно, денежный сбор с коих предназначается один в пользу инвалидов, а другой с какою-либо местною благотворительную целью». В примечаниях к уставу читаем, что «Маскарады и драматические представления допускаются в собрании не иначе как с разрешения местного полицейского начальства, причем на сцене допускается только постановка пьес, разрешенных драматической цензурой при главном управлении по делам печати и без всяких отступлений от дозволенных цензурою оригиналов <...>. Для представителя полиции назначается соответствующее кресло в собрании на каждый спектакль или представление <...>. Собрание обязано уведомить местное полицейское начальство о всех устраиваемых собраниях <...>. Пребывание в собрании в обыкновенные дни допускается до часа пополудни. Оставшиеся после сего времени посетители платят при выходе штраф в пользу собрания <...>. Определение срока пребывания в собрании в дни, предназначенные для общего собрания членов, для танцевальных вечеров, балов и маскарадов, предоставляется усмотрению совета старшин, но во всяком случае собрание закрывается обязательно в три с половиной часа пополудни... Членами собрания не могут быть лица женского пола, воспитанники учебных заведений, нижние воинские чины и юнкера, хотя бы они и достигли совершеннолетия, подвергшиеся ограничению прав по суду и состоящие под надзором полиции». Такая вот культурная и общественная жизнь с обязательным креслом для полицейского чина на каждом спектакле и невозможностью лицам женского пола быть членами собрания.

Теперь, кажется, можно и переходить к двадцатому веку, но... нельзя, если не сказать хотя бы несколько слов о состоянии Марининской водной системы в конце девятнадцатого века, частью

которой являлась Вытегра и от которой ее жизнь полностью или почти полностью зависела. К началу последней четверти века стало понятно, что для увеличения пропускной способности Мариинской системы требуется существенная ее перестройка. Строго говоря, система перестраивалась в течение второй половины девятнадцатого века постоянно, но все это напоминало ямочный ремонт, который теперь так любят делать на наших дорогах. Шлюзы строили таким образом, чтобы через них проходили суда длиной в дюжину сажени, потом удлинili их на две сажени, потом еще на четыре, потом еще на четыре... и все равно не поспевали за увеличением грузоподъемности судов, идущих из Рыбинска в Петербург. Считалось, что тем судовладельцам, которые за одну навигацию успевали провести свои суда до Петербурга и вернуть их в Волгу, крупно повезло. Оно и понятно – бечевник в некоторых местах был так плох, что в его трясине тонули лошади, тянувшие суда. Вытегра, на которой было устроено множество шлюзов, обслуживалась исключительно бурлаками. Пробки возле шлюзов образовывались постоянно.

По проекту переустройства Мариинской водной системы, который подготовил инженер Звягинцев, предполагалось, что все суда будут успевать проходить путь от Рыбинска до северной столицы и обратно за одну навигацию. При этом пропускная способность системы увеличится до двух миллионов тонн за навигацию. Фактически это означало, что сорок пять суток, которые требовались для того, чтобы судно прошло от Рыбинска до Петербурга, уменьшатся до тридцати. Нужно было спрямлять некоторые участки системы, рыть перекопы, срезать мели, строить плотины, новые шлюзы и заменять старые. Проект Звягинцева был настолько грандиозен, что его возили представлять на международную выставку в Париже. Работы начались в 1890 году и велись на протяжении почти семисот километров. Все осложнялось тем, что работу системы остановить было нельзя, и потому большую часть работ пришлось проводить зимой, при том, что морозы в тех местах бывают нешуточные. Летом же на реконструкции Мариинской водной системы работало около шестнадцати тысяч рабочих. Экскаваторов и бульдозеров тогда взять было неоткуда, и потому основными инструментами были лопаты и кирки, которыми вынули семь с лишним миллионов кубометров грунта и прокопали сорок два перекопа. Топорами и пилами построено тридцать четыре деревянных шлюза. Добавим к ним четыре каменных, восемь плотин, три моста и двести километров вновь устроенного бечевника на всем протяжении Мариинской системы, не затопляемого в половодье. Переустройство Мариинской водной системы заняло шесть лет и обошлось казне в четырнадцать миллионов рублей.

Одним из сложнейших, если не самым сложным участком работ был перекоп длиной девятьсот метров, прорытый в Вытегорском уезде неподалеку от села Десятины. Он был необходим для того, чтобы спрямить очень крутой поворот реки Вытегры. На самом деле перекоп не столько прокапывали, сколько прорубали в известняках в течение пяти с половиной лет, время от времени используя взрывчатку⁶³.

В июне 1896 года состоялось торжественное открытие обновленной системы. 15 июня в десять часов утра пароход министерства путей сообщения «Озерный» вошел в шлюз имени императора Николая Второго при деревне Черная гряда, что на реке Шексне, с таким расчетом, чтобы трехцветная шелковая лента, протянутая поперек шлюза, пришла akurat посредине пароходной палубы. Пароход остановился, великий князь Владимир Александрович сошел на пристань под радостные крики многотысячной толпы. На берегу был сооружен павильон, в котором архимандрит Белозерского монастыря с иереями городов Череповца и Кириллова отслужили молебен. После молебна великий князь снова поднялся на пароход и перерезал ленту, открыв путь ожидавшему каравану из восьми украшенных флагами пароходов и пяти барж с хлебом. Заиграл оркестр, народ, примолкнувший на время молебна, снова закричал от радости, и пароходы с баржами поплыли по Мариинской водной системе к Петербургу.

Правда, потом, уже после того как началась эксплуатация переустроенной системы, поползли слухи о том, что некоторые подрядчики и инженеры незаконно нажились на работах, потом оказалось, что время, необходимое для прохождения системы, все равно превышает сорок дней вместо обещанных тридцати, потом понаехали комиссии, включая особую комиссию Государ-

ственного Совета, которую создали для определения объема доделок... но все это было потом, а 15 июня 1896 года во всеуслышание была зачитана телеграмма царя: «Прошу передать всем местным людям мою благодарность за их добрые чувства, а также и мое удовольствие по поводу окончания многолетних работ по возрождению Мариинской системы. Николай», а председатель рыбинского биржевого комитета поднес великому князю от имени рыбинского биржевого общества хлеб-соль и, как писал присутствовавший при этом поэт и чиновник министерства внутренних дел Константин Случевский, «с чувством прочитал прекрасно составленный адрес, полный глубокой правды и верноподданнической признательности <...>». В адресе было также выражено пожелание, чтобы Великий Князь соблаговолил повергнуть выраженные верноподданнические чувства на благовоззрение Государя Императора». Не успели присутствующие утереть слезы, непроизвольно выступившие от проявления верноподданнических чувств, как на еще одном серебряном блюде поднесли хлеб-соль представители Шекснинского цепного пароходства, а вместе с блюдом большую, украшенную русскими серебряными монетами прежних царствований, чару и посмотрели на рыбинских хлебных маклеров вместе с их приветственным адресом сверху вниз.

На этом с девятнадцатым веком в истории Вытегры прощаемся и переходим к двадцатому. Признаться, мы забыли рассказать о посещениях Вытегры и уезда царских особ, великих князей, их жен и детей во второй половине позапрошлого века, но все они проходили почти одинаково – перед приездом покраска фасадов и заборов, уборка мусора, посыпание песком всего того, что обычно им должно посыпаться, но не посыпается, приезд высоких гостей на пароходе, хлеб-соль на серебряном или даже позолоченном блюде, толпы народа, крики «ура!», дети, бросающие цветы под ноги высоким гостям, колокольный звон, торжественные молебны, крики «ура!», завтрак или обед в доме городского головы или начальника второго Вытегорского округа путей сообщения, тосты за здоровье государя, крики «ура!» стоящего под окнами народа, вечерняя иллюминация, бочки с горящей смолой возле присутственных мест, цветные фонарики, фейерверки, танцы в городском собрании, проводы на следующее утро, и народ, бегущий за экипажами великих князей версту или две с криками «ура!»⁶⁴. Чего в этом списке нет – так это ремонта дорог, который всегда у нас предшествует приезду высокого начальства. Вытегре повезло – в нее можно приплыть по воде.

Примечания

¹Обычному читателю вряд ли будет интересно, но буквоедам сообщим, что всего янтарных украшений было найдено триста семьдесят три, из которых сто шесть пуговиц, сто семьдесят три бусины, семьдесят девять подвесок и полтора десятка колец. Часть из этих сокровищ представлена в экспозиции Вытегорского краеведческого музея.

²Некоторые историки относят первое упоминание о том, что вытегорский край вошел в состав новгородских земель к двенадцатому веку, на том основании, что в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, датированной 1137 годом, упомянут Тудоров погост, который они соотносят с Тудозерским погостом, а уж он-то точно находится на территории нынешнего Вытегорского района неподалеку от уже известного нам Тудозера. Эти некоторые историки даже утверждают, что погост был назван так потому, что некий Тудор был местным чудским старейшиной. Правда, все это не подтверждается никакими удостоверениями личности, ни налоговыми декларациями или хотя бы проездными билетами. Теперь Тудозерского погоста, как средневекового округа, состоящего из нескольких деревень, не существует. Сегодня это только деревня с названием Тудозерский погост. Вторые и третьи историки не согласны с первыми, и Тудоров погост помещают северо-восточнее, в Заволочье – на реку Онегу, в район деревни Турчасово. Четвертые и не историки вовсе, а археологи, которые в прошлом веке, в семьдесят девятом году, находили в районе Тудозерского погоста обломки керамики, но датировали ее четырнадцатым, а не двенадцатым веком. Вряд ли историки между собой договорятся. Краеведы... впрочем, краеведов никто и не спрашивает, хотя они, конечно, горой за двенадцатый век. Их можно понять.

³Крестьянам приходилось содержать еще и волостелей, тиунов и доводчиков. Первые управляли волостями от имени князя, вторые собирали налоги, третьи были судебными исполнителями. Всех их нужно было кормить, но продукты и белок они, в отличие от посельских и ключников, не брали, а денег брали не в пример больше ключников. Платили им три раза в год – на Рождество, на Пасху и на Петров день. В деревнях Вытегорского погоста, которыми владел Борис Зубарев, крестьяне отдавали «...всего корму волостелю и з тиуном и з доводчиком на весь год на три праздники, 4 гривны и пол-7 деньги». В рубле тогда было полтора десятка гривен.

⁴Марфа Борецкая была самой крупной землевладелицей в Заонежье – только в Вытегорском Покровском погосте ей принадлежало пятьдесят девять деревень, в которых было общим числом семьдесят девять дворов. Кроме Борецкой вотчинами в Вытегорском, Андомском и Мегорских погостов, располагавшихся на территории современного Вытегорского района, владели Иван Офоносов Патракеев, Захар и Федор Морозовы, Григорий Ногаткин, Борис Зубарев, князья Семен и Александр Кимские. Все это новгородцы, кроме князей Кимских, происходивших из Белозерска. Точно неизвестно – жили они в своих имениях или приезжали туда время от времени*, чтобы забрать оброчные деньги, таскать за чубы посельского и ключника, пороть собственноручно крестьян и брюхатить крестьянских девок или не появлялись здесь ни разу, а зимой отправляли им ключники в Новгород и в Белозерск возы с битой птицей, бараниной, мукой, маслом в горшках, сырами, мороженой и соленой рыбой. Точно известно только то, что московский царь все эти имения у них отобрал и переписал на себя.

*Доедешь туда, как же. Через полтора десятка лет, в сороковых годах семнадцатого века, посланный в те места по служебной надобности чиновник писал царю: «врознь погост от погоста верст по пятьдесят и по сто, а иные выставки и больше <...> а в иных, государь, местах и на лошади, и судом проезду нет; и я в таких местах пеш волочусь». Что же говорить о конце пятнадцатого века...

⁵Ставец – утварь для приема пищи. Представлял собой глубокий деревянный или глиняный сосуд полусферической формы с плоским низким поддоном и глубокой полусферической формы крышкой. Ставцы могли быть разной величины: диаметр некоторых из них достигал 50 см при общей высоте около 45 см.

Полть – полтуши мяса, свинины.

Коробья – новгородская средневековая мера измерения овса или пшеницы (так называемая хлебная мера). Одна коробья (короб) в среднем вмещала 16 четвериков, около 420 л.

⁶Тогда каждый мастеровой был на учете. Они в тех краях только начали появляться. В соседнем с Вытегорским Никольском погосте на реке Андоме внесены в писцовую книгу швец Федка и сапожный мастер Гриша Голованов. Не Гришка сапожник, а Гриша сапожный мастер при том, что тамошний пономарь – Сенка, дьячок – Гордейко, бобыль – Иванко, а Федка – просто швец.

⁷И время смутное кончилось, и грабежи прекратились, но думать о том, куда подевалось награбленное, вытегоры перестать не могли. На этой почве как грибы после дождя выросли многочисленные легенды и предания о зарытых польскими и литовскими панами кладах. Олонецкие губернские ведомости через двести семьдесят с лишним лет после этих событий писали: «Такие клады, по преданиям, сохранились: около деревни Тучковой три клада; в поле крестьян деревни Анхимовской на полосе крестьянина Захарова, за гумнами, где в один праздничный день некий пьянчуга пошел искать на похмелье и нашел два серебряных рубля, после него пошел другой и отыскал еще серебряный рубль; около сосен, одиноко стоящих по левую сторону реки Вытегры, против Вытегорского погоста; в полях деревни Леонтьевой, около больших сосен, одиноко стоящих; на половине дороги между городом Вытегрою и погостом, около весьма древних сосен, стоящих недалеко от Беседной горки <...> где, по преданию, отдыхал Петр Первый; близ деревни Лемы показывают два бугра, в десяти саженьях один от другого, наполненные кладом; один крестьянин этой деревни сохой вытащил на поле из земли котел с деньгами. При деревне Кудоме стоит одиноко в поле роща с часовнею; передают, что в роще этой паны похоронили себя вместе с детьми и всеми сокровищами; для этого вырыли они здесь несколько больших ям, поставили в них столбы, утвердили на них слабую крышу, собрались в ямы со всеми ценностями и детьми и

поручили рыть землю на крышу до тех пор, пока она провалилась и своею тяжестью придавила их там <...>*. Как многочисленны и велики были скрытые сокровища, можно заключить из того весьма распространенного и упорно держащегося предания, что главный пан, живший в деревне Кудоме (деревня эта стоит на горе, откуда открывается обширный и чрезвычайно красивый ландшафт), хвастал, будто из своей квартиры он мог видеть до семидесяти своих кладов. Сказывают, что самый крупный из них, именно несколько бочек, наполненных серебром, паны спустили на цепях в реку Вытегру, против устья речки Тагажмы. Наконец указывают место по левую сторону реки Вытегры, против деревни Филипповой, на позже, откуда известный местный богач Дьяков вывез много возов дорогого металла.

Замечательно, что, кроме находок на поверхности земли, серьезных попыток к раскопке и открытию кладов положительно никем из местных жителей не производилось, хотя многие, особенно старожилы, могут по пальцам перечесть места, где, по преданиям, лежат клады. И понятно. Крестьяне смотрели на панов как на нехристей, а потому и вещи их, хотя бы весьма ценные, даже деньги, считали за такие, которые пусть лучше покоятся в земле или воде, чем доставать их оттуда. Вследствие такого взгляда появились самые нелепые поверья и суеверия. Так, например, непременным условием добычи известного клада считают за необходимое запрячь в соху петуха и пахать таким образом в данную ночь до зари то место, где находится клад; где звякнет – тут и клад. Если клад покоится под деревом (непременно под сосною, а они долговечны и потому чрезвычайно толсты), – то взлезть на нее в известную ночь вверх ногами. Но кроме приведенных причин, удерживающих от разрытия кладов, существует и побудительные, по мнению крестьян, основания. Они уверены, что клад не дается *так*: за выдачу себя непременно требует *голову* и, конечно, человечью, почему и охотников обогатиться таким способом найти мудрено. Рассказывают, что местный крестьянин Дьяков, страшно разбогатевший от найденного сокровища, уцелел единственно потому, что, найдя клад, посулил ему за выдачу себя *голову*; вывезши таким образом несколько возов сам, он за последним возом отправил своего работника, которого я в яме и придавило землею».

*Автор этой заметки в Олонецких губернских ведомостях прибавляет, что «лично осматривал эту знаменитую рошу и заметил в ней, вблизи самой часовни, два углубления, от ударов в которые слышался звук, дозволявший предполагать, что внутри ям заключается некоторая пустота».

*Из набранных солдат в десяти Заонежских погостах, в том числе из Вытегорского, создали в шестьсот пятьдесят четвертом году полк под командованием Мартина Кармихеля. Обучали новобранцев военному делу приехавшие в Олонец иноземные офицеры. Власти вели себя как большевики в восемнадцатом году – подводы им дай, пики, топоры, заступы делай сам, фитили для огнестрельного оружия мало того, что делай сам, так еще и из своего льна. Обученных драгун предполагалось отправить на службу на своих лошадях при том, что пашенные драгуны на этих же лошадях землю пахали. Наконец додумались до того, что порох для учений солдаты должны были покупать за свои деньги. У многих солдат, которые нанялись на военную службу не от хорошей жизни, не было денег на покупку пороха, но... они все же его покупали. Только солдаты Вытегорского погоста, как свидетельствуют документы, порох взяли силой и при этом угрожали убить своего капитана. Они же и дезертировали со службы, и уклонялись от нее как могли. В переписной книге шестьсот пятьдесят седьмого года против фамилий уклонистов было написано «сшол, сшол от немецких людей, збежал, збежал з женою и з детьми, збежал в стрельцы, на службу не пошли, бежали по лесом, розбежались с женами и детьми, сшол в мир кормитца, бегаёт от службы <...>». Бежали даже не с линии фронта или из воинских частей, а уходили из дому, потому как и дом у пашенных солдат и драгун был местом службы. Уходили в соседние уезды и на Соловки. За один только шестьсот пятьдесят седьмой год только вытегорцов из полка Кармихеля дезертировало девять человек, а уклонялись от службы двадцать шесть. Это довольно скромный результат – в соседнем Пудожском погосте одних дезертиров, не считая уклонистов, было без малого девяносто, но уже через пять лет Вытегорский погост лидировал среди Заонежских погостов по количеству дезертиров – семьдесят шесть человек только за осень шестьсот шестьдесят второго года. Со всем

тем, олонецкий полк пашенных солдат и драгун Мартина Кармихеля, в котором служили вытегоры, воевал храбро и осенью шестьсот шестидесяти пятого года под Брестом в составе войск под командой князя Урусова «гетмана Павла Сапегу и полских людей побили наголову, а секли их и гоняли <...> за шесть верст до Брести».

⁹Обнищавшие крестьяне налогов заплатить не могли. В середине семнадцатого века дворянин Василий Золотарев, посланный Москвой в Заонежские и Лопские погосты найти беглых крестьян, вернуть их на прежние места и собрать недоимки, сообщал, что многих крестьян «хотя босых разув ноги отбить прочь, им отнюдь будет не заплатить». По голым ногам били батогами, чтобы заставить платить недоимки. Называлось это правежом. Такое положение дел сохранялось до конца семнадцатого века. В качестве иллюстрации приведем рассказ олонецкого посадского человека Михайла Федотова о невозможности собрать недоимки в Оштинском и Вытегорском погостах, датированный февралем шестьсот девяностого года: «<...> на Олонце в приказной избе перед думным дворянином и воеводою перед Иваном Богдановичем Ловчиковым да перед дьяком Леонтьем Улановым олонецкой посацкой человек Мишка Федотов сказал: в нынешнем во 198-м году, по указу великих государей и по наказной памяти, велено было мне приняв на... посацкого человека у Василья Андреева приехав в Оштинской и Вытегорской погосты; а приехав велено сыскать прошлых лет старост и зборщиков и целовалников; а сыскав велено на них государские доимочные денги и хлебные запасы на прошлые годы по росписи, какова под наказом дана доправить; а буде доправить не мочно, и велено тех старост и зборщиков и целовалников высылать за поруками на Олоонец. И я, Мишка, приехав в те погосты, сыскал прошлых лет старост и зборщиков и волостных людей, а сыскав дал их на поруки с платежом на Олоонец государских доимочных денежных доходов; а ково имени, и то написано в поручных их записях и в скасках; и те поручные записи и скаски под сею моею скаскою; а Кондуской волости Гаврилка Калинин ныне на Олонце, а Палтоской волости Фочка Никитин збег и з женою, а Артюшка Евлапиев избегает, а брата ево, на ком доимка, Якушка жива нет, а вытегорец Осип Финков избегает и двор его пуст, а Кондрашка Шарапова сын Андриюшка избегает, мегрянин Макарко Ананьин зборщик старосты Костки Семенова отбился, а Оштинского погоста Анкудинко Филипов да Федка Вострого избегают, а Сенка Силин отбился. Скаску писал по ево Мишкину вельню Андриюшка Киселев».

На обороте этого отчета было написано: «...Взять в отпуск, а чево не выбрал, и для того правежу послать по прежнему наказу и по росписи доправить сполна; а которые учнут укрыватца, и у тех дворы их и животы, и всякие промыслы и деревенские учаски тех волостей с старостами и с мирскими людьми оценить в правду, и за те денги по оценке продать из натдачи, и денги прислать в Олоонец тотчас; а к старостам и к волосным людям о том послать послушные памяти». Батогами по голым ногам и доправляли. Сполна.

¹⁰Текст этой челобитной так хорош, что грех его не привести целиком хотя бы в примечаниях: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом твой бедной сирота Вытегорского погоста бобылек Онтошка Сидоров. Жалоба, государь, мне того же Вытегорского погоста на салдата на зятя своего на Ивана Федотова. Был я сирота в дом принят к ево Федотовой тещи Крестины Борисовой дочери. Судом Божиим жена моя Крестина преставилася, а жил с нею болши 10-ти лет, и детей от первого мужа сродил и замуж выдавал. И живучи на том участке мельницу поставил, н полевую клеть новую поставил. И как жена моя преставилась, и оставила духовную память: приказала мне за мои труды треть во всем животе, во дворе и в деревни. И я после жене своей жил год с ним Иваном вместе, и пашню пахал, и твои государевы подати платил заодно опчим животом. И в прошлом, государь, 157-м году с ним с Ываном розделился: и ему Ивану остался двор со всеми хоромы, изба и клеть, а мне сироты одна полевая клеть досталася, а в мельницы треть. И он Иван после делу от мельницы и от клетки отбил, и деревенского мне участка сеять ярью не дал и сена косить к нынешнему ко 158-м году, и от участка от моей трети насилством своим отказал. И мне, государь, в ево насилстве учинилосе убытка 2 рубля с полтиной. И я, бедной сирота твой, скитаюся промеж дворы, помираю голодною смертью. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй меня сироту, вели, государь, дать на него Ивана свой царский суд и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

¹¹Челобитная не была оставлена властями без внимания. На ее обороте было написано: «Дать государеву грамоту на Олонец к околичему и воеводе: Черкаске в старостах быть не велеть, а про сына ево про подьячего сыскать; и буде мирским людям чинит в посылках продажу и тесноту, за воровство велеть учинить наказанье; а буде во многих воровствах на него будут челобитчики, и его отставить от дела».

¹²На обороте отписки вытегорского старосты написано: «Послать память: будет учнет укрыватца, и вместо ево Федки выслать жену ево, а за ослушанье доправить...».

¹³Первоначально церковь имела двадцать пять глав, но четыре из них, по-видимому, были утрачены в ходе реставрационных работ в конце восемнадцатого века.

¹⁴Цветную фотографию церкви сделал в девятьсот девятом году С.М. Прокудин-Горский.

¹⁵Вытегоры конечно же хотели восстановить свою церковь и даже обращались с просьбами, куда следует обращаться в таких случаях, но там, где следует, повздыхали, посочувствовали и благословили на сбор денежных средств на восстановление храма. Впрочем, церковь по чертежам и эскизам Ополовникова воссоздали, но не в Анхимово, а на территории паркового комплекса «Усадьба Богословка» в Невском лесопарке Всеволожского района Ленинградской области. Взяли пролежавшую сорок лет без всякой пользы документацию у дочери Александра Викторовича Ополовникова и воссоздали. Пять лет строили и в две тысячи восьмом году освятили.

¹⁶Примечательна икона еще и тем, что в ее левом нижнем углу написан похожий на Георгия Победоносца всадник, поражающий копьём змея, аллегорически изображающего Турцию. Похожий потому, что над его головой нет нимба. Конь под всадником белый, плащ пурпурный, змей самый что ни на есть змеистый, а нимба нет. Дотошные историки выяснили, что попирает змея копьём не кто иной, как фаворит царевны Софьи князь Василий Голицын.

Тут нужно отступить несколько назад и сказать о том, что князь Василий Васильевич Голицын появился на иконе не случайно. После второго Крымского похода, который закончился... ничем он толком не закончился. Постояло войско Голицына у Перекопа в безводной степи без воды, съестных припасов и корма для лошадей, постояло... и повернуло домой. Умный князь Голицын, чтобы не возвращаться с пустыми руками, перед уходом завел с крымским ханом мирные переговоры, в надежде на то, что тот, убоявшись вида русского воинства, согласится на выгодные для Москвы условия, но... над крымским ханом не капало. Над Голицыным тоже не капало, но по-другому. Пить русскому воинству хотелось очень, а переговоры затянулись. Вот и пришлось уйти, оставив дипломатов делать хорошую мину при плохой игре. В Москве... Как сказал Монтень – не достигнув желаемого, они сделали вид, что желали достигнутого. Царевна Софья приказала пышно отпраздновать возвращение своего фаворита из похода, а глава Стрелецкого приказа Федор Шакловитый заказал Даниилу и Якову Перекрестовым* прорисовать иконы, по которой украинский художник или, как тогда говорили, «черкашенин» Леонтий Тарасевич вырезал на медной доске гравюру. С этой гравюры в Москве в семьсот втором году печатались оттиски – на атласе, тафте и бумаге.

Сельский поп Климент Макарьев выдающимся художником не был, а потому икону свою, можно сказать, списал с оттиска гравюры Тарасевича. Правду говоря, если сравнить портрет Голицына, который, кстати, тоже гравировал Тарасевич, и лик всадника на белом коне, поражающего копьём змия, то трудно заметить какое-либо сходство – всадник без бороды и усов с лицом почти детским, а Василий Васильевич – мужчина сановитый, с бородой, пышными усами, но... историкам виднее.

В правом нижнем углу иконы изображены еще два всадника, один из которых царь Петр в короне, а второй – брат его Иван. Уже само по себе присутствие на одной иконе Петра Первого и Василия Голицына, которого он после того, как стал править сам, упек за Полярный круг в погост Пинежский волок...

Каким образом оттиск с гравюры Тарасевича оказался у попа Покровской церкви, теперь уж не выяснить. Вряд ли до Вытегорского погоста доехала атласная или тафтяная копия. К слову сказать, ни одного из этих оттисков до нас не дошло. Оно и понятно – при Петре, которому была нена-

вистна любая память о Софье и Голицыне, их лучше было не хранить. Да и власти по приказанию Петра исправно эти оттиски отбирали, когда находили, и уничтожали. В девятьсот четырнадцатом году искусствовед и архитектор Василий Михеевич Борин видел и прорись и икону в Историческом музее, в Москве, а потом... прорись пропала. Медной доски с гравированной на ней иконой тоже след простыл. Икона из Покровской Вытегорской церкви уцелела случайно, хотя в данном случае лучше сказать чудом. Таких ранних списков иконы Азовской Божией Матери в России раз-два и обчелся, и одна из них находится в Вытегорском музее. Если бы Покровская церковь не сгорела, то вместе с иконой она бы... но она сгорела.

После того как Софью отстранили от власти, Голицына сослали, Шакловитому отрубили голову, сопровитель Петра Иван Алексеевич умер, а русские войска взяли Азов, персонажей, избранных на иконе, стали толковать иначе. Ивана Алексеевича заменил сын Петра – Алексей, а Голицына... нечего было и думать о том, чтобы отождествлять всадника на белом коне с князем – теперь он стал просто всадник, напоминающий фигуру московского царя. Ездец, как тогда называли всадников.

*Братья Перекрестовы к иконописи не имели никакого отношения. Сыновья полковника стрелецкого Ахтырского полка Ивана Перекрестова были людьми военными. Они были, если так можно сказать, субподрядчиками – нашли художника, гравера и оплатили все работы. Они и поднесли царевне Софье оттиск с гравюры. Еще и с надписью о том, что это их «трудами и тщанием» все сделано. Все эти подробности о том, кто заказал, кто гравировал и кто поднес, стали известны из розыскного дела Федора Шакловитого. Братьям повезло. Их не тронули. Даниила Ивановича и вовсе за поход против Швеции в семьсот первом году назначили управляющим Ахтырским полком.

¹⁷Канал, соединявший реку Цну, текущую на север, и Тверцу, текущую на юг, прокопали уже к семьсот восьмому году и в семьсот девятом по Вышневолоцкой системе провели первый караван судов, шедший водным путем по рекам и озерам к Петербургу. Караван, однако, шел весной, в половодье, а как только вода спала, немедленно выяснилось, что по малой воде перевозить тяжело груженные суда через пороги и перекаты Тверцы и Мсты невозможно. В семьсот девятом году казалось, что еще можно что-то сделать, где-то углубить дно, где-то устроить дополнительный шлюз, но уже к осени этого года стало ясно, что нужно искать новый путь.

Между прочим, люди торговые сразу поняли, что Вышневолоцкая система для перевозок хлеба и леса в Петербург не подойдет. Они продолжали везти свои товары с Волги до Бадожской пристани на Ковже, там сгружали и складировали в амбары, потом везли на телегах на Вянгинскую пристань на Вытегре, а оттуда, снова погрузив на суда, отправляли в новую столицу.

¹⁸Вянгинской она называлась потому, что была устроена на берегу Вянгручья. По-карельски *vengi* – это и есть ручей. Выходит, что название у этого ручья – масло масляное. Ручей и сейчас течет посреди города Вытегры и впадает в реку Вытегру. Официальное название ручья, которым он обозначен на карте – ручей Вянгручей. Значит масло...

¹⁹Павел Львов в лучших традициях русского сентиментализма описал это так: «В 1801 году генерал Деволант провел все лето на Мариинском канале, каждый день осматривая работы. Бывший тогда директор Либградт и я, как помощник директора и старший смотритель по части хозяйственной, находились при нем безотлучно. Однажды генерал, ходя вокруг Петровского шлюза, отошел в сторону на несколько шагов и, остановившись, подозвал нас к себе. “Господа, сказал он, я уверен, что ежели вы узнаете на каком месте мы стоим, то будете тронуты сильным чувством благоговения”. Он глядел на нас пристально, как бы выжидая вопроса, а мы, удивленные нечаянностью, устремили на него взгляд полный любопытства и недоумения. “Послушайте, продолжал Деволант с жаром, здесь на этом самом месте, вот тут (он ударил тростью в землю) отдыхал после трудов ваш благодетель, ваш Отец, ваш Государь. Он трудился для потомков, для вас и сынов ваших. Посреди сих мхов и болот провел он десять дней единственно для того, чтобы положить начало сему каналу. Он терпел великое от непогоды беспокойство. На самом этом месте был шалаш, в котором сто лет тому назад жил создатель Российской Империи, Великий Петр”. Произнеся сии слова, генерал замолчал; слезы засверкали на его глазах. Директор изменился в лице, стал бел как полотно;

внезапный трепет пробежал по всему моему телу. С минуту мы стояли как вкопанные, в глубоком безмолвии смотря друг на друга и объятые набожным ужасом. “Здесь должен быть сооружен храм Великому!” произнес я с сильным чувством, будучи вдруг оживлен каким-то восторгом. Генерал отвечал мне с приятною улыбкой: “сделаем лучше г. Львов, исполним полезное Отечеству намерение Петра Великого, построим Мариинский канал... Вот его настоящий памятник!” – “Как, ваше превосходительство? Воскликнул я: ужели на том месте, где был шалаш бессмертного Государя, ужели ничего не будет воздвигнуто?.. Хотя обелиск, хотя доску с надписью прикажите поставить”. – “Придумайте сами, чтобы нам сделать тут хорошее, приличное, и что изобретете покажите мне”. Сими словами генерал довершил наш разговор, происходивший, конечно, по-французски, но почувствованный русским сердцем. Мы пошли далее по работам. На другой день мною была нарисована пирамида, и надписи вылились прямо из сердца. Все это я представил генералу, который, изъявив свое удовольствие, с первой почтой отправил рисунок мой и надписи в департамент водяных коммуникаций, где рисунок пирамиды переменяли во многом и сделали гораздо правильнее, а из надписей оставили первые три, а четвертую заменили другой».

²⁰Евер, эвер – грузовое одномачтовое плоскодонное судно. Г.Р. Державин путешествовавший летом семьсот восемьдесят пятого года по Олонецкой губернии в бытность его правителем Олонецкого наместничества, пишет, что «для лучшего же понятия о строении судов поставлен был повыше гостиного берега, стоящего от Вытегры в пяти верстах... на блоках киль со всей боковой наборкой и стоял до разрушения от гнилости...».

²¹Ластовое* судно – собирательное название разнообразных малотоннажных плавсредств и небольших транспортных судов, существовавших в XVIII–XIX веках. Применялись в военных портах для обеспечения базирования боевых кораблей. Водоизмещение до восьмидесяти тонн.

*Ласт – русская мера веса, равная семидесяти двум пудам.

²²Галиот, гальот – парусное двухмачтовое судно водоизмещением от двухсот до трехсот тонн.

²³Доншкот, доншкоут – парусное судно, плавающее по Ладожскому озеру, длиной от восемнадцати до тридцати метров и шириною от шести до семи метров, водоизмещением до двухсот тонн.

²⁴Прошло двести сорок семь лет, и теперь население Вытегорского района составляет двадцать две тысячи двести человек. Выходит, что население района двадцать первого века меньше населения уезда восемнадцатого века на пятьсот шестьдесят один человек. Такая вот демография...

²⁵Нужно сказать, что первый проект герба Вытегры был создан князем Михаилом Михайловичем Щербатовым в семьсот семьдесят пятом году и представлял собой: «В зеленом поле золотой императорский скипетр прямостоящий с оком провидения изъясняющий надежду на новую пользу от учреждения сего города может империя российская приобрести, и купно милость и провидение монаршее». Все это было замечательно и до краев наполнено разными многозначительными смыслами и символикой, но... от ока провидения до масонов и каббалы рукой подать, а потому этот герб утвержден не был, и вместо всевидящего ока утвердили простую и понятную «часть кормы галерной, из которой поставлен распушенный российский купеческий флаг».

²⁶Сиверс с умилением пишет, что обедал в том самом доме*, в котором семь раз останавливался Петр. Еще и тогда, когда ездил с Екатериной на Олонецкие железные воды. Значит, все же бывал император в тех местах, пусть и проездом. Может, и не показывал пальцем, откуда и до какого места копать канал, может, и камзола юродивому не дарил, но семь раз пообедал, а один раз даже с императрицей.

*По преданию, которое приводят Олонецкие губернские ведомости, дом крестьянина Дьякова, в котором останавливался царь по пути в Архангельск, был огромен. Когда его, спустя много лет, перевезли в город Вытегру и разобрали, то из него получилось одиннадцать больших и малых домов и домиков.

²⁷Далее путь губернатора лежал на Бадожскую пристань – ту самую, на которой кончался водный путь по реке Ковже и от которой грузы везли гужевым транспортом на Вянгинскую пристань. Тут Сиверс от местных жителей узнал, что местность вокруг низменная, болотистая, что реки текут здесь тихо и порогов никаких нет, а значит, будет можно и каналы рыть, чтобы соединить Ковжу

с Вытегрой – тем самым и Белое озеро с Онежским. Местные старики признались их превосходству, что еще когда приезжали к ним офицеры и тоже спрашивали, но... они им правды не говорили, а некоторым и денег дали, чтобы никаких каналов здесь копать не начали. Боялись крестьяне, что «их будут употреблять на работы бесплатно». Крестьян можно понять...

²⁸Собственно, они и были настоящими отцами-основателями Вытегры. Им бы памятник поставить в центре города или хотя бы стелу с их фамилиями, но... Ленину есть, Кирову тоже есть, а вот Галашевским, Рыборецким, Мартыановым, Невежиным, Рябовым и Шалапановым не поставили. Можно бы и улицы назвать, но... имени Ленина есть, имени Кирова есть, имени Урицкого и Володарского тоже, увы, есть, имени Карла Либкнехта, даже и не подозревавшего о существовании Вытегры, есть, а имени... Конечно, возле такого памятника в пионеры не примешь, но если поставить возле него скамейку и посидеть на ней хотя бы минут пять или десять, то можно задуматься над тем, почему получилось так, как получилось, когда могло и должно было получиться совсем иначе... Впрочем, что говорить об улицах, если дома купцов Галашевского и Невежина – и те стоят на проспекте Ленина.

²⁹Гризет – (франц. *gris*, серый) название старинной однотонной шерстяной или низкосортной шелковой ткани с цветочным тканым рисунком, обычно серого цвета.

Гарусный товар – грубые хлопчатобумажные ткани с двусторонней набивкой плотного переплетения.

Александрийская пестрядь, александрийка – фабричная хлопчатобумажная ткань исключительно красного цвета, иногда с полоской или клеткой в одну нитку синего, белого или желтого цвета. Преимущественно шла на пошив мужских рубаш, популярных в XIX веке у небогатого городского населения.

³⁰Щука занимала довольно большое место в обрядах вепсов, и пришедшие в эти края славяне эти обычаи сохранили. Голову щуки никогда не клали в уху, так как, по поверью вытегорцев, кости в щучьей голове сложены в виде четырех крестов, что напоминает кладбище. Щуку запрещалось использовать в поминальных блюдах – считалось, что она может съесть кого-нибудь из семьи. Сушеная щучья голова использовалась вытегорцами в свадебных обрядах в качестве оберега от порчи. В селе Коштуги Вытегорского уезда невеста перед тем, как ехать венчаться, прятала ее к себе за пазуху еще и для того, чтобы «отзубиться» от свекрови.

Раз уж зашла речь о свадебных обрядах и обычаях Вытегорского уезда, нельзя не рассказать о некоторых из них, бытовавших в девятнадцатом веке в селе Коштуги, в шести десятках километров от Вытегры. Приведем лишь некоторые выдержки из публикаций в Олонецких губернских ведомостях.

«Деревня о приезде сватов узнает очень скоро и, конечно, все спешат в тот дом полюбопытствовать и сидят до самого отъезда сватов. А девицы тем временем заберутся на сарай, где стоят лошади сватов, и, убрав сено из саней, жгут его на задворках тихонько, обкуривая себя этим дымом и скоблят еще оглобли у саней; все это продельвается для того, чтобы скорее выйти замуж <...>».

Угощение сватов состоит в чаепитии и ужине, к которому непременно варится рыба, какая бы ни случилась в это время в доме. Угощение мясом при сватовстве не принято. Если бы где и случилось это, то тут не жди хороших результатов. Такое угощение считается бесчестьем, насмешкой <...>. Есть примета, что за ужином сваты должны съесть всю рыбу, которая подана, в противном случае будет неуспех в сватовстве. Поэтому-то сваты перед сватовством никогда дома не едят. А хозяева потчуют сватов усердно <...> как будто и не замечая, что сватушек уже в пот ударило от натуги в еде <...>».

Говорят, что в день венца, при утреннем туалете, невесту одевают в рубашку жениха, полагая ее вниз женского белья так, чтобы пот мог непосредственно входить в нее; держится она на невесте в продолжение всего дня, и лишь вечером, после венца, новобрачная снимает ее; поутру, после брачной ночи, рубашку эту гладят утюгом или катают, чтобы не казалась измятою, а молодуха несет ее в баню, после омовенья в которой муж там же деваает ее на свое потное тело. Все это производится, без сомнения, в секрете от мужа <...>».

Уверяют, что первую воду, которой обливают себе в бане невеста потное тело, сливают на сковороду, противень либо поднос, и растворяют на этой воде пироги, назначаемые для угощения жениха <...>.*.

Во избежание порчи молодых при отъезде к венцу существуют такие приметы. Жених и невеста по голому телу перевязывают себя рыболовной сеткой; в подол тулупа втыкают *протошки* – сломанные иглы и булавки <...>. Жених и невеста привязывают к шейным крестам бумажки, на которых написана Херувимская песнь; эту же песнь надписывают на внутренней стороне хомутов тех лошадей, на которых везут к венцу молодых. Херувимской песни, говорят, боятся бесы, а ведь порча-то по вере простолудинов от бесов и происходит <...>.

Из церкви новобрачные идут, держась правыми руками за край платка. Молодую в сани поднимает и сажает муж. Дорогой ни один из новобрачных старается не заговорить первым: кто первый заговорит, тот, будто бы, будет на всю жизнь в подчинении. А чтобы принудить, например, к разговору жену, муж старается ее вытолкнуть из саней, надеясь, что она будет просить его не толкать из них и, таким образом, поневоле заговорит первая. Жена же, отлично понимая, с какою целью муж это делает, упирается тверже ногами в сани и всеми способами старается удержаться в них и уж, конечно, не заговорит первая».

*Конечно, крестьяне о феромонах, особенно в те времена, и слыхом не слыхивали, но... о чем-то они точно догадывались.

³¹Такому большому начальнику, как Державин, было, конечно, недосуг обращать внимание на одежду вытегоров, но мы обратим. Олонецкие губернские ведомости писали, что в восемнадцатом веке вытегоры носили нанковые или тиковые халаты, похожие по покрою на армяки, четырехугольные шапки из плиса с крымчатым околышем, то есть из хлопчатобумажной ткани с ворсом и околышем из каракуля серого или черного цвета, малахаи или, попросту говоря, ушанки, из сукна и сафьяна. Женщины носили шубки польского фасона с узким меховым воротником и обшлагами, капоты, полукапоты и нарядные короткополые кофты из байки с рукавами, отложным круглым воротником и застежками под названием шугаи, нижняя часть которых была собрана в складки. Количество этих складок доходило до шести десятков.

³²В 1790 году межевание земли в Вытегре проводил землемер Чаплин. За межевание ему полагалось от города 366 руб. 83 коп. Помогал ему мещанин Бутыгин, которому за его помощь городские власти выдали сто рублей, а вот Чаплин денег не взял. Все, ему положенное, он взял водкой. В это трудно поверить, особенно когда знаешь, что годовое жалованье учителя в вытегорском малом народном училище составляло сто рублей в год, но документы на этот счет в делах городской думы сохранились.

³³За заслуги перед городом именем Е.О. Шульца был назван сквер, но уже в апреле 1918 г. комиссия по проведению праздника 1 Мая переименовала сквер Шульца в сквер Труда. То есть сначала Совет народных комиссаров издал указ о снятии памятников в честь царей и о замене названий улиц и городов новыми, потом бдительный и конечно же анонимный гражданин города Вытегры настрочил в газету Известия Вытегорского Совета крестьянских и рабочих депутатов письмо, в котором он, булькая кипевшим от возмущения разумом, писал: «Вот и у нас город, хотя не имеет памятников царизма, но по странной случайности в нем остались такие названия улиц: “Дворянская”, “Полицейская”, “Владимирский бульвар”, “Сквер Шульца”. И это на второй год революции!», а уже после этого комиссия постановила: «Все старые вывески на учреждениях, не соответствующие времени, должны быть к этому дню сняты и, если это возможно, заменены новыми. Городскому Совету предлагается переименовать улицы: Воскресенский проспект – в Народный, Дворянскую улицу – в Крестьянскую, Полицейскую – в улицу Свободы, сквер Шульца – в сквер Труда, Владимирский бульвар – в Майский, Разгуляевскую улицу – в улицу Революции». Теперь и следа от того сквера в Вытегре не осталось.

³⁴Дворяне Вытегры и Вытегорского уезда богатыми не были. В описании Олонецкой губернии за 1842 год сказано, что в городе только у двух дворян имелось от пяти до двадцати душ при том, что у них было двенадцать человек дворовых. Еще дюжина дворян владела от одной до пяти душ.

Правда, и дворовых у них было семнадцать человек. Уездные помещики были побогаче – восемь человек имели свыше ста душ. У них приходилось на одного помещика в среднем по сто пятьдесят пять крепостных. Еще два помещика имели от пятидесяти до ста душ; девятнадцать – от двадцати до пятидесяти душ, пятьдесят девять – от пяти до двадцати душ и шестнадцать – от одной до пяти душ.

³⁵В 1823 году Павел Львов писал в «Отечественных записках» о том, какой могла бы стать Вытегра, если бы да кабы... «Когда благоугодно будет мудрому Правительству учредить город Вытегру Губернским городом, то, наверное, положить можно, что в нем поселятся многие богатые промышленники и заводчики; ибо и ныне на каждом ручье, впадающем в реку Вытегру, построены большие мельницы, крупчатки именитых купцов: Московских Белозерских и Вытегорских; а тогда по всему вероятно, разведутся там всякие фабрики и рукомесла; туда приидут рукодельные иноплемenniки, водворятся там и цену благоденствия своего будут служить России. Но дабы совершилось ожидание предполагаемых, несомненных и частью уже основанных благ, то, по моему мнению, необходимо нужно переменить малозначащее название города Вытегра в наименование более значительное и соответствующее выгодному местоположению оного. Часто бывает, что успех добра зависит от перемены старого, закоренелого о чем-либо предубеждения на новое лучшее понятие. Мне кажется, что в сем случае было бы всего приличнее назвать город Вытегру Марие-Славлем, по системе Мариинского канала. По совершении таких и подобных перемен обитатели пространного края того возгордятся местом своего рождения и из угрюмых, так сказать, пустынножителей, между лесами и озерами обитающих, с холодом и бедностию непрестанно борющихся, явятся на позорище общежития целый народ, ко всему хорошему способный, (образованный промышленностью и торговлею); подобно цветам весенним способности его развернутся, подобно орлам молодым – воскрылятся таланты и полетят к безсмертию... Преобразование Вытегорского края можно будет почестъ для России новым великим и знаменитым приобретением.

О народе Вытегорского края должно сказать, что он чрезвычайно смешлив и на все досуж. Все волости, Вытегру окружающие, наполнены лучшими плотниками, лучшими судостроителями и промышленниками и всякого основательного торго».

³⁶Пионерами тогда называли не тех, кто поклялся жить, учиться и бороться как завещал великий Ленин, а рядовых инженерных войск.

³⁷Чура – гравий.

³⁸Бечевник – береговая полоса, предназначенная для людей или лошадей, тянущих судно на бечеве, а также для причала, устройства пристаней и т.п.

³⁹Шлюз св. Сергия или шлюз № 1 Мариинской водной системы – это полностью перестроенный в 1822 году полушлюз Деволант. Остатки шлюза св. Сергия уже в аварийном состоянии были переданы местному краеведческому музею, но сначала, в семьдесят четвертом году, шлюз был признан памятником истории и культуры республиканского значения. Начальник Вытегорского технического участка писал при передаче шлюза директору музея: «Одновременно предупреждаем, что ремонтных работ, требуемых для поддержания в нормальном состоянии как сейчас, так и в будущем, технический участок производить не будет. Просим сообщить Ваше согласие и дату сдачи и приемки шлюза». Начальник не обманул – ремонта никакого не делали. В девяносто первом году памятник республиканского значения был призван аварийным, а еще через два года администрация смогла наскрести сто семьдесят тысяч на его реставрацию. Ее начали, но из-за грубых нарушений технологии реставрации прекратили. Теперь доступ к памятнику запрещен, а хотя бы и был разрешен... Смотреть на руины удовольствия мало. Впрочем, работа все же ведется – готовится художественный проект, потом на основе проекта составят смету, потом...

⁴⁰Градское общество составляли горожане старше двадцати пяти лет, обладавшие капиталом, процент с которого превышал пятьдесят рублей в год.

⁴¹Есть и еще одна цифра, которую жалко оставлять без внимания, но в какое место ее вставить... В Опыте описания Олонецкой губернии, составленном Карлом Бергштрессером и издан-

ном в 1838 году, сказано, что в Вытегорском уезде приходится меньше половины коровы на душу. Пусть останется хотя бы в примечаниях.

⁴²Еще два отрывка из описания Лабардина, которые, может, и не относятся непосредственно к истории города, но тем не менее интересны.

«Вода в реке Вытегре от глины и беспрестанного по оной судоходства, очень мутна, и, смешиваясь в весеннее и осеннее время с водами болот, не совсем здорова. Что касается до воды в ручьях, то она также не совсем здорова: ибо все ручьи выходят из стоячих болот, и, протекая малые пространства до впадения в реку, не могут совершенно очиститься от болотного запаха. Болота, окружающие город Вытегру со всех почти сторон, делают воздух не совсем здоровым. По сей причине жители часто подвергаются лихорадкам и гнилым горячкам». Вода, текущая из кранов в Вытегре и сейчас плоха – и вкус, и запах, и цвет оставляют желать лучшего. Раньше это можно было объяснить окружающими город болотами и беспрестанным судоходством, которого в городской черте уже давно нет. Сейчас те, кто отвечает за качество воды в городе, говорят об аварийном состоянии водопроводных труб, насосов, которые нужно менять и давно менять, потому как их изношенность составляет почти восемьдесят процентов и в плане на следующий год...» Уже то хорошо, что справились с лихорадками и гнилыми горячками.

«Почти все жители города имеют большое доверие к снам и предрассудкам <...>. Если река весною вскрыется так что лед не понесется по течению, а совершенно превратится в воду <...>, то в тот год будет много больных и умерших. Надобно бояться того года, когда будет много рябины. Встреча со священником почитается нехорошою, а со свиньей напротив – счастливою».

⁴³Путинными вытегоры называли бурлаков. В материалах по истории, географии, статистике и этнографии Олонецкого края, изданных в конце девятнадцатого века, описан быт и нравы бурлаков Мариинской водной системы. «Но масса и таких путинных, которые целое лето проводят на системе и занимаются тягою, какую бы цену им не предлагали. Случается, что они тянут суда за одно продовольствие. Отличительная черта таких бурлаков – грубость, упрямство, склонность к пьянству и всяким порокам. Получив в г. Вытегре расчет, эти путинные, обыкновенно, гурьбою спешат в трактиры и питейные дома. В каких-нибудь два часа, пропивши весь заработок, приобретенный пяти или десятидневным упорным трудом, бурлаки возвращаются к Николаевскому шлюзу босые, оборванные и полуголодные. Многие из этих людей летом живут под открытым небом и не заботятся даже о жилище для себя».

⁴⁴Обычному читателю такие подробности будут вряд ли интересны, но буквоедам сообщим, что в библиотеке уездного училища, которую в 1863 году сделали публичной, к тому времени имелось 280 названий книг в 579 томах, а в библиотеке приходского училища 56 названий книг в 110 томах.

⁴⁵В 1860 году в Вытегре по данным К.М. Петрова выписывали: С. Петербургские, Московские и Полицейские ведомости, журналы Духовная Беседа, Сын Отечества, Искра, Северная Пчела, Библиотека для чтения, Странник, Развлечение, Отечественные записки, Современник, Русский вестник, Семейный листок, Архитектурный вестник, Русское слово, Журнал Акционеров, Указатель Экономический, Чтение для солдат, Христианское чтение, Православный собеседник, Драматический сборник, Иллюстрация, Собрание переводных романов, Военный и Морской сборники, Русский инвалид, Производитель и промышленность, Светоч, Лесоводство и Охота, Педагогический вестник, Собеседник, Библиотека медицинских наук, журнал для детей Воспитание и несколько экземпляров иностранных газет. Сравнить с нынешним днем сложно и, скорее всего, не совсем правильно, но все же я спросил Вытегорскую районную библиотеку о том, какие газеты и журналы выписываются в 2023 году. Оказалось, что газеты Красное знамя, Официальный вестник, Красный Север, Аргументы и Факты и журналы ЗОЖ, За рулем, Пенсионерочка, Дачная, Здоровье, Родина, а также детские: Мурзилка, Саша и Маша, Мне 15. Иностранных газет библиотека не выписывает, но получает газету на языке вепсов Kodima. Какие тут выводы... Ни одного литературного журнала, ни одного научно-популярного, ни одного... К библиотеке, однако, претензий предъявлять не станем – она выписывает то, что спрашивают и на что хватает средств.

⁴⁶В этом же документе можно прочесть о том, как питались в то время крестьяне Вытегорского уезда: «С начала осени крестьянская пища разнообразится; крестьяне употребляют в пищу кроме хлеба и картофеля молодых ягнят; затем в продолжение зимы едят похлебку из рыжиков или сушика*, или же просто ограничиваются хлебом; мясо крестьяне употребляют в пищу только в храмовые праздники. Бывает сплошь да рядом, что и в хлебе ощущается недостаток».

*Сушик – сушёная в русской печи мелкая рыба: преимущественно ерши, снетки, мелкие окуни и корюшка, а также и другие сорта рыбы. Такой вид заготовки рыбы популярен на севере России – в Архангельской и Вологодской областях, Карелии.

⁴⁷В журнале Вытегорской городской думы за 1871 год записано, что владелец частной вольной аптеки Фрейндлинг*, продающий населению лекарства по ценам аптекарской таксы, предложил земскому собранию дать двадцатипроцентную скидку на лекарства, отпускаемые людям, и двадцатипятипроцентную на лекарства для животных. Эти лекарства он готов отпустить на городскую больницу и на весь уезд. При этом Фрейндлинг дает к ним бесплатную посуду, которую за свой счет будет запечатывать, если только земская управа перестанет закупать лекарства в столице, а вместо этого распорядится покупать их в его аптеке.

*Роберт Яковлевич Фрейндлинг был провизором и купил в 1845 году аптеку со всеми медикаментами, материалами и запасами у получившего место в Петрозаводске вытегорского провизора Егора Егоровича Геххардта. Фрейндлинг прожил в Вытегре сорок лет и все сорок лет был аптекарем. В Вытегре его уважали и два раза избирали гласным городской думы. В 1880 году Роберт Яковлевич продал свою аптеку провизору Карлу Карловичу Гартвигу, а сам вместе с семьей уехал в Петрозаводск, где продолжил заниматься аптечным делом, торговать минеральной и сельтерской водами, лимонадом, фруктами и пирожными. Так бы оно и продолжалось – Карл Карлович Гартвиг в свой черед продал бы аптеку кому-нибудь из Людвигов Генриховичей или Эмилиев Фердинандовичей и уехал бы по традиции в Петрозаводск, но в семнадцатом году двадцатого века что-то пошло не так, и бывший вытегорский городской голова и провизор Христиан Иванович Эйхман, владевший аптекой с девятьсот восьмого по девятьсот семнадцатый годы, был арестован в июне тридцать восьмого года, осужден особой тройкой УНКВД Ленинградской области за контрреволюционную деятельность и приговорен к расстрелу. Умер во время следствия в тюрьме города Лодейное Поле.

⁴⁸Во время строительства Волго-Балта в шестидесятых годах прошлого века строители постоянно на эти могильники натывались.

⁴⁹Вытегорское земское собрание вышло с предложением к губернскому земскому собранию страховать лошадей от сибирской язвы, для чего учредить страховой сбор с тягловых лошадей в Мариинской системе в размере тридцати копеек. Губернское собрание согласилось и постановило сообщить об этом предложении Олонецкому губернатору... Сообщением губернатору дело и закончилось.

⁵⁰У этой медали была и обратная сторона. «Уездное земское собрание в заседании 28 сентября 1869 г., рассуждая о вредном влиянии Мариинской системы на нравственное состояние крестьян уезда, промышляющих путиною и тягою судов, убедительнейше просила начальника губернии сделать зависящее распоряжение: во-первых, закрыть совершенно все на Мариинской системе кабаки и питейные заведения, в которых оставляется многими почти сполна весь летний заработок; во-вторых, устроить особый надзор к прекращению развившейся в артелях путинных карточной игры <...>». Уездному земскому собранию отказал специальный комитет по преобразованию Мариинской водной системы. Земское собрание не успокоилось и постановило просить начальника губернии если не закрыть, то хотя бы удалить питейные заведения на три версты от канала. «Какая мера окажет благотворительное влияние на нравственное состояние народа и его материальный быт». Начальник губернии... Короче говоря, кабаки остались стоять там, где стояли.

⁵¹Шкурка белки в 1874 году стоила семь копеек, а заячья восемь. Два хороших стрелка за один осенний день могли добыть до двух десятков белок. При условии, что белок в этом году уродится много, а если не уродится, то могло быть не больше пяти. За пару рябчиков давали двугривен-

ный, за пару тетеревов тридцать копеек, глухарей – сорок, а куропаток – всего двенадцать. Вот так Олонецкие губернские ведомости описывают охоту на белок в Кондушской волости Вытегорского уезда: «На эту охоту ходят всегда двое – один с топором, другой с ружьем. Когда собаки найдут зверька, один бьет обухом топора по стволу сосны или ели, в которой спряталась белка, отчего она выскакивает на видное место. Винтовок здесь почти не употребляют для охоты, но дробовики и притом самого плохого разбора <...> поэтому неудивительно, если в одну и ту же белку приходится стрелять по несколько раз или даже совершенно оставить ее, если она держится на вершине сосны».

⁵²Эта история, описанная в Олонецких губернских ведомостях прямого отношения к уголовной хронике не имеет, но...

Вдова коллежского секретаря Щербака, Александра Трофимова, подала в земское собрание прошение, следующего содержания: «После смерти мужа моего коллежского секретаря Софония Щербака, управление временной тюрьмой находится под ведением земской управы и осталось без смотрителя, а в настоящее время состоит в заведовании самой управы. Надзор же за городской тюрьмой как в хозяйственном, так и в распорядительном отношении, настолько мне известен, что я даже помогала управлять во время болезни своего мужа более трех месяцев, где находится постоянных человек двадцать арестантов и проходящих в каждую неделю по несколько человек; управление же оною мне известно по служению мужа моего в оной более четырнадцати лет. Во временной же тюрьме, где имеется совершенно в малом количестве арестантов и не таких преступников как в градской тюрьме, надзор таковой может не только иметь мушину, но даже и женщина; я вполне надеюсь, что сумею управлять этой тюрьмой. Почему покорнейше прошу земское собрание сделать со своей стороны распоряжение о допущении меня к управлению временной тюрьмой, ибо я осталась после мужа с тремя уже взрослыми детьми женского пола в крайне бедном положении; эта же обязанность даст мне хотя безбедное вспомоществование; я вполне убеждена на добродушие земского собрания, что просьба моя не будет оставлена, хотя в вознаграждение за прежнюю службу мужа моего в управлении тюрьмой».

Удовлетворить просьбу г-жи Щербак собрание не нашло возможным и постановило: «в ходатайстве г-же Щербак о дозволении ей быть смотрительницей временной тюрьмы отказать».

⁵³Проработала больница, построенная на деньги вытегорского земства купцом Матвеевым, больше ста лет. Еще в середине восьмидесятых годов прошлого века там помещалось детское отделение районной больницы и молочная кухня.

⁵⁴На юбилейном обеде в городском собрании была объявлен сбор денег в помощь пострадавшим от неурожая крестьянам Поволжья. Собрали тотчас же двести семьдесят рублей и отправили в Самару. К истории Вытегры и вытегоров этот факт имеет самое непосредственное отношение, и не упомянуть о нем нельзя.

⁵⁵В одной только Вытегорской волости находилось тринадцать шахт глубиной от шести до тридцати метров. От стволов шахт шли в разных направлениях галереи, укрепленные деревянными стойками. Словом, все почти как в настоящих шахтах, только очень неглубоко, и крестьян, занятых добычей руды, правильнее было бы называть землекопами, а не шахтерами. «Добывание из шахт руды, производится большими ведрами, опускаемыми и поднимаемыми на канатах, посредством такого же ворота, какой обыкновенно устраивается при колодцах. На каждой шахте по два ведра и рабочих по шесть и десять человек; все они Вытегорского уезда и получают оплаты от пятидесяти до семидесяти копеек в день на своем содержании. Работы производятся по указаниям и наблюдению прусского подданного, горного инженера Вильгельма Карловича Доминика и штейгера* Зеленко, имеющих местопребывание в деревне Фощевники, где размещаются и рабочие. Пласт руды начинается преимущественно на шестисаженной глубине <...>. Всей руды уже поднято до двухсот тысяч пудов», – так в Олонецких губернских ведомостях за 1873 год описывался процесс добычи железной руды. Хотя это и не имеет никакого отношения к человеческой истории Вытегры и ее уезда, но зато имеет отношение к доисторическим временам этих мест, и потому все же приведем еще один отрывок из письма в редакцию губернских ведомостей. «Достойно замечания,

что в некоторых штреках встречались в рудных пластах окаменелое дерево (палки) и даже тростник, который в особенности вызвал восторг инженера Доминика. Открытие каменного тростника в том грунте, где он найден, представляет явление чрезвычайно редкое, имеющее весьма важный интерес для науки; почему г. Доминик и отправляет окаменелости с подробным описанием в один из Петербургских музеев. Я видел кусок окаменелого тростника, длиною в аршина, толщиною в мизинец руки; трубка его хорошо сохранилась и на ней рельефно обозначаются тростниковые перевязки или разделения».

*Штейгер – мастер, ведающий рудничными работами.

⁵⁶Все же я не удержался и провел параллель. В публичном отчете главы Вытегорского муниципального района за 2022 год прочел о том, что в прошедшем году семнадцати студентам-вытегорам, из которых двое учатся в медицинских колледжах, а еще полтора десятка в медицинских вузах, к стипендиям доплачивают в общей сложности по шесть тысяч рублей. Это те студенты, которые после окончания учебы придут работать в районную больницу Вытегры. Прочел и подумал – ну что это за копеечная доплата в шесть тысяч рублей... Почему нельзя доплатить хотя бы десять тысяч, не говоря о пятнадцати? В конце концов студентов всего семнадцать и десятков миллионов рублей для доплат не потребуется. Потом заглянул на сайт Вологодского государственного университета и узнал, что стипендия отличника составляет две тысячи рублей, стипендия того, кто учится на четверки и пятерки – около тысячи четырехсот рублей, а стипендия хорошиста – чуть больше тысячи. Какая тут параллель... Тут, доложу я вам, перпендикуляр, и преогромных размеров.

⁵⁷Молодому Федору Тетерникову Вытегра поначалу не показалась. После столичного Петербурга уездный город, в котором день завтрашний мало чем отличается от дня вчерашнего, и вместе они как две рюмки водки похожи на день сегодняшний...

В своей «Канве к биографии» Сологуб запишет: «Вытегра. Бечевник. Бурлаки. Их труд. Есть совсем малыши. Пьяные бурлаки возвращаются домой. Под окнами крайних домов располагаются и галдят. Рваные, босые. Среди путинных попадаются совсем еще мальчишки... Следовательно Линевиц и пьяные бурлаки. Он показывает свою кокарду. А они его столкнули с тротуара, и сами убежали. Городовые явились поздно. Заседания учредителей под председательством Моховикова. Дамы обижены, зачем от него пахнет водкой. Седой и пьяный купчик, говорящий рифмами. Что больше пьет, то бойчей рифмует». Моховиков потом отдаст свою фамилию одному из второстепенных персонажей романа «Тяжелые сны», который Сологуб начал писать в Вытегре. Не по своей воле, конечно, отдаст. Седой и пьяный купчик станет купцом Тишковым в знаменитом «Мелком бесе». Вытегоры и сама Вытегра время от времени появляются в его рассказах и романах. Не все прототипы были довольны этим, а уж Вытегра так и вовсе обиделась после того, как Сологуб написал о ней:

...Тоска и слякоть, хоть завывать, –
Недаром Вытегрой зовется, –
Иль в карты дуться, водку пить,
Коль грош в кармане заведется.

На набережной от всего
Треской несвежей душно пахнет.
Весной и летом – ничего,
Хоть вся природа словно чахнет...

Между тем, Федор Кузьмич в Вытегре не выл, не дулся в карты и не пил водку, а учил французский, переводил Верлена, писал собственные стихи и прозу, и даже собирался вместе с одним из сослуживцев составить описание Вытегорской учительской семинарии за все время ее существования и опубликовать этот труд в столичном «Журнале Министерства народного просвещения». Правда, так и не собрался.

⁵⁸Иногда скучные подробности становились кровавыми. Вот что писали губернские ведомости в феврале 1888 года: «В конце прошлого года, в деревне Гора-Борисова, Чернослободской волости, Вытегорского уезда, произошла кровавая драма, раскрытая только в самое последнее время. В деревне той проживала семья крестьян Мельниковых, состоявшая из мужа Дмитрия, его жены Клеопатры, их сына Тимофея семнадцати лет и трех малолетних детей. Семейный разлад у них был полный: муж пил, как говорится, без просыпу, бил, ругал и бранил жену и сына; жена по отношению к мужу следовала библейскому правилу – око за око зуб за зуб; сын не мог отвечать отцу тем же и в нем постепенно накапливали злоба и ожесточение. 30 ноября 1887 г. отец Дмитрий Мельников приехал домой поздно вечером, по обыкновению, сильно выпивши. Сын выпряг лошадь, а отец остался спать в сенях: случай удобный, чтобы раз и навсегда избавиться от семейного деспота. Мать говорит сыну – возьми веревку и задави отца. Сын нашел веревку, сделал петлю, но, когда уже готов был набросить мертвую петлю на шею своего отца, мать одумалась и говорит: нет, так нельзя, он встанет и тогда будет нам беда. Тогда сын берет топор и ударом по голове убивает своего спящего и беззащитного отца. Мать, слыша предсмертное хрипение своего мужа и, должно быть, боясь, как бы он не оправился от удара, велит сыну взять тетиву и додавить отца. Тот так и сделал, пока его отец не издал последнего вздоха под петлей своего сына. Начались совещания между матерью и сыном – как поступить с трупом отца. Решили так: отвезти его за версту на Исаевский погост и свалить при дороге у угла двора, чтобы другие могли подумать, что он сам вывалился из саней, ударился об угол и разбил себе голову. Мать и сын запрягли лошадь, отвезли на Исаевский погост и заявили сотскому и сельскому старосте, что нашли его на Исаевском погосте. Те им не поверили, отправились к дому и здесь на улице у двора нашли целую лужу крови. Эта-то кровь и выдала с головою виновных. Подобный случай, где в одно время жена убивает мужа, а семнадцатилетний сын отца, и, убивши, его давят, едва ли запомнит уголовная хроника Олонецкой губернии. Так расстроилась вся крестьянская семья: отец убит, жена и сын в тюрьме – ждут заслуженной кары правосудия; а дома остались трое детей мал-мала меньше, без присмотра, призора и родительской ласки».

⁵⁹Обычному читателю названия пьес, поставленных на «миниатюрной сцене состоящей из временных скрипучих подмостков с чудовищно намалеванной лесной декорацией» вряд ли будут интересны, но буквоедам сообщим, что ставила столичная труппа драму «Ванька-ключник», соч. Антропова, драму в трех действиях «Наша утеха Варя или Песнь горя», водевиль в одном действии «Голь на выдумки хитра», комедию в трех действиях «Синий чулок», соч. Мансфельда, оперетту в одном действии «Дядя Беккер подшутил», соч. Якобсона, комедию в одном действии «Барыня почивает», оперетту в двух действиях «Женское любопытство», пер. с польского, музыка Адана и в конце ее разнохарактерный дивертисмент, драму в двух действиях «Окно во втором этаже», пер. с польского, комедию в одном действии «Затейница», безымянный водевиль в одном действии с пением и переодеванием, комедию в пяти действиях «Жених из ножевой линии», водевиль в трех действиях «Ворона в павлиньих перьях», водевиль в одном действии «Макар Алексеевич Губкин», драму в пяти действиях «Графиня Клара Обервиль», пер. с французского, комедию в одном действии «Если женщина решила, так поставит на своем», комедию в семи картинах «О российском дворянине Фроле Скабееве и стольничего Нардын-Нащокина дочери Аннушке, драму в четырех действиях «Грех да беда на кого не живет», соч. Островского, комедию-водевиль «Прежде скончались потом повенчались», «Русские песни в лицах», комический еврейский квартет «Паулина, фарс в четырех действиях «Петербургская жизнь», оригинальный этюд в одном действии «Мираж», драму в пяти действиях «Жидовка или казнь огнем и водою», комедию-водевиль «Отелло в юбке», водевиль «Простушка и воспитанная», комедии «Разрушение Помпеи» и «Поющий мальчик с пальчик», «Лес», соч. Островского, драму в пяти действиях «Блуждающие огни», комедию в одном действии «Камердинер-франт» и историческую драму «Борис Годунов», соч. Пушкина.

⁶¹Старые пряники были не чета нынешним, которые просто для еды. В те, теперь уже далекие, времена, крестьянские юноши Вытегорского уезда, собираясь на вечеринки, брали с собой заговоренные пряники для того, чтобы присушивать особ противоположного пола. Таким пряником

нужно было накормить предмет вожделений, и тогда... Предварительно пряник относили к какой-нибудь бабушке, которая и наговаривала на него. Наговором считались не все слова, которые придут в потерянную голову влюбленному юноше, а только проверенные временем и неоднократно доказавшие свою магическую силу. Например, вот такие: «Встану я, раб Божий (имя юноши), благословясь и пойду перекрестясь из дверей дверьми, из ворот воротами в чистое поле; в чистом поле стоят две кузницы; в этих кузницах куют, буют булат-железо, и как это булат-железо в горне горит, так чтобы у рабы Божией (имя девушки) по рабу Божию (имя юноши) жгло и томило сердце». Такой текст нужно было проговорить над пряником три раза и после каждого проговора плюнуть. После этого оставалось только накормить пряником девушку, и, если у нее было сердце, то его начинало так жечь и так томить...

⁶²О загородном доме, в котором жил Лопарев, стоит сказать отдельно. Весь он был украшен резными башенками, балконами и крылечками. К дому был прорыт канал, по которому к нему могли подходить пароходы. В Шестово останавливался о. Иоанн Кронштадский, приезжавший в Вытегру и уезд по приглашению Александра Федоровича в бытность его вытегорским городским головой. Олонецкие епархиальные ведомости писали о доме Лопарева в Шестово: «Грандиозный дом деревянный, как прекрасный дворец, снаружи привлекательный и внутри украшенный дорогою резьбою и картинами художественными, представляет собою редкость и красоту в Олонецком краю, а хозяйка дома А. П. Лопарева*, отличающаяся добротой и гостеприимством, изображает собою Евангельскую Марфу. Отрадно быть там». Нам про этот дом остается только читать. Побывать в нем не удастся никому. При строительстве Волго-Балта он, как аккуратно выражаются историки архитектуры, был утрачен.

Сохранился дом Лопаревых и в Вытегре – огромный двухэтажный каменный особняк, построенный в самом начале прошлого века сыном Александра Федоровича – Александром Александровичем уже после смерти отца. Его угол выходит на главную улицу города – Воскресенский проспект. После семнадцатого года в нем располагались самые различные советские учреждения – и клуб водников, и естественно-исторический музей, и управление «Волгобалтстроя» и лесотехнический техникум. Техникум и сейчас там находится, правда, называется политехническим. Постановлением Вологодского губернатора в 1999 году он отнесен к памятникам регионального значения. Обычно после этих слов следует рассказ о том, в каком запущенном состоянии находится дом, как протекает крыша и как нужен ему ремонт, но этого рассказа не будет. Дом прекрасно отреставрирован по государственной программе «Наследие Вологодчины на 2015–2025 годы» и украшает собой не только Воскресенский проспект, но и весь город. Глядя на него, хочется сказать, что именно так должна выглядеть Вытегра здорового человека. К сожалению, таких отреставрированных домов в Вытегре раз-два и обчелся.

*Супруга Александра Федоровича, Анна Петровна, после смерти мужа в 1899 году стала попечительницей школ города и уезда. За один только 1900 год она пожертвовала около пяти тысяч рублей на школьные нужды. В декабре 1903 года ее деятельность была отмечена золотой медалью «За усердие».

⁶³К истории Вытегры и уезда работы по устройству Деятинского перекопа прямого отношения не имеют, но они были сделаны настолько оригинальным и по тем временам передовым способом, что стоит о них рассказать хотя бы в примечаниях. На перекопе работало в среднем тысяча двести рабочих, пятьсот лошадей и два паровоза с подвижным составом в течение пяти с половиной лет. Вот как описывает эти работы инженер Иван Васильевич Петрашень в историческом очерке, посвященном столетию Мариинской водной системы: «Работы производились устройством тоннеля английским способом, сущность которого состоит в том, что по дну будущей выемки проводится штольня, сообщаемая с поверхностью рядом шахт. Выламываемый грунт кидался через шахты в вагоны, которые устанавливались под ними, и затем отвозился в сторону. Вагоны двухосные, имели подъемную силу в пятьсот пудов <...>. Паровозы изготовлены в Мюнхене, трехосные, в шестьдесят сил <...>. Нормальный поезд, входящий в штольню, состоял из сорока пяти вагонов, подводимых под пятнадцать шахт, с тем расчетом, чтобы под каждую шахту из трех вагонов для

нее предназначенных, подвозился ближайший к выходу; когда под всеми шахтами был нагружен первый вагон, под них выдвигали второй. Наверху у каждой шахты работало шестнадцать человек, внизу в штольне два человека, подававшие сигнал при помощи рожка о необходимости прекращения ломки <...>. Морозы зимой доходили до тридцати градусов <...>». Глубина перекопа составила немногим более двадцати трех метров. Его сооружение позволило сократить путь и отказаться от трех шлюзов на Вытегре.

Девятинский перекоп использовался до середины шестидесятых годов прошлого века. Как только вступил в строй Волго-Балт, перекоп остался в стороне, воды в нем не стало, и он мало-помалу зарос кустарниками и деревьями. Теперь для того, чтобы спуститься вниз по склону на дно перекопа, нужно продираться сквозь непроходимые заросли.

⁶⁴Обычному читателю это вряд ли будет интересно, но для буквоедов приведем несколько цитат из сборника «О высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии», с описанием случаев, некоторым образом выходящих за рамки обычных встреч с покраской фасадов, приветственных криков, пением «Боже, царя храни!» и тремядесятью рублями кучерам на водку.

В июне 1863 года Вытегру и уезд посетил наследник цесаревич великий князь Николай Александрович. Встреча была в деревне Черные Пески Кондушского прихода Вытегорского уезда. Там цесаревича «ожидала многочисленная толпа жителей ближайшего Кондушского прихода, собравшихся накануне вечером. Во главе прихожан было духовенство, с обучающимися в Кондушских школах детьми, преимущественно девочками, и с их наставниками... Ожидая Цесаревича, дети целую ночь пели божественные песни. Этим пением встретили они ранним утром приближавшийся с озера пароход, но лишь узнали, что Его Высочество изволит опочивать, детские голоса умолкли, чтобы не тревожить Его покоя. Зато, во время переезда на шлюпках Государя Наследника, малютки в стройных звуках излили всю любовь и укоренявшуюся в их детских сердцах преданность Августейшему Сыну своего Царя. По распоряжению начальника округа, генерал-майора Лебедева, народ разместился на самых крайних к рейду местах пристани, а певчие, в числе 40 мальчиков и 150 девочек, чисто и опрятно одетые, с цветами в руках, заняли место в глубине пристани, у стоявшего тут парохода, на самом пароходе находились чины округа, волостной голова с хлебом-солью и девочки с рукодельем. Цесаревич, подъехавший на катере, был встречен народным «ура!» и звуками гимна «Боже! Царя храни!», исполненного двумястами детских голосов. Голова поднес Его Высочеству хлеб-соль, девочки – рукоделье. Обратившись к священнику, управлявшему хором, Цесаревич изволил сказать: «Батюшка, благослови! Как прекрасно поют девочки! Это ваши воспитанницы? Как их много. И мужички поют у вас. Благодарю, благодарю! Подарки ваши свезу маминьке <...>».

Июнь 1870 года. Приезд великого князя Алексея Александровича. Все как обычно, только в Вытегорском погосте на пристани, «усланной усердием сельских жителей коврами», к детям, бросавшим под ноги высокому гостю цветы, добавились девицы, расстилавшие платки на пути от пристани к экипажу. «В семь часов вечера царственный путник изволил прибыть к селу Девятины. Здесь, во время прохода шлюзами и бассейнами, девицы пели народные песни, раздавалось «ура!», а собравшиеся ученики Девятинской школы пели народный гимн «Боже, Царя храни!». Пение мальчиков обратило на себя высокое внимание Августейшего Путешественника <...> мальчики были потребованы на пароход; многие из них в простых рубашках, босые, бойко и смело подходили к Царственному Путешественнику. Умиление было полное: присутствовавшие при этом отцы и матери учеников плакали от избытка радости при виде такого внимания Царского Сына к народу. На пароходе мальчики со священником и учителем сельской школы составили кружок и, пока пароход следовал бассейном от шлюза Св. Павла до шлюза св. Михаила, на расстоянии полутора верст по желанию Его Высочества повторили гимн «Спаси, Господи» и «Достойно». В это же время мальчикам были поданы пряники и другие сласти, и угощение продолжалось до тех пор, пока тарелки не были пусты <...>. Великий князь изволил пожаловать священнику сто рублей для употребления на нужды училищ <...>. Приняв с восторженной радостью Царственную жертву, бла-

годарные священник, учитель и дети сошли с парохода и несколько раз на бечевнике пели молитву “Спаси, Господи” <...>.

В ознаменование прибытия Его Высочества в г. Вытегру потомственный почетный гражданин 2-й гильдии купец И. И. Малокрысочный пожертвовал в пользу Вытегорского женского училища банковый билет в сто рублей с тем, чтобы проценты с этого капитала выдавались самообеднейшим ученицам по усмотрению училищного совета».

Июнь 1878 года. Приезд их императорских высочеств государей великих князей Сергея Александровича, Павла Александровича, Константина Константиновича и Дмитрия Константиновича. «В клубе был очередной семейный танцевальный вечер. Все общество было приведено в восторг прибытием в среду свою Высоких Гостей, которые соизволили принять участие в танцах и еще более оживили общее радостное настроение. Вытегорское общество, в особенности дамы, имевшие счастье танцевать с Великими Князьями, навсегда сохраняют об этом вечере самое отрадное воспоминание <...>. Третьего августа с семи часов утра начали собираться к пристани многочисленные толпы народа. В девять часов супруга потомственного почетного гражданина Манина и г. Бачманова имели счастье лично поднести Их Высочествам, на пароходе, варенье из местных и довольно редких и ароматных ягод – куманики, которое было милостиво принято <...>. Оставляя Вытегру, Их Высочества изволили осчастливить вниманием своим многих лиц: начальнику округа А.П. Нордштейну оставили на память свои фотографические кабинетные портреты; исправнику Ханеневу пожаловали золотой перстень с изумрудом и бриллиантами; супруге купца Кузнецова – дорогой браслет; г. Акимову, приготовившему фейерверк – золотые запонки с бирюзой; музыкантам – 50 р.; полицейским служителям выдано по 3 руб. на человека, почетному караулу по 1 р. и на всю команду – 100 руб.».

Август 1884 года. Приезд их императорских высочеств государя великого князя Владимира Александровича и государыни великой княгини Марии Павловны. «В 9 ½ часов вечера Их Императорские Высочества, в сопровождении свиты, изволили отправиться в Вытегорское соединенное собрание <...>. Здесь для Их Императорских Высочеств был приготовлен спектакль любителей: “Утка и стакан воды”, водевиль в одном действии, соч. Федорова. Их Императорские Высочества изволили во время представления неоднократно аплодировать артистам-любителям и, по окончании пьесы, вызвать всех и снова поощрить аплодисментами. Зачем Его Императорское Высочество изволил пожелать, чтобы артисты были Ему представлены и тут же, в зале, лично благодарил их за доставленное удовольствие. В гостинной, прекрасно убранной цветами, был сервирован чай, а не террасе клуба закуска и вино. Во все время, пока Их Императорские Высочества изволили кушать чай, попеременно играла струнная музыка и на рояле г-жа Месняева. За чаем Их Императорские Высочества изволили разговаривать с членами собрания. Выйдя на террасу, Их Высочества изволили выкушать по бокалу шампанского, которым хозяин собрания, городской голова, предложил тост за здоровье дорогих Гостей. Громкое “ура” всех присутствующих и туш музыки был ответом. При выходе из собрания в 11 ½ часов, местные любители-артисты собрались у дверей к выходу и благодарили Их Императорские Высочества за оказанное ими внимание; причем Ее Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Мария Павловна удостоила руки юную артистку-любительницу М. Месняеву, а Его Императорское Высочество соизволил выразить, что он никак не ожидал, чтобы любители в провинции могли играть так смело и свободно и с таким знанием сценического дела. Затем Императорские Высочества изволили отбыть в свою квартиру».

(Продолжение следует)

Григорий СТАРИКОВСКИЙ

МЕСТА МОЛЧАНИЯ АСИ ДОДИНОЙ И СЛАВЫ ПОЛИЩУКА

1. Узнавание

Выходишь из дома и видишь улицу. Видишь и не видишь ее. Взгляд проскальзывает: гладкие, широкоскулые поверхности с обеих сторон, мелководье домов, на фоне которых и совершается очередная вылазка в бакалейную лавку. Контурная карта заезженной повседневности. Нужно приложить немалые усилия, чтобы *разглядеть* улицу, угловой магазин, сквер с голубями, *увидеть* зимнее дерево – оголенную тварь с вывернутыми лапами, или *услышать*, как по-человечьи чавкает толстолобый мусоровоз, перемалывая порцию черных пакетов. Твой слух насыщает трескучая песнь сирен: «Послушай, послушай, мы расскажем о приближающемся дожде, о наводнениях в прибрежных округах, о выборах в штате Нью-Гэмпшир». Песня укачивает, убаюкивает: «плыви к нам, и ты навсегда забудешь свои тревоги, прыгай, ничего не бойся». Не так-то легко отвязаться от этого скользкого мотивчика. Но и скользкие слова раскрываются в глубину, как в рекламной скороговорке одной нью-йоркской радиостанции: «если вы подарите нам двадцать две минуты вашего времени, мы подарим вам мир».

Видимый мир всегда глубже того, что мы видим. Работы Аси Додиной и Славы Полищука (далее АД-СП) насыщают сознание предельной ясностью. Как если бы мы ждали ангельских труб, закинув голову, а они прозвучали бы из соседнего Макдональдса. Космополиты говорят: «где хорошо, там и родина», но можно сказать и так: «где есть ты, там появляется смысл», а смысл всегда проступает там, где поверхность холста и проведенная по ней волнистая линия воспроизводят бруклинскую мостовую и сами повторяются в ней.

Я благодарен АД-СП за этот щелчок, за тонкий укол узнавания – узнавания соседней улицы и себя, застывшего на тротуаре. Рукотворная Америка – бруклинские шестизэтажки; сквозное литье оград; заросшие кустарником развалины домов в пригородном парке; разошедшиеся доски подсобных помещений. Картины АД-СП – как напоминание о хрупкости человеческой жизни и всего, созданного твоим трудом. Американское время, стоящее на одной ноге, цаплевидное, вертикальное, утекающее куда-то вверх (Кандинский сказал бы *теплая линия* времени, но это тепло не греет), взлетающее наискосок, и вот его нет совсем, и память о нем – замшелый июльский воздух. Всё, что окружает тебя, пребывает в зыбкости текущего дня.

Билдинги, банки, церкви, среди которых ты живешь, подготовлены к собственному исчезновению. Обитатели Нью-Йорка и Лос-Анджелеса знают: прекрасное – не навсегда. Человек здесь не помышляет о будущем своих городов, помышляет он преимущественно о *своем* будущем, а прошлое в лучшем случае заворачивает в фольгу и прячет в буфет, как Плюшкин – сухарь из кулича. На известной картине Хоппера «Полуночники» фигуры, сидящие за стойкой ресторана, навсегда останутся в ресторане – в нетленном, повторяемом сегодня. В этой точке, червоточине времени, каждое утро ты должен заново прочитывать магазинные вывески, вспоминать станции подземки, проговаривать числительные поперечных улиц. За тебя этого никто не сделает, ты здесь – единственный нарицательный имен. «Земля свободы» легко превращается в землю единичности. Работы АД-СП удивительны уже тем, что отсутствие человека на картине позволяет острее

ощутить свою обособленность (чуть было не сказал «неповторимость») – через воссозданное художниками мерцающее, вьвшееся в наши улицы вечно длящееся сегодня. Почти как в «Исповеди» Августина: «всё завтрашнее и то, что идет за ним, всё вчерашнее и то, что позади него, Ты превратишь в сегодня, Ты превратил в сегодня». «Вечность» теряет свое прежнее, возвышенное значение; всё гораздо проще: прозябание в лимбе тоже может быть вечным, и художники об этом знают.

2. Смешанная техника

Ася Додина и Слава Полишук перебрались в Нью-Йорк в 1996 году¹. С 2003 работают вместе. Картины художников хранятся в музеях США, России, Литвы. Слава реставрирует книги в Бруклинском колледже, Ася преподаёт рисование. По выходным Ася и Слава выбирают в парки и пригородные городки, раз в год летают в Европу, и всё же главные события происходят в их бруклинской мастерской. Событием становится сама работа, усердное делание картин. «Непреодолимое – это то, что человек делает из самого себя, чем он становится в своей жизни благодаря неустанному стремлению», говорил Густав Малер. Труды уже не отделить от дней – первые намертво срослись со вторыми.

В последних двух циклах, «Места молчания» и «Выходы и перекрестки», используется смешанная техника. Смешанная техника: сухие полосы бумаги прокрашиваются; прокрашенная и высохшая, бумага намачивается; на бумагу и на холст наносится клей; сначала бумагой проклеивается весь холст – слоями, пока не достигается нужный результат; поверх заклеенной части набирается фактура; по фактуре отрисовывается здание, дерево, ограда. Слава Полишук говорит (док. фильм «Места молчания»): «это не игра с материалом, выбор материала продиктован не нашим желанием, но пейзажем, на который мы смотрели... мокрая дранка, трава, небо, тишина, окружавшая нас. Цвет, как таковой, один черный, особенно когда бумага пропитается цветом, физическое смешение бумаги с клеем, водой, бесконечные цветовые сочетания, количество вариаций – бесконечное... Возникающие неровности отражают свет – тоновое и цветовое многообразие, соединяясь, дает ощущение поверхности земли».

Запечатленный мир застывает на стадии создания, ему еще не придана окончательность; это щедрая длительность творения, подвижная неподвижность. Дома, деревья, улицы глядятся в одно огромное зеркало: пустота за открытыми настежь гаражными дверями; бахрома весенней земли, сдавленный клекот атлантической волны; истерзанная дорога, по которой предстоит пройти (та самая *the road not taken*); податливость бруклинского билдинга под темным сукном весеннего снега; тяжелые подбородки фермерских крыш. Дома будто выложены из спичек, кое-где скользит папиросный заборчик. Оконца, не позволяющие увидеть, *что* там, за ними, потому что за ними проступает высохшим светом ночь. Сумасшедшая легкость стен, из области сновидений. Угловой, угловатый, углящийся дом с пожарной лестницей, уходящей в застывающее почтовым

¹ Работы Аси Додиной и Славы Полишук хранятся в собраниях Государственной Третьяковской галереи, Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Московского Союза художников, Российской академии художеств, галереи «Новый Ковчег» (Москва), Новосибирского государственного художественного музея, Литовского национального художественного музея (Вильнюс), Художественного музея Зиммерли (коллекция Нортон и Нэнси Додж), Университета Рутгерса (Нью-Брансуик, Нью-Джерси), библиотеки Бруклинского колледжа (Нью-Йорк), Университета Пэйс (Нью-Йорк), Фонда русского и восточноевропейского искусства Натальи и Татьяны Колодзей и др. Выставки: Галерея Нартекс и Фонд Колодзей (Нью-Йорк); Музей русского искусства – MoRA (Нью-Джерси), галерея Фока/Фаул (Нью-Йорк), галерея Университета Пэйс, библиотека Бруклинского колледжа, Интернациональный центр искусств (Ремаген, Германия), Центральный дом художника, Московский дом художника, галерея «Новый Ковчег» и др.

штемпелем небо; задраенные витрины магазинов; телеграфные столбы, как тонкие стилусы, уткнулись в черный небесный воск; тонкие нити, струи проводов; тонкая черная кость дорожного знака; опущенные деревья, одно наклонилось в сторону. Незаживающие раны мира.

В работах АД-СП изображения домов, деревьев покачиваются на поверхности холста. Это – участки низкой фактуры, омытые со всех сторон «приподнятой» фактурой земли и неба. Ты несешь свое самое драгоценное и рвущееся знание на поднятых руках, идя по шею в этом складчатом сургуче. Наши дома – лес, превратившийся в бумазейную ткань – то, что рвется легко. Флейта – червоточина воздуха, обитая легким металлом, тонкий звук, заглушенный наплывами земли, неба, волн. Ты не забудешь о хрупкости домашних стен, об отсутствии воздуха между извивами неба и плоскими (*холодными*, сказал бы Кандинский) крышами.

Процесс рассматривания работ АД-СП труден, даже болезнен. Если Хоппер заливает свои работы безжалостным светом (наблюдателю лучше оставаться на стороне темноты, чтобы не обжечься ярчайшим холодом солнца), АД-СП исключают автономность света из своих картин. Фактура наращивается сочленениями просветов и темнот; пейзаж объясняется со зрителем оттенками серого и черного, островки белого на той стороне светотени – не более чем поклон бликам черного. Черный, как цвет отсутствия («Если я пойду долиною темноты глубокой...»). В работах АД-СП черный цвет – сквозная зимняя ночь и разбитый асфальт отчаянья. «Черное» и «человек» так же близки друг другу, как «жимолость» и «Алжир» в русском переводе дневников Альбера Камю.

Ритмический рисунок, создаваемый на наших глазах складками застывшей бумаги, колеблется, взгляд смотрящего упирается в мостовую, ее щели и вздутия, не может оторваться от нее, два билдинга стоят как близнецы, готовые отвернуться друг от друга; переключки пожарных лестниц, одна уходит вправо, другая – влево, прямоугольные жалюзи задраены плотными пятнами света. Дома плывут по серой загустевшей воде. Взгляд подчиняется ритму и следует за ним. Ритм, как и техника, тоже смешанный. Нарастание и убывание ритмического рисунка, то высокий, то низкий звук. Соединение вскипающих, кричащих поверхностей. Волны фактуры сталкиваются друг с другом, открывая новые созвучия. Так прочищается слух. Ритм нарастает контурами и гребнями затвердевших черных, серых волн, задается внутренним сопротивлением, напряжением, натяжением. Контуры – знаки молчания, берущие на себя роль паузы – картину можно читать, как музыкант читает партитуру. Пауза – паралич времени. Кажется, так говорил композитор В. Сильвестров.

3. Настоящее время

Слава Полищук – об Ансельме Кифере («Богемия лежит у моря», 1996): «Идущий по полю становится свидетелем земли, не нуждающейся в свидетельстве, земли, на которой больше ничего нет. Нет света и тени. Только ровная серая освещенность. Предметов нет. Земля поглотила их. Человека здесь нет. Он был, но лег в землю. Теперь из человека тянется серо-желтая трава и тонкие деревья без листьев... Застывшие в корнях буквы, знаки забытого языка – памятка молодому бойцу, потерявшему память»¹. Картины АД-СП – положения мира, который, соприкасаясь с человеком, обходится без его участия, здесь некому терять память, некому даже ложиться в землю – истерзанная земля, по большому счету, не нуждается в твоих останках. Но именно здесь ты обретаешь память, в этом вечном возвращении к самому себе, или, словами Поля Клоделя: «кажется, здесь мы говорим с собственным сознанием». Корочка бруклинских билдингов, вывороченные изнутри деревья, тонкие линии сетчатых ограждений, размытая и, как цепной пес, бросающаяся

¹ https://magazines.gorky.media/nov_yun/2017/5/putevoditel-2.html

на смотрящего зимняя дорога, или океан, его вспаханное нутро – это и есть надсада твоих дней. Или: вздыбленный, мычащий бетховенский асфальт, мычащий – до мускульной боли. Рванные деревья вскипают, тянутся вверх, их лемешевский тенор, он тоже слышен, вплетаемый в эту непрерывную побудку. Или: школьный корпус, первый этаж облицован белесым камнем, остальные – темны, но в окнах играют блики света, приликая к поверхности стекла и растворяясь в ней. Что это, учительские двойные жалюзи (одна половина приподнята, другая опущена до самого подоконника) или – папиросная бумага встревоженного электрического света, его едва различимый шелест?

Смотрящему остается одно: мучительное узнавание – это и есть тот путь, который разглядывающий эти картины проходит до конца. Свидетель собственного исчезновения видит в работах АД-СП не только изнанку соседней улицы или зимнего пейзажа нью-йоркских предместий. На картины АД-СП ложится и другая тень, сочащаяся складками и кривизнами фактуры, ее гулом или резким гортанным окриком. Застывшее время бруклинских улиц сменяется безумным и безысходным русским хороводом, а сверху вскипает небо – голодным морем, холодным зверем. Фактура – окончательна, как выключенный свет или как сновидение, слепок непроходящего дня: двое солдатиков бегут через поле, чтобы минуту спустя упасть и застыть, по-детски подобрав под себя ноги; случайно выживший, запятанный до полусмерти человек, его спокойное, чуть удивленное лицо на фотографии. Это – свидетельство собственной боли, но и боли за другого, которому нельзя помочь, и даже пожалеть нельзя, потому что слезная жалость проедает тебя насквозь, сглаживает сознание.

Острым, волчьим чутьем художники находят уходящую в глубь сознания перспективу, которая одна способна выразить то, что происходит с тобой. Перспектива – это, по сути, обретенная дистанция или, возможно, единственный оставшийся теперь художнику образ действия – принять свое горькое время как удивительный дар, отпущенный человеку, и не оставлять работу, продолжаясь в картине, слове, музыкальной фразе.

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ-25
В русском жанре – 85

””

Ежедневно, проходя соседней улицей Генриха Гейне¹, я стучу себя по лбу и обещаю оживить в увядшей голове то немногое, что мне известно и понятно в великом писателе. Есть же у меня том его сочинений из серии «Библиотека классики» (1989). Открою-ка его. Как там у Саши Чёрного?

*Взял Маркса. Поставил на полку.
Взял Гёте. И тоже назад.
Зевая, подглядывал в щёлку,
Как соседка пила шоколад.*

Всё равно ведь Гейне в мозгу намертво привязан к статье Александра Блока «Ирония». С иронией-то мне всё ясно, Блок писал, страхась и ненавидя в себе ироническое начало, но отчего он увидел оплот её именно в Гейне, неужели только из-за его еврейского происхождения?

Том открылся на стихотворении «Крик сердца»:

*Нет, в безверье толку мало:
Если бога вдруг не стало,
Где ж проклятья мы возьмем, –
Разрази вас божий гром!*

*Без молитвы жить несложно,
Без проклятий – невозможно!
Как тогда нам быть с врагом, –
Разрази вас божий гром!*

*Не любви, а злобе, братья,
Нужен бог, нужны проклятья,
Или все пойдёт вверх дном, –
Разрази вас божий гром!*

Так сошлось, что почти одновременно в воспоминаниях Гонкуров о Тургеневе я прочитал, как Гейне, уже на смертном одре, «обращаясь к жене, которая тут же рядом молила Бога помиловать его, сказал: “Не бойся, дорогая, он меня помилует, ведь это его ремесло”». Сразу пришёл на память покойный приятель мой Володя Глейзер, всегда умевший смешно, но не цинично реагировать даже и на могильные темы. Разве это дурно?

””

Вообще же стихов я читать не умею и не люблю. Не поэзию не люблю, а процесс её потребления. Всегда было непонятно какое-то стихотворное наваждение, овладевающее целыми группами людей,

¹ Моим читателям известно, что седьмой год я обитаю в посёлке, строившемся для возвращающихся из ссылки 1941 года на места бывшего, с Екатерины II, пребывания российских, а потом советских немцев, которых местная власть во главе с Д. Аязковым выдавала вон под лозунгом «Не бывать второму немецкому вторжению».

Когда-то мой друг Илюша любил разгадывать какой-нибудь образ раннего Пастернака, искать объяснение его строк в реальности: ну, чем, к примеру, вызван образ «*прижимаюсь щекой к воронке завитой, как улитка зимы*» и т.д. Но это было в старшекласном детстве, хотя я тогда и простых вещей не пытался объяснить. Да и потом, подобно Онегину, не мог ямба от хорея отличить, что постыдно для выпускника филфака, правда знаю, что не я один.

Дома стихов не читали, но и у Илюшки, да ни у кого в семьях их не читали! Куда важнее кажется то, что у нас не пели. Ни бабушка, ни мама, ни отец, ни брат даже не напевали. А так как и гостей не бывало, то не раздавался, как у дворовых соседей, застольный хор.

Смешно вспоминать, но волшебства поэзии впервые и сразу вдруг открылись мне из случайно купленного на уличном лотке тома Эдуарда Багрицкого в БП. Потом притянул поздний Есенин и ранний Маяковский той же вещностью, своим, так сказать, акмеизмом. Потом я очень прозрел на Державине и, словом, довольно поздно понял, вернее почувствовал, что стихи и не должны быть понятны.

И задумался о тайне рождения стихов и их создателей, которых ежедневно видел и знал со всяких сторон, не в силах понять, как и что заставляет человека предаваться смешному занятию рифмовки. Вот тот же редакционный Благов Николай, пыхтя папиросой, расхаживает огромными ногами по нашему кабинету, а вот рассказывает за выпивкой мне и Борису Дедухину про мужика в их селе, известного такой гигантской елкой, что ни одна баба не могла не пёрнуть, а на подколы серьёзно заявляет, что этот факт доказан.

*Зима стоит такая россиянка!
Опять кипит невпоровот пурга.
Склонившись, как над прорубью крестьянка,
Луна полощет длинные снега.*

Я понимаю, что строки Благова это поэзия, но как объяснить их появление в той же черепной коробке, что и мужика с елкой? Встречая множество стихотворцев, о стихах писать я удерживался, лишь одного из них пытался набросать типологический портрет¹. С немногими, как Евгением Рейном или Алексеем Алёхиным, дружил, других, как Веру Павлову или Ольгу Седакову, воспринимал лишь сквозь призму впечатления от их текстов, третьих, тоже знакомых, воспринимал как памятники войне – Михаила Дудина или Владимира Жукова. Бывало, знакомился с известными не публиче, а коллегам, как мастер верлибра Павел Бурич, сосед друга моего Олега Михайлова и одновременно муж старухи-переводчицы Музы Павловой, его пережившей.

Всё это не исключало, а усугубляло моё чисто редакторское высокомерие: стихи пишете, ну-ну... И я давно что называется, забил на поэзию и поэтов, чего, увы, и не стыжусь.

...

Живший после войны в Саратове успешливый советский романист Григорий Коновалов (1908–1987), до войны столь же успешно выходивший даже из таких чреватых ситуаций, как та, что арестованный Бабель назвал его на лубянском допросе в числе друзей дома, был отменным лицедеем. С возрастом нарастил маску добродушного деда из казаков, не слишком вникающего в мелочи современности. Умел в этой роли вдруг приподнять с лица маску добродушия и, выкатив тяжёлый взор, недобро продекламировать:

*Мы бросим народам
Грозу и пламя,
Несущие смерть
Чингисхана сыны,*

¹ См.: Советский поэт // Волга. 2021. №3-4.

*Пески сорока
Пустынь за нами
Кровью убитых
Обагрены.*

*«Рубите, рубите
Молодых и старых!
Взвился над вселенной
Монгольский аркан!»*

Ликом при этом делался точь в точь Ефим Копелян в ролях белых атаманов, что производило должное впечатление на молодых писателей и руководящих чиновниц, дивящихся дедовой образованности. Откуда им было знать, что страшный призыв Чингисхана саратовский классик почерпнул из исторических романов Василия Яна, много издаваемых и популярных в среде интеллигенции. Прочитав в юные читательные года довольно складно написанный роман «К последнему морю», потом я этим писателем не интересовался, а сейчас был немало впечатлен, узнав о его богатой биографии (1874–1954). Вот из Википедии:

В 1899–1901 годах совершил пешее путешествие по Европейской России и губерния Малороссии, побывал в Великобритании <...>, в 1903–1904 годах побывал в длительной командировке по Хивинскому ханству и Бухарскому эмирату, Ирану и Афганистану. Во время Русско-японской войны был корреспондентом на Дальнем Востоке <...>; стоял у истоков скаутского движения в России <...>, был награждён орденом Святой Анны III степени с мечами (1905) и орденом Святого Станислава II степени (1914). В 1918 году вернулся с семьей в Россию. В 1918–1919 годах служил в Белой армии Колчака редактором фронтовой газеты и начальником бюро пропаганды».

Согласитесь, впечатляет, особенно если добавить, что он стал одним из первых лауреатов Сталинской премии за 1941 год.

””

Когда я сообщил моему другу Гоге Анджапаридзе, что Букеровскую премию за 1996 год дали Андрею Сергееву, он проворчал, что тот переводит стихи с английского, а не романы пишет. Вообще история русского Букера причудлива. Изначально предполагалось, что ею награждают только романы, но вышло, что произведения Марка Харитонова, Булата Окуджавы, Александра Морозова или полного инвалида детства Рубена Давида Гонсалеса Гальего и др. подбирались по непонятному читающей публике явно не жанровому принципу. «С самого начала у Букеровского сюжета не получилось завязки, не удалось посредством премии выдвинуть лидера, которого современным прозаикам страстно захотелось бы догнать и перегнать» (Вл. Новиков).

А меня тогда доброжелательные московские коллеги каким-то образом засунули в Букеровский комитет.

«Непосредственное руководство деятельностью премии осуществляет Букеровский комитет, который собирается четыре раза в год. Состав комитета подлежит постепенной ротации. В комитет входят видные писатели, представители литературной общественности, деятели культуры. Комитет устанавливает правила конкурса и приглашает членов жюри, состав которого меняется каждый год. С расширением деятельности премии и появлением дополнительных проектов Комитет вырабатывает их стратегию, а его члены содействуют их осуществлению» (РИА Новости. 16:07. 02.07.2008).

Смешно, но москвичи нас называли комитетчики, словно работников ГБ. Алла Сергеевна Демидова, которой я представился, сидя рядом на одном из обедов, окинув взглядом соседей, подозрительно спросила: «А это тоже комитетчики?» Слово, однако.

Вообще знаменитых гостей на этих обедах поначалу бывало много. В «Метрополе» в красно-бархатном медленном лифте вошедший туда высокий господин поздоровался, и моя жена спросила: «Откуда я его знаю?» – «Это народный артист СССР Владимир Васильев», и т.д.

Но и проживание с жёнами в «Метрополе», и череда звездных гостей были только поначалу. Недавно в книге обнаружил карточку отеля у метро «Аэропорт», принадлежащего какой-то компании М. Горбачева. Очень, очень тепло помню, как пригласил туда жившего где-то неподалеку Женю Рейна. Выпили мы бутылку привезённой мной саратовской водки «Что делать?», закусывая бородинским хлебом, и когда на прощанье протянул ему с собой такую же бутылку, он сказал: «Хлеба дай, хлеб хороший». Мне было лень снова идти в магазин, и я разделил кусок, в чём потом каялся.

Менялись и финансовые хозяева премии. Особенно волнующим для выпивохи было, когда с 1997 по 2001 год спонсором выступала шотландская компания виски UDV, частью которой является Фонд имени Петра Смирнова. В этот период премия стала называться Smirnoff-Букер. А когда, и тоже ненадолго, спонсором стала «Открытая Россия», т.е. «Юкос», я увидел на заседаниях комитета господ, которых имён и называть не стану.

Работа наша и особенно состав жюри и, соответственно, его решения разнообразно критиковались в основном патриотами-государственниками за приверженность модернизму, кумовство и небрежение идеями патриотизма. Да и вообще, сила Букера была в его первости, после десятилетий торжества сталинских-ленинских-государственных премий.

А книга Андрея Сергеева «Omnibus. Роман, рассказы, воспоминания» (Новое литературное обозрение, 1997) у меня жива, там на титульном листе имеется авторская надпись «Дорогому Сергею с лучшими пожеланиями», а на его обороте аннотация. *«Эта книга – первое полное собрание прозы известного переводчика и поэта Андрея Сергеева, в 1996 году получившего Букеровскую премию за роман “Альбом для марок”. Кроме этого романа в книгу вошли рассказы и “рассказики” о выдуманных и невыдуманных людях (Б. Слуцкий, Е. Винокуров, М. Зенкевич и др.), воспоминания о И. Бродском, с которым автор был многие годы дружен».*

Аннотация завлекательная, но тексты, несмотря на постоянные матюки, слишком гладкие, словно автора заставляли писать. Нет, есть всё, что положено мемуарам. Московское детство, дачные впечатления, открытия секса, учёба во ВГИКе и т.д. И – всё одинаково скучно. С начала и до конца везде вылезает коллекционерская натура автора, длинные перечни, скажем, детских похабных поговорок, или описания старинных монет. А для знакомств, для людей красок Сергееву не хватало, из-за чего так плоски в «романе» даже Ахматова или Бродский.

Я выделю связанное с Саратовом имя поэта Михаила Зенкевича, который вплетался именем в богатый клубок поэзии Серебряного века, став одним из основателей акмеизма. Человек прожил долгую (1886–1973) жизнь, его миновали репрессии, с кем он только не встречался, а почему-то остались лишь немногие следы его вроде того, как вместе с Булгаковым безуспешно претендовал на квартиру в Лаврушинском или с Дмитрием Кедринным пил пиво в день его таинственной гибели. И всё. Литературоведы в т.ч. и Саратова, где он родился, а в 20-е годы работал, насколько знаю, им не занимались. Есть недобрый, но конкретный отзыв в первой советской литературной энциклопедии (том 4, 1930). *«Продолжая традиции акмеистов З. является вместе с тем одним из представителей русской “научной” поэзии. <...> природа, взятая космически (геологические и палеонтологические картины) противопоставлена человеку, ничтожному и бессильному Нарочитое выпячивание “плоти”, тяжелой и прожорливой, придает его поэзии пессимистический оттенок, приводит З. к характерному для буржуазной интеллигенции сознанию бренности и непрочности всего земного».*

У меня было Зенкевича «Избранное» (1973), помню даже его зеленый переплёт, где не скажу поразили, но впечатлили натуралистичные строки, где бушевала плоть, переплетаясь со смертью и тлением. И я вспомнил о них, когда в 1978 году мы, читатели Валентина Катаева, расшифровывали прозвища, данные персонажам книги «Алмазный мой венец», тексты которых он много цитировал, и среди них Колченогого-Нарбута:

*Ну, застрелюсь. И это очень просто:
Нажать курок, и выстрел прогремит.
И пуля виноградиной-наростом
застрянет там, где позвонок торчит,
поддерживая плечи – для хламид.
А дальше – что?
Поволокут меня
в плетущемся над головами гробе
и, молотком отрывисто звеня,
придавят крышку, чтоб в сырой утробе
великого я дождался дня.*

Когда «чужой ВГИКу» Сергеев решил стать переводчиком, ему помог Зенкевич, про которого подытожено так: «Поэт стал тенью. Шляхетское благородство и выучка “Цеха поэтов” спасли его от судьбы Олеси. <...> главная его заслуга в бытии тенью – он первым открыл для русских современные стихи Англии и США».

У моего друга Алексея Голицына есть дядя по отцу. Принимая Лёшу в «Волгу», я и не знал, что он племянник моего доброго приятеля Андрюши Лопато. Андрей был завидно беспутен. Способность не огорчаться обстоятельствами и родными-близкими – что может быть прекраснее. Он как-то и без профессии обошёлся, где-то поучиваясь и находясь на службе в разгульнейшем месте – комсомольских органах, а точнее в ихнем «Спутнике», как именовалось учрежденное в оттепельное время бюро международного молодёжного туризма. Трудно понять, чем «спутники» занимались в закрытом для иностранцев Саратове кроме формирования групп туристов из близких и родственников своих, начальства и блатных.

Потом он женился, и нас наставлял, дескать, я не абы как, не как вы, а присмотрел девочку шестнадцати лет, дочь директора завода, следил за ней внимательно, воспитывал помаленьку, чтобы без сюрпризов...

Но когда вдруг был брошен молодой женою, без видимых сожалений переживался то на Балашов, то на столицу. И вот как-то Илья мне сказал, что Лопато вскоре прибудет отмечать своё сорокалетие, стоял, стало быть, на дворе год 1988-й.

Мне пришло в голову попытаться порадовать и Андрюшу и Илюшу неожиданным подарком.

Тогда я успешно сотрудничал с газетой «Саратов», а там непосредственно с Лерой Каминской, которой на голубом глазу предложил текст «Мастер досуга», где сообщалось о скором прибытии из столицы нашего земляка, несравненного организатора всяческих развлечений Андрея Лопато. Разумеется, не уточнялось, что под развлечениями имелось в виду пьянство и секс, и текст был опубликован, чем я какое-то время гордился.

Хорошая была газета. Как-то в бытность мою в фейсбуке на мои воспоминания о поэте Исае Тобольском откликнулся из Израиля её бывший редактор Борис Плохотенко.

В один день, 25 апреля 2004 года, под рубрикой «Новости» в «Независимой газете» рядышком появились такие информации.

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРУ Саратовской области Юрию Моисееву может быть предъявлено обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений. 23 апреля по решению следователя ГУВД Саратовской области Моисеев был задержан по подозрению в избиении жителя Балтайского района Виталия Гладышева. Как сообщает ИА «Саратовбизнесконсалтинг», поводом для ареста чиновника, являющегося племянником губернатора Дмитрия Аяčkова, послужила опубликованная в среду в

газете «Репортер» статья «Разыскивается особо опасный вице-губернатор». Как сообщила «НГ» старший помощник прокурора области Нина Геллерд, уголовное дело, прекращенное в 1999 году из-за отказа свидетелей от своих показаний, снова передано в ГУВД области.

ЛИДЕР НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ писатель Эдуард Лимонов, приговоренный Саратовским судом к четырем годам лишения свободы за незаконное приобретение и хранение оружия, может выйти на свободу уже 25 апреля, передает агентство «Новый регион». По словам адвоката Лимонова Сергея Беляка, сейчас обжаловать приговор Лимонов не собирается. Он надеется на условно-досрочное освобождение, на которое позволяют рассчитывать «заслуги писателя и его немолодой возраст».

В те дни в саратовских редакциях передавали новость, что знаменитый писатель, находясь в энгельской тюрьме, был особо впечатлен продуктовыми посылками, которые получал его однокамерный племянник саратовского губернатора. В книге Лимонова «По тюрьмам» читаем:

«Два раза в неделю дядя Юра получает дачки. Консервы, сало, колбасу, белый хлеб, пачки масла, халву и прочая. Он всякий раз ждет дачку и нервничает. Он вскакивает с постели при малейшем шорохе за дверью и всегда слышит, как разносят мешки и его мешок приземляется рядом с нашей дверью на продоле. Если дачка вдруг запаздывает на день, (а такое случалось дважды), дядя Юра ругает дочерей проститутками. Помимо жены, от которой у дяди Юры две взрослые дочери, у него есть баба помоложе, от нее у дяди Юры шестилетний сын. Все это разветвленное семейство и хозяйство, оставленное на свободе (есть еще мама, ее дом, новая недостроенная дача), не дают дяде Юре покоя и побуждают его строить самые немислимые планы. Часто по утрам он вспоминает свою чиновничью жизнь: подробно описывает массажи, маникюры, гинекологов жены и любовницы. Он бывший лабух, и антрепренер, и массовик-затейник».

Хоть дядя Юра это и не губернаторский племянник Моисеев, а саратовский министр культуры Юрий Грищенко, который попался на взятке, совмещение имён не случайно, думаю, архетип обоих одинаков, различие лишь в их родне, из-за чего Грищенко с высот исчез, а хулиган Моисеев на каких только должностях потом не был. Вот к примеру: «Исполнительный директор Международной ассоциации аэропортов». Каково?

Про возглавляемый с тех пор бабами саратовский минкульт доброго сказать нечего, а постоянные из-за полной их некультурности конфузы, за которые тётки перемещают с одного руководящего места на другое, ещё противнее, чем воровство.

...

Я всё больше и уже просто безмерно наслаждаюсь Тургеневым. Вот о похоронах героини повести «Несчастная» (1868).

«Тонкая крупа сеялась с низкого неба, мороз стоял небольшой, готовилась оттепель, но в воздухе ходили резкие, неприятные струи... Самая была великопостная, простудная погода. <...> Служба уже отошла: священники, — из коих один имел камилавку, а другой, помоложе, очень тщательно расчесал и примаслил волосы, — появились вместе с причтом на крыльце. Вскоре показался и гроб, несомый кучером, двумя дворниками и водовозом. Г-н Ратч шел сзади, придерживаясь концами пальцев за крышку, и все твердил: «Легче, легче!» <...> Носильщики, кряхтя и перекоряясь, поставили гроб на дроги; гарнизонные солдаты зажгли факелы, которые тотчас же затрещали и задымались, раздался плач забредшей салопницы, дьячки запели, снежная крупа внезапно усилилась и завертелась «белыми мухами», г. Ратч крикнул: «С богом! трогай!» — и процессия тронулась. Кроме семейства г. Ратча, провожавших гроб было всего пять человек: отставной, очень поношенный офицер путей сообщения с полинялою лентой Станислава на шее, едва ли не взятый напрокат; помощник квартального надзирателя, крошечный человек, с смиренным лицом и жадными глазами; какой-то старичок в камлотовом капоте; чрезвычайно толстый рыбный торговец в купеческой синей чуйке и с запахом своего товара, — и я».

Затем мужчины «отправились гуртом в трактир».

И здесь позволю крайне важное мне соображение в отношении Тургенева, слышшего, как известно, либералом-западником. И, надо заметить, что при своём появлении и всегда потом повесть «Несчастная» непременно сопоставляли с творчеством Достоевского. И сейчас внимательные читатели продолжают: «Как известно, Тургенев и Достоевский друг друга недолюбливали. А временами довольно резко друг о друге высказывались. Тем забавнее мне было читать “Несчастную” – казалось, написал её не Тургенев, а как раз Достоевский» (panda007, 6 ноября 2014, mybook.ru).

Дело в том, что в первом, напечатанном в журнале «Русский вестник» варианте, поминки по Сусанне завершались явлением загадочного Меркула Цилиндрова, избивающего отчима Сусанны негодяя Ратча по воле её покойного возлюбленного Мишеля. И в дальнейших публикациях Тургенев убирает вовсе из повести фигуру романтического мстителя со странной, в самом деле достоевской, фамилией Цилиндров, и вот как завершает сцену поминок.

«Лица раскраснелись, голоса загомонели, смех вступил в свои права; стали раздаваться восклицания порывистые, слышались ласковые наименованья вроде: “братца ты моего миленького”, “душки ты моей”, “чурки” и даже “свинтуса этакого”; словом, посыпалось все то, на что так щедра русская душа, когда станет, как говорится, нараспашку. Когда же наконец захлопали пробки цимлянского, тут уже совсем шумно стало: некто даже петухом прокричал, а другой посетитель предложил изгрызть зубами и проглотить рюмку, из которой только что выпил вино. <...>

– Стойте! Господа! – закричал внезапно чей-то хриплый голос на конце стола, – у меня сейчас кошелек украли!

– Ах, мошенник! – запищал другой голос, и – бац! раздалась пощечина.

Господи! Что тут произошло! Точно дикий зверь, который до тех пор лишь изредка ворчал и шевелился в нас, вдруг сорвался с цепи и встал на дыбы, во всей безобразной красе своего взъерошенного загривка. Казалось, все тайне ожидали “скандала”, как естественной принадлежности и разрешения пира, и так ринулись все, так и подхватили... Тарелки, стаканы зазвенели, покатались, стулья опрокинулись, поднялся пронзительный крик, руки замахали по воздуху, фалды взвились фалды, и завязалась драка!

– Луи его! Луи его! – заревел, как иступленный, мой сосед, рыбный торговец, казавшийся до того мгновенья самым смирным человеком в мире; правда, он выпил в молчанку стаканов десять вина. – Луи его!..

Кого лупить, за что лупить, он не имел понятия, но ревел неистово, даже на самого г. Ратча накинуся.

– Уморил девку, немчура треклятая, – закричал он на него, потрясая кулаками, – полицию подкупил, а теперь куражишься?!

Тут прибежали половые...

Что произошло дальше, я не знаю; я поскорей схватил фуражку, да и давай бог ноги! Помню только, что-то страшно затрепало; помню также остов селетки в волосах старца в капоте, поповскую шляпу, летевшую через всю комнату, бледное лицо Виктора, присевшего в углу, и чью-то рыжую бороду в чьей-то мускулистой руке... Это были последние впечатления, вынесенные мной из “поминального пира”, устроенного любезнейшим Сигизмундом Сигизмундовичем в честь бедной Сусанны».

Да, славяно-церковно-державно-патриотично настроенным гражданам что Российской империи, что Российской Федерации Иван Сергеевич Тургенев своим быть не может.

Есть у него рассказ «Собака» (1864). Эта быстро, за два дня написанная история явления рассказчику призрака не бывшей в реальности собаки, его граждански ориентированных современников удручила полным отсутствием социальности. П.В. Анненков писал автору: «...не понимает публика наша возможности простой, невыдуманной, просто сказавшейся вещи у писателя». Лишь Чехов через три десятка лет восхитился «Собакой».

Александр МАРКОВ

ОКЛИКАНИЕ ДАЛЕКО ЗА СЦЕНОЙ

Елена Игнатова. Нить судьбы. – М. – СПб.: Т8 Издательские Технологии; Пальмира, 2024. – 168 с. – (Серия: «Часть речи»).

О Елене Игнатовой (р. 1947) начинать писать трудно: по критическим отзывам кажется, что она не вошла ни в число поэтов, символизирующих самиздат или эмигрантскую поэзию, ни в число поэтов для знатоков. Ее художественные открытия несомненны для любого читателя не только ее стихов, но и прозы, прежде всего ее краеведческого исследования «Записки о Петербурге». Вероятно, с этой книги можно начинать знакомство с литературными достижениями Игнатовой: она рассматривает родной город как одну большую лабораторию, одновременно физическую, химическую, биологическую и антропологическую.

Естественнонаучный восторг, чистый блеск кунсткамеры, медицинская политика, перемещение населения, санитарные проблемы, – и тут же церемониалы, бюрократическая путаница, каменный холод и ужасы подозрительности. Всё это показ жизни города не с парадной стороны, а с изнаночной, из-за кулис и в закулисье. Для Игнатовой существенно не как Петербург выглядит, а как он *репетирует себя*, как звучат свирепые окрики его режиссеров, начиная с Петра Великого; как город иногда обижается, скорбит, болеет, но и предстает вновь во всем величии пьесы, задуманной для всего мира. Если бы ввести в эту книгу консультантов этих режиссеров, начиная с Лейбница, она бы была, бесспорно, в условной пятерке лучших книг о Петербурге.

Избранное Елены Игнатовой вышло в серии, представляющей условно поэзию последнего полувека, точнее, более полувека. Самые ранние стихи этого тома относятся к 1966 году. Вероятно, читать его тоже лучше начинать с прозы – в книгу включена статья Игнатовой «Кто мы? Ленинградский андеграунд семидесятых», впервые опубликованная в 1983 году в машинописном журнале Кирилла Бутырина и Сергея Стратановского «Обводный канал». Игнатова в этой статье говорит прежде всего о *неполноте* ленинградской независимой (или второй) культуры: ориентация на эзотерику Серебряного века, на стилистический макаронизм обэриутов и на абсурдизм Ионеско и Беккета для нее – признак не единства рефлексии над культурой, но фундаментальной слабости. Даже из Достоевского вторая культура берет скандал и трансгрессию, но не его эпос, не созидание нового бытия. Для Игнатовой лучшим ориентиром для независимой культуры мог бы быть англоязычный роман Дж. Стейнбека или Т. Уайдлера, как пример завершенной и тщательной работы в области социального бытия, а не всегда условного языка.

Статья яркая, пристрастная, не всегда справедливая. Ее лучше читать параллельно со статьей Бориса Останина (в частности, самиздатского переводчика Ионеско) и Александра Кобака «Молния и радуга»¹, написанную в конце 1985 года. В ней Останин и Кобак противопоставили «молнию», ангажированную публицистическую культуру 1960-х во всем мире, включая рок-культуру, и «радугу», медитативную и мистическую окрашенную культуру 1970-х и 1980-х. Авторы прежде всего стирали границы между ленинградской второй культурой и мировой, открывая общие свойства всемирного времени. Эпоха «радуги» вовсе не выглядит в изображении авторов оптимистичной: это эпоха вызовов общества потребления, новой буржуазности, со всеми ее малопримечательными

¹ Статья (в сокращении) публиковалась в журнале «Волга», 1990, № 8 (Прим. ред.).

ятными свойствами, эпоха «энциклопедий» и «картотек», которые уже не подразумевают непосредственного открытия культуры, но только ее необратимую концептуалистскую переработку.

Мы можем сказать, что если эпоха «молнии» создавала простые модели, формулы, конспекты, или «идолов» (буквально, божки, образки: то есть упрощенные модели, отливки, литые формулы) бытия, то эпоха «радуги», напротив, требует от мысли преодолевать свою формульность. Картотека Льва Рубинштейна (Останин и Кобак вспоминают в связи с ней статью византиниста А. Каждана, ратовавшего за замену на столе ученого конспектов картотеками) как раз реализует этот принцип не-формульности мысли, ее ускоренного движения. Мысль существует тогда, когда карточка оказывается среди других карточек, и мы так же восстанавливаем смысл карточки, как восстанавливаем смысл знака, ритуала, жеста или литургического эпизода.

На место формульного мира приходит мир, который должен преобразить себя и примириться с собой, тогда как формулы всегда непримиримы. Концепция авторов «Молнии и радуги», конечно, соединяла абсурдизм и новый генеративный подход в культуре в едином образе случайности (алеаторики), предвосхитив востребованную сейчас концепцию «контингентности» французского философа Квентина Мейясу как механизма порождения прежде не бывших событий и одновременно достоверного высчитывания их смысла.

В этой дихотомии «молнии» и «радуги» Елена Игнатова занимает странную позицию. Ее стихи *иконичны*, и в этом смысле с самого начала, с самых ранних принадлежат эпохе «радуги». В них нет готовых формул, быстрых догадок или конспектов реальности. Дело не в том, что это медитативная лирика, а в том, что она созерцательна. Она требует очищения зрения на каждом повороте лирического сюжета.

Но как икона в поэзии Игнатовой предстает не некоторый образ, наподобие торжественной мозаики или барочной театральной постановки, но какое-то отдельное чувство, звук, едва ощутимый запах или гравитация. Для примера и для знакомства с поэзией Игнатовой тех, кто не читал ее, приведем два соседних стихотворения о Ксении Петербургской:

Сколько горя, сколько черной боли
приняла я в городе Петровом.
Греемся на пепелище старом,
плачемся на пепелище новом.
С нежностью и тайною оглядкой,
чужестранка в этом мире сиром,
узнаю потемкинские пятки
у атлантов, гениев, кумиров...
Но когда у Ксении Блаженной,
у ее часовни жду рассвета:
– Жено, о блаженнейшая жено,
сколько счастья было, сколько света. (с. 114)

Взгляд из-за кулис на пятки и подпорки петербургских декораций мы узнаем сразу. Но образ Петербурга, иконический и предельно нежный, создается отнюдь не видами из зрительного зала, и не видами из-за кулис. Этот образ вводится чувством тепла, а потом чувством пространства, пространственной ориентации, где здесь находишься. Другие чувства словно выключаются. Перейти от монологизма к полифонии чувств помогает только образ святой Ксении, как бы выворачивающей Петербург наизнанку: она, работавшая по ночам на строительстве храма в одежде покойного мужа, делает рассвет как бы изнанкой своих одежд, чистым светом ее труда. Она снимает с себя прежнюю греховную жизнь, и подражание ей, незаметный, тихий, совершенно не признанный никем труд, уже не вводит в отчаяние, но обнадёживает.

Следующее стихотворение замечательно тем, что показывает всё происходящее глазами Ксении Петербургской. Но это повествование не от первого, а от третьего лица, это как бы лицевая сторона ее жизни, причем которую никто не замечал. И поэтому как только Ксения Петербургская уже за пределами стихотворения, в самой реальности говорит что-то, говорит о тепле или щедро поет, несмотря на усталость – всё, что подразумевается сюжетом стихотворения, – то эта изнанка ее страданий, более тайная, чем лицевая сторона, – она и оказывается настоящим светом и миротворчеством:

Пела и на клиросе,
и под небесами,
как звезда, светила
в деревянном храме.
Обходя без усталы
городок-пустыню,
площади и улицы
все перекрестила.
Все согреть старалась
каменное ложе
Ксения Петербургская –
тайная надежда. (с. 114–115).

Под небесами – это и ночь на строительстве, страдание подвижницы, но и под куполом небес, где все видят звезду как икону, как указание на спасительное в мире, на торжественное явление благословений. Малый мир, мир пустынного и холодного города – это мир наших выяснений отношений: что мое, а что твое. А третье лицо Ксении – это и есть икона, которая придает житейному рассказу незаметную торжественность; и отношения уже не выясняются, а есть только ясность уже воспринятого чувства.

Библейские мотивы появляются еще в ранних стихах Игнатовой, и ее разработка библейских сцен была значима для Ольги Седаковой, ее «Легенд» книг «Строгие мотивы» и «Дикий шиповник». Конечно, было и общее вдохновение, в частности, выход в 1968 году русского перевода романа Т. Манна «Иосиф и его братья», где не-статусность, не-сценичность библейских героев, не способных к классическим героическим и патетическим жестам впервые была обоснована как необходимая часть их роста, окликанья свыше, поэтапной гуманизации их системы чувств. Но поэтика Седаковой совсем другая, чем у Игнатовой: это поэтика поступка, обозначенного книжным жанром, таким как «легенда»: воле Творца, создающего «ранящий сад мироздания», отвечает столь же неотменимая воля быть во взгляде Творца, быть внутри этой милости. Это опыт сверхчувственности, когда та же гравитация не просто переживается, а определяет, когда ты исчезаешь из любимого взгляда, а когда остаешься в страшной ситуации спасения.

В этом смысле поэтика Седаковой чужда привязке чувств к органам тела: видеть можно словами, а пережить гравитацию в перелистывании страниц. У Игнатовой побеждает *противоположное* движение: нужно ограничить чувство каким-то одним органом, например, кожей, чувствующей тепло, и тогда другие органы не будут диктовать свою слишком земную и потому чуждую поэзии волю. Обе поэтики напоминают идею «тела без органов» Жюль Делёза – органы с их смутой чувств делают человека зависимым от обстоятельств и предрассудков, тогда как чистая жертва возможна только всем телом, всем своим существом, о настоящем строении которого мы никогда до конца не догадаемся. Мы знаем только номадность (кочевничество), постоянную изменчивость тела и его настроений. Образ тела без органов – гротескное яйцо Сальвадора Дали.

Но Седакова работает со средневековыми жанрами, тогда как Игнатова ограничивается, вероятно, намеренно, жанрами Нового и Новейшего времени. Вот ее образ Золотого века, пушкинской эпохи:

Как свеча горела горячо
и чернила пахли винно,
Муза белоснежное плечо
прикрывала пелериной.
Но грустил поэт – ему потом
в бронзе исказиться,
и глядел тисненый золоченый том
исподлобья молодым телком,
и звенела льдом бессмертная страница. (с. 134)

Пользуясь терминологией Останина и Кобака, это *радуга, пронизанная молниями*. Мы чувствуем кожей тепло, носом чувствуем запах пушкинских чернил и всё пушкинское вдохновение. Как и положено в эпоху радуги, отдельный символ, вроде чернильницы – это открытие целого мира, целой среды. Но при этом конфликт в стихотворении, пушкинская меланхолия и золотой запас жанров, говорит, что происходит на самом деле. Бессмертная страница становится сверхчувствительной и делает нас чувствительнее, это преобразование вещи, ее олицетворение, наделение ее взглядом – скорее из мира молнии, а не радуги, когда вещь вдруг заявляет, что она теперь – формула всех наших мыслей.

Такой «молнии» нет ни у Седаковой, у которой пушкинская чувствительность – это урок для русской культуры и русской культуры, а не наблюдаемый здесь и сейчас эффект, ни у кого-либо еще из поэтов «второй культуры». Но здесь эта молния необходима просто для того, чтобы перейти от отдельных включений отдельных чувств к рассказу, вообще к сюжету, к романности в широком смысле. Следующим идет стихотворение о Серебряном веке, ахматовское, в котором церковность Ахматовой, почти крестный ход ее жизни, своеобразная судьба боярыни Морозовой и покровительницы сирот – и есть ее шестое чувство, а эпос – это «выжимка бессонниц» ее опыта. Это уже не изнанка подвига Ксении Петербургской, а изнанка голоса, который прежде нас окликал, напоминая о произошедшем, но теперь окликает к поступку:

...хранили тебя, как изваяние боли,
в коммунальных щелях, разгородках дворцовых комнат,
сундучок твой и зеркало в бедной раме
несли за тобой, как иные – церковную утварь.
Полуслепые, в рваных шубах, в расклевах
свинцовых времен они, бобыли и вдовы,
крестники муз, сироты века золотого,
обступали тебя, вели, берегли, хранили.
Кто выбывал – исчез, кто входил – остался,
лучшей наградой был твой бессонный голос
(из-под тяжелых век этот взгляд тяжелый _
о чрезвычайках, о запредельной боли,
о поте кровавом, который горел на рельсах
после составов ночных в тайгу и тундру (с. 134–135)

Не будем сейчас говорить о различных полуцитатах, и есть ли в слове «бобыли» как определении сирот указание на Дмитрия Бобышева как, вероятно, наиболее близкого по поэтике из

«ахматовских сирот» поэта для Игнатовой – поэта, всякий раз отказывающегося от излишней театральности ради достоверного очерка, самостоятельно формирующего свои жанровые параметры. Бобышев никогда не двигается на инерции жанра или перформанса, в чём нет ничего дурного – просто надо отмечать общие свойства поэтов для лучшей филологической картографии поэтической жизни последнего полувека. Скажем о другом.

По сути, Игнатова производит в этом стихотворении переключение от окликанья-1 к окликанью-2. Окликание-1, интерпелляция в терминологии Луи Альтюссера, это не что иное, как формирование подвластного субъекта: «предъявите документы» – и в этот момент человек окликается окликнут идеологией порядка и сформирован как субъект именно этого порядка, а не другого. Но окликание-2 – это что-то вроде той миссии Апостола Павла, о которой писали Ален Бадью и Джорджо Агамбен: призванность, которая освобождает от гнева просто потому, что гнев делает тебя пленником своего же образа времени, вроде «время было такое», «можно было только так» и «так надо было». Эсхатологический универсализм можно приобрести, только выйдя из этого плена. Здесь эсхатологический универсализм, конечно, представлен как буквальная жертва, как запах крови.

В конце концов, сама Игнатова многое сказала о своей поэтике, определив начало «молнии» как любовь, а начало «радуги» – как жалость в совершенно афористическом стихотворении, не менее емком, чем «Пробочка» Ходасевича с ее наблюдательностью или «Свеча» молодого Арсения Тарковского с ее нежностью:

Любовь и жалость так переплелись:
одна летит вперед, другая тянет вниз.
Одна сожжет в ночи, сверкает, как шутиха,
другая – «он умрет...» твердит и плачет тихо.

Событие в его яркости – это настоящее жертвоприношение. Но и мистическое переживание, вхождение внутрь мистерии жизни – единственный способ оплакать человека, и других способов строгая поэзия Игнатовой нам не отводит и не оставляет. Напоказ в ней ничего не делается, всё за кулисами. За кулисами мы и разрыдаемся. Слезы после прочтения книги избранного мы чувствуем не меньше, чем дух эпохи.

Георгий КРЮЧКОВ

EV BIZIM SIRR BIZIM – ДОМ НАШ,
СЕКРЕТ НАШ

Егана Джаббарова. Руки женщин моей семьи были не для письма. – М.: No Kidding Press, 2023. – 128 с. – (Серия Оксаны Васякиной).

Если вы следите за актуальным русскоязычным литературным процессом, то наверняка встречались с текстами поэтессы Еганы Джаббаровой. Многие знают ее как представительницу деколониальной поэзии, выпустившую три стихотворных сборника, исследовательницу, кандидатку филологических наук, участницу творческих лабораторий. Тексты Еганы попадали в лонг- и шорт-листы премии Аркадия Драгомощенко, она получила премию «Поэтический дебют» журнала «Новая Юность» (2016).

В конце 2023 года в издательстве «No Kidding Press» вышла дебютная прозаическая книга Джаббаровой. Это издательство известно автобиографическими, экспериментальными и нон-фикшн текстами, в основном написанными женщинами. За пять лет работы «No Kidding Press» выпустило несколько десятков книг, многие из которых стали открытиями. Книга Еганы вошла в кураторскую серию Оксаны Васякиной, одну из главных представительниц современного российского автофикшена.

На изящной фиолетовой обложке с птицами и цветами читаем красноречивое название: «Руки женщин моей семьи были не для письма».

20-е годы нашего столетия – время широкой дискуссии вокруг автофикшена, обретающего полноценную легитимность. В то время, когда на одних площадках его с опаской поругивают, предрекая чуть ли не скорую смерть художественной литературы, другие медиаресурсы называют этот жанр главным в прошлом году.

Упреки автофикшену обычно сосредоточены вокруг сужения «функции литературы», «нехватки интеллектуализма», отсутствия «художественности». Защитники же автофикшена подчеркивают важность эмпатического восприятия текстов, поиск альтернативных полижанровых способов письма, уникальность авторской оптики.

Как бы там ни было, моя задача – не в разборе подробностей этой полемики, отдаленно напоминающей давнюю дискуссию о кризисе романа. Интересно обратить внимание на прозаический дебют Еганы Джаббаровой как на возможный ответ критикам, – и как на любопытный пример проверки границ и возможностей автофикшена.

Тем более что произведение уже вызвало ошутимый резонанс.

Определяя жанр текста, можно в духе книг лауреатки Нобелевской премии Анни Эрно (также выходивших в «No Kidding Press») назвать «Руки женщин...» – романом.

Или, вслед за исследовательницей Мадонной Тлостановой, написавшей послесловие, определить его как повесть. Но представляется, что это не столь важно.

Сегодня многие прозаические эго-тексты трудно поддаются подобному означиванию, так как находятся на границе, на стыке привычных жанров и форм. На первый план выходит авторский способ осмысления и описания собственного опыта. И потому произведения автофикшена часто создают свою особую стилистику и форму, сконструированную вокруг истории и рефлексии пишущего.

«Руки женщин...» – это, скорее, фрагментированный рассказ-дорога, который как бы складывается из частей тела героини, субъекта повествования. Джаббарова начинает свой путь с главы «Брови», пишет о руках, ногах, плечах, спине... И завершает рассказ на животе – символе рождения и жизни. Блуждая по тропам своей истории, Егана Джаббарова рассказывает о месте и судьбе женщины в азербайджанской диаспоре и о своем болезненном пути к тому, чтобы об этом заговорить публично.

Наряду с автофикшеном книгу можно отнести и к феминистской, и к деколониальной прозе. Сама Егана, говоря о разнице между постколониальными и деколониальными текстами, отмечала, что «деколониальное же письмо не просто утверждает и констатирует факт травмы, но и преодолевает ее, предлагая читателю новый мир, реконструирующий действительность по иным законам (в отличие от постколониального – Г.К.)¹». Создавая, по выражению Тлостановой, свою «биомиографию», Джаббарова совместила в одном тексте автофикциональную искренность с феминистской прямой и деколониальным мифотворчеством.

Но в своем рассказе Егана не заикливается на себе. Описывая окружение – от родни до соседей – она насыщает текст этнографическими подробностями жизни целой общности. Фрагменты, посвященные мусульманским традициям и обрядам, патриархальным устоям и домашнему насилию, – по цепочке связывают историю семьи автогероини с историями других людей. Но в языке, интонации и манере повествования слышится эхо модернистского, классического художественного письма с метафорами, повторами, описаниями природы. Таким образом, книга «Руки женщин...» становится орнаментом, собранным из разнообразных литературных практик, органично сосуществующих в теле одного текста.

Джаббарова нарушает линейность повествования, разбивая его на фрагменты. Такая структура позволяет сфокусироваться на каждой главе, на каждой части тела. Фрагменты текста сшиваются в единую метафорическую «карту». Собственно, телесность как способ организации литературного произведения имеет множество примеров в поэзии и прозе. В том же 2023-м году SOYAPRESS переиздало эмигрантский роман Екатерины Бакуниной «Тело», который уже в 30-е годы прошлого века связал тяготы жизни на чужбине с телесными изменениями. Однако если Бакунина в своей книге попыталась запечатлеть образ

целого поколения, описывая себя через других, то Егана, следуя традиции автофикшена, наоборот отражает системное через личное. Тело у Джаббаровой не просто способ письма или, по выражению Тлостановой, «постструктуралистская игра». Тело здесь – и прием в построении текста, и коммуникативный медиум с читателем, и своеобразный символический каркас.

Сформулированный Филиппом Леженом в 70-е годы принцип автобиографического пакета, позволяющего читателю верить автору и идентифицировать его образ с рассказчиком, в книге Еганы срабатывает с первых же страниц. Открывает текст глава, обращенная к самой выразительной части тела – лицу, и к одной из самых ярких его черт – бровям. Такое приближение позволяет визуализировать образ и героини, и самой Еганы, не отделяя их друг от друга.

Дистанция между читателем и Еганой сокращается еще сильнее благодаря доверительно расставленным авторским сноском. С их помощью Джаббарова заботливо расшифровывает медицинские термины, фразы на азербайджанском языке, названия элементов мусульманской культуры и многое другое.

Важным мотивом книги становится проблема «чужого». Да, сегодня на улицах российских городов вряд ли встретишь толпу националистов, вооруженных битами. Но описанные рассказчицей страшные эпизоды неприятия «не своих» из 1990-х и нулевых годов, вполне могут быть знакомы многим читателям. Тем более что ксенофобия, расизм и ненависть не покинули общество и в наши дни. Чужая для русских одноклассниц и азербайджанских родственниц, чужая для женщин и для мужчин, автогероиня книги находит свое место в письме.

Другой ключевой мотив текста связывает промежуточные остановочные пункты рассказа-пути Еганы. Автогероиня переживает редкое мучительное заболевание – дистонию, парализующую базовые способности человека. Сквозь книгу, как некий стержень, проходит болезнь, которую рассказчице удалось приручить с помощью медицинского электронного устройства, вживленного в тело. Врачи вернули ей возможность говорить и писать и позволили тексту появиться на свет.

¹ Преодолеть травму и ворваться в новый мир: что такое деколониальная поэзия и кто занимается ею в России – статья Еганы Джаббаровой для журнала «Нож» (<https://knife.media/decolonial-poetry>).

Рассказчица практически не называет имен, только однажды свое: *ueganə* – *единственная* (азерб.). Вместо них она использует родственные связи: «мать моего отца», «мать моей матери», «мать матери отца». Тем самым Егана обозначает типичность и повсеместность описанных судеб и соединяет их друг с другом. Текст направлен против патриархального запрета диаспоры: «руки женщины не должны пустовать и не должны писать». Джаббарова не говорит полушепотом, как вынуждены ее героини. Она словно бы садится рядом с читателем и методично, но эмоционально доверяет ему тело-повествование, состоящее из частей-глав. Холст, на котором годами создавался человек, заключает в себе переплетенные воспоминания и истории, собранные Еганой: «Писать означало разрывать кожу, вырывать куски собственного тела без всякого обезболивающего, чтобы населить ими чужое воображение».

В чем же задача такого письма? Оксана Васякина часто задает писателям и писательницам схожий вопрос: «Зачем ты пишешь?»¹. В ее серии для «No Kidding Press» четко сформулированная авторская цель – ключ к восприятию текста. Осмыслить связь тела с историей рода, описать преодоление его боли и увечий, прокричать о страданиях многих и многих женщин – вероятно, главная духовная и художественная задача Еганы:

«Я носила платки, потому что этого требовала мать, она боялась, что люди увидят мою изувеченную голову, увидят семь шрамов, смазанных зеленкой, металлические скобы, удерживающие части скальпа; ей казалось, что мир не должен знать, что я больна. <...> Отрицая свое тело, я отрицала вместе с ним пласт исторического и культурного наследия, не принимая собственную конечность, я не признавала вечной связи своего тела с телами других женщин. Мне хотелось наконец разорвать порочный круг расплаты, открыть наши плотно зашитые рты, чтобы крикнуть о своем существовании и существовании матерей, бабушек, сестер, подруг. Хватит держать друг друга за

горло мертвецкой хваткой страха: а что, если кто-то увидит, а что, если кто-то узнает, а что скажут люди, что подумают твои родственники, что сделает твой отец, когда узнает, – прочная цепь ужаса годами держала нас за горло, душила, как меня душила дистония».

Егана завершает книгу страшным открытием. Ужасный опыт насилия со стороны отца, перенесенный матерью автогероини, оказался причиной болезни рассказчицы: «...врачи предположили, что дистония развилась в ходе гипоксии головного мозга при рождении. Так, ярость отца, в очередной раз левой вылившаяся на тело матери, спровоцировала рождение ребенка, не способного дышать самостоятельно, это повредило его мозг и навсегда искалечило тело».

На самых последних страницах Егана Джаббарова вспоминает традиционную азербайджанскую колыбельную, которую пела ее мама, еще ничего не зная о страшном диагнозе. Слова азербайджанской колыбельной перемешаются с переводом на русский и дописанными курсивом авторскими строками, переворачивающими нежное содержание. Ласковый напев перерастает в трагические строфы, вновь напоминая о страхе и несвободе. Колыбельная создает пугающий, трагический эффект: кажется, что человечеству никогда не победить ту несправедливость, что долгие годы управляет патриархальным обществом.

Но при этом, несмотря на видимую безысходность, книга «Руки женщин...» – как жест и событие – становится способом эту несправедливость пошатнуть.

Любовь рассказчицы к миру и людям, болезненная любовь *вопреки*, все же находит свое особое место в теле книги. В главе «Спина» Джаббарова пишет о дедушке, которому вместе с биби (сестрой отца) она и посвятила свой текст. Дедушка часто целовал рассказчицу прямо в родинку между лопаток, называя ее «печатью пророка». С этим поцелуем он передал героине – главное: «любовь как способность читать чужие тела, видеть доброе в обыкновенном, светлое в темном».

И если внимательно читать «Руки женщин...», то нельзя не заметить, что эту способность Егана пронесла через испытания и сохранила.

¹ Сайт издательства «No Kidding Press» – кураторская серия Оксаны Васякиной (<https://no-kidding.ru/subscription>).

В одном из своих эссе Оксана Васякина призывает читателя к щедрости, чтобы «вместить в себя истории и принципы мышления других, дополнить нашу память»¹.

Читая первую прозаическую книгу Еганы Джаббаровоной, мы можем приоткрыть свою собственную душу и впустить туда историю незнакомого (как нам поначалу кажется) – человека. Тогда мы разделим его горе и редкую радость, постоянную боль и облегчение, страх и смелость. И этот замечательный текст сумеет поколебать известную и опасную заповедь: «*ev bizim sirt bizim – дом наш, секрет наш*» (азерб.).

Александр МАРКОВ

ФИЛОСОФИЯ АФФЕКТА И СИБИРСКИЙ РОК

Макс Батурин. Гений офигений. – М.: Выргород, 2024. – 242 с. – (Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить»).

В серии поэтов антологии «Уйти. Остаться. Жить» это уже шестой выпуск, после собраний Владимира Поletaева, Михаила Фельдмана, Алексея Сомова, Гоши Буренина, Леонида Шевченко. Концепция остается единой: познакомить читателей с поэтами, безвременно погибшими, обычно рано начавшими, имевшими свой круг творческих взаимодействий, собственных читателей, своих собеседников и единомышленников. Серия прежде всего преодолевает географические границы: герой представляется не столько как *genius loci*, выражающий в своих стихах судьбу своего города и края, сколько как тот, чье письмо может коснуться всего мира русской поэзии.

Это меньше всего означает удачное следование каким-то тенденциям в русской или мировой поэзии: наоборот, скорее, требовалась *радикализация решений*, которые могут в узкой временной перспективе оцениваться как удачные или неудачные. Но задача серии – со-

здать более широкую перспективу, в которой определенный эстетический радикализм любого автора, на разных уровнях, от фонетики и графики до публичного поведения, оказывается необходим просто для заявления новейшей русской поэзии о себе.

Из предисловия Андрея Филимонова² мы узнаем о томском поэте Максе Батурине (1965–1997) очень много. Это предисловие – последовательное опровержение мифа о безалаберности гения, выросшего в эпоху безвременья. Напротив, Макс Батурин, при всех его увлечениях, эскападах и розыгрышах, был сверхдисциплинирован. Он не мог быть просто редактором, он должен был становиться активистом литературы, ее создателем. Его спор с ведущими рокерами на равных, его совершенно необычные принципы публикации себя, далекие и от норм официального книгоиздания, и от норм самиздата – продолжение такой самодисциплины, напоминающей о русском модерне.

Но и его сложная семейная жизнь, любовь к жене, ребенку, увлечения и ссоры – всё это меньше всего характеристика «семидесятника» или «восьмидесятника». Мы не найдем среди характеров фильмов того времени никого похожего на Макса Батурина. В нем не было робости или грубой зависимости от случайно взятых обязательств перед родственниками. Он не мог остаться только разнорабочим, семьянином, душой компании. Он всякий раз превосходил это, становясь певцом работы, семьи, друзей, *гимнографом*, высоким поэтом мысли.

Его отношение к миру людей было одновременно конструктивным и сакральным. Он пересоздавал мир, частью которого он уже быть не может – расставшись с прежними иллюзиями или прежней рутинной, он мог только напоминать миру, что время от времени простое *приветствие* может совершить в мире людей больше, чем долгое выяснение отношений. Но также, уходя от себя прежнего, он оказывался в том лабиринте, из которого только ритмическая встреча с собой, регулярное, дисциплинированное обращение к себе, и может

¹ О полете мотылька, метаболизме земли и щедрости – эссе писательницы Оксаны Васякиной для Settlers Media, – <https://www.settlers.media/post/opolete-motylyka-metabolizme-zemli-i-shchedrosti>

² Включен Минюстом РФ в список лиц, выполняющих функцию иностранного агента.

дать выход мысли из лабиринта чувств.

В собрание «Гений офигений» включены семь авторских книг, продуманных в чем-то как рок-альбомы, а в чем-то – как собрания писем, быстрый отчет о только что произошедшем, о только что испытанном аффекте. В случае Батурина надо говорить не о лирических эмоциях, а именно об *аффектах*, как *разумных реакциях*, приведении себя в чувство, которое при этом не может удержать сильное переживание – и это переживание может быть покорено уже строгой стиховой формой. Все свойства русского рока в его поэзии, от экзистенциального отчаяния до громкого ерничества, вторичны в сравнении с этой начальной структурой аффекта.

Уже в стихах первой по порядку включения в этот том книги мы видим, как формируется такая структура аффекта:

Капает молча вода
в уединении кухни.
Лампы напротив потухли,
с крыши упала звезда.

Нынче всё так, как всегда:
рыбы в консервах протухли,
а за окном провода
хором выводят: «Эй, ухнем!».

С жиру мы, с жиру мы пухнем...
Станет нам пухом вода. (с. 22)

При всех блоковских или рок-цитатах в стихах 1980-х годов, они отличаются от символизма и рок-поэзии тем, что в центре – адресат, а не адресант. Этот адресат не условный, как в символизме, унаследовавшем романтических Друга, Музу или Любовь, – но напротив, сконструированный, отчасти автобиографический, когда в этом «мы» объединены голод юности, мысли о смерти, тяжелый труд. То, что Блок говорил от лица «я», то проговаривается у Макса Батурина как часть мира адресата. Стихи, адресованные современникам, начиная со стихов жене, это стихи метафизические, смотрящие на общие законы мира, а не на ситуацию текущих отношений. Поэтому в конце концов мир Батурина создает изобретенного адресата, который и есть вместилище сильных пережи-

ваний, – а возможность к нему обращаться, до конца выдерживая стиховую форму, и есть покорение аффекта. Это в чем-то очень рациональная деятельность, но всегда продуманная.

Субъект, наоборот, в стихах всегда дробится. Из рок-поэзии чем дальше, тем больше берутся не цитаты, а жизненные и даже физиологические пласты переживаний. Кофеомолка может оказаться символом измолотой жизни, а городские и загородные пейзажи с пионерскими лагерями – символом суровой промышленной измолотости жизни:

Прогулка вдоль пионерских лагерей
это непрерывное ощущение тебя
твоих глаз твоих рук твоих губ
твоего напряжённого движением тела
осторожное ликование от близости к тебе
и всему что могло быть всего лишь
вспоминанием или фильмом
но никак не мечтой (с. 39)

Субъект, адресат, постоянно утверждает себя, не просто жестами, но особыми импульсами, ликованием, дрожью пленки и рельефностью воспоминаний. За этими стихами, напоминающими всю рок-поэзию сразу, стоит особая метафизика чуда. Чудо *линейно*, оно соединяет измолотую жизнь в целое тело, требует сосредоточиться на глазах, руках, губах, увидеть видимое и почувствовать чувствуемое. Слепцы прозревают, хромы начинают ходить – это чудо. Но разговор *в лирическом жанровом спектре* всегда цикличен, он всегда имеет в виду ритм, повторения, модальности, допущения, это всегда вращение речи вокруг модальностей и намерений. Поэзия Макса Батурина постоянно пытается преодолеть эту антиномию между однонаправленностью чуда и таким кружением привычных высказываний.

Самый простой способ преодоления – *гlossa*, краткая цитата, которой может стать «аптека» Блока или какое-то еще слово. Это не цитата, настраивающая на лирический лад, но это школа реплик, когда высказывание на стороне адресанта кружится, но на стороне адресата уже покорило аффект и сказало о том, что твердо для себя и для всех решил адресат. Пример гlossы из Маяковского:

Из опьянённых бензином потёмков
я выползаю на лестничный марш
нате берите для хилых потомков
крутите оздоровительный фарш

нате струите в глаза мои фосфор
нате трубите в ноздрю про Ла-Манш
монографии про Иеронимуса Босха
отнимайте для столетних мамаш (с. 127)

Риторика Маяковского узнается сразу, а вместе с ней узнается навязчивая глосса «Нате», название стихотворения. Это усиленное двойное узнавание, подкрепленное отсутствием спотыкающей пунктуации, как раз и создает особую адресацию: обличаемые Маяковским обыватели сами уже перемолоты на фарш, сами оказались внутри фарса и внутри босховского гротеска. Поэтому эмоциональное переживание может быть только другим, устойчивым аффектом, делать зрение светящим как фары, фосфорным, соединяющим «мамаш» и поколения через сто лет. Это не может сделать адресант, потому что его высказывания будут сразу встроены в какой-то стиль читателем: а, это символизм, а, это футуризм. Но это может сделать адресат, который «отнимает» у себя возможность говорить с потомками, чтобы поговорить с предшественниками, за лирического героя, вместо него. Такая сложная петля аффекта, захватившая современность, но вышедшая за ее края, и работает как основа поэзии Макса Батурина.

Замечательно, что Макс Батурин, о чем сказано в предисловии, смотрел телевизор, знал советские мультфильмы. Например, «наглое собако» из стихотворения, датированного 15 февраля 1983 года – явная отсылка к песне «бандито-гангстерито» из мультфильма про Капитана Врунгеля, как раз на зимние каникулы 1983 года второй раз показанного по центральному телевидению. То есть каникулы, мультфильм, странный язык и странные аффекты сошлись в воспоминании, размышлении о зиме как об образе хищного голодного времени.

Мало кто из поэтов так легко, в нескольких словах, возвращал переживание природы себе, просто опираясь на бытовую и телевизионную речь, вдруг оказывающуюся на полях, на краю

языка или даже воображаемого иностранного языка, итальянского. Маргинализация телевидения внимательным поэтическим строем и требовала принять картинку природы как лирическую, и как раз здесь будет интересно провести параллели между Максом Батуриным и другими независимыми писателями и поэтами – вспомнив, как обращается с маргиналиями официальной речи «Школа для дураков» Саши Соколова или как Венедикт Ерофеев любил в жизни вести дневники погоды.

В поэзии Макса Батурина не только аффект достигается стиховой формой и берется в плен, но и любая психология достигается физиологией. Что в мире стиха продуманно, то в мире окружающем отвратительно, даже тошнотворно:

О азиатская грация степи
зуд вертикальных домов в перепонках
голые головы голуби дети
оцепененье от радости звонкой

варикозное расширение ванн
слоуфокс проржавелого душа
грязные цепи весёлый диван
сделали меланхолической тушей (с. 135)

Начинается всё с переживания эстетических отношений, цветов, линий и форм, а заканчивается тем, что мир устроен из отвратительного. По сути, Макс Батурин выступает как своеобразный постмодернист, критикуя позднесоветский неомодернистский культ культуры, с дефицитными альбомами и пластинками. Этот культ никогда не совпадает с высокой стиховой формой, где нужны пробелы, оцепенение, а не постоянное потребление культуры. Всякий раз описание, чувственное и прочувствованное, сменяется в поэзии Макса Батурина каким-то отвратительным карнавалом:

Всё в ожидании сентября и налим
выставив рожу из вод утомлённо мигает

всё в ожидании сентября и дурак
пальцами лижет сапог в уценённых
товарах (с. 137)

С точки зрения исторической, это отражение к социальной реальности – вовсе не эскапизм, а результат апроприации театра развлекательным кинематографом, теми самыми старыми добрыми советскими комедиями. При всем блеске некоторых позднесоветских театров, из-за этой апроприации сама идея *театрификации* была утрачена, линейное потребление эмоций заменяло театральным взрыв, требующий иначе посмотреть на привычное.

Макс Батурич – один из первых русских постдраматических поэтов, этой настоящей театрификации современности. Прощаясь с Лениным, он встречается с Ленноном (с. 181), и это образцовый постдраматический спектакль, если прочесть стихотворение вслух и мысленно ввести в него не только адресата и адресанта, но и обычных советских людей, и участников рок-фестивалей, покойных и живых:

Будем как Леннон

С наступлением вечера пришла печаль
окна стали голубыми и тротуары
я неподвижно видел изнутри
идущих мимо радостных спокойных
я видел небо сидя у окна
совсем немного неба меж домами
какой-то голубь и ещё один
сквозь этот сектор молча пролетели

всё темнеющая атмосфера лелеяла грусть
недостижимость идеала лелеяла горечь
не мог я двинуться вослед тебе
догнать тебя и быть с тобой не мог

я понял нет гармонии для всех
невозможность всемирного счастья
очевидна
но есть нечто более важное чем счастье
сказал Тарковский

я не верю в бога как покойный Андрей
и я знаю он мне не помощник увы
я никогда не смирюсь с тем что
Леннон мёртв
и всё начавшееся имеет конец

30 апреля 1989

Сергей ФИНОГИН

ОТ УКОЛА К ОСАДЕ

**Александр Скидан. В самое вот самое
сюда: Стихи 2020–2023. – СПб.: Издательство
Ивана Лимбаха, 2024. – 160 с.**

Предваряя рассуждения об этой книге, нужно сказать, что в ней присутствует некоторая межа, которая называется «24 февраля» и которая отделяет один тип поэтики от другого. При этом в стихах, написанных «до», задействованы очень разные способы письма, их едва ли возможно подвести под общее понятие, как и в стихах «после» присутствуют существенные различия в поэтических инструментах; тем не менее мы возьмемся проследить некоторые трансформации письма из одной эпохи в другую.

Наиболее конститутивной чертой стихов, написанных с 2018 года (с книги «Контаминация») до стихов февраля 2022-го, является то, что мы назовем «юмором висельника». Это касается текстов «папа умер мама умер...», «я квиру постелил с народом своему...», «вбегает мертвый господин...» и других. Зигмунд Фрейд в статье «Юмор» пишет, что юмор висельника основан на том, что читателя/слушателя ситуация/контекст готовят к тому, что в этом месте должно быть некоторое длинное тяжелое трагическое содержание, а вместо него перед воспринимающим возникает короткая хлесткая фраза, как будто бы вся объемность ситуации сгущается в точку, и эта точка в виде фразы провоцирует в читателе разрядку – силы, которые должны были быть потрачены на восприятие трагического и объемного, разряжаются ввиду смеха, улыбки или просто переживания смешного. Также этот юмор сопровождается приятным подъемом жизненных сил, ибо самим своим возникновением он сообщает, что существует универсальный способ оградить человека от трагического, способ дать ему возможность присутствовать при трагическом и не страдать, как будто принцип удовольствия может обосноваться в любом, самом беспросветном и депрессивном, содержании. И, казалось бы, стихи Александра Скидана в

обсуждаемую нами эпоху обладают всеми признаками такого юмора. С другой стороны, в указанной краткости, экономии, в предельном сгущении смысла, когда происходит усечение буквенного объема и пропорциональное ему увеличение объема коннотаций, по соседству с юмором проглядывает еще некоторый аспект, который рискуем назвать мировоззренческим. Краткость, экономия, лаконичность оппонируют многословию, культурному дискурсу, каковому свойственно ветвление и разрастание по самой его природе. На контрасте с краткостью это культурное выставляется как фальшиво-избыточное, коррумпированное своими собственным претензиями, каковые претензии через краткость и некоторое опрощение реализуются как бы в обход. Поэтому в краткости, а также в тавтологических рифмах, в задействовании низких, частушечных форм присутствует некоторая воинственность, эти формы несут в себе смутную коннотацию вынесения приговора.

Однако есть еще один момент. Мы говорили о преодолении трагического, но в этих стихах как будто есть не столько его преодоление, сколько игнорирование собственного отношения к трагическому, зачеркивание психологическо-эмоционального отношения к нему. Ерническое и саркастическое словно бы выдавливают субъекта с его чувствами из стихов, делают их радикально анти-лирическими, субъект в них присутствует в модусе отсутствия, но это не бессубъектная поэтика, это поэтика, в которой являет себя сам механизм устранения субъекта, что придает им идеологический смысл – воинственное отношение к мейнстриму, предписывающему субъекту ставить свое психологическое «я» в центр внимания.

В этих стихах работают три типа отрицания. Первое – трагическое в мире, отрицающее как бы саму жизнь, что провоцирует второе отрицание: трагическое чувство внутри субъекта, отрицающее его самого (это чувство присутствует в стихах в модусе отсутствия); в ответ на это чувство возникает его отрицание, оно профанируется, субверсируется поэтическими инструментами – экономией букв, краткостью, сарказмом, виртуозностью обра-

ния с языком и культурными референциями. В результате игры этих отрицаний появляются поэтические тексты-существа: автономные от психологического «я», проваливающиеся внутрь себя и ошетинившиеся вовне.

Для того чтобы нащупать переход от указанного типа поэтики к следующему, нужно задействовать то, что условно назовем психофизикой стиха. Речь о некоторой жестово-пространственной механике, которая в стихе создается. Для стихов «до 24 февраля» характерно векторное движение; серия выпадов, приводящая к точному уколу, ему соответствует фразировка в конце некоторых стихотворений, в общем, в них действует фехтовальная жестикуляция. Для стихов «после» характерно скорее кружение вокруг. «Я мыслю кругами, потому что именно так можно увидеть центр», – говорил Мартин Хайдеггер в одной из лекций. Подобно этому устроены многие стихи «после 24 февраля», например, с рефреном «не говори с тоской... но с благодарностью...» и с рефреном «<сделать> то же самое что <сделать> другое». В них ведется некоторая тяжба о целостности тождеств и разделенности различий, о мере отдаленности и близости, о существенности оппозиции при ситуации, которая присутствует, но не называется, и которая перестроила и обесмыслила порядок, расстановку, антагонизмы, составлявшие – и продолжающие делать вид, что составляют – плоть реальности. Эта таксономия сущего, выстраивающаяся в некоторое эстафетное кружение, предполагает, но не называет тот центр, который и так понятно, что собой представляет. И еще задействованная здесь логика напоминает то, как Джорджо Агамбен в книге «Оставшееся время» комментирует строчки апостола Павла «имеющие жен как не имеющие, плачущие как не плачущие, покупающие как не владеющие» и т.д. – здесь дезактивируются социальные роли и фундаментальные экзистенциалы, люди продолжают делать то же, что они делали, однако это уже не имеет значения: время после Вознесения и перед Вторым пришествием обесмысливает строительные материалы реальности и обращает людей к тому, что случилось, и к тому, что грядет. Сущее снимается со своих мест и оказывается в подвешенном состоянии.

В стихотворении «люди обедают только обедают...», где речь идет о треснувшей чашке или тарелке, цитируется эссе Фрэнсиса Скотта Фицджеральда о его алкоголизме «Трещина» (или, в другом переводе, «Крушение»). В нем он пишет, что много лет пил кофе из чашки с трещиной, однажды взял ее в руку – и она развалилась. То есть происходили какие-то не замечаемые и не действующие микро-накопления изменений в этой трещине, которые в итоге привели к разрушению чашки. Стихотворение Александра Скидана стремится вклиниться в структуры трещины в чашке (представляющей метафорой реальности, в которой мы оказались), трещины, проходящей по тому месту, что не замечали ни одна идеология и теория, трещины, каковая обретается в недоступном для языка месте и, пользуясь строчками из другого стихотворения, отсылающими к строчкам Осипа Мандельштама из «Ламарка», своим проломом «сильнее ваших и наших». Остроту ситуации придает то, что, поскольку эта трещина не имеет названия, она не может быть предметом репрезентации и ясного ее осознания. Поэтому в орбите катастрофы, которую она породила, действуют уже не люди, хотя они не подозревают о том, что лишились этого статуса, и как бы продолжают соответ-

ствовать моральным, гражданским, частным признакам человечности. Понятие «люди» тут надо понимать не в биосоциальном смысле, а в смысле Человека как секулярного христианина, созданного эпохой Просвещения, который провалил испытание – и сделал это потому, что устройство реальности предполагает, что есть то, куда он не может дотянуться и что не в его власти, тем не менее это обстоятельство его не оправдывает, ибо моральный долг покрывает собой всю реальность.

Среди текстов, написанных «после 24 февраля», есть стихи о любви и о счастье, одно из них соответствует круговому движению даже в большей степени, чем обсуждаемые выше с рефренами; это стихи, начинающиеся со строчки «перепишу красное вино для тебя». Основной оператор здесь – это слово «перепишу» в значении письма, в значении преобразования и в финале в смысле нотариально заверенного права наследования. Здесь осуществляется сказание о принесении вина, дня, стакана – в дар, переносе их из области профанного в область любовного, впускания их в экономику Двоицы, в которой индивидуальности опьяненно осыпаются, и их элементы, заверенные пристежкой из архетипа виноградной лозы, вращаются вокруг собственного центра.

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (*документальные исследования*): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 16 июня 2024 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.